Илья Шатуновский

НАРЦИСС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Очерки, рассказы, фельетоны

Секунды длиннее годов

Чуткость по алфавиту

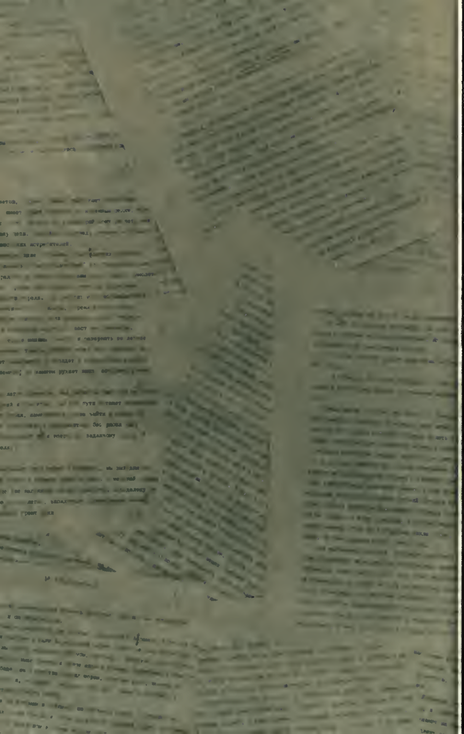
Концерт без фортепьяно

Дорога в рай и обратно

Из дальних странствий

Мои учителя, мои товарищи

Издательство «Правда»

Илья
Шатуновский

НАРЦИСС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

И. Шамшин

Илья
Шатуновский

НАРЦИСС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Очерки, рассказы, фельетоны

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983

Ответственные редакторы
Н. Воробьев, А. Суконцев

Ш 28 **Шатуновский И. М.**

Нарцисс спешит на свидание (Отв. ред. Н. Воробьев, А. Суконцев. — М.: Правда, 1983. — 496 с.

Известный советский писатель-сатирик, редактор газеты «Правда» по отделу фельетонов Илья Шатуновский выпускает свою новую книгу «Нарцисс спешит на свидание».

В эту книгу наряду с его лучшими фельетонами включены военные рассказы и очерки, а также воспоминания и зарисовки о видных советских журналистах и писателях, работавших в разные годы в «Правде».

Ш $\frac{4502010000-699}{080(02)-83}$ 699—83 ББК 84Р7
Р2

ОТ АВТОРА

Прежде чем вы откроете первую страничку этой книги, позвольте сказать несколько слов. По счету она у меня двадцатая, в некотором роде юбилейная. Получилось так, что ее выход совпал с другими памятными событиями, имеющими определенное значение лишь для меня лично. Минуло ровно тридцать пять лет, как я переступил порог нашего редакционного здания на московской улице «Правды», тридцать, как я написал свой первый фельетон, и двадцать, как меня назначили редактором «Правды» по отделу фельетонов.

В газете я, однако, публиковал не только фельетоны, и мои товарищи, чьим мнением я дорожу, посоветовали представить в книге и другие жанры, в которых я работаю.

Книга открывается очерками о войне, хотя по хронологии написания их следовало бы отнести в самый конец. Но я сделал иначе: расположил материал по хронологии жизни, моя трудовая книжка открывается записью: «Июль 1941 г.— сентябрь 1945 г. служба в Советской Армии». Да, моя сознательная жизнь началась в солдатской гимнастерке. До этого было детство. Семнадцати лет от роду со школьной парты я ушел в летное училище. В восемнадцать — за несколько часов до выпуска — нас ночью подняли по тревоге, и с винтовками в руках мы заняли оборону в междуречье Воронежа и Дона: летом сорок второго года немцы прорвали Южный фронт.

Потом я вернулся в авиацию. Но тяжелое ранение, полученное в горящих кварталах Воронежа, перечеркнуло мои юношеские мечты. Мне не разрешили летать в передней кабине штурмовика, и, заняв место за крупнокалиберным турельным пулеметом, спиною к летчику, я совершил сто один боевой вылет. Знающие люди скажут, что пройти войну рядовым пехоты и воздушным стрелком на летающем танке — Ил-2 — было не таким уж простым занятием.

Но счастье моих сверстников или, наоборот, беда (кто знает!) были в том, что они слишком рано попали на войну. У них не было таких забот и переживаний, как у тех, кто оставил дома жен, детей. А мамы, что ж, мамы! Кто о них думает в семнадцать лет! Восторженные мальчишки просто не понимали той смертельной опасности, что кралась рядом. Многое — и цветистые в полнеба ракеты, которыми немцы ночью освещали свой передний край, и оранжевые облачка разорвавшихся за хвостом самолета снарядов — казалось мне какой-то увлекательной, озорной игрой.

Серьезные раздумья о пережитом на войне пришли значительно позже, и неведомая сила потянула руку к бумаге, захотелось пережить вновь щемящую боль и светлую радость тех лет, рассказать о боевых друзьях, о товарищах по оружию, с которыми судьба свела уже в мирные дни.

Теперь я хочу сообщить еще об одном памятном для меня событии. Незадолго до того, как эта книга пошла в набор, в «Правде» был напечатан фельетон «Как-нибудь» и «Кое-как», которому суждено было оказаться пятисотым написанным мною фельетоном. К сожалению, я вычислил это чуть позже, иначе не озаглавил бы мой рубежный фельетон, дающий повод оценить всю мою работу, так легкомысленно и рискованно.

Установив, сколько я написал фельетонов, и разнеся лучшие из них по четырем сатирическим и юмористическим разделам книги, я принялся складывать иные цифры. У меня получилось, что двести сорок шесть «героев» моих фельетонов были преданы суду и получили в общей сложности тысячу сто двадцать три года и шесть месяцев тюремного заключения. В свою очередь, мои «герои» восемнадцать раз подавали на меня в суд, и всякий раз я был судом оправдан. Само собою разумеется, что в противном случае эта книга могла и не появиться так скоро.

Конечно, далеко не все, кого я критиковал, принимались сутяжничать и строчить на меня жалобы. Подавляющее большинство поняли свои ошибки, исправились и проявили себя в дальнейшем с хорошей стороны. Чтобы не подвергать их повторному, теперь уже незаслуженному осмеянию, я изменил в тексте их фамилии и адреса.

Последний раздел книги — «Мои учителя, мои товарищи» — о тех, с кем я работал или работаю сейчас. Это дорогие мне люди. Мои учителя были моими товарищами, а мои товарищи — моими учителями, мне очень повезло, я провел многие годы в творческом коллективе, среди прекрасных людей, одаренных яркими талантами.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось сказать вам о моей книге.

Теперь буду с нетерпением ожидать, что скажете о ней вы, дорогие читатели. Вы были и остаетесь тоже моими учителями и моими товарищами, без вас, без ваших писем, сигналов, советов, без вашей дружеской критики я бы не смог сколько-нибудь успешно трудиться в журналистике.

Большое вам спасибо за это.

Секунды
длиннее
годов
ПОБЕДА

ТОТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

На войну меня разбудила мама.

Сквозь сон я услышал ее тревожный голос:

— Вставай, сыночек, война!

Мне показалось, что продолжается сон. Но мама тронула меня за плечо:

— Ну вставай же, война!

Я сел на кровати, протирая глаза и раздумывая, что же делать дальше. Был жаркий ашхабадский день. Ослепительное солнце заливало нашу небольшую комнатку обжигающим пламенем. Под потолком жужжали сварливые мухи. К открытому окну тянулись ветви абрикосового дерева, усыпанные оранжевыми плодами. На улице соседские мальчишки Жорка и Радик пытались стянуть с телеграфных проводов бумажного змея. Вздымая столбы пыли и монотонно звеня колокольчиками, по дороге вышагивал караван верблюдов. На горбу вожатого сидел босой аксакал в высокой бараньей папахе—тельпеке и стеганом красном халате. Ватный барьер спасал его от жары. Аксакал тыкал короткой палкой в шею неторопливого верблюда и больше для порядка, чем для дела, покрикивал:

— К-хе, к-хе...

Все еще не понимая, что случилось, я переспросил:

— Мама, ты сказала: «война»? Как же так война?

Со стены черный бумажный репродуктор, величиною с блюдо, хрипловатым голосом распевал военные песни.

— Передали, что немцы перешли нашу границу в четыре часа утра,—сказала мама.

— В четыре?

Я подумал о том, что Толька Вайнер, Васька Бизяев, Колька Козорезов — ребята, окончившие школу годом раньше и служившие на границе, уже приняли первый бой. А я в четыре возвращался с выпускного вечера. В ушах еще звенела радиола: «Осень. Прозрачное утро.

Небо как-будто в тумане. Вдаль из краев перламутра солнце холодное тает. Где наша первая встреча? Милая, нежная, тайная...»

Я танцевал это танго с Зоей. Она смотрела на меня снизу вверх широкими голубыми глазами. И ждала. А я молчал.

Только что мы играли в почту: посылали друг другу записки шутливые, полусерьезные и совсем серьезные. Старая игра — флирт цветов. Девушки ходили по залу, прикрепив к платьям бирочки из цветной бумаги: «Роза», «Незабудка», «Орхидея», «Магнолия»... Ребята считали, что быть цветами им несолидно даже в этой веселой игре. Они выступали под псевдонимами, грозными, как названия боевых кораблей: «Стальной», «Стремительный», «Смелый».

Почтальоном был Вовка Куклин — «Ходячий Логарифм». Это прозвище он получил недавно. Но еще с младших классов, когда мы не знали таблиц Брадиса, Вовка выделялся своими математическими способностями. Его мир состоял из множества измерений, он знал их наизусть. Полгода назад Вовка вышел победителем городской математической олимпиады и получил рекомендации на физмат Среднеазиатского университета. В Ташкент он поедет, но только не в САГУ, а в пехотное училище имени Ленина. Курсанта Владимира Куклина убьют под Москвой на Волоколамском шоссе. Но это случится еще через пять месяцев...

Ну, а пока почтальон Вовка, посвященный в мою тайну, понес конверт «Незабудке». В конверте лежал акростих, который я сочинял полночи. Не помню сейчас текста, но первые буквы строк составляли фразу «Зоинька, я люблю тебя». Наверное, это были самые лучшие слова, которые я написал в своей жизни. Уж, если не самые лучшие, то, во всяком случае, самые искренние. «Незабудка» догадалась, что это моя работа, и тут же почтальон Вовка принес мне ответ: «Смелый», пригласите меня на танго».

И вот я танцевал с Зоей. «Не уходи, — надрывалась радиола, — тебя я умоляю. Слова любви стократ я повторю. Пусть осень у дверей, я это твердо знаю. Но все ж не уходи, тебе я говорю...»

Я цепенел от теплого присутствия Зои, ощущая на груди ее дыхание. «Ну, что ж ты молчишь, «Смелый»? —

лучились озорными искорками ее глаза.— Ведь я разгадала твою криптограмму. Ну, что ты скажешь мне, «Смелый?»

А на «Смелого», наверное, было больно смотреть. Он съежился, раскис, покраснел, язык его присох к горлу, а сердце стучало так сильно, что казалось вот-вот вырвется из груди и расколется на мелкие осколки.

Помощь пришла неожиданно. Наш классный руководитель преподаватель истории Виктор Григорьевич Спиридонов отвел иголку радиолы, хлопнул в ладоши:

— В танцах объявляется перерыв. Всех просим к столу.

Несмотря на жару, учитель был одет в серый коверкотовый костюм при галстуке, который носили тогда еще немногие.

На столах, расставленных в вестибюле, были разложены домашние пироги и печенья, виноград «дамские пальчики», янтарные персики из поселка Вановского в Фирюзинском ущелье, колотые грецкие орехи, инжир, коричневые ломтики ароматной чарджоуской дыни «гуляби». Отец Артема Саркисова, работник пищеторга, раздобыл для вечера большую бутыль пива. Я пил его первый раз в жизни, хотя бы потому, что этот напиток в городе был большой редкостью. Пиво показалось мне горьким, противным. Но чтобы выглядеть настоящим мужчиной, я улыбался во весь рот и изображал на лице райское наслаждение.

Справа от меня сидела Зоя, слева — ее лучшая подруга Клава. Как каждый кавалер за столиком, я должен был ухаживать за двумя дамами: десятый класс окончили семь ребят и четырнадцать девушек. Еще два года назад нас было поровну. Но многие мальчишки ушли в военные училища, куда брали с неполным средним образованием. Теперь же, когда аттестаты зрелости лежали у нас в кармане, и мы, шестеро, ждали вызовов из военкомата. Лишь победитель математической олимпиады Вовка Куклин, словно оправдываясь, говорил:

— Я бы рад с вами. Но какой же из меня командир со зрением минус четыре? Кому я нужен?

Закусив и выпив пива (слабый пол пробавлялся чайком), все поднялись из-за стола. Ребята вышли покурить на лестничную клетку. Собственно, курящим был один Артем Саркисов. Его заживо сожжет фашистский огнемет

в сорок втором году под Моздоком. Ну, а на выпускном вечере он вытащил из кармана коробку дорогих папирос «Борцы», на которой, заняв боевую стойку, приготовились к схватке два нарисованных монгольских богатыря.

— Закуривайте, — небрежно бросил он нам.

Вступление в полосу взрослой жизни накладывало на нас определенные обязанности. Отказываться было уже неудобно. Мы принялись выпускать дым через нос, задохнулись, закашлялись, побросали окурки в урну...

Немецкие артиллеристы уже выкатывали орудия на огневые позиции, цепи пехотинцев в мундирах мышиного цвета залегли у самого пограничного столба, в ожидании сигнальной ракеты бомбардировщики с желтыми крестами на крыльях выруливали к взлетной полосе... А мы с Зоей неторопливо брели по улицам давно уснувшего города. За бехаистской мечетью на проспекте Свободы мы повернули по Гоголевской к Ленинскому скверу, постояли у памятника Владимиру Ильичу и кружным путем через площадь Карла Маркса направились на Багирскую, где жила Зоя.

В песках Каракумов высветился край неба, с гор Копетдага струилась прохлада, воздух был тугой, как парашютный шелк, по арыкам, отделяющим тротуары от дороги, шурша камешками, бежала прозрачная вода.

На Зое был морской костюмчик. Ее бюст ладно облегала белая блуза с широким голубым воротником. Из карманчика синей юбки выглядывал мой злополучный конверт.

— А если конверт увидит твоя мама? — спросил я совсем некстати. — Что тогда?

— А ничего, — Зоя была спокойна. — Ведь мы теперь совсем уже взрослые. И потом мама вполне современная женщина, без этих самых пережитков.

Умные мысли в голову мне никак не приходили и, боясь брякнуть какую-нибудь нелепицу, я молчал. Быть может, мы думали об одном и том же: что совсем недолго осталось гулять по этим улицам. Это московские, ленинградские, киевские ребята и девчата остаются у себя дома. А молодые ашхабадцы обычно уезжают искать свое место в жизни в другие места.

В ту пору Ашхабад был совсем маленьким тихим городком. Одноэтажные домики из кирпича-сырца стояли в глубине зеленых дворов, скрытых от улиц глинобитными

дувалами. Весною из-за дувалов выглядывали гроздья чудесной персидской сирени, легкий ветерок кружил по улицам яблоневый цвет. Жители знойного бесснежного городка большую часть года проводили во дворах: в тени деревьев, в густых виноградных беседках, у журчащих арыков. Тут же в тандырах пекли чурек, на мангалах готовили пищу. Многие держали коров, овец, коз.

Два маленьких автобуса, ходившие навстречу друг другу по единственному кольцевому маршруту, не пользовались вниманием жителей. Пока их дождешься, можно было пройти весь город из конца в конец. Зато в каждой семье было по одной, а то и по нескольку машин. Только машинами тогда назывались не легковые автомобили — на весь город были три-четыре «козла» со складывающимся брезентовым верхом да цековская «эмка», казавшаяся нам пределом комфорта и изящества форм. Машинами назывались велосипеды, и весь город крутил педали. На велосипедах ездили на работу, в гости, на базар. У всех наших ребят тоже были машины, и по воскресеньям, собравшись все вместе, мы мчались на «Золотой Ключ» — родничок у аула Багир, из которого даже в сорокаградусную жару вытекала ледяная вода, или еще дальше — в горное ущелье Фирюзу с нависшими скалами над быстрой горной речкой. За Фирюзой ущелье сужалось, дыбилось камнями и переходило почти в непроходимую «Чертову Дорогу». Тут уже можно было встретить наряды пограничников: «Чертова Дорога» вела в Иран.

У северных городских окраин за железнодорожным полотном начиналась бескрайняя пустыня Каракумы. Тут на машинах ездить было невозможно. Мы уходили в пески пешком, захватив воду в бутылках, ароматные лепешки, овечий сыр. Ранней весной пустыня была необычайно красива. На барханах распускались маки и ромашки, песчаная акация и тюльпаны, ирис и малькольмия, белый и черный саксаул. Под палящим солнцем быстро жухли травы, исчезало зеленое покрывало. Но жизнь продолжалась. Заметив нас, из-за куста яндака — верблюжьей колючки взлетала птица, не торопясь убегала огромная ящерица — варан, в камнях шипели змеи. Мы взбирались на осыпающиеся гребни ползучих барханов и воображали себя красноармейцами из кинофильма «Тринадцать», задержавшими ценой своих жизней банду басмачей Шермет-хана у пересохшего колодца.

И вот теперь рождался новый день, и вместе с выпускным вечером таяли, уходили в прошлое детство, школа...

Всю дорогу я держался от Зои на расстоянии, вздрагивал, когда ненароком касался плечом ее волос. И только у калитки я со всей неотвратимостью понял, что Зоя сейчас исчезнет, уйдет и, может быть, эта прогулка никогда уже не повторится. Полагая, что мне что-то надо предпринять, я схватил Зою за плечи. Не ожидая от меня такой прыти, девушка вздрогнула.

— Ты сдурел! — охнула она, отводя мои руки. — Что же теперь делать, если ты раздумывал целый год и все решил оставить на последний день и последний час! Завтра, вернее, уже сегодня я уезжаю в Одессу, там у меня тетя. Буду поступать в университет. А ты так и пойдешь в летную школу?

— Да. Я решил давно. Ты же знаешь.

— Знаю. Только не пойму, зачем тебе это надо. — У Зои в голосе появились поучающие нотки, будто она говорила с младшим братом. — Ты же отличник. Правда, принято считать, что Вовка Куклин математический гений. А ведь на контрольных ты частенько раньше него клал работу на стол учителя. Ты можешь стать большим ученым.

— Может, смогу.

— Вот-вот. Ты, конечно, хорошо играешь в футбол, даже писали в газете, что ты забил гол не то алмаатинцам, не то ташкентцам. Но зачем тебе опускаться до уровня оболтусов с «Камчатки», соревноваться с ними в грубой физической силе? А вдруг они будут проворнее тебя крутить баранку?

— А вдруг не будут, — улыбнулся я, потому что такие же рассуждения не раз слышал от мамы и привык к ним относиться спокойно. — А потом баранку крутят шоферы. Летчик держит штурвал.

Зоя раздраженно передернула плечами:

— Ну, как знаешь.

Открылась калитка, появилась женщина в полосатом халате и в чувяках на босу ногу. Видно, она услышала наши голоса.

— Наконец-то! — цыкнула она на дочку. — Где же ты пропадаешь всю ночь? Папа пошел искать тебя в школу. Глаз ни на секунду не сомкнули.

— Это Илюша, мой одноклассник, — представила меня растерявшаяся Зоя.

— Я с удовольствием познакомлюсь со всеми твоими товарищами, — мама посмотрела на меня с любопытством. — Только не в четыре часа утра. Чтоб сейчас же была в постели.

Зоина мама ушла, нервно хлопнув калиткой.

— И в самом деле, она у тебя без этих самых пережитков, — напомнил я Зое ее слова, пытаясь удержать за руку. — Ты еще появишься в Ашхабаде?

— Конечно, я вернусь к двадцатому августа. Двадцать первого у мамы день рождения.

— А я буду болтаться здесь все лето. Занятия в летной школе начинаются осенью. Давай встретимся двадцать второго в парке на танцплощадке.

— Давай! — едва слышно ответила Зоя. Она поднялась на носки, поцеловала меня в щеку и, не оглянувшись, убежала во двор.

Я долго стоял у калитки, все надеясь, что Зоя вернется. Увы...

Хриплый репродуктор продолжал исполнять военные марши. Я выбежал во двор к разогретому солнцем рукомойнику, плеснул себе на лицо горсть горячей воды. В виноградной беседке сидели наши соседи: счетовод Петр Фомич и столяр Игнат. Они тоже только что услышали о начале войны и теперь обсуждали правительственное сообщение. Впрочем, говорил только Петр Фомич, а Игнат курил самокрутку и раздумчиво кивал головой. Счетовод строил прогнозы. Они были крайне пессимистическими.

Игнат докурил, сплюнул, поднялся с топчана и сделал для себя главный вывод:

— А воевать мне все же придется. Пойду поищу покупателя на верстак.

Умывшись, я схватил велосипед:

— Мам, я в школу.

— Ты хоть покушай, сейчас накрою стол.

Завтрак у мамы был давно готов. Кастрюлька гречневой каши, чтоб не остыла, хранилась под двумя ватными одеялами. Кусок сливочного масла, чтоб, наоборот, не растаял, плавал в алюминиевой миске с водой. На блюде, покрытом марлей от мух, лежали огурцы, помидоры, груши.

За стол я не сел.

— Что-то не хочется, мама. Поздно ел, поздно лег.

Соседские мальчишки Жорка и Радик, отчаявшись спасти воздушного змея, оставили свою затею и теперь сидели у арыка, опустив ноги в воду. Караван верблюдов прошел, растаяв в облаке оседающей пыли, и наша улица Кемине, расплавленная нещадным солнцем, была пустынной. Только на углу, укрывшись в куцей тени молодой акации, бабушка Радика почтальонша тетя Настя беседовала с двумя женщинами.

Могла ли тогда знать эта добрая толстая старушка, что четыре долгих года в каждом дворе и в каждой квартире при ее появлении матери будут хвататься за сердце и многим из них будет ей суждено вручить похоронную с казенным текстом: «В бою за Советскую Родину пал смертью храбрых...»

Я затормозил возле тети Насти, попросил достать из сумки нашу «Комсомолку» и, прислонив велосипед к забору, стал просматривать страницы. Страна еще жила мирной жизнью. В Москве с большим успехом гастролировал украинский театр имени Франко. На спектакле «В степях Украины» присутствовал Сталин. С наступлением теплых дней начался массовый выезд детей в пионерские лагеря. Московский «Спартак» проиграл ленинградскому «Зениту». Единственный гол забил правый край Левин-Коган. В Самарканде в знаменитом мавзолее Гур-Эмир началось вскрытие древних склепов, где похоронены грозный владыка Востока Тимур, его дети и внуки. Раскопками руководил профессор Толстов. О войне говорили пока лишь западные сводки. Телеграмма из Лондона сообщала, что германская авиация проявляла лишь незначительную активность. Шли бои в Сирии. Англичане и деголлевцы сражались с французами. Французами называли солдат изменнического правительства маршала Петэна...

Вернув газету тете Насте, я помчался дальше. Мой закадычный дружок Колька Алферов (он окончит авиатехническое училище в одном из среднеазиатских городов и здесь же, в учебных классах, готовя курсантов, безвыездно проведет всю войну) жил от меня за два квартала. Три дня назад на выпускном экзамене у него никак не получался пример. Он до красноты тер лоб, стараясь найти правильное решение.

— Написать тебе на промокашке? — шепнул я.

— Не надо. Допру сам.

И допер. Я знал, что Колька никогда не пользовался

чужими чертежами, сочииениями, конспектами. Такой уж он был упориый, всегда иадеялся только иа себя, иа свои силы.

В комсомол Алферов вступил позже других: у иего возникли осложиеиия по лииии деда, раскулачениого в рязаиской деревие. Отец Николая иесколько раз писал в Москву, в том числе и всесоюзиому старосте Михаилу Иваиовичу Калиииину. И получил накоиец справку, что хозяйство старика было не кулацким, а образцовым середняцким. Тогда-то у Николая и прииили заявление.

Перед собранием ои сказал Куклииу, Саркисову и мне:

— Вот будет скучища, если мие, как и всем вступающим, зададут обычные вопросы. Ну, иапример, из чего состоят денежные средства комсомола. Имею просьбу: полистайте газеты, журналы, брошюрки, иайдите позаковыристей вопросы по текущей политике.

— И сказать тебе, о чем мы тебя спросим? — удивился Вовка Куклии, ие совсем поиимая, что от иего требуется.

Николай вспыхиул:

— Да за кого вы меия приинмаете? Я полагал, что вы обо мие лучшего миеиия. Вы считаете, я затеваю спектакль?

— А если мы тебя завалим иа глазах у всего собраиия? — спросил Артем Саркисов. — Что тогда?

— Тогда, зиачит, я ие созрел для комсомола, — спокойио ответил Алферов. — Придется готовиться еще.

Я увидел Кольку у ворот, когда ои выкатывал свой велосипед.

— А я к тебе собрался, — крикнул ои. — Ты уже слышал?

— Слышал. Давай-ка лучше в школу. Там все иаши иаверияка соберутся.

По случаю воскресенья парадные двери школы были закрыты. Я дернул за ручку, поддал плечом — иикакого впечатлеиия. Мы объехали двухэтажиое здаиие и через калитку провели велосипеды иа школьиый двор. В дальием углу иа игровой площадке стоял староста нашего класса Виталий Сурьии, который беседовал с хромым школьным сторожем, двориком и истопником Алексеем Даниловичем. Одной рукой старик держался за волейбольиый столб, другой иакручивал пуговицу иа рубашке Ви-

талия. Алексей Данилович был без дворницкого фартука, а это означало, что сегодня он не находится при исполнении своих многогранных обязанностей. На нем были синяя только что выстиранная косоворотка, полотняные брюки и густо смазанные зубным порошком парусиновые полуботинки, какие носило тогда все мужское население Ашхабада. На груди школьного сторожа виднелись два георгиевских креста. Я слышал, что Алексей Данилович был георгиевским кавалером, но видел их у него впервые — царские награды были в ту пору не в чести.

Сейчас, услышав о германском вторжении, Алексей Данилович вновь почувствовал себя солдатом. Ему потребовался собеседник, и он его нашел в лице Виталия Сурьина, появившегося в школе первым. Сейчас ветеран рассказывал старосте о преимуществе германских частей над австро-венгерскими.

— Если против тебя будет стоять австрияк, то, почитай, все в порядке,— поучал сторож Виталия.— Когда под Перемышлем генерал Брусилов пошел в наступление, то австрияки побежали без оглядки, пока не подбросили германские войска. А германец — солдат сурьезный, почти что, как наш.

Сторожу наконец-таки удалось открутить пуговицу на Виталькиной рубашке, и он сконфузился.

Во дворе показались два Артема — Саркисов и Арамов, жили они за школьным забором и были неразлучной парой. Чтобы не было путаницы, первого мы всегда называли Артемом, второго — Артюшкой, хотя Артюшка был на голову выше Артема и вдвое шире в плечах. Родившись в сухопутном Ашхабаде, он с детства бредил морем, ушел добровольцем, воевал на Черном море и, отслужив двадцать пять лет, вышел в отставку в чине капитана первого ранга.

Следом за Артемом и Артюшкой на школьном дворе появились на велосипедах Вовка Куклин и Рубэн Карапетов, будущий сапер, пропавший без вести под Харьковом в сорок втором году.

— Ну, я вижу, все в сборе,— услышали мы за спиной голос нашего классного руководителя Владимира Григорьевича.

Преподаватель истории Спиридонов приехал в Ашхабад года четыре назад, первое время снимал угол, потом женился на библиотекарше Тамаре. Им дали комнату при

школе. Спиридонов был нашим любимым учителем: своим предметом он мог увлечь. Его память хранила сотни и сотни дат, фактов, имен. Он не просто излагал материал, он как бы переносился в прошлое и брал нас с собой. Его внешность была интеллигентнейшей: высокий выпуклый лоб, острые глаза, орлиный нос. Одет он всегда безупречно. Каково же было наше удивление, когда из очерка в газете «Комсомолец Туркменистана» мы узнали, что Спиридонов был беспризорником, ночевал на вокзалах, бродяжничал, проехал под вагонами от Смоленска до Иркутска и лишь к пятнадцати годам в исправительной колонии научился читать и писать.

— Вы что, друзья, договорились встретиться? — подходя к нам, спросил Владимир Григорьевич.

— Нет, не договаривались, — ответил за всех Рубэн Карапетов. — Куда нам сейчас идти, как не в школу?

— Да, да, конечно, — согласился Спиридонов. — Давайте где-нибудь присядем, потолкуем. Алексей Данилович, — обратился он к сторожу, — откройте, пожалуйста, нам двери.

Сторож крикнул своей жене, и Пелагея Семеновна, наша уборщица, вышла со связкой ключей.

Мы прошли в конец коридора, поднялись по лестнице в свой класс. Пелагея Семеновна еще не успела прибраться здесь после последнего экзамена, и на доске рукою Виталия Сурьина были по-туркменски написаны названия падежей: «Баш душум», «Йонелиш душум»... Под лесенкой строк показывал растопыренную пятерню от своего носа хвостатый черт, исполненный мелом Артемом Саркисовым.

Не сговариваясь, мы сели каждый за свою парту.

— Уж и не думал, что мы соберемся в нашем классе еще раз, — сказал Артюшка. Он был необычайно серьезным.

— Быть может, нам и не доведется больше встретиться всем вместе, — тихо произнес Рубэн.

— А давайте проведем комсомольское собрание, — вдруг предложил Колька Алферов. — Тут одни комсомольцы.

Любивший во всем пунктуальность Вовка Куклин вздохнул:

— У нас нет кворума.

— Неужто тебе требуется кворум? — пожал плечами

Артюшка.—Ну так давайте сбегаем за нашими девчонками. Они сейчас нам так нужны...

Спиридонов встал с задней парты, где сидел, неторопливо подошел к столу, взял с доски указку, положил ее назад:

— Полагаю, что формальности здесь ни при чем. Не время теперь для формальностей. А если в пограничной роте, принявшей первый бой, осталась в строю лишь горстка комсомольцев, что ж, им не проводить собрание, если оно нужно? Нам, товарищи, нужен прямой комсомольский разговор. Предлагаю открыть собрание. В президиум, вношу предложение, избрать Алферова и Куклина.

— И Спиридонова,—добавил Рубэн.

Проголосовали единогласно. Президиум занял места за преподавательским столом. Вовка Куклин нашел чистый листок бумаги и старательно вывел: «Протокол комсомольского собрания ашхабадской средней школы № 15 от 22 июня 1941 г.». Колька Алферов откашлялся в кулак и объявил:

— Комсомольское собрание считаю продолженным.

Дверь скрипнула, в комнату, волоча свою раненную на войне ногу, вошел сторож Алексей Данилович.

— Дядя Леша, сюда нельзя,— умоляюще посмотрел на него Николай.— Идет комсомольское собрание.

— Почему нельзя? — Старик надул губы и неожиданно пошутил:—А я как беспартийная молодежь поприсутствую. Можно?

— Я думаю, можно,—сказал Спиридонов.—Никаких секретов у нас нет, собрание открытое. Полагаю, что нам, без пяти минут солдатам, будет лестно видеть здесь ветерана боев с германским империализмом георгиевского кавалера Алексея Даниловича Прохватилова. Возражения есть?

Возражений не было. Алексей Данилович удовлетворенно крякнул, сел к окну и, чтобы лучше слышать, поднес ладонь к уху. Ребята говорили коротко. Это были искренние, идущие от сердца слова:

— Готовы хоть сегодня идти в бой...

— Будем смело сражаться с фашистами...

— Разобьем врага на суше, в море и в воздухе...

— С нами великий Сталин! Он приведет народ к победе!...

Только Виталий Сурьин выступил с развернутой речью:

— Современная война — это война моторов. Франция была разбита наголову, потому что ее военная техника оказалась намного хуже немецкой. С нами такого не произойдет. Наши летчики летают выше, дальше и лучше всех. Броня наших танков крепче. Орудия дальнобойнее. Судьба войны решится в первом же столкновении танковых масс, воздушных эскадр, морских флотов. Война закончится самое большее за три недели.

В ту пору много говорили о «войне моторов», поэтому точка зрения Виталия совпадала с нашей. Лишь «представитель беспартийной молодежи» Алексей Данилович ухмыльнулся и подмигнул оратору:

— Ишь, какой скорый! Три недели положил на войну! Ероплан, понятно, пролетит, танок проедет, а пехота? Скажи на милость, а ей куда деваться? А деваться ей, любезный, некуда. Пехота будет сидеть в окопах и воевать. Наступать и драпать. Нюхать вонючие газы и валяться по лазаретам. В прошлую войну думали, что шапками закидаем германца. Только-то и делов: туды, сюды, до Берлина и обратно. Уря, уря! Славный казак Козьма Крючков нацепит на пику еще дюжину колбасников, и войне конец. А вот сколько отвоевали...

На Алексея Даниловича посмотрели с сожалением. Дескать, дремуч дед, старым багажом живет, мерками тысяча девятьсот шестнадцатого года...

Виталий выждал паузу и продолжал:

— Итак, война закончится скоро, — учитывая особое мнение георгиевского кавалера, он сроков уже уточнять не стал. (К слову, как бы опровергая самого себя, командир батареи старший лейтенант Сурьин провоевал все четыре года и погиб в Словакии в последний 1418-й день войны.) — Но нам надо делать для себя выводы. Никто не будет ждать, пока мы окончим училища. Если мы хотим поспеть на войну, то должны сегодня же вступить добровольцами в армию. Кем возьмут: десантниками, диверсантами, бойцами истребительных батальонов.

Колька Алферов крикнул со своего председательского места:

— А Виталий говорит дело! Предлагаю: прения закончить, собрание закрыть. Все комсомольцы немедленно идут в военкомат и добровольцами вступают в армию. С мамами не советоваться, терять время не будем!

— И я с вами! — сказал Спиридонов. Склонившись

к столу, он тут же набросал текст коллективного заявления в военкомат:

«Выполняя волю комсомольского собрания, выпускники средней школы № 15 вместе с классным руководителем считают себя мобилизованными в армию и просят как добровольцев направить в район боев».

И вывел свою подпись: «В. Спиридонов, член ВКП(б)».

За ним расписались и мы по алфавиту: первым Алферов, последним я.

— Молодцы! — воскликнул георгиевский кавалер. — Выправили бы мне ногу да годков двадцать сбросили, я бы с вами тоже в атаку пошел!

Решили велосипеды оставить в школе и двинулись в военкомат пешком. Алексей Данилович проводил нас за школьные ворота, долго махал вслед.

Жара уже начинала спадать, на улицах появилось много народу. Оправившись от первого оцепенения, вызванного вестью о начале войны, люди приходили в себя, и теперь жажда немедленного действия гнала их в свои учреждения, к знакомым, друзьям.

У одноэтажного здания военкомата на Ставропольской улице бушевала толпа. Люди заполнили комнаты и коридоры, внутренний дворик тоже был забит битком. Некоторые пришли с вещами. Объявленная мобилизация началась, наверное, какие-то возрасты уже призывали. По улице ни пройти, ни проехать. Не теряя надежд, возбужденная толпа штурмовала военкоматовские двери. В переулках, ведущих к площади Карла Маркса, тоже бурлил людской водоворот.

Потом посреди улицы стали выстраивать людей с вещмешками. Шла перекличка. Старший лейтенант с черными артиллерийскими петлицами и с медалью участника боев на Халхин-Голе и Большом Хингане, надрывая голосовые связки, выкрикивал фамилии.

Наконец, работники военкомата догадались вытащить на улицу с десяток столов. Закончив перекличку, старший лейтенант сложил ладони рупором у рта и прокричал:

— Товарищи, заявления от добровольцев будем принимать прямо здесь. Подходите организованно, соблюдайте порядок!

Мы встали к крайнему столику, за который сел рас-

поряжавшийся на улице артиллерийский командир. Впереди Владимир Григорьевич, в затылок — его ученики.

Очередь дошла через полчаса. Старший лейтенант пробежал наше коллективное заявление. На его сером, как дорожная пыль, лице вспыхнула улыбка:

— Весь класс вместе с учителем! Здорово! Отойдите, пожалуйста, в сторонку, тут ходит корреспондент, просил показывать ему интересных людей.

— Какие же мы интересные! — удивился Рубэн Карапетов.

Возле нас появился человек с «лейкой». Быстро переписал наше заявление, задал несколько вопросов Спиридонову. Затем, велев взяться за руки и идти на него, сфотографировал группу.

— Вот и попали в прессу, — сказал Владимир Григорьевич. — Так сказать, авансом за будущие подвиги.

И, обратившись к старшему лейтенанту, спросил:

— Теперь как нам быть?

— Пока вы свободны, — ответил тот. — Ждите наших повесток.

У военкомата мы и распрощались. Я побежал домой так быстро, точно боялся, что военкоматовская повестка может обогнать меня в пути и я опоздаю явиться к назначенному сроку.

По нашему двору тоскливо бродил столяр Игнат. Он распродал весь свой рабочий инструмент, купил водки, хлеба, помидоров и теперь нуждался в компании. Увидев меня, Игнат обрадовался:

— Заходи ко мне, гостем будешь. А то Петр Фомич обещал заглянуть, да куда-то делся.

Отказаться от приглашения я не мог, Игнат был для меня авторитетом. Только год, как он вернулся с действительной, все еще ходил в гимнастерке и галифе. Служил он на бронепоезде, который, сколько я себя помню, стоял здесь же, в Ашхабаде. Как-то Игнат обмолвился, что одна девушка, не дождавшись его, вышла замуж. А во хмелю он буен, боится, как бы, появившись в деревне, не наделал чудес. Сиял Игнат в нашем дворе сарай, поставил верстак, а вот обзавестись мебелью, кроме самодельной табуретки, не успел. На верстаке он спал, на нем же обедал. Теперь, когда верстака уже не было, мы уселись на полу, сложив ноги по-туркменски. Табуретка заменяла нам дастархан. Я выпил полкружки водки, налитой Игна-

том, с непривычки задохнулся, из глаз брызнули слезы. Помидор, который я собирался укусить, выпал из рук.

— Вот молодец, пьешь и не закусываешь,—позавидовал мне Игнат.— А я так не умею.

Он выпил целую кружку, понюхал хлеб и на правах ветерана принялся меня поучать:

— Дам я тебе, парень, совет, как подсластить армейскую службу, поделюсь опытом. Когда я попал на бронепоезд, то взял карандаш, бумагу и помножил дни, которые мне предстояло отслужить, на суточную норму сахара. Вышло у меня что-то возле пятидесяти кило. «Что ж,— подумал я,—только-то мне и делов слопать полцентнера казенного сахара в красноармейских чаях, киселях и компотах, да и айда домой».

Игнат выпил еще кружку, рассмеялся пьяненьким смехом и добавил уже серьезно:

— Только не подумай, милок, что смысл воинской службы и взаправду состоит в потреблении сахара. Запомни хорошенько: в красноармейском рационе есть и перец и соль...

Игната мобилизовали через три дня. Он запер свое жилище огромным амбарным замком, отдал ключ на хранение моей маме.

— Вы уж не серчайте на меня, Анна Сергеевна, если что у нас не по-соседски вышло. Я ненадолго отлучаюсь, дойду до Берлина, поймаю Гитлера и вернусь.

До Берлина Игнат не дошел, а потому и Гитлера не поймал. В ожидании своего хозяина сарай под висячим замком простоял до самого ашхабадского землетрясения сорок восьмого года.

...От выпитой у Игната водки у меня закружилась голова, я простился со столяром и вышел из душного сарая. На дворе было куда прохладнее: дул свежий ветерок, косые лучи заходящего солнца растягивали тени деревьев.

Мама, наверное, почувствовала, что от меня попахивает спиртным, но виду не подала. Она сидела у окна и штопала мои носки. Увидев меня, отложила свою штопку:

— Наконец-то явился. Совсем заждалась. Ну, кого видел, что узнал?

Я сказал, что всем классом ходили в военкомат и вместе с Владимиром Григорьевичем записались добровольцами.

— Да, так было надо, вы поступили правильно,— сказала мама и отвернулась к окну. По ее вздрагивающим плечам я понял, что она плачет.

— Что с тобою?—искренне удивился я.

— Садись ужинать,—не оборачиваясь, сказала мама.—Ведь не ел весь день.

— А что с тобою?—повторил я свой вопрос.

В тот первый день начавшаяся война не казалась вовсе мне несчастьем. Нет, Зоя совсем напрасно восторгалась моими умственными способностями. Я был наивным и глупым мальчишкой. О том, что меня могут убить на войне, я и не думал. Я верил в свою счастливую звезду. Да разве может случиться такое: останется солнце, шелест листвы, синие цепи Копетдага, родник «Золотой Ключ» у аула Багир, а меня уже не будет! Кстати, эту ни на чем не основанную уверенность, что останусь жив, я пронес до последнего дня войны.

А тогда я просто не понимал, отчего плачет мама. Разве она не хочет, чтобы ее сын стал героем? Видно, честолюбия во мне было еще больше, чем наивности; и того и другого бог щедро отпустил мне сверх всякой меры. Я всегда хотел прославиться. В пять лет мечтал быть дрессировщиком, чтобы на арене оцепеневшего от ужаса цирка просовывать свою голову в пасть свирепого льва. В десять мне грезились лавры знаменитого мореплавателя, в пятнадцать — великого поэта. Но все это были пустые мальчишеские сны. Теперь же мечта о подвиге обретала твердые крылья. Моими кумирами давно уже стали Чкалов, Громов, Коккинаки, семерка героев-летчиков, снявших со льдины челюскинцев. Поскорее только закончить летную школу, попасть на фронт! В первом же бою я собью пять вражеских самолетов. На следующий день столько же. А после войны меня будут встречать так, как встречал восторженный Ашхабад героя ледовой челюскинской эпопеи летчика Маврикия Слепнева. Как и он, я тоже буду стоять на усыпанной цветами трибуне, возвышающейся над площадью Карла Маркса, а мимо меня будут проходить демонстранты со знаменами, с лозунгами, с моими портретами... И вдруг в колонне я замечу Зою. Я поманю пальцем начальника охраны и скажу: «Пропустите сюда вон ту девушку в матросском костюмчике!» Я подам ей руку, проведу по ступенькам на трибуну и скажу: «Ты ошиблась, Зоя! Смысл жизни заключается вовсе

не в том, чтобы быстрее Вовки Куклина решать задачки по тригонометрии. Как видишь, я научился крутить баранку не хуже оболтусов с «Камчатки». А Зоя встанет на носки и поцелует меня, как поцеловала сегодня на рассвете, и достанет из карманчика мое письмо: «Видишь, «Смелый», я ждала тебя всю войну, я хранила твои стихи». «Вижу,— отвечу я.—И давай теперь с тобою никогда не расставаться».

За те минуты, что мама беззвучно плакала, отвернувшись к окну, я уже ушел в армию, стал летчиком, отличился на войне, вернулся домой героем...

Теперь же мне предстояло пройти весь этот путь еще раз, уже не в мечтах,— в жизни...

1983

НЕШТАТНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Воинские уставы не предусматривали совместительства. Быть ведь того не могло, чтобы комбат-1 на полставки взялся командовать еще и вторым батальоном. Или чтоб начпрод полка в свободное от основной работы время водил взвод пешей разведки по тылам врага на общественных началах...

А все-таки во время войны нештатная должность в частях встречалась. Одна-единственная. Ее можно было бы назвать так: помощник политрука по веселой части.

Имелась ли на то специальная директива ГЛАВПУРа или так само собою получалось, только в каждой роте, эскадроне, батарее непременно был свой весельчак, острослов, заводила. Ему отводился сложный участок работы: помогать политработникам создавать хорошее настроение у бойцов.

Курсантская рота, о которой здесь пойдет речь, тоже не осталась без шутника и балагура. Его звали Яков Ревин. Высокий. Крепко сбитый. Восторженный...

Как и всех других весельчаков, его не назначал командир, не выбирали товарищи. Он утвердился в своей

нештатной должности сам. Это было непросто. Ведь не каждого будут слушать, не каждого просить:

— Яшка, изобрази! Яшка, расскажи!

Яшку просили. И тогда на запекшихся губах появлялась улыбка. И ноги шли быстрее, и руки работали сноровистей. А вчерашним десятиклассникам ох как нелегко было привыкать к армейской службе. Трудно понять, откуда у Якова находились еще силы веселить нас в минуты отдыха? Он удачно подражал популярным артистам. Пел частушки собственного сочинения. Рассказывал массу историй, многие из которых придумывал сам. По случаю. На злобу дня. Всегда к месту...

От казармы до стрельбища — пять километров. Курсанты тащат батальонный миномет. Один — ствол, другой — двуногу-лафет, третий — опорную плиту, четвертый и пятый — лотки с минами. И всю дорогу бегом. В овраге у лесной опушки с ходу окапываемся. Потом пять минут перекур. Курсанты валятся с ног от усталости. У некоторых на спинах кровяные ссадины, на руках мозоли. Пот, смешавшись с пылью, слепит глаза.

Но Яшка уже почувствовал наше кислое настроение и приложил палец к губам:

— Т-сс! Есть одна тайна. Только молчок!

Оказывается, в минроте другого батальона завелся у него приятель Петька. Этот Петька, позабыв о том, что при наводке привязываться надо к неподвижным объектам, выбрал ориентиром... корову. Весело пощипывая травку, она ходила туда и сюда, а горе-наводчик водил за нею угломер-квадрант... И запустил мину во двор бабки Гапки, у которой как раз на тот случай пил молоко старшина Петькиной роты...

Курсанты хохочут, начисто позабыв про ссадины и мозоли...

Приближался конец занятий, со дня на день ждали приказа. Как-то поутру Ревин, который был дневальным, разбудил роту. Курсанты хватаются за гимнастерки и глазам своим не верят: в петлицах у Ваньки Чамкина два кубика, у Витьки Шаповалова — три, у Володьки Шурыгина — шпала, у Борьки Семеркина — две...

И тут Борька Семеркин обратил внимание на ухмыляющегося дневального.

— Твоя, Яшка, работа? — разозлился он.

— Моя, — виновато улыбнулся Ревин. — Только не

понимаю, чего ты возмущаешься? Лейтенант Чамкин доволен, а тебе дали майора, и ты в претензии. Извини, подполковника дать не могу, нарком не утвердит: выслуги у тебя маловато. А вас, друзья, от души поздравляю. Нет, серьезно. Есть приказ. Хотите оглашу? — и достает из кармана какие-то листочки.

Во всей роте один лишь Борька не смеялся Яшкиным шуткам. На то были свои причины. Мы уходили в армию все вместе из маленького Ашхабада, жили на соседних улицах, учились в соседних школах. И вот на вокзале возле провожавшего нас лейтенанта из военкомата появилась взволнованная женщина, мама Семеркина.

— В нашей семье,—затараторила она,—не едят животных и птиц. Товарищ начальник, укажите в документах, что сын—вегетарианец. Будет ужасно, если мальчика накормят свиной отбивной...

Лейтенант икнул от удивления:

— Опомнитесь, мамаша! Идет война, свиные отбивные войскам временно не угрожают.

— Значит, мальчика не будут кормить мясом?— спросила Семеркина с надеждой.

— Мясная пища еще ни одному бойцу поперек горла не вставала,—уклончиво ответил лейтенант.—За сына, мамаша, не беспокойтесь. На второй день он будет есть из общего котла и просить добавки.

Лейтенант ошибался. Борька ел из общего котла не во второй, а уже в первый день. Щи из свиных голов — на первое, мясную солянку—на второе. Я хорошо запомнил меню — это был и мой первый казенный обед...

А Яшку эта забавная сценка на вокзале сильно впечатлила. И хотя Борька-вегетарианец давно уже превратился в отчаянного мясоеда, ротный балагур частенько проезжался по его молочно-овощному прошлому. А тот обижался...

Приказа из округа так и не поступило, и никто, кроме Яшки Ревина, офицерских званий курсантам не присвоил. Летом сорок второго года курсантов подняли по тревоге, посадили в эшелоны. В день, когда училище выгрузилось на станции Грязи, гитлеровцы у Семилук переправились на левый берег Дона. В Усмани мы узнали, что бои идут уже в самом Воронеже—на Чижовке, у Вогресовской дамбы, у взорванного Чернавского моста, на улицах Степана Разина, Софьи Перовской, 20-летия Октября...

На сон теперь давалось два с половиной часа в сутки. Остальное время шли. Иван Чамкин и Витька Шаповалов приноровились дремать на ходу. Один обхватывал приклад и закрывал глаза. Другой брался за ствол и тащил товарища, словно на буксире. Потом ведущий и ведомый менялись местами. Так ужасно хотелось спать. Даже больше, чем есть. Хотя есть тоже очень хотелось. Говорили, что кухни разбомблены, поэтому мы получали сухой паек: на день 175 граммов сухарей да чистую воду изо всех встречных колодцев—кто сколько хочет—от «пуза».

Когда на пятый день пути стало ясно, что горячей пищи опять не предвидится, политрук роты Парфенов положил руку на плечо Якова и шепнул:

— Видишь, Ревин, ребята приуныли. Припомни-ка что-нибудь поучительное из своей бурной молодой жизни...

Идущие сзади прибавляли шаг, догоняли Яшку. Он поправлял чехол малой саперной лопаты, висящей на боку, подтягивал обмотки. Ему надо было выгадать минутку, чтобы придумать начало. Только минутку. И вот он уже хитро прищурил глаз и начал.

Мы слушали. Одну историю вместо завтрака. Другую—вместо обеда. Третью—вместо ужина Яков рассказать не успел. Под вечер у села Подгорное прямо с марша мы вступили в бой. Сражение не утихало много дней, село переходило из рук в руки. Наконец мы выбили фашистов из Подгорного. На этот раз навсегда...

Потом на Задонском шоссе мы держали оборону. Спустя много лет на мирной карте этих мест появятся названия: «Высота Стойкости», «Курган Мужества». А тогда здесь лежал передний край—полоска истерзанной родной земли, за которую нельзя было пропустить врага: Задонское шоссе вело в Москву...

Стояли жаркие, душные, безветренные дни. После артобстрела столбы оранжевой пыли, взметенные разрывами, подолгу висели над позициями. В узких просветах проступал диск солнца, казавшийся обгорелым, обуглившимся. А бойцы лежали в грязи: стоило только отрыть окоп, как его тут же затопляли грунтовые воды. Вылезти же было нельзя: «лаптежники» — «Юнкерсы-87» с неторопливой деловитостью сельскохозяйственной авиации, опрыскивающей поля, безнаказанно обрабатывали передний край. Точно, по расписанию, с перерывами на обед, на полдник, на вечерний кофе...

На рассвете к нам в окоп спрыгнул политрук Парфенов. Он сказал, что получен приказ сегодня же отбить Воронеж.

— Вопросы есть?

Вопросов не было. Достали кисеты, стали крутить цигарки. Некурящий Чамкин вздохнул:

— Что-то на нашей полевой почте ленятся. Бабушка моя больна, волнуюсь, а писем не несут.

— Будут письма,— откликнулся Яшка.— Сейчас сбегаю.

Он скрылся в осыпающемся ходе сообщения, тут же вернулся назад.

— Почтальон передал мне свою сумку,—сказал он вполне серьезно, поправляя противогаз на боку. Яша сделал вид, что достал письмо, потом приблизил к глазам раскрытые ладони, медленно, будто плохо разбирал незнакомый почерк, стал читать.

Ему было совсем нетрудно придумать, о чем могут написать. Уже целый год мы прожили одной жизнью, часто показывали друг другу письма из дома, вспоминали своих родных, близких.

Новости, о которых сообщал сейчас Яков, были самые хорошие. Бабушка Ивана совсем поправилась, сейчас вяжет внуку варежки, обещает прислать к зиме. Борина мама, как всегда, интересовалась, не закармливают ли сына мясом, и советовала ходить с разрешения командира батальона в ближайший лес по грибы, по ягоды. Володьке Шурыгину пришло письмо от девушки Ларисы, которое подлежит огласке лишь с разрешения адресата.

— Валяй.— засмеялся Владимир.

Яшка читал письмо за письмом, и вдруг в полузатопленном стрелковом окопе у Задонского шоссе повеяло чем-то родным, давно оставленным и таким близким. Письма, сочиненные Яковом, звучали так правдоподобно, что пожилой солдат Нефедов, пришедший с пополнением и все вздыхавший о своем деревенском хозяйстве, сначала аж захлопал в ладоши, услышав, что его коза родила двух козлят. Но тут же, перехватив озорной взгляд Яшки, сообразил, что это не более чем шутка.

— Ну, и придумщик ты, Ревин,—сказал он добродушно.—С тобой скучать не будешь...

Рев моторов вернул нас, восемнадцатилетних мальчишек, еще не почувствовавших себя настоящими солдатами,

от сладких воспоминаний о доме в окоп у Задонского шоссе. Из перелесков выползали «КВ» и «тридцатьчетверки». Артиллерия ударила по вражеской передовой. Полки, окопавшиеся в междуречье Воронежа и Дона, пошли в атаку.

Курсанты бежали по пшеничному полю. Поначалу немцев не было. Только потому, что колоски, точно подрезанные бритвой, падали на землю, можно было понять, что по нам стреляют. Но вот заговорили вражеские батареи. Из-за Дона налетели «лаптежники». Теперь они работали без перерыва, одна группа приходила вслед за другой. А мы все бежали вперед. Бои шли уже на городских окраинах: в больничном городке, в корпусах сельхозинститута, на стадионе «Динамо»...

Курсантская рота пробилась к Плехановской улице. Все смешалось тут: в одном доме сидели наши, в другом — фашисты. Стреляли из окон горящих зданий, с крыш сараев, из траншей, вырытых поперек улицы. Рядом рвались снаряды: чья-то батарея крыла и по своим и по чужим. Черный дым пожарищ поднимался к небу.

На закате промчался незнакомый капитан на коне, крикнул, что наши отходят: фашисты отбили назад рощу Фигурную, разъезд Подклетное. И действительно, грохот боя стал обходить бойцов справа и слева.

— Идем по одному, — скомандовал политрук. — Сбор вон там, за кирпичным домом.

У кирпичного дома курсанты были через полчаса.

— А где же Борька-вегетарианец? — воскликнул Ревин, оглядываясь. — Он остался там. Я сейчас, мигом. Поддержите огнем...

Потом в сгущающихся сумерках показались две фигуры. Борька Семеркин тащил на шинели Ревина. Яшка помог Борису выбраться из-под упавшего дерева, и тут его самого подстерегла пуля... Это было невероятно. Казалось, что это очередная шутка нашего весельчака. Вот Яшка вскочит на ноги и крикнет: «А ведь здорово я вас всех разыграл!»

Увы!

— Знаете, какие его были последние слова? — Глаза Борьки-вегетарианца были полны слез. — Он спросил меня, взяли ли мы Воронеж.

Воронеж тогда не взяли. Пройдет еще 195 дней боев, прежде чем будет освобожден Воронеж. Но это будет уже без Яшки...

А Яшку друзья вспоминали часто. И больше всех Борька. В трудный час он говорил:

— Вот бы что сейчас сказал Яков. Слушайте.

И мы слушали. Сначала Борис пересказывал Яшкины истории, а потом мы заприметили, что он как бы от его имени сочиняет сам. И получалось совсем неплохо. Борис Семеркин старался заменить друга и в бою и в короткие минуты отдыха.

Потому что на фронте никак нельзя было обойтись без шутки, без смешной присказки, без анекдота.

Без храброго и верного сердца — нештатного помощника политрука по веселой части...

1980

СЕКУНДЫ ДЛИННЕЕ ГОДОВ

(ЗАПИСКИ ВОЗДУШНОГО СТРЕЛКА)

Встречает на аэродроме «як» «ила» и спрашивает:

*— Отчего, товарищ, ты такой горбатый? **

— Оттого горб у меня вырос, что мне тяжелее всех на войне достается.

(Старая авиационная присказка)

Спать почти не пришлось. С самого вечера по деревенской улице проползают танки, работяги-тягачи тащат орудия, движутся походные колонны стрелковых батальонов. То и дело в длинный крестьянский дом, где теперь живут стрелки второй эскадрильи, забегают солдаты: кто прикурить, кто погреться у железной печурки, на которой сушатся промокшие унты и комбинезоны. Следом за

* Кабины штурмовика, высоко поднятые над фюзеляжем, действительно напоминают горб.

людьми в комнату врывается порывистый ветер, и тогда коптилка, сооруженная Николаем Календой из гильзы авиационного снаряда, угрожающе мигает.

Совсем рядом, в каких-нибудь сорока километрах отсюда, начинаются пригороды Будапешта. Даже сейчас сквозь шум этой неспокойной ночи слышится, как ухает и надрывно вздыхает земля. Это по вражеским укреплениям ведет огонь наша артиллерия. Бой не стихает.

За окном продолжает бушевать редкая для этих широт вьюга. Она наметает на дороге снежные сугробы, останавливает машины, валит людей с ног. Но люди поднимаются, вытаскивают из сугробов грузовики и орудия и продолжают свой путь. И снова на улице простуженно кашляют моторы, ржут кони, лязгают гусеницы. А утром с полевого аэродрома, прижавшегося к самой деревне, поднимутся в небо и полетят в бой штурмовики...

Еще несколько дней назад краснозвездные «ильюшины» возили в район Будапешта не бомбы, а листовки. Командующие Украинских фронтов — Второго и Третьего, чьи войска взяли город в стальные тиски, предложили осажденному гарнизону сдаться. Но фашисты отвергли ультиматум. Они зверски убили наших парламентеров, обстреляли штурмовики, прилетевшие без бомб. И вот началось...

Уже под утро, когда с нар послышалось ровное дыхание уснувших ребят, через порог протиснулся кряжистый старшина-танкист и зычным басом, точно отдавал рапорт по меньшей мере командиру бригады, рявкнул:

— Орловские есть? Кто тут из Ельца, откликайся!

Лежащему у самых дверей Исмаилу Насретдинову со сна, наверное, показалось, что объявлена тревога. По многолетней армейской привычке он скатился с нар и схватился за сапоги.

— Вольно, — засмеялся танкист, — сам рядовой. Орловских, земляков моих, интересуюсь, нет ли?

Исмаил продрал глаза и, увидев перед собой незнакомого человека, разозлился:

— Кто же в такую пору земляков разыскивает? Люди спят, а ты их будишь. И какой тебе прок, если ты подобного себе чудака из Ельца встретишь? Квасной патриотизм!

Старшина потоптался у печурки, почесал затылок и заключил:

— Орловских, видать, нет. Были бы, назвались. А тебя, малый, — обратился он к Исмаилу, — зря в караульный взвод не послали. Свиреп уж больно.

— Не шуми, приятель, — сказал танкисту Борис Афанасьев. — Нам не до шуток. Вчера мы товарищей потеряли. Летчик разбился вместе с машиной, а стрелок выпрыгнул с парашютом, но его в воздухе «мессершмитт» расстрелял... Эх, Макар, Макар, только пришел в полк...

Старшина снял шлемофон, достал кисет, свернул папироску, высек искру из кремня, прикурил от затлевшей нитки, тихонько открыл дверь и бросил уже с порога:

— Ну, не обессудьте, не знал.

Исмаил ставит сапоги на пол, сбивает подушку и, охая, лезет опять на нары.

— Вот сущее наказание, — вздыхает из противоположного угла Костя Вдовушкин, разбуженный, как и все, визитом этого шумного гостя. — Ни сна, ни отдыха, все ломятся и ломятся.

Костя семенит босыми ногами к столу, прикладывается к горлышку графина.

— Ну вот и воду всю выдули, — недовольно бормочет он.

Костя — худенький и бледный юноша. Ладони у него пухлые, как у девчонки. Костя бреется раз в месяц: борода его состоит пока из пяти волосинок. Он носит тридцать восьмой размер сапог — самый маленький в полку. Весь какой-то мягкий, домашний, Вдовушкин мало похож на военного человека. В его разговоре, как полагает Николай Календа, проскальзывают буржуазные обороты речи: «Я бы хотел просить тебя о любезности», «Если тебя не обременит, то...».

Война застала Вдовушкина на втором курсе политехнического института. Отец у него профессор-языковед. Можно себе представить, как бы удивилась Костина мама, если бы увидела его за пулеметом в кабине штурмовика, если б узнала, что в воздушном бою он сбил «мессершмитта» и получил орден Славы. К тому же он считается старшим среди стрелков, поскольку летает с командиром эскадрильи. Но ничего этого дома не знают. Чтобы не волновать родных, Костя пишет, что работает на ре-

ставрацни старых моторов. Такая специальность сына, имеющая непосредственное отношенне к техннке, вполне устранвает его роднтелей.

— Костя, а ты когда-ннбудь дрался с ребятами? — спросил его как-то Колька Календа.

Костя удивнлся:

— А из-за чего, собственно, драться?

— Мало лн нз-за чего. Напрнмер, нз-за девчонок.

Костя покраснел, замахал рукамн, словно его пытаются улнчнть в чем-то плохом.

— Конечно, не дрался. Я ведь не какой-ннбудь хулнган...

Представнть Костю драчуном действительно невозможно.

На днях Костя получнл нз дома посылку. Заботлнвая Костина мама нспекла пнрогов, положила банку клубничного варенья, всякой домашней снедн. Но ничто не прнвело Костю в такой восторг, как брошюрка по местным дналектам, которую напнсал отец.

Костя прнжал ее к грудн и восклнкнул:

— Вот это подарок!

Он так обрадовался, что позабыл угостить ребят домашними гостинцамн. Костя запнхнул посылку под нары, а сам сел у коптилкн н стал лнстать страннчкн. Несообразнтельность Вдовушкнна особенно удручила Борнса Афанасьева, который был не то что лакомка, но просто любил поесть прн каждом удобном случае.

Борис сидел на нарах н как будто невзначай ударял каблуком сапога по ящику.

— Что там у нас под нарами?—спрашнвал он.

Молодой стрелок Макар Бесфамнльный заговорщнцкн подмнгнвал Борнсу н громко отвечал:

— Это же Вдовушкнн получнл посылку. В ней подлежащне, сказуемые и как будто бы пнрогн.

Но Костя ничего не видел н не слышал. Он еще долго сндел у коптнлкн, а на ночь спрятал кннжку под подушку, точно боялся, что ее вместо пнрога может слопать прожорливый Борька Афанасьев.

Это было позавчера. А теперь место на нарах между мною н Костей пустует. Еще прошлой ночью я ощущал на своем затылке горячее дыханне Макара Бесфамнльного. У него былн острые костлявые коленн, и он, переворачнваясь во сне, будил меня увесистым пннком.

И вот сейчас никто не дышит в самое ухо и не дерется острыми коленками. Но спится плохо. Я думаю о Макаре.

Не раз на наших глазах падали объятые пламенем бесстрашные «илы», погибали товарищи, с кем вот так же спал на одних нарах, касаясь плечом плеча. Как ни старался, я так и не мог проследить никакой логики в том страшном и непонятном порядке, по которому смерть выхватывала свои жертвы. Конечно, храбрые и умелые имели больше шансов вернуться на аэродром. Как-то еще на Украине эскадрилья появилась над дорогой, застигнув врасплох вражескую мотомеханизированную колонну. Расстреливая в упор фашистов, комэск Александр Кучумов прижал эскадрилью к самой земле и ушел из-под обстрела зенитных батарей: зениткам трудно бить по таким низким целям. Но зато по самолетам со всех сторон стреляли фашистские солдаты, не успевшие разбежаться. Танки, задрав свои пушки-хоботы, плевались болванками. Это очень страшно видеть, как в тебя целится столько стволов, чувствовать, как пули осиным роем впиваются в обшивку. У молодого летчика лейтенанта Борзенкова нервы не выдержали, он потянул штурвал на себя, взмыл вверх, и тут же его настиг зенитный снаряд...

И вместе с тем сколько нелепостей, сколько необъяснимых трагедий случалось каждый день на войне! Я мог бы припомнить немало вылетов, когда в бою гибли прославленные асы, а летчики, только что начавшие летать, благополучно выбирались из-под огня. Стрелок Алексей Кутейщиков был ранен в голову, долго лежал в госпитале и был признан негодным к дальнейшей службе. Его провожали ребята: «Не горюй, все-таки домой едешь! А нам еще надо дожить до этой минуты!»

Алексей, совершивший сто десять вылетов, уцелевший в десятках жарких боев, разбился на тихоходном транспортном самолете в глубоком тылу, не долетев пассажиром восьмидесяти километров до родного Орска.

Нет, невозможно искать какой-нибудь закономерности в смерти, потому что смерть всегда нелогична, нелепа, необъяснима... Я ворочаюсь на опустевших нарах и все шепчу:

— Макар! Эх, Макар...

За окном еще висит густая темень, когда мы выбегаем умываться к колодцу. Борис Афанасьев и Николай Календа обливаются ледяной водой, обнажившись по пояс, другие моются в рубашках, а на Косте Вдовущкине даже свитер. Потом мы облачаемся в зимиие комбиезоны и уиты из собачьего меха, засовываем за пояса шлемофоиы и отправляемся в летиую столовую—бывшую деревенскую корчму. К концу завтрака подкатывает грузовичок ЗИС-5, он возит летиый состав иа аэродром. Командир полка майор Николай Косевич садится рядом с шофером, комэски и штабиое начальство заиимают свои привилегированиые места в кузове, стоят впереди и держатся за крышу кабины, а все остальные в ужасиой тесноте хватаются друг за друга, раскачиваясь на каждой кочке, как матросы иа палубе штормующего корабля.

— Ничего, потерпим,—шутит Календа.—Зато в воздухе будет просторио.

Командиый пуикт полка располагается в землянке, возвышающейся небольшим холмиком у последиих деревьев дубовой рощи. За земляикой—снежиая пелена полевого аэродрома. Неподалеку от КП установлена автомашина-радиостаиция. Двери ее приоткрыты.

— «Зерио», «Зерио», я «Колос». Прием, прием,— в который уж раз кричит одио и то же звоикий девичий голос.

До вылета еще далеко, но иа аэродроме давно кипит напряжениая работа, которая всегда в эти часы придает ему сходство с большим растревожениым муравейииком. Массивиые катки утюжат взлетную полосу, от капонира к капоииру ползают стартеры, бензозаправщики, грузовики с боеприпасами. Механики опробуют моторы, оружейники подвешивают эрэсы, поднимают бомбы в бомболюки.

Летиая землянка—рядом с КП. Железная печурка раскалилась докрасна, дверца ее широко распахиута, и огнеиные языки, лижущие бело-оранжевые куски угля, раскачивают на бревенчатых стенах причудливые тени. Над узким во всю длину землянки деревянным столом, врытым ножками в земляной пол, склоиились летчики над раскрытыми планшетами. Где-то в глубине обороны противника, которая на картах обозначеиа ломаной линией, проходящей среди неправильных прямоугольников

и трапеций городских кварталов, летчики выводят красные кружки. Это цель.

Сегодня, как и вчера, авиаполки штурмового корпуса генерала Н. П. Каманина полетят в район Будапешта. Напряжение боев ни на минуту не ослабевает. Нам с воздуха видно, как на многие километры вокруг города снег стал черным от копоти и порохового дыма. Четыре с половиной тысячи долговременных узлов сопротивления создали фашисты. Всюду колючая проволока и спирали Бруно. Негде развернуться танкам и тяжелым орудиям. Вся тяжесть боев ложится на штурмовые группы. Метр за метром отвоевывают у врага наши отважные пехотинцы. Им помогают «ильюшины». Они ходят почти по головам фашистов. В этих условиях наши цели суживаются донельзя. Надо поразить неприятельский танк, зарытый в землю, окоп переднего края, пулеметное гнездо. Вот, к примеру, как мы работали вчера. Задача — разбить небольшой одноэтажный дом, который гитлеровцы превратили в дот. Но здание, расположенное через дорогу, уже занято нашими солдатами. Малейшая неточность в расчетах летчика может стоить жизни нашим бойцам. К тому же еще погода хуже некуда. В туманные дни, чтобы не столкнуться в воздухе, ходим парами без прикрытия истребителей.

Тяжелая, но необходимая на войне работа у воздушного стрелка. Он сидит спиной по ходу самолета, задом к событиям, — как шутит Календа, — летчика не видит. Между ними — одетый в бронеплиту бензобак. Командир экипажа держит связь с ведущим группы. Поэтому отвлекать его разговором нельзя. Стрелок может вызвать командира по самолетно-переговорному устройству только в самых необходимых случаях.

Летчик ведет машину по карте, а стрелок порою даже не знает, где он находится в настоящий момент. Стрелок не всегда представляет, почему самолет вдруг камнем падает вниз: что тут — ловкий противозенитный маневр летчика или... вражеский снаряд уже разорвался в моторе и это головокружительное снижение будет последним в его жизни. На размышление стрелку отведено лишь три секунды. Через три секунды уже невозможно будет выпрыгнуть из гибнущей машины: прижмет. С одним стрелком приключился такой курьезный случай. Ему показалось, что машина уже не выйдет из пике, и он си-

ганул с парашютом. А летчик только иа аэродроме обнаружил, что задняя кабина пуста. Незадачливый члеи экипажа явился лишь на четвертые сутки и вынужден был много раз рассказывать о своем приключении под иронические реплики друзей.

Но обычно летчик и стрелок побеждают или погибают вместе. Стрелок — щит летчика, щит грозного штурмовика, который немцы называют «дас шварце тод». В переводе на русский язык это звучит не менее выразительно: «черная смерть». Смерть фашистам несет летчик. Он стреляет по земле из пушек и пулеметов, бросает бомбы, выпускает реактивные снаряды. Стрелок же не имеет права стрелять по наземным целям, хотя иногда так и подмывает дать очередь по артиллерийскому расчету или по поднимающейся в атаку цепи. Первейшая заповедь стрелка — охранять машину в полете от фашистских истребителей.

Маленькие точки, мелькнувшие в облаках, застилающих горизонт, через секунды могут оказаться «мессершмиттами» или «фокке-вульфами». Где уж тут стрелку стрелять по земле? Перед ним хвост своего самолета и неоглядная ширь неба. Правая рука стрелка лежит на спусковом крючке, левая — на рукояти турели. Он смотрит на приближающегося врага сквозь зеркало оптического прицела, стремясь предугадать каждое его движеиие. Горе экипажу, если фашисту удастся обмануть бдительность стрелка и выскочить вдруг под хвост его самолета. Прежде чем остановить сердце машины — мотор и разорвать ее легкие — бензобаки, огненная трасса пройдет через тело стрелка. Но горе и врагу, если тот зазевается и попадет в сетку прицела крупнокалиберного пулемета: он камнем рухнет вниз, оставляя в иебе воиючий дым.

Стрелка не так-то легко провести. Под каким бы ракурсом ни начинал атаку неприятельский истребитель, на его пути встанет пулеметная трасса. Фашист делает вираж, намереваясь снова зайти в атаку. Но стрелок начеку, он не дает фашисту приблизиться без риска быть сбитым. А штурмовик продолжает идти вперед по задаиному курсу. И летчик комаидует стрелку:

— Так держать!

Пока летчики укладывают свои карты в планшеты, мы выходим из землянки, углубляемся в лес и ложимся

прямо в снег. В меховой одежде это не страшно. Солнце уже выглянуло из-за горизонта. Неподалеку от нас механики, которые одеты легче, запаливают промасленную ветошь, разводят небольшой костер, греют руки. Им, беднягам, приходится несладко: весь день на морозе копаться в обжигающем холодом моторе, ползать под брюхом самолета в комбинезоне, пропитанном бензином, маслом, тавотом...

— Ну как, Николай, полетел ты в кругосветное путешествие или нет?—спрашивает Календу Исмаил Насретдинов.

В свободные минуты Николай рассказывает нам всякие забавные истории, которые сам же и сочиняет на ходу. Ребята потешаются, лишь один Исмаил принимает все за чистую монету. Уж очень он привязан к Календе, верит ему во всем и, можно сказать, влюблен в него, как красная девица. Впрочем, Николая нельзя не любить. Календа — самый опытный стрелок в эскадрилье, летает вот уже полтора года. В армии он с тридцать девятого года, как и многие из нас, начинал воевать в пехоте. Под Одессой в сорок первом году был ранен, попал в плен к румынам. Поправившись, бежал из лагеря в партизанский отряд. От партизан перемахнул через фронт, угодил в штрафную роту. Там отличился, получил орден. Еще двумя орденами был награжден у нас в полку. Словом, много лиха повидал Календа на войне. Но изо всех переделок он вынес массу веселых историй. Слушаешь его и думаешь: не страшны этому человеку ни встречные рукопашные бои во вражеских окопах, ни фашистские концентрационные лагеря, ни расплавленное небо над Дунаем...

А вот вчера Колька начал рассказывать историю, будто бы случившуюся с ним еще в школе. Купил он билет Осоавиахима у пионервожатого, картинка на нем показалась ему очень красивой, и приклеил он билет отцовским столярным клеем к стене над столиком, где делал уроки. А потом вдруг обнаружилось, что на этот самый билет выпало кругосветное путешествие на самолете. Только вот незадача, а как его предъявить, если он со стены не отдирается? Пришлось выпиливать со стены кусок бревна и тащить его в сберегательную кассу.

Чем закончилась эта история, Николай накануне так и не придумал. Его, как и всех нас, потрясла гибель Макара Бесфамильного.

— Самый молодой стрелок — и вот такое случилось, — сокрушался Николай. — Не его была очередь, а вот...

— А чья?

— Не знаю, — сказал Николай, — только не его.

— Ну так что было дальше? — Исмаил трогает Календу за рукав. — Приняли твое бревно в сберкассе?

— Успокойся, приняли, — отвечает Календа без энтузиазма. — А как было, расскажу вечером.

Даже у Календы настроение сегодня не очень хорошее. Он достает портсигар, закуривает румынскую сигарету «Плугар», какими нас снабжают последнее время, и, лежа в снегу на спине, глядит неподвижно в какую-то точку низкого сизого неба. Наверное, Колька думает сейчас о своей матери. Кроме Николая, у нее никого нет. Мужа расстреляли фашисты, когда взяли Харьков во второй раз. А старший брат Календы — Витька погиб еще раньше — в финскую кампанию. Ушел он со второго курса института физкультуры добровольцем в лыжный батальон. Провоевал всю войну, а когда заключили перемирие, впервые вместе с товарищами спокойно уснул в лесной землянке. А ночью озверелые шюцкоровцы подкрались к спящим лыжникам и перерезали всех до единого...

— Эх, мама моя, многострадалица! — как-то вырвалось у Календы. — Если что случится со мною, она не переживет...

— Погодка сегодня хуже некуда, — нарушает молчание Борис Афанасьев. — Наверное, не полетим.

И тут же объявляют вылет.

Мы стоим в строю у командного пункта в затылок своим летчикам. На правом фланге за комэском Александром Кучумовым — Константин Вдовушкин. Далее Борис Афанасьев, Исмаил Насретдинов, Вадим Рудницкий...

Наш комэск Кучумов — один из лучших ведущих в корпусе. Сам генерал Каманин берет его в напарники, когда ходит на боевые задания. Комэск начал летать еще на штурмовиках-одноместках.

— Ну и времечко было! — рассказывал нам комэск. — Уйдет на задание эскадрилья, назад возвращается толь-

ко звено, а то и меньше. И такое случалось. Пятнадцать вылетов на штурмовку считалось пределом...

Да, иные времена теперь настали. Мы хозяева положения на земле и в воздухе. Но война остается войной, тяжелой и опасной работой.

Штурман полка майор Румянцев выходит из землянки. В руках у него большая доска из органического стекла. На ней графически изображено построение нашей группы. Штурман полка объясняет задание, дает несколько коротких указаний.

— По самолетам! — звучит команда.

Мы с командиром экипажа моим летчиком Иваном Крашенинниковым спешим к машине. «Ил», на котором летаем, приметен издалека. Механик самолета Саша Хлебутин, бывший студент архитектурного института, нарисовал на стабилизаторе дикобраза, который стоит на задних лапах и, прищурив глаз, смотрит в длинную подзорную трубу.

Еще полгода назад на килях всех машин по примеру нашего «ила» были изображены какие-то диковинные звери: тигрообразные кошки, овцебыки, странные существа, похожие на вымерших динозавров. Но чаще всего встречались изображения лошадей. Были тут и скакуны, и битюги, и жеребята, и пони, и даже шахматные кони, сжирающие ферзей. Все это было весьма примитивно и напоминало рисунки, оставленные на стенах доисторических пещер первобытным человеком.

Прилетел к нам как-то генерал из штаба армии, прошелся по стоянке. Изобразительное творчество наших механиков привело генерала в уныние.

— Чем вы командуете, майор, авиационной частью или конюшней? — грозно спросил он нашего командира полка. — Затереть всех меринов и кобыл, да немедля.

Однако, дойдя до нашей машины, генерал остановился, отошел на два шага назад, заложил руки за спину.

— А вот это да! — разглядывая хлебутинского дикобраза, генерал даже прищелкнул языком. — Мысль есть в рисунке, и это главное: вперед гляди зорко и хвост надежно прикрой иглами. Первая заповедь штурмовика.

Таким образом, изо всех зверей в полку сохранился один хлебутинский дикобраз. Все ходят и нам завидуют. Но Саша сохраняет монополию и на других машинах ничего не рисует.

Теперь, заметив нас, Хлебутин возникает откуда-то из-под брюха самолета и докладывает Крашенинникову:

— Товарищ лейтенант, машина к полету готова!

А мне шепчет на ухо:

— Вчера опять без ужина. Весь вечер заплатки клал да обшивку задраивал. И когда вы только перестанете привозить дыры?

Лейтенант расслышал слова Александра, улыбнулся и сказал:

— Тогда уж, наверное, когда война кончится. Вот так-то, товарищ механик.

Мы с летчиком надеваем парашюты и неуклюже, точно медведи, забираемся в кабины. Проверяю пулемет, даю короткую очередь: все в порядке. Тем временем Саша ложится животом на стабилизатор, хватается руками за обшивку. За поясом у него торчат отвертка, плоскогубцы, ключи, механик должен сопровождать машину до взлетной полосы. Крашенинников запускает мотор, дает газ, и за хвостом самолета рождается вихрь, который поднимает над землею снежную пыль, крутит обрывки ветоши, клочки бумаги. Саша ежится и прячет голову в комбинезон. Это ему удается плохо.

Крашенинников выруливает из капонира. На поворотах Хлебутин соскакивает на землю, лезет под хвост и колотит сапогом по дутику — хвостовому колесику, — помогая машине развернуться, и снова прыгает на стабилизатор. Говорят, что были случаи, когда летчик так и взлетал с механиком на хвосте. Механик полагал, что летчик еще рулит к старту, а летчик надеялся, что механик уже отстал. Словом, последствия такого воздушного аттракциона предугадать нетрудно.

У взлетной полосы Саша соскакивает со стабилизатора, и мы с ним машем друг другу руками:

— До встречи!

Оглушая ревом моторов стартовый наряд, один за другим разбегаются «илы». Почти неуловим момент, когда наша машина отрывается от земли. Только вдруг ощущаешь, что ее уже не бросает на снежных кочках и земля замедляет свой головокружительный встречный

бег. В последний раз замечаю фигурку машущего рукой Хлебутина, и вот уже взлетная площадка кажется величиною с полотенце. На нее, словно мухи, выползают самолеты следующей эскадрильи.

Над аэродромом группа собирается в правый пеленг, ложится на курс. С соседней площадки подходит четверка «яков» — наше прикрытие.

Еще некоторое время видна колокольня церкви, возвышающаяся над плоскими деревенскими крышами. Но вот и ее не видать. Под нами стелется гладкая, как противень, венгерская равнина, сверкающая ослепительной белизной. Островками стоят хутора. Мутно-желтыми жилками прочерчены дороги. На них заметное оживление. К фронту тянутся тягачи с пушками, движутся танки, автомашины. Возможно, это те самые части, что проходили ночью через наше село.

Но вот дороги пустеют. Фронт совсем рядом и, каждую минуту может появиться фашистская авиация. Теперь уже нам, стрелкам, нет времени смотреть на землю.

Из-за облака, что сейчас заслонило солнце, выскакивают четыре истребителя. Чьи? Вот это-то и должен распознать воздушный стрелок. А распознать не так-то просто. Конечно, наши самолеты несут красные звезды, у фашистов — свастика на хвосте и кресты на плоскостях. Но свастику и кресты можно разглядеть лишь тогда, когда твою машину уже прошьет вражеская очередь. Стрелок должен опознавать самолеты издалека — по силуэтам. Это целое искусство, и оно приходит с опытом. Дело в том, что «мессершмитт» похож на «яковлева», а тупорылый «Фокке-Вульф-190» — на «лавочкина». Отличия совсем небольшие, и неискушенному человеку могут не броситься в глаза. Фюзеляж у «мессера» чуть длиннее, кроме того, у него не убирается хвостовое колесо — дутик. Но это заметно, когда истребитель идет под углом. А когда он ложится в атаку под ракурсом ноль четверти и ты видишь только овал капота и узкую линию плоскостей, как быть? Кровью сбитых летчиков и стрелков написан непреложный закон: стрелять! Ведь свой истребитель в атаку не зайдет, к хвосту штурмовика не пристроится.

...Четверка самолетов, вывалившаяся из облака, приближается, и теперь уже ясно, что это «фокке-вульфы».

В воздухе распускается несколько красных ракет; стрелки со штурмовиков обращают внимание истребителей прикрытия на приближающуюся опасность. Истребители тоже заметили «фоккеров».

— Горбатые, подтянитесь! — радирует командир звена «яков» нашему ведущему. Когда штурмовики идут плотным строем, истребителям их удобнее защищать.

«Фоккеры» не очень-то спешат приблизиться к нашей группе. Тут бывают всякие сюрпризы. Так оно и есть. Смотрю вниз и вижу, что к нам снизу стараются подкрасться еще два фашиста. Кто-то из стрелков, кажется, Вадим Рудницкий, выпускает короткую очередь. Зря. Немцы пока далеко, стрелять — только пули тратить. А ведь они очень пригодятся в бою. Но все обходится благополучно. В воздухе появляются восемь «лавочкиных», и враг благоразумно пускается наутек, так и не предприняв атаки.

Как-то, после моего третьего или четвертого вылета, на земле ко мне подошел Николай Календа, летевший в соседнем самолете, и сказал:

— Поглядывал я на тебя в деле. Что-то ты вертишь все время головой, как кукольный Петрушка на ярмарочном представлении. Неужели потом ты не маешься головной болью? Не надо бояться, что фашист вдруг мгновенно к тебе подлетит. На это ему требуется какое-то время. Ведь это не муха, которая внезапно садится тебе на нос! Посмотри внимательно в одну сторону, в другую, не торопясь, пошарь внизу, вверху. А будешь вертеть головой, в глазах одно мельтешение — ничего не увидишь.

Я всегда помню этот добрый совет товарища...

Теперь небо полностью наше. Фашистов не видать. Над подступами к Будапешту оно напоминает хорошо обжитую автомобильную дорогу. Вот, широко растянувшись у самой земли, возвращается с задания эскадрилья штурмовиков. Высоко над облаками нашим курсом идут «бостоны». Правее нашей группы летят шесть «юнкерсов». Их сопровождают четыре «мессершмитта». Но это не немцы. Нас предупредили, что это военно-воздушные силы королевской Румынии, которая теперь объявила войну своим недавним союзникам.

Из-под крыла самолета выползает широкая голубая лента Дуная. Мы летим в район Будапешта. Нам теперь

уже знакомы очертания этого громадного города. На самом берегу реки виднеется большое неуклюжее здание биржи. Узнаю королевскую оперу, парламент. На том месте, где еще недавно пролегали мосты через Дунай, остались только быки. Мосты взорвали гитлеровцы. Говорят, это были самые красивые мосты на Дунае.

Рядом с нашей машиной появляется облачко, затем второе, третье. И вот уже впереди, сзади, ниже и выше нас встала сплошная стена рвущегося металла: открыли огонь фашистские зенитчики.

Многие воздушные стрелки предпочитают воздушный бой зенитному обстрелу. Там они чувствуют себя активно действующими фигурами, они ведут открытое сражение с врагом, исход боя зависит от их умения, храбрости, выдержки. А тут ты живая мишень, делать тебе нечего: под огонь собственных орудий вражеские истребители не пойдут, сиди да гляди, как вокруг рвутся снаряды, подступая к машине все ближе и ближе...

Впрочем, если бы это не был несущий смерть шквал, можно было бы оценить, что небо сейчас необычайно красиво. Лучшей иллюминации и не придумаешь. Словно пушистые хлопушки из ваты, что украшают новогодние елки, развешаны по небу белые облачка разрывов от снарядов тридцатисемимиллиметровок. Качаются и медленно плывут, причудливо меняя форму, смолисто-черные облака разрывов тяжелых снарядов. В траншеях, на крышах домов мигают розовые вспышки крупнокалиберных пулеметов, и их трассы судорожно мечутся по небу, напоминая точки и тире, выскакивающие на ленте из телеграфного аппарата.

За хвостом самолета вдруг повисает артиллерийский снаряд. Стальная болванка не рвется. Она какое-то время держится на одной точке, затем начинает проваливаться вниз, набирает скорость, пока, наконец, не становится уже невидимой для глаза. По группе, оказывается, стреляют танки, закопанные в землю.

Мы должны штурмовать ипподром, превращенный фашистами в посадочную площадку. Будапешт окружен со всех сторон, и здесь приземляются транспортные самолеты, которые доставляют осажденному гарнизону боеприпасы, продовольствие, горючее. По данным воздушной разведки, три «Юнкерса-52», севшие ночью, еще не успели улететь.

Цель под нами. Крашенинников бросает машину к земле. Но что это? Пушки молчат, бомболюки закрыты. Чего же мешкает командир? Мы выходим из атаки, и теперь вижу, что никто из летчиков не сбросил бомб. Для чего же понадобилась ложная атака, да еще под таким убийственным зенитным огнем? — ломаю голову.

Машины уходят на второй круг, и я вижу, как по ипподрому во все стороны разбегается разношерстная толпа. Все становится ясно. Фашисты согнали на строительные работы гражданское население. Летчики не хотят губить невинных людей и дают им время добежать до укрытий. А на взлетной полосе действительно стоят трехмоторные «юнкерсы».

Идем во вторую атаку. Зенитчики пристрелялись и ведут на редкость прицельный огонь. Пулеметная очередь прошивает фюзеляж. Одна пуля на излете ударяет в бронеплиту бензобака и рикошетом вылетает из кабины в бушующее огнем небо. Но мы летим, тяги рулей управления не повреждены.

— Жив? — слышу в наушниках голос командира.

— Все в порядке.

На взлетном поле уже рвутся бомбы. Резкий толчок сотрясает машину. С пилонов, установленных под плоскостями, срываются эрэсы. Крашенинников открывает огонь из пушек и пулеметов. Языки пламени ползут по обшивке «юнкерсов». Все, в воздух им больше не подняться. Рвутся ящики с боеприпасами, которые фашисты не успели вывезти с ипподрома.

Группа поворачивает домой. Позади проплывает последнее облачко зенитки. Оно становится все меньше, пока не превращается в темное пятнышко. Мы над своей территорией.

На закате эскадрилья еще раз появляется в районе Будапешта. Огромные клубы дыма поднимаются высоко вверх, смешиваясь с облаками. Даже здесь, на высоте тысячи метров, ощущаются запахи гари. Горят нефтехранилища, складские помещения, разбитые эшелоны. Сегодня здесь поработала не одна группа штурмовиков

Эскадрилья становится в круг. Зенитный огонь намного меньше. Мы бомбим корпуса табачной фабрики, укрепившись в которых фашисты оказывают отчаянное сопротивление нашим штурмовым группам. После бомбомета-

ния летчики, снизившись, обстреливают неприятельские позиции. Одновременно по ним бьет наша артиллерия. Над нами обратным кругом ходят истребители, зорко наблюдая за небом. Отходим от цели почти на бреющем полете, и мне хорошо видно, как пехотинцы поднимаются в атаку. Удачи, боевые друзья!

Когда подходим к аэродрому, солнце уже опускается за горизонт. После ужина пойдем в свое общежитие — длинный крестьянский дом у самой дороги. Костя Вдовушкин будет писать письма домой, недовольно поглядывая на хохочущих Насретдинова и Афанасьева, слушающих Календину сказку о том, как он отправлялся с бревном в кругосветное путешествие. Мы с Вадимом Рудницким пойдем за два дома к стрелкам третьей эскадрильи поиграть в шахматы... Да, вылетов сегодня больше не будет, наш рабочий день кончился. Вечером мы уступаем место в воздухе ночным авиаполкам. Всю ночь «пешки», «бостоны», ТБ, По-2 будут обрушивать свой смертоносный груз на головы фашистов до самых утренних зорь, когда опять придут им на смену труженики военного неба — горбатые штурмовики Ил-2.

Лейтенант Крашенинников, мой командир экипажа, слывет в полку самым невозмутимым человеком. Легко и надежно летать с ним. Даже в самую критическую минуту воздушного боя знаешь, что сердце командира бьется ни на удар чаще, что движения его по-прежнему размеренны и точны, а глаза все так же ясно видят небо и землю. Спокойствие и собранность командира невольно передаются и тебе.

Крашенинников — один из лучших бомбометателей в полку. Когда другая эскадрилья идет бомбить переправу или железнодорожное полотно, которое с заоблачной высоты кажется не толще вязальной спицы, она обязательно берет с собою Крашенинникова. И его бомбы ложатся точно в цель.

Особенно отличился мой Иван Васильевич при штурмовке львовского аэродрома. Летом сорок четвертого года на нем базировались сто пятьдесят фашистских бомбардировщиков, которые серьезно мешали нашим наземным войскам развить широкое наступление. Днем к аэродрому не подойти: он прикрыт плотным зенитным огнем, над ним висят вражеские истребители. Тогда у ко-

мандира нашего корпуса генерала Каманина возникла идея ночного вылета. Это была дерзкая идея, ведь штурмовик к ночным полетам не приспособлен, ночью штурмовик «слеп». Мы взлетели перед рассветом, подошли ко Львову в предутренней мгле и застигли врага врасплох. Крашенинников первым спикировал на стоянку и поджег двухмоторный истребитель-бомбардировщик «Мессершмитт-110». Пока зенитчики очухались, дело было уже сделано: на поле горели вражеские самолеты, зарево огня полыхало над складами и нефтехранилищами. На некоторое время аэродром был выведен из строя...

Когда мы уходили на бреющем, мимо нашей машины, чуть не протаранив нас, промчался метеором какой-то шальной, насмерть перепуганный «мессер». Я не успел повернуть турель, как он исчез, точно призрак.

— Чего же ты не стрелял?—спросил меня Крашенинников уже на аэродроме, как только мы сбросили с себя парашюты.

— Все случилось так внезапно. Не ожидал...

— А чего же ты, интересно, ожидаешь? Что тебе в воздухе пришлют пару пива? Уж если ты воздушный стрелок, так каждую секунду будь готов к встрече с «мессером»...

— Виноват, Иван Васильевич...

— Конечно виноват. Мог отличиться, сбить «мессершмитта». А вот прошляпил, — укоризненно говорит Крашенинников. — Учти на будущее. Хотя вряд ли еще найдется такой дурак, который подставит тебе свои бока с таким блеском.

Впрочем, к этому неприятному разговору Крашенинников больше не возвращается, он щадит мое самолюбие...

Два дня назад мы полетели, как обычно, в район Будапешта, но в воздухе командир эскадрильи капитан Кучумов получил по радио новое задание—лететь к берегам озера Балатон, бить немецкие танки. Уже на земле мы узнали, что гитлеровцы начали отчаянное наступление, стремясь любой ценой пробиться к Будапешту. Они ввели в бой свежие танковые и мотомеханизированные дивизии, отбили назад город Секешфехервар. Над Балатоном нас встретили десятки фашистских истребителей: фашисты перебросили сюда и новые авиаполки.

Теперь каждый вылет на Балатон — это воздушный бой. Под нами внизу горят танки. Над нами клубки бьющихся истребителей. Падают объятые пламенем «яковлевы» и «фокке-вульфы», «юнкерсы» и горбатые «илы»...

Воздушный бой длится иногда меньше минуты. Но всегда кажется, что от первой и до последней пулеметной очереди пролегает целая вечность. Быть может, оттого, что в воздушном бою секунду прожить труднее, чем иной год. Как только за хвостом самолета повисают красные ракеты, небо становится вдруг необычайно узким и во всей его бескрайней голубизне видишь только силуэты приближающихся вражеских машин.

Кабина стрелка открыта, и он обдувается всеми встречными и попутными ветрами. Стрелок летает в тоненьких шерстяных перчатках. Правда, за поясом или из бокового кармана комбинезона торчат краги, но надевать их можно только на земле. В толстых меховых перчатках нельзя работать с пулеметом: нажимать спусковой крючок, действовать отверткой, тросиком, гильзоизвлекателем.

Руки стрелка лежат на обжигающе-холодной стали. Они немеют сразу же после взлета. Напрасно стараться согреть их своим дыханием. Нет, кажется, такой силы, которая могла бы согнуть пальцы в суставах. Но вот появляются вражеские истребители. И сам уже не замечаешь того, что пальцы двигаются с необычайным проворством. Наверное, кровь, горячая, закипающая от близости смертельной схватки, отливает от сердца, возвращая тепло, а с ними и жизнь онемевшим суставам.

Но теперь другая беда. Когда фашист близко, не хватает силы воли оторвать указательный и средний пальцы правой руки от спускового крючка пулемета. Истребитель идет прямо на тебя, и нервы не позволяют прекратить огонь. Но оторвать пальцы от спускового крючка нужно. Стрелок обязан это сделать. Он должен вести огонь короткими очередями, иначе весь боезапас вылетит через ствол скорострельного авиационного пулемета в первые же минуты воздушной схватки.

Новичок может выпустить все пули одной очередью. Но опытный стрелок никогда так не поступит. Ведь неизвестно, сколько атак предпримут фашисты, да и потом, отбившись от этих, группа может встретить на своем пути еще и другие истребители врага.

— Ты должен отпускать спусковой крючок еще до того, как услышишь свою очередь,—учили меня на первых порах Календа и Вдовушкин. — Вот тогда-то патронов у тебя наверняка хватит.

Однажды только находчивость помогла нашему стрелку Николаю Аленину спасти машину, жизнь летчика и свою. Николай расстрелял все патроны, когда «мессершмитт» зашел в четвертую атаку. Аленин выхватил ракетницу и выпустил красную ракету. Фашист с перепугу принял след ракеты за пулеметную трассу и, не рискнув подойти к штурмовику, ушел. После этого эпизода наши стрелки стали особенно беречь патроны. К тому же на земле после боя капитан Кучумов проверяет патронные ящики стрелков, и тех, у кого осталось слишком мало патронов, ждут неприятности...

Теперь эскадрилья делает по три-четыре вылета в день. Бьем танки под Естергомом и Комарно, расстреливаем вражескую пехоту на берегах Балатона и Веленце...

Причудливо-игривые облака застилают горизонт. Хорошо, когда такие облака висят над просыпающимся мирным городом, когда поют заводские гудки, дети собираются в школу. Но здесь, в военном небе, эти пробуждающие в сердце лирику золотистые облака могут таить смертельную опасность.

Так оно и есть. Еще группа не доходит до Секешфехервара, как из облаков вываливаются «фокке-вульфы». Насчитываю десять вражеских машин. Наша группа первая, которая сегодня летит к Балатону и которую здесь встречают фашисты.

«Фоккеры» бросаются в атаку. Путь им преграждают «яковлевы», сопровождающие штурмовиков. Все смешивается в один движущийся со страшной скоростью клубок. Небо прочерчивает множество красно-зеленых трасс. Из самой гущи клубка выпадает пылающий факел. Густая пелена облачной дымки и длинные огненные языки, охватившие машину, мешают разобрать, кто это: фашист или наш.

Падает на землю еще один самолет, взметая столб огня...

«Фоккеры» сковали боем наше прикрытие, уводя его все дальше от группы. И вот четверка «мессеров», вывалившихся из другого облака, прорывается к штурмови-

кам. Один из фашистов заходит в хвост крайней машины, где летит Календа со своим летчиком Дмитрием Аксеновым. Календа открывает огонь, но момент упущен. Гитлеровец бросает машину вверх и зависает над группой. Чувствуется, что это бывалый летчик. Он летит над нами, сильно накренив самолет. Но пулеметы не достают врага. В этом положении он тоже нам не опасен. Вижу, что Календа высунул кулак из кабины и грозит фашисту. Мне кажется, что тот, в свою очередь, показывает язык.

Гитлеровец, который болтается над нами, не просто лихач. В любой момент он может развернуться и стрелять по группе. Мы не спускаем с него глаз. Остальные истребители заходят в атаку. По ним открывают огонь все стрелки. Но фашисты не отворачивают.

Группа над целью. Вот почему так упорно лезут на нас фашисты. Летчики бросают бомбы с горизонтального полета и, не становясь в круг, поворачивают назад. За нами неотступно следует клубок бьющихся истребителей. Вижу только четверку «яковлевых». А их было шесть. Враг не прекращает атак. Продержаться бы недолго, скоро линия фронта. Над нашей территорией «фоккеры» не такие уж охотники вести воздушный бой.

Гитлеровец, который болтался над нашей группой, вдруг делает боевой разворот и сбоку пикирует на крайнюю машину. Там Аксенов и Календа. Я кусаю губы, фашиста пулеметом не достать: он в мертвой зоне. Сейчас произойдет катастрофа! «Фоккер» открывает огонь изо всех огневых точек, их трасса образует сплошную огненную доску. Она проходит ниже штурмовика. Гитлеровец медленно выбирает ручку, не прекращая огня, и зловещая доска подползает все ближе к обреченному «илу». И вот она, пройдя через машину, уходит вверх. Из мотора бьет пламя. Аксенов либо ранен, либо ослеплен. Штурмовик теряет управление, задирает нос, сваливается набок...

Из кабины стрелка вырывается черный дым. Зловещие языки пламени, которые не может сбить встречный вихрь, по кромке фюзеляжа подползают к бензобаку. Если сейчас Календа не выпрыгнет, то...

А «фоккер» подходит вплотную к смертельно раненной машине и расстреливает ее в упор. Все стрелки ведут огонь по фашисту, но на таком расстоянии в него не

попасть. На горизонте возникают четырнадцать черных точек. Я различаю силуэты «лавочкиных». Скорее, скорее! Но за «илом» по-прежнему идет «фоккер». Он подходит настолько близко, что, кажется, вот-вот отрубит винтом хвостовое оперение. Но почему не выпрыгивает Николай? Убит? И вдруг из охваченной пламенем машины вырывается короткая трасса. Сомнений быть не может, это стреляет Календа. Он жив! «Фоккер» клюет носом и рассыпается на куски. Прямое попадание в бензобак! На том месте, где только что летел фашист, болтаются щепки и тряпки, словно кто-то здесь, в небе, опрокинул мусорный ящик. Успел ли Календа увидеть результат своей работы? Мгновением позже крылья штурмовика цепляют верхушки молодого перелеска. Оранжевый взрыв подбрасывает вверх десятки стволов...

И вот мы заходим на посадку. Колеса мягко касаются земли, у капонира Крашенинников убирает газ. Отстегиваю парашют, открываю фонарь, соскакиваю на землю. Но что с командиром? Ранен?

Снова карабкаюсь на плоскость и заглядываю в кабину летчика. Иван Васильевич сидит, уперев лоб в штурвал. Я стучу кулаком по плексигласу, и он медленно поднимает голову. Командир открывает фонарь, выходит на плоскость. Мы молча направляемся к землянке: впереди он, за ним я.

На аэродроме все уже знают о гибели Аксенова и Календы. Из штаба полка приносят фотографии погибших, и мы с Костей Вдовушкиным выпускаем «Боевой листок». Старший лейтенант Аксенов снят без головного убора при орденах. Этот снимок делался на документы, когда его представляли к третьему ордену Красного Знамени. Календа глядит со снимка своим обычным смешливым, с лукавинкой взглядом.

Мы приклеиваем фотографии на бумагу. Просто не верится, что ребята, с которыми мы всего два часа назад ехали на аэродром и вместе садились в самолеты, живут теперь только на этих снимках. Я думаю о матери Николая. Каково ей будет узнать, что погиб и ее второй сын! В ушах стоят слова Календы, которые он сказал три дня назад, когда погиб Макар Бесфамильный: «Не его была очередь»...

Подходит Саша Хлебутин. В руках у него банка с красной краской и кисть:

— Крашенинников приказал стереть нашего дикобраза и во всю длину фюзеляжа написать слова: «Мстим за Аксенова и Калеиду»...

Вывешиваем «Боевой листок» у входа в землянку летного состава. Тут же собираются летчики и стрелки...

В первый раз возвращаемся с ужина без Калеиды. Идем молча. Борька Афанасьев все качает головой и тяжело вздыхает, глаза Исмаила Насретдинова полны слез. У нашего дома нас встречают незнакомые ребята с вещмешками и чемоданчиками, у одного за спиной на ремешке, точно карабин, висит гитара. Оказывается, к нам прибыло пополнение — новые стрелки: старшина Иван Тищенко, сержанты Василий Козлов, Геннадий Пузиков, ефрейтор Александр Бауков.

— Из школы воздушных стрелков? — осведомился Костя Вдовушкин, пожимая новичкам руки.

— Да нет, собрали нас из госпиталей, — ответил старшина Тищенко.

— Значит, уже обстрелянные?

— Выходит, так. И обстрелянные и простреленные.

— А у нас экипаж сегодня погиб, — сказал Исмаил. — Летчик Аксенов и стрелок Калеида, наш друг.

Новички уже слышали об этом в штабе. Помолчали. Покурили.

Василий Козлов взял в руки гитару, провел по струнам.

— Ну что тут скажешь! — молвил он. — Лучше я спою вам по настроению. Нового ничего не знаю, спою старую курсантскую, аэроклубовскую.

И он запел низким приятным голосом:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.

Как будто бы знал, что эту песню любил Калеида...

— Ну, вот, теперь в эскадрилье свой гитарист, — сказал Костя Вдовушкин. — Только отдыхать уже пора. А вам особенно, — обратился он к новичкам. — Так что располагайтесь. На нарах теперь есть свободные места...

Утром новички поехали с нами на аэродром, представились комэску Александру Кучумову.

— Вообще-то вам невредно пару деньков посидеть на земле, пообвыкнуть, — заметил капитан. — Да вот стрелков маловато, хоть в другой эскадрилье занимай! Что ж, по пятьдесят вылетов у вас есть. А это и стаж и опыт. Готовьтесь в полет.

Эскадрилья летит к Эстергому. Аэроразведка сообщила, что у речных причалов скопилось много барж, судов. Фашистское контрнаступление захлебывается, гитлеровцы эвакуируют на запад склады, битую технику.

Заходим за истребителями, их аэродром рядом. По взлетной полосе разбегаются две пары «яков», свечой взмывают вверх и занимают свое привычное место — сзади и выше группы. Один из «яков» проходит над нами и трижды покачивает крыльями. Ясно, нас сопровождает звено Бориса Столповского, он всегда подает нам такой сигнал. Мы знаем, что, когда группу прикрывает звено Столповского, истребители будут защищать нас до последнего вздоха. На счету самого командира звена шестнадцать стервятников. Большинство из них он сбил на наших глазах. А видели-то мы своего телохранителя всего только раз: за какой-то надобностью оказался он на нашем аэродроме. Белобрысый, среднего роста, грудь колесом. Подошел к нам и не то в шутку, не то всерьез сказал:

— Прошу вас, господа мушкетеры, стреляйте с понятием, куда надо. Ничего я, друзья мои, не боюсь, ни «фоккеров», ни «мессершмиттов», ни даже зенитного огня. А вот стрелков своих опасаюсь. После того как еще на Калининском фронте один молодец из вашего брата пальнул по машине моего кореша Мишки Трускачева. Едва Мишка до аэродрома дотянул...

Показывается затянутый легкой сероватой дымкой Дунай. И вот уже за хвостом встают белые облачка — бьют зенитки. Значит, переходим линию фронта. Дунай исчезает, но вскоре показывается опять. Из облака вываливаются два «фоккера». Если их всего два, то за нами не пойдут. Докладываю командиру:

— Два «фоккера» слева и выше нас. Ведут себя спокойно.

И слышу в ответ ровный голос:

— Понял. Гляди в оба.

Эстергом мы обходим с севера. Скоро цель. Это я узнаю по тому, что летчик Полянкин, идущий крайним

слева, ныряет под группу, проходит под нею и появляется рядом с машиной, летящей крайней справа. Тем самым он дает возможность ведущему начать атаку. Комэск сваливает машину набок и заходит в пике. За ним, точно в пропасть, проваливаются штурмовики Назаркина и Викторова.

Теперь наш черед. Что-то лопается под самым сердцем. Меня отбрасывает назад, прижимает к бронеплите бензобака. Пулемет становится необычайно тяжелым. Сейчас уже невозможно сдвинуть его на турели. Земля исчезает. Передо мною кусок голубого неба. На мгновение в этот кусок залетает четверка наших истребителей и выскакивает тут же за пределы видимости. Под хвостом возникает гороховое облако. Это звенья и гильзы пушечных снарядов, которые отсекаются прямо в воздух. Крашенинников открыл огонь.

Следом в атаку входит машина Полянкина. По кромке ее плоскостей ползут ало-белые всполохи: бьют пушки и пулеметы.

Тяжелые, точно из ртути, шарики откатываются от горла и рассыпаются в животе звенящими колокольчиками. Крашенинников выводит машину из пике, и мне открывается река. С горящих судов фашисты спускают шлюпки. Эскадрилья делает еще один заход. Когда Крашенинников отходит от цели, я вижу, что Дунай чист: нет ни буксиров, ни барж, ни шлюпок. Здорово сработано!

В облаках прячется пара «фоккеров», должно быть, та самая, которую мы уже встречали. Судя по всему, заманивают наших «яков». Но ребята Столповского рядом с нами.

Сигналю летчику:

— Еще пара «фоккеров».

— Понял, — слышу ответ. — Гляди в оба. Сейчас может начаться.

Сообщаю Крашенинникову:

— Еще пара «фоккеров».

— Вторая.

— Третья...

Насчитываю в воздухе уже четырнадцать вражеских машин. Болтали, будто для прикрытия Вены Гитлер перебросит с центральных направлений несколько истребительных полков. Наверное, это они самые. Шесть стер-

вятников атакуют «яки» Столповского. В прочерчеином трассами небе иачинается бешеиая гонка с выбыванием. Падает «фоккер», за ним второй. Третий, оставляя за собою дымящийся шлейф, выходит из боя и улепетывает на запад. Но и наши истребители остаются только втроем. Трое против одиннадцати! Силы слишком иеравны...

Пара «фоккеров» прорывается к группе и атакует крайнюю машииу. В ней Назаркин и иовичок Тищеико. Фашисты открывают огонь. Из кабины пилота вырывается клуб черного дыма. И вот уже языки белого пламени лижут фюзеляж. Точно споткнувшись, смертельно раненная машина замерла иа одной точке, потом бессильно легла иа спину и, потеряв всякое управление, вдруг резко пошла влево. Вот-вот сейчас врежется в соседа. Видит ли летчик Квасников приближающуюся смерть? Но что ои может сделать? Он зажат между объятым огнем Назаркиным и группой. Закрываю глаза, а когда через миг открываю, вижу два горящих факела, падающих на землю. И тут же взрыв, еще взрыв... Назаркин — Тищенко, Квасников — Насретдинов... Из штаба полка в летную землянку сейчас понесут их фотографии. Но только ли их?

Опьянениые успехом фашисты решают разорвать, рассеять иашу группу, чтобы расклевать «горбатых» по одному. По центру они атакуют машину комэска. Что ж, и у иас иеплохая мишень. Когда стервятники нападают иа крайиего, стреляет только крайний стрелок. А когда атака в центре, огонь ведут все стрелки. В хвосте у группы четверка «фоккеров». По ним бьют пулеметы всех стрелков. Загорается один «фоккер» и тут же второй. Третьего, иастигнув сзади, сбивает Столповский. Теперь он у нас едииственный защитник...

Девять оставшихся гитлеровцев атакуют группу по всему фронту. Один из иих иыряет под хвост иашего «ила», летящего теперь крайиим. Я его не вижу, я не могу достать его пулеметом. А ои, притаившись в «мертвой зоне», сейчас приблизится и распорет иам брюхо своей огненной доской...

Вскакиваю с ремия — сиденья стрелка — больио ударяюсь головой о фонарь. Пол кабины дрожит, машина кренится, с одного борта открывается земля, с другого — небо: Крашенииииков маневрирует, мешая атакующим ист-

ребителям поймать нас в прицел. Но командир не знает, что под нашим хвостом спрятался «фоккер», который, чувствуя свою полнейшую безопасность, уже празднует победу.

Есть только один выход. Нет, даже не выход, один шанс из ста. Стрелять сквозь фюзеляж своей машины. Стрелять наугад. Если трасса пройдет вблизи «фоккера», он наверняка испугается, струсит, отвернет. Фашист не поймет, почему пойманный штурмовик способен огрызнуться, откуда ведет огонь. Плечом поднимаю корпус пулемета, ствол почти упирается в обшивку, надо стрелять сквозь свой самолет. Внизу слева проходят тяги рулей поворота. Тросики совсем тонкие, оборвешь их пулей, машина рухнет вниз. Самоубийца не только лишит себя жизни, но и убьет командира. Но надо решаться. Иначе нажмет на свою гашетку фашист. Он мог бы уже нажать, но как боксер, загнавший обессилевшего соперника в угол, выбирает, когда удобнее нанести один решающий удар. Мысленно я уже стреляю тысячу раз, но мои два пальца по-прежнему лежат на спусковом крючке. Почему-то вспомнилось, как Колька Календа на зависть всей эскадрилье играл в очко и выигрывал. Когда он получал от банкомета туза, то всегда прикупал карту вслепую. А потом потихонечку открывал карту, ласково поглаживая ее по рубашке, точно приглашая явиться десятку или, девятку, и, затаив дыхание, приговаривал: «Четыре сбоку, ваших нет!»

Вот и мне надо тащить карту вслепую, только уж слишком много стоит на кону. Если я увижу два креста сбоку от нашей машины, то значит фашист испугался, дрогнул, отвернул...

— Командир, держи штурвал крепче! — кричу я так громко, что, кажется, он может услышать меня без СПУ.

Алое пламя огоньками папироски вспыхивает и тухнет на серой обшивке. От рваной пробоины во все стороны змеятся трещинки. Мы держимся в воздухе, летим, значит, мои пули не ушли влево. Но где же «фоккер»? Я не вижу его плоскостей с желтыми крестами. Он не заметил огненной трассы? Или заметил, но все понял и не поддался на удочку? Сквозь обшивку штурмовика уходит вторая очередь. Пробоина больше, трещины шире. Больше стрелять нельзя: разломлю кабину. Я мучительно

жду. Мучительно долго тянутся секунды, те самые, которые длиннее иных годов. Гляжу вниз. За тенью нашего «ила» по земле, накрывая то перелески, то озерца, неотступно скользит еще одна тень. И вдруг эта чужая тень резко уходит в сторону, и вот я уже вижу кресты на плоскостях перепугавшегося «фокке-вульфа».

Да, воздушный бой длится иногда меньше минуты, тридцать — сорок секунд. И кажется, ни о чем не думаешь, кроме того, как только отбиться от наседающего врага, и ничего не видишь, кроме зловещей вражеской машины. А на самом деле в голове, обгоняя друг друга, проносится рой мыслей. Они словно записываются на идущую со страшной быстротой ленту магнитофона, которая потом уже на земле раскручивается значительно медленнее. И тогда поражаешься, как много передумал за эти короткие секунды.

Идут годы, проходят десятилетия, а перед моим умственным взором все крутится и крутится нескончаемая лента воспоминаний. Я вижу, как наяву, предрассветные зори над полевым аэродромом, красную ракету над КП и команду: «По самолетам!» Я чувствую запахи эмалита и грозненского авиационного бензина — запахи моей молодости. Я слышу голоса ребят, не вернувшихся с войны: Календы, Насретдинова, Бесфамильного, Тищенко. Я вспоминаю своего командира лейтенанта Крашенинникова, моего дорогого Ивана Васильевича, разбившегося через год после Победы в тренировочном полете. И если мне становится трудно, случаются какие-то мелкие неприятности, дрязги, я вспоминаю себя, двадцатилетнего, в кабине краснозвездного «ила», стреляющего сквозь тело своей машины в подкравшегося врага...

Крутится лента невидимого магнитофона, записанная там, в военном небе, когда секунды были длиннее годов. И ничего не поделаешь, этими секундами до самой своей смерти в теплой постели будет жив бывший солдат...

1983

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЛЕТ

Хмурым заснеженным утром сержант Виктор Макаров, стрелок с горбатого «ила», полетел в свой сотый боевой вылет. Сотый вылет — это событие в штурмовом полку. Если б существовал некий общевойсковой эквивалент, по которому можно было бы сравнивать труд огнеметчика с трудом сапера, или вычислить, кому соответствует в противотанковой артиллерии моторист с торпедного катера, то этот эквивалент показал бы, что сто раз слетать на штурмовку, все равно, что на земле в сто атак сходить. Много ли таких отыщется в пехоте, в танковых войсках? В той же штурмовой авиации? Уж если человек сто раз слетал на штурмовку, значит, побывал он во всяких передрягах, отстреливался от заходящих в хвост «мессеров», горел, выпрыгивал с парашютом, пробирался на аэродром с вынужденной посадки на вражеской территории, был ранен, похоронил немало друзей-товарищей...

Все это перенес сержант Макаров. Перенес и выжил. И в сотый раз летел в бой. Вот поэтому-то комсорг полка Валерий Севидов стал готовить торжественную встречу. Еще эскадрилья подходила к Будапешту, а комсорг в землянке летного состава разложил кисти, краски и стал выпускать «Боевой листок». Тусклый свет коптилки, сооруженной из гильзы авиационного снаряда, дрожал на куске бумаги.

Друг юбиляра стрелок Борис Сильченко заглянул через плечо комсорга и вслух прочел выведенные красной тушью слова аншлага: «Слава бесстрашному воздушному бойцу Виктору Макарову, совершившему 100 боевых вылетов!»

— Не торопишься ли, Валера? — вздохнул Сильченко. — Разве долго вывесить листок, когда группа вернется?

Как и многие в авиации, Борис отдавал дань приметам. Уж много всяких невероятных случаев знала фронтовая практика штурмовиков. Вот, например, здесь, в Венгрии, зенитки сбили три самолета третьей эскадрильи, и всякий раз снаряд попадал в штурмовик, летевший третьим от ведущего. Что это: судьба, злой рок? Будто кто-то заколдовал эту проклятую цифру «3»! Верь

или не верь приметам, но летчики волновались, нервничали, когда им выпадало лететь третьими в группе.

Согласно авиационным обычаям у Бориса Сильченко был талисман: шерстяные перчатки, старые, промасленные. Много раз старшина эскадрильи чуть ли не силой заставлял его получить новые, но Борис отказывался наотрез:

— В них я начал воевать, в них и закончу.

В свободное время между вылетами он только тем и занимался, что штопал перчатки: зашивал одну дыру и тут же обнаруживал другую. Вот и сейчас Борис вдел нитку в ушко иголки, взглянул, как комсорг приклеивал эмалитом фотографию Макарова к «Боевому листку», покачал головой:

— Харьков проходили за шесть минут, казалось, больше города и не встретишь. А над Будапештом лететь десять минут. Десять минут подставлять бока и пузо под орудия всех калибров...

Потом привезли обед. Официантки Шура и Катя внесли в землянку коробку с посудой, бачки и термосы. Под низким бревенчатым потолком поплыли густые аппетитные запахи.

— Сегодня у нас пельмени, — торжественно объявила Шура. — Всю ночь лепили...

Летчики и стрелки спрыгнули с нар, стряхивая солому с меховых комбинезонов. И тут послышался нарастающий гул моторов. За обледенелыми окнами землянки кто-то крикнул:

— Идут!

Люди выбежали наверх. После копоти и духоты землянки морозный ветер ударил в лицо, наполнил легкие свежестью. Гул моторов приближался, и вот уже из низких пепельно-серых облаков стали вываливаться штурмовики.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, все! — Борис Сильченко облегченно вздохнул.

Комсорг Севидов радостно помахал рукой группе, словно там, в небе, могли заметить его привет, и прикрепил к щиту у землянки «Боевой листок».

Одиннадцать возвратившихся прочли слова поздравления, но тот, к кому они относились, увидеть уже ничего не мог. Виктор Макаров неподвижно висел на ремне.

припав головою к бронеплите бензобака. Пол кабины, унты, комбинезон были забрызганы кровью. Летчик Макарова, лейтенант Григорий Пласкин, откинул фонарь, вылез на плоскость, заглянул в кабину стрелка и отчаянно замахал руками. Дежурившая на КП санитарная машина помчалась к взлетной полосе.

Полковой врач майор Петр Барашков стянул с руки воздушного стрелка крагу, нащупал пульс.

— Жив, — сказал он. — Пока жив.

Виктора вынули из кабины, положили на носилки, сняли шлемофон. Из его носа, рта, ушей стекали алые струйки крови.

— Тяжелая контузия, — констатировал врач.

— Странно, — пожал плечами летчик Пласкин. — Зенитки били правее и ниже. Возле самолета не разорвался ни один снаряд. На обшивке ни царапины...

— Никаких внешних повреждений тканей, — сказал Барашков. — Взрывная волна.

И попал Виктор в эвакогоспиталь в маленький уральский городок. Борис Сильченко посылал ему письмо за письмом. Ему отвечали палатные сестры: «Ваш друг не слышит, не говорит, ничего не понимает».

Пришла весна Победы. Вскрывшаяся река несла льдинки, под окнами госпиталя на берегу зазеленели огороды, в палаты сквозь открытые форточки залетал тополиный пух. А в штурмовой авиаполк, который уже перебазировался из Венгрии на аэродром Тирасполя, по-прежнему шли письма от медсестер: «Не слышит, не говорит, ничего не понимает».

Исцеление Виктора Макарова произошло неожиданно. Стоматолог, проводивший обследование всех раненых, разжал непослушные челюсти стрелка и через свое зеркальце увидел в нёбе плохо затянувшийся шрам. Рентген обнаружил пулю. Это был редкий, а может быть, единственный в истории медицины случай. Пуля, пущенная наугад фашистским пехотинцем по пикирующему штурмовику, попала на излете в открытый рот стрелка, когда он вызывал пилота по переговорному устройству.

Виктору сделали операцию и постепенно он стал слышать и говорить. А когда к нему вернулась память, он

сразу же написал в полк. Пришел ответ от Бориса. Друг сообщал, что многих ребят уже нет в живых, сбиты над озером Веленце, над рекой Грон, сгорели в небе над Братиславой. А вот он, Борька, остался жив, должно быть потому, что до самого конца войны воевал в своих латаных перчатках. А еще он писал, что за сотый вылет сержант Макаров награжден орденом боевого Красного Знамени, а также ему полагается медаль «За взятие Будапешта».

Макаров вышел из госпиталя, поехал в село под Обоянью, устроился в совхозные механические мастерские и оттуда ответил Борису: «Получил и Красное Знамя и медаль «За взятие Будапешта». Да вот беда: потерял медаль. После работы заглянул в магазин, потолкался в очереди, а дома хватился: колодка есть, а диска нет. Зашел в военкомат, там говорят: «Сочувствуем, но ничем помочь не можем».

На том переписка прекратилась. Борис из полка уехал домой, на Украину, все собирался написать Виктору, как обосновался на гражданке, да так и не собрался.

Они свиделись спустя много лет на традиционной встрече ветеранов штурмового авиакорпуса. После общего митинга ветераны фотографировались по полкам и эскадрильям. И когда фотограф крикнул: «Внимание, снимаю!» — Борис Иванович Сильченко увидел, что рядом с ним стоит Виктор Петрович Макаров.

— Витька, ты?

— Борька! Один? А я со всем семейством. Знакомься: жена, дочь, два внука...

Выбрались из толпы, отошли в сторонку, сели на скамейку в сквере и, не зная, с чего начать разговор, молчали.

— Я ничего не слышал о тебе, с тех пор как ты написал, что утерял медаль, — молвил наконец Борис Иванович и вдруг присвистнул: — Ба! Да я вижу, ты при медали. Значит, нашлась?

— Нашлась, и я тоже, как и ты, стал верить в приметы, в перст судьбы. Знаешь, как нашлась? О, это целая история...

Тогда, потеряв медаль, Виктор очень огорчился, переживал. Среди одиннадцати боевых наград эта медаль была ему по-особенному дорога. Она была памятью о расплавленном небе над Будапештом, о трагическом сотом

вылете. Макаров пошел к бывшему танкисту Володе, заправлявшему совхозным радиоузлом:

— Выручай, дорогой товарищ фронтовичок!

И танкист Володя три дня безуспешно объявлял о потере.

— Что поделаешь, дружище, — сказал танкист ободряющим тоном. — Не грусти, у тебя и так остается десять наград. Ну, а твоя медаль еще и послужит людям. Найдут ее через тысячу лет, в музей положат.

И когда уже Виктор потерял всякую надежду, в мастерские пришла хрупкая светловолосая девушка:

— Это вы ищете медаль? А я ее нашла. Вот возьмите?

Виктор обхватил девушку своими могучими руками, оторвал от земли, принялся кружить.

— Да будет вам, будет! — задохнулась девушка. Она не могла понять, почему эта медаль, казавшаяся ей чем-то вроде игрушки, так радует взрослого человека.

— А кто вы такая? — спросил Виктор, опуская ее на землю. — Что-то не встречал вас в нашем селе.

Оказалось, что Клава — дочь главного агронома Шибаева, учится в техникуме в Обояни, приехала на каникулы.

— За что же давали такие награды? — спросила Клава, заметив, что Виктор все смотрит на свою медаль.

И тогда он рассказал ей про грозный штурмовик, про далекий город Будапешт, раскинувшийся по обоим берегам Дуная, про сотый вылет и про то, как врачи долго не могли отыскать у него шальную пулю, пущенную с земли.

Вечером в клубе показывали картину «Небесный тихоход». Виктор пригласил Клаву:

— Хотите посмотреть, что такое авиация!

На следующий вечер будто случайно встретил ее на танцах. А потом вдруг обнаружил, что ноги сами заносят его на улицу, где жила Клава.

А за Клавой давно и безуспешно ухаживал зоотехник Шулепов. Боясь встретиться с Виктором лицом к лицу, он распускал про него вздорные слухи и сплетни. Нашептывал Клавиным родителям: дескать, зачем вам в дом человек, у которого, кроме солдатской гимнастерки, за душой ничего нет? А Клаве говорил: «У твоего летуна на каждом аэродроме было по барышне. Посмеется

над тобой и бросит. Я же тебе буду мужем на всю жизнь».

Однажды Клава сказала Виктору:

— Кончаются каникулы, мне надо уезжать. Не мучь себя и меня. Пойди в воскресенье к отцу, поговори по-хорошему, и мы узнаем свою судьбу.

Пришло долгожданное воскресенье. Виктор отправился в Обоянь, продал трофейные часы швейцарской фирмы, которых хватило для того, чтобы купить синюю рубашку, полосатые брюки, постричься в парикмахерской и освежиться тройным одеколоном. По дороге в село он нарвал большой букет полевых цветов.

Был ясный летний день. Кудрявые облака плыли по небу. В сухом дрожащем воздухе звенели оводы. Мимо прогромыхала телега, подняв густое облако пыли. Виктор вынул носовой платок и обмахнул сапоги. В окно как бы невзначай выглянула Клава. Она давно ждала его. Бывший воздушный стрелок подошел к крыльцу и почувствовал, что его ноги становятся ватными. В висках стучали молоточки, как было тогда, когда он возвращался из боя...

Виктор Петрович провел рукою по своим поседевшим вискам и продолжал:

— Ты знаешь, Борька, шесть ступенек того крыльца были самой страшной дорогой в моей жизни. Я испытывал такой ужас, который был мне неведом тогда под Белой Церковью, когда, как ты помнишь, два «мессера» подожгли нашу машину и расстреливали ее в упор.

— Ну и что же сказал тебе ее отец?—спросил Борис Иванович.

Макаров улыбнулся:

— С нами сидит моя Клавдия Павловна, которая нашла мою медаль и которую я нашел на всю жизнь...

Виктор Петрович вскочил на ноги, обхватил жену попрежнему крепкими руками и стал кружить, как в тот далекий день их первой встречи...

— А что ты поделываешь сейчас, Борька?—спросил у друга Виктор Петрович, когда опять присел на скамейку.

— Вот уже тридцать лет работаю в печати,—ответил Сильченко.—Сначала в комсомольской, потом в партийной...

— Постой, постой! — воскликнул Макаров, хватая товарища за рукав. — Я ведь часто встречаю в газетах подпись «Б. Сильченко». Вот уж никогда не думал, что это ты. Ну, и молодец! Глубокие вопросы берешь, масштабно пишешь...

Борис Иванович смутился, сделал неопределенный жест рукой, потом спросил:

— А ты, дружище, чем занимаешься?

— Да все тем же, сельхозтехникой. Только теперь тружусь не в совхозных мастерских, а в научно-исследовательском институте. Защитил диссертацию, есть кое-какие изобретения...

Наступила очередь удивляться Борису Ивановичу:

— Об одном изобретении конструктора Макарова я слышал. Читал в газетах статью министра. Я имею в виду машину для обработки посевов на горных склонах. Не твое ли это дело?

— Считай, что мое, — улыбнулся Макаров.

Потом ветеранов пригласили на товарищеский ужин. За праздничным столом бывшие воздушные стрелки сидели рядом. Они говорили о счастливых перчатках Бориса, о потерянной и найденной вновь медали Виктора и вспоминали друзей, которые летели в третьей от ведущего машине. И еще они вспоминали прекрасный город Будапешт, в котором они никогда не были и который видели лишь с воздуха израненным и опаленным суровым дыханием войны.

1980

НАША МАМА ИЗ КАРАЧОНДА

Иногда солдатам снятся военные сны. Одним видятся сгоревшие села Смоленщины, другим — окопы Сталинграда, третьим — штурм Берлина. А есть и такие, которым снится небольшое венгерское село Карачонд, раскисший аэродром на кукурузном поле и печальные глаза про-

стой крестьянки, пересчитывающей украдкой летчиков, которые поселились в ее доме.

— Едь, кеттю, харом, недь... Слава богу, сегодня все вернулись живыми...

Много раз мне тоже снился этот давний сон. И вот наконец теплым мартовским вечером я постучался в кабинет председателя сельского Совета Карачонда Иштвана Самела.

— Здравствуйте, я из Москвы, а здесь, в Венгрии, в командировке. Вот и решил заглянуть к вам, вспомнить старое, поискать знакомых...

— Значит, вы у нас не первый раз?

— Второй. Тут когда-то стоял наш штурмовой авиаполк.

Председатель сельсовета задумался.

— Я родился за два месяца до того, как в Карачонд вступили советские войска. Но дедушка рассказывал, что у нас был аэродром. Он еще говорил, что в Карачонде садилась «летающая крепость». Но я сомневаюсь: откуда было взяться американцам в нашей глухомани?

— Дедушка говорил правду. Над Веной «фокке-вульфы» откололи от группы один «боинг», подожгли его и стали терзать. Наши «яковлевы» разогнали стервятников и привели израненную «крепость» на аэродром Карачонда. Американцы отремонтировали машину, поблагодарили советских летчиков за помощь и улетели на свою базу в Северную Италию.

— Вот здорово! — воскликнул Иштван Самел, радуясь, что его дед не был болтуном. — Скажите, а на какой улице вы здесь жили, у кого?

Я развел руками. Если бы тогда летчики думали, что кто-то из них станет журналистом и захочет рассказать о том, что было, то наверняка записали бы и фамилии тех добрых людей и их адрес. Помнится только, что дом был большой, у железнодорожного переезда, а у самой калитки — журавель над колодцем.

— Если бы удалось отыскать корчму, где помещалась летная столовая, то тогда было бы просто найти и дом, где жили летчики.

— Тогда считайте, что все в порядке. Корчма совсем рядом, — сказал председатель. — Пойдем...

По случаю субботнего вечера в корчме было много народу. Играл небольшой оркестр: скрипка, цимбалы, контрабас. Было весело, уютно, но, увы, это была совсем другая корчма. Та выглядела меньше, приземистей, темнее...

Вернулись в сельсовет.

— Я, видимо, плохой помощник, — сказал председатель, — пойду поищу старожилов.

С крыши здания на асфальтовую дорожку падала звонкая капель. В яблоневом саду лопались набухшие почки. По сельской улице, оживленно судача, шли две девушки в цветистых крестьянских юбках.

...А тогда Карачонд был засыпан снегом. Утром летчики второй эскадрильи, поселившиеся в большом крестьянском доме, облачились в меховые комбинезоны, в унты из собачьего меха и вышли во двор. Наши хозяева расчищали дорожку у калитки. Хозяйке, наверное, еще не было и пятидесяти, но молоденьким летчикам она казалась старухой. Старшему в эскадрилье — Герою Советского Союза комэску Александру Кучумову было двадцать один, младшему — воздушному стрелку Николаю Аленину — девятнадцать.

Хозяйка поглядела на шлемофоны, покрывавшие головы летчиков, и тревожно спросила:

— Будапешт, бум?

— Да, мама! Пойдем на Будапешт, — ответил Костя Сироткин, комсорг эскадрильи.

— Я надеялся, что обойдется без этого, — сказал хозяин, пожилой крестьянин, в высокой бараньей шапке и в яловых сапогах выше колен.

— Вы говорите по-русски? — спросил Александр Кучумов.

Старик показал пустой рукав:

— Под Перемышлем меня подобрали ваши санитары. Четыре года прожил в Ташкенте.

На глазах у хозяйки появились слезы. Она что-то запричитала.

— Молитва, — пояснил хозяин. — Просит бога, чтобы он вернул вас живыми вашим матерям.

Хозяйка поцеловала молоденького Кольку Аленина и принялась вслух пересчитывать летчиков, загибая пальцы:

— Едь, кеттю, харом, недь, ёт, хат, хет, ньолц, киленц, тиз...

...От отрогов Матр до самого Будапешта повис густой туман. Штурмовики шли парами, на ощупь. Наконец внизу в мутных разводах показался пепельно-серый город. И тут же из бомболюков, из ощетинившихся пулеметами задних кабин, точно голуби, выпорхнули бесчисленные белые стаи: в первый свой вылет «илы» везли не бомбы, а листовки, призывающие окруженный гарнизон сдаться.

Не прочитав листовок, фашисты поспешили дать ответ: заговорили сотни зенитных установок, и казалось просто чудом, что в небе оставалось еще не пораженное пространство, где можно было продолжать полет. Потом в облаках мелькнули зловещие силуэты «мессершмиттов»...

Вечером, когда усталые, опаленные недавним пламенем боя ребята возвратились домой, на пороге комнаты они увидели хозяйку.

— Едь, кеттю, харом... киленц, тиз...,— пересчитала она их снова.

Все десять были на месте. Крестьянка, облегченно вздохнув, пошла в свою комнату.

Ночью ребята проснулись от тревожного шепота Николая Аленина:

— Друзья, а на чердаке кто-то ходит!

— Наверное, домовой,— отшутился Петр Любкин, переворачиваясь на другой бок.

— Вам все смешки, а там небось фашист спрятался. Фуганет гранатой, тогда будете знать.

На чердаке опять послышались шаги. Колька Аленин и Алишах Дадашев выскочили во двор, подставили к слуховому окну лестницу и полезли наверх. В комнате хозяев на миг вспыхнул и потух свет. А вскоре в помещении появились ребята, ведя за руку девчонку лет пятнадцати. Ее лицо было белее мела, она дрожала, как осиновый лист.

На пороге показался хозяин. Протянув вперед свою единственную руку, он застонал:

— Делайте со мной что хотите, но не трогайте дочь. Она совсем дитя...

Потом хозяину было очень неприятно вспоминать про этот свой нелепый поступок. А девочка быстро подружи-

лась со всеми нами, особенно с Николаем Алениным. Иногда Николай брал в руки гармонь и пел старую курсантскую песню.

...За вечный мир, в последний бой
Летит стальная эскадрилья.

Эскадрилья капитана Кучумова летала теперь на запад от Будапешта — к Шопрону и Секешфехервару, откуда к венгерской столице пытались прорваться ударные танковые и мотомеханизированные дивизии фашистов. В небе над Балатоном шли отчаянные воздушные бои, в которых участвовали сотни самолетов.

А вечером хозяйка большого крестьянского дома у железнодорожного переезда опять пересчитывала своих крылатых жильцов:

— Едь, кеттю, харом, недь, ёт хат, хет, ньолц, киленц... А где же тиз? Где десятый?..

Женщина тревожно оглядела ребят: кого же нет? Господи, нет Кольки! Где он?

— Уехал домой, — сказал Сироткин, отводя глаза.

...Пришла весна, обсыпала вишенки белым пухом, напоила воздух пряными запахами. А война продолжалась.

При подходе к цели зенитки сбили наш штурмовик, стрелок Лешка Каркавин успел выпрыгнуть с парашютом, но угодил прямо на позиции вражеской батареи. Не вернулся с задания летчик Борисов. Сгорели в воздухе Петя Любкин и Николай Перевалов...

Война все дальше и дальше уходила от Карачонда, но теперь для того, чтобы пересчитать своих крылатых постояльцев, хозяйке достаточно было пальцев на одной руке...

В комнате появился председатель сельсовета Иштван Самел в сопровождении двух мужчин — это были секретарь сельской партийной организации Янош Хегедюш и председатель райпотребсоюза Дюла Берени.

— Поскольку поиски вашего дома от корчмы не удались, то будем танцевать от аэродрома, — сказал председатель сельсовета. — Давайте поедем на аэродром.

За железнодорожным переездом между двумя большими лесными клиньями чернело широкое поле. В голубом

безоблачном небе летели журавли. Два трактора из кооператива имени Лайоша Кошута тянули плуги, оставляя за собой жирный след. Поодаль паслись коровы. Теперь здесь не было уже ни летных землянок, ни бараков полевых авиаремонтных мастерских, ни бензобаков, зарытых в землю. Лишь полуосыпавшиеся капониры на лесной опушке, где некогда укрывались штурмовики, напоминали о событиях далеких и незабываемых.

— На «иле» летать, что с тигром играть, — и весело и страшно, — вспомнилась мне старая авиационная присказка.

— Мы, может быть, даже виделись с вами тридцать лет назад, — сказал Янош Хегедюш. — Вместе со всеми мужчинами Карачонда мы работали на аэродроме. Сгружали бомбы, снарядные ящики. А помните, какая была мерзкая погода? Вслед за морозами наступила оттепель. С утра до вечера вытаскивали самолеты из грязи. А вы все-таки умудрялись взлетать. Правда, один самолет перевернулся на взлете и загорелся...

— Это была машина из другого полка нашей дивизии. Кстати, в том полку служил отважный летчик Георгий Береговой. Спустя много лет после окончания войны он стал космонавтом. А нашим корпусом командовал генерал Каманин, один из первых Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за спасение челюскинцев.

Секретарь парторганизации вынул блокнот:

— Мы проводим беседы с молодежью, — пояснил он. — Ну, а теперь за переездом ваша улица. Пойдем.

И опять это была не та улица, потому что на ней не оказалось дома с журавлем и колодцем у самой калитки.

Журавель у калитки отыскался лишь на третьей улице. А рядом с калиткой стоял дом с окном без наличников. Сомнений быть не могло: это было то самое окно, в которое ни свет ни заря стучал с улицы старшина эскадрильи Борис Титов:

— Подъем, вставайте! Дана получасовая готовность! Быстро на аэродром!..

Увидев, что у калитки остановились люди, из дома вышла женщина. Это была она, хозяйка. Я узнал ее сразу, она совсем не изменилась, по-прежнему стройная,

худая и еще совсем не старая, лет всего на пятьдесят.

Председатель сельсовета Иштван Самел сказал:

— К вам приехал один из тех летчиков, которые жили в вашем доме.

— Вы меня не узнаете? — спросил я. — У этого колодца мы умывались. А как ваш муж? Помню, он был инвалид войны?

— Вы говорите о моем отце Йожефе Дебреи, — сказала женщина. — Папа умер восемь лет назад.

Я прошел во двор, обогнул дом, увидел слуховое окно с лестницей и взялся за поручень. Женщина понимающе улыбнулась.

— Теперь я вижу, что вы и вправду у нас жили, — сказала она. — Заходите.

Я подошел к крыльцу и остановился. Было мучительно трудно перешагнуть порог, как в тот далекий день, когда не вернулся Колька Аленин. Почему-то показалось, что в комнате до сих пор стоят нары, а у раскаленной докрасна печки-буржуйки сушатся унты и меховые комбинезоны.

В комнате у окна, в которое когда-то стучался старшина Борис Титов, верещал телевизор. Возле него сидела совсем старенькая старушка.

— Вот моя мама, бабушка Йожефне, — сказала женщина, встретившая нас у калитки.

— А этот человек жил у вас в войну, — сказал секретарь партийной организации.

Бабушка попросила меня подойти к свету.

— Я его не помню, — сказала она, напрягая память. — Ведь прошло тридцать лет: тогда они были совсем мальчишками. Я их пересчитывала каждый день, а их становилось все меньше и меньше. Я оплакивала каждого из них, как своего сына.

— Спасибо, мама, за ваше доброе сердце, — сказал я. — Спасибо от всех наших ребят.

— А Колька, который тащил меня с чердака, он действительно уехал домой? — спросила дочь.

— Он сгорел над Балатонфюредом.

Бабушка Йожефне вздохнула:

— Они всегда говорили, что те, кто не вернулся, уехали домой. Но я понимала, что меня обманывают.

Ведь чемоданчики оставались под нарами. Кто же может уехать, позабыв чемодан?

...На улице давно уже зажглись фонари, а бабушка Йожефне сидела рядом со мною и гладила мои волосы. Наконец вошел шофер и сказал, что пора возвращаться в Будапешт.

Бабушка поцеловала меня в лоб:

— Пусть ко мне приедут и другие мои сыновья. Я хочу обнять их.

— Они к вам приедут, мама,— ответил я.— Они обязательно к вам приедут.

1975

ТРИ СТРОКИ ИЗ ВОЕННОЙ СВОДКИ

— Иван Захарович, к вам какой-то Фроловский,— доложила секретарша Люда и, плотно прикрыв за собою дверь, перешла на полушепот: — Сказать, что у вас совещание?

Директор книжной базы Дементьев порылся в настольном календаре:

— Пусть заходит. Я обещал принять. Это не проситель-книголюб, а корреспондент.

В кабинете, заваленном разной печатной продукцией, возникла высокая нескладная фигура в зеленых вельветовых брюках и в серой голландской куртке.

— Меня зовут Владислав Сергеевич,— сказал вошедший, приглядываясь к директору.

Чуть сдвинутый вперед массивный подбородок, густые брови, сходящиеся на переносице, толстые губы, властный взгляд, глубокий шрам, рассекший правую щеку на две неравные части,— все это придавало лицу Дементьева выражение решительности и мужества.

— Таким я вас и представлял,— удовлетворенно отметил гость.

— Каким же я еще должен быть! — рассмеялся Дементьев.

Журналист щелчком выпустил стержень авторучки, и начальник базы понял, что пора приступать к делу.

— Ну что ж, — начал он официальным тоном докладчика, — и у нас есть что показать. Через наши руки проходит три миллиона книг различных наименований. В прошлом году типографии задержали учебники. Пришлось работать сутками, чтобы ребятишки где-нибудь в Магадане или Норильске могли получить свои буквари к первому сентября.

Директор нажал кнопку, в дверях опять появилась секретарша.

— Дайте-ка отчет, который мы готовили для Госкомиздата.

— На отчет я, пожалуй, взгляну, — сказал Владислав Сергеевич. — Однако меня интересует не столько книжная база, сколько ее директор.

По лицу Дементьева пробежала тень смущения:

— Не ведаю, чем, собственно, обязан.

Фроловский отложил авторучку, задумался и вдруг костяшками согнутых пальцев принялся выбивать точки и тире· «Я вас знаю. Вы меня поняли? Перехожу на прием».

«Вас понял», — отстучал ответ Дементьев, удивленно глядя на гостя.

Журналист улыбнулся:

— Если спустя столько лет мы не забыли морзянки, любой и без документов поверит, что нам приходилось работать на ключе.

Директор базы впился глазами в гостя, наморщил лоб, до боли закусил губу. Наконец откинулся на спинку кресла, безнадежно махнул рукой:

— Простите, верно, память начинает давать сбой. Хоть убей, не вспомню, где мы встречались.

— Лично нигде. Но, бывало, работали вместе.

— Ах, вот как! — воскликнул Иван Захарович, радуясь, что с памятью у него все в порядке. — Вы радист Центра, с которым я держал связь. Не ошибаюсь?

— Ошибаетесь.

Фроловский вынул из кармана пожелтевшую от времени газету, перехваченную на истершихся до дыр сгибах клейкой лентой.

— Пробегите, пожалуйста, сводку Совинформбюро. Особенно три последние строчки.

Дементьев осторожно взял газету, прочел вслух:

«Наша авиация бомбила скопление вражеских эшелонов на узловой станции Жерновка. Все самолеты вернулись на свою базу».

— Вам о чем-нибудь это говорит?

— Говорит, — Иван Захарович чуть не задохнулся от внезапно вспыхнувшего волнения. — Еще как говорит! Но откуда вы знаете о Жерновке?

— В войну я был стрелком-радистом на «пешке». Летал в экипаже комэска Шагина. Он тогда и вел нашу группу на эту станцию.

Грузный Дементьев легко поднялся из-за стола, крепкими руками обнял Фроловского:

— Мечтал ли я когда-нибудь увидеть тех, кто появлялся в небе над Жерновкой! Для меня вы были сказочными богатырями, я с восхищением следил за вашей работой. И очень завидовал вам: «Счастливые! Сейчас возвратятся на Большую землю. А я?» Как же вы меня отыскали?

— Можно сказать, случайно. Мы решили создать историю нашей гвардейской части. Перво-наперво я обратился к тем операциям, которые отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего. Влез по уши в архивы, узнал о вас и вот ищу уже полгода.

За окном потухал серый тоскливый день. По карнизу, крытому железом, гулко барабанили капли дождя. Сизый голубь, ежась от холода, испуганно припал к окну. Вспыхнули уличные фонари, их матовые отблески выхватывали на асфальте вспененные водяные потоки. Иван Захарович подумал. что и тогда стояла такая же промозглая погода Шел нудный мелкий дождь. Осенний запах вянущей листвы и влажной земли висел в воздухе. С полудня аэродромная команда отводила по канавам воду со взлетной полосы. В землянке за летным полем в замшелом угрюмом ельнике было двое: Дементьев и капитан из разведуправления Анисимов. Они появились здесь перед рассветом. Дементьева никто не должен был видеть: человек в гражданской одежде на военном аэродроме вызвал бы недоумение. Они сидели у чугунной печки. Ветер мерно гудел в трубе, огненные языки жадно лизали березовые головешки, от раскалившейся докрасна печурки исходило уютное домашнее тепло, напоминавшее давно оставленную иную жизнь. Капитан стал было рассказывать, как до войны рыбачил на Селигере. Рассказ был совсем

не к месту, Иван Захарович мыслями был уже там, за линией фронта, плохо слушал, Анисимов заметил это и смолк на полуслове.

Неяркое солнце медленно дотащилось до горизонта и, словно заупрямившись, долго не хотело двинуться дальше. Но вот последний луч угас в окне землянки, и стало совсем темно. Из капонира, тарахтя, вырулил самолет. У трапа капитан простился с Дементьевым. Он долго тряс ему руку, но сказал всего одно слово:

— Будь!..

Через час самолет достиг линии фронта. Пилот то убирал, то прибавлял газ, мотор прерывисто выл, у фашистских зенитчиков должно было создаться впечатление, что летит «Юнкерс». Наконец из кабины вышел штурман. Блёклым светом карманного фонаря он осветил карту, уложенную в планшет, ткнул пальцем в кружок, обведенный синим карандашом, и показал растопыренную ладонь:

— Через пять минут! — крикнул он Дементьеву в самое ухо.

Иван Захарович еще раз проверил крепление вещмешка, в котором были рация и запасные батареи питания, привстал, чтобы размять ноги.

Штурман открыл люк, за которым разверзлась темная жуть неба, махнул рукой:

— Пошел!..

— Все это было так давно и так недавно, — расчувствовался Дементьев, отходя от окна. — Теперь мне кажется, что там, в лесу, был не я, а совсем другой человек. Иногда в холодном поту просыпаюсь в своей теплой постели. Мне снилось все, что было тогда, в самой достоверной реальности: прыжок в ночную бездну, ветви сосен, больно хлестнувшие иголками по лицу. Вдруг я испытываю страх, который был неведом мне в Знаменских лесах и который пришел спустя сорок лет...

— Вам ведь не доводилось больше бывать в Жерновке?

— Не доводилось, — ответил Иван Захарович. — Впрочем, на станции я и тогда не был. Я только видел, как из серых туч вывалились девять «петляковых» и обрушились на станцию. Вы, наверное, не знаете, потом всю ночь горели склады, слышались взрывы на путях. Потерь

было много: эшелоны шли с танками, с боеприпасами, с фашистской солдатней. Дело было сделано, я закопал рацию и стал уходить. В деревне Клинцы меня пустила в дом крестьянка по имени Евдокия. С ней бы хотелось встретиться, поговорить. Если она меня только вспомнит. Мало ли у нее в хате перебывало всякого военного люда.

— А я пришел, не только чтобы пожать руку боевому товарищу.—Владислав Сергеевич таинственно сощурил глаз.

Дементьев усмехнулся.

— Сегодня я окончательно разучусь чему-нибудь удивляться, такие загадки вы мне загадываете. Значит, еще не все?

— Не все. Видите ли, до знакомства с архивами даже я, сто один раз ходивший на боевые задания, не представлял, сколько людей обеспечивают каждый вылет. Дело казалось проще: летчики слетали, отбомбились, вернулись, ай, молодцы! Многие так до сих пор и пишут. И я тоже писал. Теперь же узнал, что налет на Жерновку готовили много служб, много людей. И разведчик, внедрившийся в высшие круги вермахта, который сообщил, что готовится крупное наступление. И наши штабники, которые определили, по каким маршрутам немцы будут перебрасывать резервы к фронту. И разведорганы, которые постарались, чтобы на каждой крупной станции были свои глаза и уши. И летчики-ночники, которые сбросили радиста в тылу врага. И сам радист, который засек вражеские эшелоны и передал сообщение в Центр. И вот, когда все эти люди выполнили задания, комэск Шагин получил приказ лететь на Жерновку. Так ведь было?

— Да, так,—подтвердил Иван Захарович.

— Вот я и хочу рассказать, как готовился этот вылет от начала и до конца. Авиационная сторона дела мне хорошо известна. А вот о работе разведчика я знаю лишь приблизительно. Мне просто необходимо влезть в шкуру радиста Дементьева, пройти с ним тем путем, каким он шел в сорок третьем. Как вы посмотрите, если я приглашу вас в Жерновку?

В дверь заглянула секретарша Люда:

— Иван Захарович, уже восьмой час. Я вам не нужна? Тогда до свиданья!

...В купе Дементьев и Фроловский ехали вдвоем. Иван

Захарович вел себя беспокойно: всю ночь ворочался, вставал, смолил сигарету за сигаретой, подолгу вглядывался в повисшую за окном мглу, точно пытался увидеть что-то давно знакомое, дорогое. Черные набухшие снежинки бились в стекло, но снег еще не лег на землю, бледный след луны перебирал блестящие звездочки в еще не затянутых холодом лужах, разлившихся среди вспаханных полей.

Владислав Сергеевич тоже не сомкнул глаз, но, отвернувшись, делал вид, что спит: полагал неудобным отвлекать бывшего радиста от нахлынувших на него воспоминаний.

Под утро в купе постучалась заспанная проводница:

— Выходите на Жерновке? Билет нужен? Квитанцию на постель дать?

За окном возникли замысловатые переплетения путей, мелькнули низкие складские помещения, разгрузочные площадки, переходной мост, и, наконец, навстречу поезду, замедлявшему бег, выплыло двухэтажное здание вокзала.

— Как здесь все изменилось, разрослось! — вырвалось у Дементьева. Почувствовав легкое головокружение, он оперся рукой на плечо спутника. — Столько лет! Но в моей памяти до этой минуты Жерновка оставалась грохочущей, горящей. Помню упавший, но сохранившийся совершенно целым элеватор, словно чьи-то бережливые руки осторожно положили его на землю, разбросанные взрывами куски рельсов, вагоны, скатившиеся под откос, объятые пламенем станционные постройки... Впрочем, зачем я вам это рассказываю? — спохватился Иван Захарович. — Вы же все сами видели.

— Нет, не видел, — ответил Фроловский, — стрелку-радисту не полагалось смотреть на землю, иначе он в небе проворонит «мессеров».

За переходным мостом по обеим сторонам просторной улицы, обсаженной тополями, стояли пятиэтажные дома.

— Вот именно то, что нам нужно! — воскликнул Владислав Сергеевич, — показывая на подъезд с вывеской «Редакция районной газеты «Колхозное село». — Давайте навестим моих коллег, а то обидятся: дескать, были, но не зашли.

Редактор газеты Сидорин, худощавый немолодой человек, повесив пиджак на спинку стула, читал полосы. Тис-

нуты они были скверно, редактор щурился, водил пальцем по расплывшимся строчкам. Услышав стук в дверь, Сидорин оторвался от чтения и сквозь большие, в пол-лица очки посмотрел на вошедших. Фроловский положил перед ним свое удостоверение, потом представил спутника.

— Очень приятно,— улыбнулся редактор, жестом приглашая гостей располагаться.— Фронтовиков в районе немало, но вот таких, которые воевали в наших местах, раз-два и обчелся. Может, напишете нам свои воспоминания, товарищ Дементьев?

— Уж лучше попросите Владислава Сергеевича. Он тоже воевал здесь. Ему, журналисту, и перо в руки.

— При чем здесь я?—запротестовал Фроловский.— О чем мне писать? Один раз слетал на Жерновку.

— Ладно, приехали, и на том спасибо,—снял свое предложение Сидорин.—Ну, что вы хотите у нас посмотреть, где побывать?

— Прежде всего хорошо бы отыскать землянку, в которой я скрывался, если она только сохранилась. Это в двух-трех километрах отсюда. Помню, низкое, поросшее густой травой место у изгиба реки. Болото, раскисающее после дождя, делало эту полянку труднопроходимой, а потому и скрытой от чужих глаз.

— Примерно догадываюсь, о чем вы говорите,—кивнул редактор.—В те места мы мальчишками бегали собирать ягоды. Там теперь завод железобетонных изделий, боюсь, что ничего уже не найти.

— А затем попробую в деревне Клинцы встретиться с крестьянкой Евдокией, к которой тогда заходил. И вообще порасспросить там о событиях тех далеких лет. Наверное, осталось немало стариков...

Редактору принесли свежие полосы. Не взглянув, он отложил их на край стола.

— Товарищи, идти вам нужно не к старым, а к малым...

— Не понимаю,— пожал плечами Фроловский.

— В колхозной десятилетке преподает историю прекрасный педагог Варвара Петровна. Под ее началом группа юных следопытов «Орлята» собрала огромный материал. Думаю, что среди кандидатов и даже докторов наук не сыскать таких, которые бы знали военную

историю района лучше, чем эти ребята. А какой музей боевой славы они создали! Советую ехать прямо к ним.

Редактор пожелал успешной поездки.

— Наш редакционный «газик» ждет у подъезда.

Над территорией завода висело серое облако цементной пыли. Сквозь металлические прутья забора открывался широкий двор, заставленный арматурой, балками, бочками с цементом. Длиннорукие краны, лязгая цепями, устанавливали конструкции на громадные панелевозы.

...А тогда здесь стояла до боли щемящая тишина. Еще на аэродроме Дементьеву сказали, что ему приготовлена землянка. Координаты даны были точные, поэтому, приземлившись и закопав парашют, он без труда отыскал землянку. Она оказалась крохотной: два на полтора. Дерн, маскировавший землянку сверху, был еще свежим, можно было догадаться, что ее приготовили недавно. В нише отыскались мясные консервы, брикеты горохового концентрата, чай, спички, соль, сухари. Под банками лежала записка, написанная от руки: «Успешной тебе работы, дорогой товарищ, счастливого возвращения». Подпись отсутствовала. Те же заботливые руки устлали пол землянки душистым сеном.

— Вполне можно жить, — отметил Дементьев.

Впрочем, жить в землянке было не так уж просто. Чтобы не привлечь ничьего внимания, костра он разводить не стал. Обедал холодным консервированным мясом с застывшим говяжьим жиром и гороховым концентратом, размоченным в желтой болотной воде. Спать было холодно и мокро. Сквозь тесовую обшивку просачивалась вода. Семь суток он провел в этой землянке на болоте. На восьмые передал в Центр, что на станции стоят восемь вражеских эшелонов...

Водитель «газика» тронул Дементьева за руку:

— А на заводскую территорию заедем?

Вопрос шофера вернул Ивана Захаровича из мысленного путешествия в прошлое к нашим дням.

— Пожалуй, не будем тérять времени, — ответил Дементьев. — Где находилась моя землянка, под тем ли цехом или под этим, никакого значения не имеет. Сколько отсюда до Клинцов?

— Не более десяти, — сообщил водитель, выруливая на дорогу.

— А я добирался двое суток, день пережидал в лесу, а две ночи шел. Мой путь лежал на восток к прифронтовому городку Кряжску, оттуда верные люди должны были переправить меня к своим...

Со всех сторон юркий «газик» обступили леса. Порывистый ветер гнул молодые березки, величавые сосны, укутанные в снеговые рубашки, стояли незыблемо. Дорогу перебежал заяц и, не оглядываясь, пустился наутек.

— Видимо, я взял тогда правее, потому что эту лесную дорогу не переходил,— сказал Дементьев, осматриваясь.— Как назло поднялась дьявольская метель, температура упала много ниже нуля. Началась настоящая зима. Метель спасла мне жизнь, заносила следы. Но она чуть и не забрала ее у меня: я промерз до костей, обморозил нос, щеки, пальцы на правой ноге. Вот почему, завидев тусклые огоньки человеческого жилья, я решил зайти обогреться. Огоньков светилось немного, я понял, что деревенька невелика и вряд ли тут будут стоять немцы. Это и были Клинцы...

— Теперь Клинцов вам не узнать,— заметил шофер,— чего там только не настроили!

— Я бы не узнал деревни, если б она совсем не изменилась. Пришел туда затемно и затемно же ушел.

— А Евдокию запомнили?— спросил Фроловский.

— Думаю, да. Последние сотни метров до деревни я уже не шел, а полз. Силы совсем оставили меня. Постучался в крайнюю хату. Сначала мне никто не ответил, потом женский голос спросил, кто пришел. Я сказал, что сбился с пути, замерз, мне надо отогреться и уйду еще до рассвета. Дверь отворилась. Я увидел хозяйку. Ее молодое лицо было изборождено морщинами, глаза далеко запали. «А вас не ищут, за вами не придут?» — тревожно спросила крестьянка. «Все может быть»,— не стал врать я. Услышав, что в доме посторонний, из-за занавески, заслонявшей русскую печь, показались два мальчика-подростка и девочка лет шести. «Вот мои дети,— сказала крестьянка, прижимая к себе ребятишек,— вы знаете, что будет с нами, если нагрянут полицаи?» «Знаю»,— ответил я и шагнул к двери. «Постойте,— окликнула меня женщина, хватая за рукав.— Куда же вы пойдете в ночь?» Она поставила на стол тарелку вареной картошки. «Другого ничего нет, а картошку кушайте, не стесняйтесь, ее у нас

много, если не отберут, то и до лета хватит». На еду я набросился, как некормленый волк, ел картошку прямо с кожурой. Хозяйка смотрела на меня, качала головой, вздыхала. Я узнал, что ее зовут Евдокией.

У поворота заснеженной дороги появился указатель: «Клинцы».

— Вот и добрались, — сказал водитель. — Вам в правление?

— Нет, в школу.

До школы, однако, было еще далеко. Проехали животноводческий комплекс, колхозные мастерские, мельницу, кирпичный завод, большой фруктовый сад, отделявший производственную зону от жилого массива. Потом пошли дома колхозников, сложенные из кирпича и крытые железом.

У двухэтажного здания с массивными ступенями водитель остановился. Редактор газеты звонил в школу, поэтому в подъезде гостей ожидала учительница истории Варвара Петровна. Это была невысокая худощавая женщина с острым носом и тонкими нервными губами. Ее чуть тронутые сединой волосы по-старомодному были собраны пучком на затылке. Правую руку она держала в кармане пальто.

— Мне передали, что вы журналисты и хотели побывать в нашем музее боевой славы. Так?

— Да, так.

— Пожалуйста, проходите.

Музей размещался на втором этаже в двух классных комнатах. Экспонаты первого раздела рассказывали об участии уроженцев Жерновского района в Великой Отечественной войне.

— Наши земляки сражались под Москвой, в Сталинграде, брали Будапешт и Берлин. — Учительница левой рукой взяла указку и дотронулась до крупных цифр над первым стендом: «4274» и «2874». — Вот сколько людей из нашего района ушло воевать и сколько вернулось назад. А наша деревня небольшая, клинцовских было взято на фронт 58 человек, пришло домой 32, из них семь инвалидов войны. Со всеми ветеранами наши следопыты встретились и записали их воспоминания. Вот они. — Варвара Петровна показала на стопку ученических тетрадей.

Следующий зал, куда прошли гости, рассказывал о боевых действиях на территории района и о годах немецкой неволи.

— Фашисты пришли к нам в сорок первом. Грабили, лютовали. Угоняли молодежь в Германию. Но хотя это был глубокий тыл, оккупанты не знали покоя. В Знаменских лесах действовал партизанский отряд. Жители помогали мстителям всем, чем могли. За связь с лесом полагалась смертная казнь. Фашисты расстреляли четырнадцать жителей Клинцов: женщин, стариков, детей...

При этих словах учительницы смутная тревога защемила сердце Дементьева. Обожгли выплывшие из небытия слова: «Вот мои дети. Вы знаете, что будет с нами, если нагрянут полицаи?» Удивительное дело, но все эти годы ему ни разу не приходила в голову мысль, что Евдокия могла из-за него пострадать. Как только он услышал на улице голоса, то сразу же выскочил в хлев и ушел огородами. Его никто не видел. Он оглядывался, погони не было. Значит, те, кто шел по улице к Евдокии, в дом не заходили...

Между тем Варвара Петровна закончила свой рассказ, села за парту, пригласила гостей присесть рядом.

— Ну, что еще добавить? Все, что вы видели в музее, создано ребячьими руками. Дети очень увлечены.

Учительница улыбнулась:

— На меня косятся мои колеги: и физик и математик. Дескать, историчка завладела всем внеклассным ребячьим временем. И в этом есть резон. Отряд юных следопытов насчитывает сто пятьдесят человек. И всем дел хватает. Еще не найдено столько героев, не восстановлено столько событий...

— А знают ли следопыты, что в конце октября сорок третьего года наша авиация на станции Жерновка уничтожила восемь вражеских эшелонов? — спросил Фроловский.

— Да. Они у нас молодцы. Недавно отыскали командира эскадрильи бомбардировщиков Шагина Василия Герасимовича. Он прислал воспоминания о том, как водил их на станцию. Сейчас живет в Саратове, работает на заводе начальником цеха.

— За несколько дней до налета в район Жерновки был заброшен наш радист. Он-то и передал в Центр, что на станции скопились эшелоны. Это тоже известно? — продолжал расспрашивать Владислав Сергеевич.

Варвара Петровна насторожилась:

— Про это не слышали. Да и командир эскадрильи Шагин ничего нам не писал.

— Он и не знал об этом, — пояснил Дементьев. — На войне люди, делающие одно дело, могут никогда не услышать друг о друге.

— Да, конечно, — согласилась учительница. — После бомбежки фашистам никак не удавалось затушить пожар. Отсюда из Клинцов мы хорошо видели, что и на другую ночь над Жерновкой полыхало зарево.

— Вы, значит, местная?

— Да. Родилась в Клинцах, в войну потеряла родителей, воспитывалась в детском доме, окончила школу, затем истфак Ростовского университета, вернулась и вот уже пятнадцать лет учительствую.

Фроловский виновато улыбнулся:

— Понимаем, что вы устали после уроков. Но, быть может, самый последний вопрос. Не случилось ли в деревне каких-либо трагических событий после этой бомбежки?

— Вы знаете? — вздрогнула Варвара Петровна. — Да... На третью ночь в Клинцах фашистские прихвостни убили крестьянку и двух ее малолетних сыновей.

Владислав Сергеевич взглянул на Дементьева: шрам на щеке директора базы налился кровью и на внезапно побледневшем лице выглядел зловещим.

— За что же их так? — едва слышно спросил Иван Захарович.

— Был строжайший приказ немецкой комендатуры. Он в нашем музее есть. Можете прочесть сами: «Тот, кто пустит в свой дом лиц, не проживающих в деревне Клинцы, подлежит расстрелу на месте». А она пустила...

— Вы знаете, как все случилось?

Левой рукой Варвара Петровна достала из сумки платочек, вытерла проступивший пот со лба:

— Я знаю все до мельчайших подробностей. Мне очень тяжело вспоминать об этом. Вы не представляете, как тяжело. Но вы журналисты и, возможно, расскажете о подвиге простой крестьянки, который смело можно приравнять к солдатскому подвигу, хотя она и не принимала присяги. Люди должны об этом знать...

Глядя поверх своих собеседников, учительница начала рассказ:

— Поздно вечером хозяйка крайней хаты уложила детей спать и сама собиралась уже лечь. Погода была скверная, вторые сутки мела метель. Что-то стукнуло в дверь. Хозяйка насторожилась. Стук повторился. Женщина сняла засов, и в комнату зашел мужчина. От усталости он едва держался на ногах, замерз и, видимо, сильно простудился, говорил хрипло и кашлял. Его одежда была изодрана. Из прохудившегося сапога торчала портянка, покрытая ледяной коркой.

Человек попросился переночевать. Он был беспомощен и действительно находился на краю гибели. Но женщина помнила слова страшного приказа: «Тот, кто пустит в свой дом лиц, не проживающих в деревне Клинцы, подлежит расстрелу на месте». А тут привлеченные незнакомым голосом дети слезли с печки. Мать спросила у пришельца: «Вы знаете, что будет с нами, если нагрянет полиция?» Человек знал. Он повернулся и падающей походкой направился к двери. Представляете, что творилось в душе женщины? Незадолго до прихода немцев она получила известие о гибели мужа. Солдатская вдова не знала, кто этот человек, которому она отказывает в крове, но решила, что он борется с теми, кто убил ее Петра. И она сказала человеку: «Оставайтесь!»

Дементьев съежился, тяжело дышал, схватился за край парты. Варвара Петровна продолжала:

— Крестьянка накормила незваного гостя картошкой, другого у нее ничего не было, принесла телогрейку и самотканый коврик, положила на широкую лавку у стены: «Тут и располагайтесь». Человек спросил, есть ли другой выход из дома. «Есть. В хлев, а оттуда в огороды». Он сказал, что раздеваться не будет и еще до рассвета уйдет. Ночной гость спал беспокойно или, быть может, совсем не спал. Стонал, надрывно кашлял, при малейшем шорохе вскакивал: в подполье скреблись мыши. Но вот на улице послышались пьяные голоса. Под окнами закричали:

— Отворяйте, полиция!

Не дожидаясь, когда хозяйка встанет, полицаи высадили окно, разбили прикладами дверь. Староста, кретин с низким, словно срубленным внутрь лбом, узкими крысиными глазами и непомерно большими ушами, рукоятью пистолета ударил женщину в лицо. Она упала. Староста дернул ее за волосы, пнул ногой:

— Кто тут у тебя ночевал? Мне донесли, что к тебе заходил партизан. Не признаешься? А ну, обыскать! — приказал он двум полицаям.

На шум выбежали дети. Старший Ваня прижался к истекающей кровью матери, крикнул:

— Дяденька, не бей маму!

Староста ударил ребенка:

— Заткнись, щенок!

Полицаи обшарили чердак, заглянули в сарай, залезли в погреб и вернулись ни с чем:

— Господин староста, ничего не нашли!

— Как не нашли! — взревел тот. — Он подошел к лавке, сбросил на пол телогрейку и ковер. — Здесь он лежал! А это что такое?

Староста нагнулся и подобрал под лавкой ружейную масленку...

У Дементьева екнуло сердце. Да, в этой масленке он хранил табак, чтобы не перетирался в кисете. Но ему казалось, что он потерял ее еще там, в землянке под Жерновкой...

Голос Варвары Петровны задрожал:

— И все было кончено за минуту. На глазах у матери застрелили сыновей. Женщина кинулась на убийц. Полицай ее застрелил. Эти изверги собирались было уходить, когда другой полицай заметил под столом маленькую девочку, обезумевшую от ужаса. Полицай нагнулся и вытянул ее за ногу.

— А с этим отродьем что делать будем? — спросил он.

Из ножен, висевших на поясе, староста вытащил немецкий штык и, остервенев, одним махом отсек ребенку кисть правой руки.

— Пусть помнит всю жизнь, что ее мать была... — он грязно выругался.

— Негодяев потом поймали? — спросил Фроловский.

— Их судили в Жерновке и расстреляли. Я была на суде, давала показания.

Иван Захарович до боли закусил губу, с трудом выдавил из себя:

— Эту женщину звали Евдокией?

— Ее звали Евдокия Семеновна Базанова.

— А человеком, который заходил к ней, был я, — сказал Дементьев.

Учительница смерила его взглядом. В нем не было ни любопытства, ни удивления.

— Я это поняла в начале разговора, когда вы сказали, что перед воздушным налетом на Жерновку в Знаменские леса был заброшен радист. Почти сорок лет никто не знал, ради кого женщина отдала свою жизнь и жизнь детей. Может, к ней заходил бродяга, уголовник, ограбивший мужика на большой дороге. Теперь мне будет спокойнее: солдатка прятала советского воина. Только если полицаи не догнали его и не убили в ту ночь, то почему он никогда не давал о себе знать?

Иван Захарович подошел к окну, долго всматривался в даль, точно хотел определить, где тогда стояла хата Базановых и какой дорогой он уходил в лес.

— Сам не пойму, как это получилось, — молвил он наконец. — Был уверен, что все обошлось, меня никто не увидел, полагал, что шумели случайные прохожие...

Мысли Ивана Захаровича путались, наплывали одна на другую. Он встал, опять прошелся по комнате, остановился у стенда, где были собраны ребячьи трофеи: заржавелый ствол немецкого ручного пулемета, обломок штыка, стабилизатор от разорвавшейся мины...

— Если б я только знал, что все так обернулось! Если б я знал! Я б удочерил девочку, у меня росли трое, четвертый ребенок не был бы в тягость. Она бы стала моей любимой дочерью на всю жизнь...

— Я вижу, вы добрый, сердечный человек, — в голосе Варвары Петровны появилась теплота. — Верю, что вы говорили искренне и поступили бы точно так, как сказали. Но что бы изменилось, если бы приехали в Клинцы в сорок пятом? Да ничего. Евдокию Семеновну, Ваню и Витю все равно было уже не воскресить. Ну, а девочка не осталась заброшенной, забытой. Ее воспитали, вырастили, она ни в чем не знала нужды.

Варвара Петровна поднялась из-за парты:

— Извините, у меня раскалывается голова. Эти кошмарные воспоминания смертельно ранят душу.

Иван Захарович шагнул к учительнице, низко склонил голову:

— Простите меня, Варвара Петровна за все. Простите, если сможете.

Учительница вынула из кармана правую руку. Она была в перчатке.

— А вы ни в чем не виноваты. Запомните это навсегда. И не усложняйте себе жизнь. Только если бы вы сразу же после войны попытались узнать о судьбе Евдокии Семеновны и ее детей, то не терзались бы так, как сейчас.

...В купе опять ехали вдвоем.

— В чем нам неизменно везет, так это в том, что железнодорожный бог не подсаживает соседей,—попытался пошутить Фроловский.

Иван Захарович промолчал. Он опять не спал всю ночь. На душе было сумеречно, тяжко. Владислав Сергеевич подсел к нему, обнял за плечи. Словно прочитав мысли товарища, произнес:

— Три предателя, сгубившие семью Евдокии, ответили сполна. Их поставили к стенке. Зачем же еще кого-то сопричислять к преступлению? Вам-то кто может бросить упрек?

— Моя совесть.

— Почему? Сколько было на войне случаев, когда спаситель погибал, а спасенный оставался жив?

— Это нелогично и несправедливо,—заметил Дементьев. Он поймал себя на мысли, что, в сущности, ничего не знает о многих из тех, с кем был рядом в огненные годы.

...Первый день и первый бой, когда они, горстка пограничников, открыли на свой страх и риск огонь по атакующим цепям солдат в зеленых мундирах, еще не догадываясь, что началась война. Как сложилась судьба этих ребят, полных отваги и наивной веры, что сейчас на помощь им двинутся полки и дивизии? Живы ли солдаты, с кем он выходил из окружения, вернулись ли домой те, с кем он прыгал в грозное военное небо? Где теперь партизанский доктор, который в промерзшей лесной избушке при мерцающем свете коптилки сшил ему развороченную осколком щеку?

А память из своих глубин выталкивала все новые видения. Опять вспомнилась Евдокия, тревожно спросившая: «А вас не ищут, за вами не придут?» Перед глазами возникли Клинцы, только не те, прежние, притаившиеся во мраке неспокойной прифронтовой ночи, а сегодняшние: нарядные кварталы жилых домов, корпуса производственной зоны, школьный музей, который создала учительница с печальными, застывшими как на старинных иконах глаза-

ми, никогда не снимающая на людях перчатку с правой руки...

За окном искрились заснеженные поля, мелькали полустанки, с пугающим звоном проносились встречные составы. Высоко над степью утюжил небо самолет, оставляя белый, расползающийся клочьями след.

1981

ПОЖИЗНЕННО В СТРОЮ

Редактор окружной военной газеты сообщил, что генерал Василий Степанович Петров сможет принять в воскресенье у себя дома. В назначенный час мы были на месте. Дверь открыл ординарец:

— Заходите и побудьте здесь. Я сейчас доложу.

В прихожей мы успели осмотреть литографии с видами городов, которые, очевидно, довелось брать генералу, макет памятника воину-освободителю в берлинском Трептовпарке, большие мемориальные медали. Мы даже подумали, что нас держат в прихожей несколько дольше, чем того требует этикет.

Наконец появился ординарец и сказал:

— Генерал ждет.

Навстречу вышел невысокий человек, стройный, подтянутый, необычайно живой. Если бы не серебро на висках да не застарелый шрам, идущий к подбородку, можно было даже подумать, что перед нами юноша.

Василий Степанович держал обе руки в карманах.

— Здравствуйте,—сказал он, так и не протянув руки.—Заходите, садитесь. Вы хотели со мной встретиться. Чем могу служить?

Кабинет генерала очень напоминал убранство командирской землянки времен минувшей войны. Грубый стол безо всяких выдвижных ящиков, рядом еще один, поменьше, с зачехленной пишущей машинкой, три стула — никакой другой мебели здесь не было. Две стены занимали карты. В углу мы увидели боковую раму вездехода, стекло которого было изрешечено пулями.

— Память о моем боевом друге,— пояснил генерал, перехватывая наш взгляд.—На этой машине он ворвался в расположение врага и там нашел смерть.

Генерал вздохнул.

— Так какое у вас ко мне дело?—сказал он после молчания.

Мы хотели написать о боевом пути генерала Петрова и хорошо понимали, что Василия Степановича будет очень нелегко разговорить.

— Это карты мест, где вам пришлось воевать?

— Да. Владимиро-Волынский укрепрайон. Курская дуга, форсирование Днепра. Битва на Одере. Но карты висят здесь не только как память о минувшем. Сейчас я много работаю. Пишу мемуары. Уже готовы две части. Я придерживаюсь твердого мнения, что решающим во всей войне был сорок первый год. Самое главное, что армия выстояла. Нанесла невосполнимый урон неприятелю. Перечеркнула все планы гитлеровского командования... Дальше было уже легче...

Василий Степанович начал воевать в первый день войны. Точнее, в первый час. А если говорить уж совсем точно, в самую первую минуту.

В тридцать девятом, окончив среднюю школу, семнадцатилетний комсомолец Петров поступил в Сумское артиллерийское училище, 8 июня сорок первого был выпущен в звании лейтенанта, 14-го прибыл во Владимиро-Волынский укрепрайон и принял огневой взвод 3-й батареи 92-го отдельного артдивизиона. Кто мог тогда знать, что оставалась только неделя мирной жизни!

— В первом часу ночи уже начавшегося 22 июня я обошел расположение части и пошел спать,—вспоминал генерал.—А проснувшись, не мог сообразить, что происходит. Одно из окон лежало рядом с диваном на полу, другое повисло на сорванных петлях. Стены и потолки дрожали. Большая люстра, висевшая над головой, раскачивалась и жалобно звенела хрустальными подвесками. Сбросив плащ, заменявший одеяло, я взглянул на часы. Было 3 часа 06 минут. Где-то совсем рядом за стеной пронзительно выли и рвались снаряды. Так началась война...

А дальше, как у всех, кто встретил врага у границы: тяжелые сражения против нацеленных на восток танковых колонн, длинные дороги отступления под непрерывными

бомбежками, бои в окружении... Несколько месяцев с горсткой бойцов пробивался к своим лейтенант Петров.

И снова он командует артиллеристами. Орудия Петрова ведут огонь по врагу на Северном Донце, под Щиграми, под Воронежем. Вскоре о мужестве и мастерстве молодого артиллерийского офицера заговорили в соединении. По горящему мосту впереди пехоты он переправил свои орудия через реку и обрушил убийственный огонь на растерявшегося врага. Под Щиграми вместе с пехотинцами ходил в разведку за «языком». Был ранен. Остался в строю. Однажды на артиллерийские позиции налетели двадцать девять пикирующих бомбардировщиков. Но после налета орудия продолжали вести огонь. А несколькими днями позже беда все же настигла отважного командира. Мина разорвалась под передним колесом мчащейся машины.

— Взрыв был такой силы, что я вылетел на дорогу, — вспоминает Василий Степанович. — У меня оказались трещины в черепе, в тазовой кости, но об этом я узнал потом. В пылу боя я всего этого не почувствовал и вернулся на огневую.

За ожесточенными сражениями на Курской дуге последовала такая же героическая битва за Днепр. В числе первых героев, форсировавших реку, были и артиллеристы Петрова. Батарея прямой наводкой крушила фашистские танки, которые пытались сбросить наш десант в воду.

Ночью командир артбригады полковник И. В. Купин вызвал к себе командиров. Когда Петров увидел, что его боевого товарища капитана Григория Болелого нет среди прибывших, он почуял неладное.

— Пойду встречу. Я знаю, по какой дороге он должен идти. Разрешите, товарищ комбриг?

И ушел в пылающую огнем, гремящую взрывами ночь.

Капитана Болелого он нашел в луже крови, без сознания. Поднял на руки товарища.

Генерал Петров, ходивший по комнате, теперь остановился у стола.

— Вы знаете, я лучше прочту, что было со мной дальше. Однажды я написал об этом. Так уж лучше я вам прочту.

Василий Степанович нажал ногой на педаль звонка, и в кабинет вошел ординарец.

— Возьмите страницу из рукописи, там, где я пишу о Букринском плацдарме. Нашли?

И генерал стал читать. Нельзя было оставаться спокойным, слыша его твердый негромкий голос.

Первый проблеск сознания вернулся к раненому через много часов. Это был медсанбат. Все тело пронизывала страшная боль. Она исходила от подушки, от стен низкого здания, от тусклого огонька, осветившего испуганное лицо медицинской сестры, которая склонилась над его изголовьем. Время от времени перед глазами всплывала банка с кровью, которая через трубку была соединена с иглой, торчащей в бедре. От нее тоже исходила боль. Мучила жажда.

Второй раз сознание пришло от глухого прерывистого воя. Через иллюминатор маленького санитарного самолета глаз увидел желтый крест на крыле «мессершмитта». Стервятник пролетел рядом.

Но что же такое стряслось с комбатом Петровым? Нам довелось услышать рассказ ветерана войны майора в отставке Макара Иосифовича Галушки. Когда Петров покинул командный пункт и не вернулся, комбриг Купин приказал отыскать его. Ночные поиски на дорогах ни к чему не привели. Майор Галушка заглянул в медсанбат и узнал от раненых, что Петров погиб и похоронен в братской могиле. Впрочем, кто-то посоветовал поискать Петрова среди только что скончавшихся от ран.

— Я пошел в соседний сарай и увидел тело нашего комбата. Сначала я решил, что он мертв,— рассказывает боевой товарищ Петрова.— Но, приложив ухо к губам, почувствовал едва уловимое дыхание. Я побежал к хирургу и потребовал, чтобы раненого немедленно оперировали. «Безнадежно,—ответил мне врач.—Только зря потеряем время. Кругом столько других раненых, которых еще можно спасти». В состоянии сильного волнения я вытащил пистолет.

Комбата Петрова положили на операционный стол. Осколки артиллерийского снаряда поразили обе руки. Кровоточащие раны зияли на голове, в груди. Во время операции у раненого началось заражение крови...

Василия Степановича на самолете доставили в прифронтовой госпиталь, а оттуда в Москву. Началась долгая борьба за жизнь человека. Временами казалось, что уже пришел конец, но Петров жил и боролся. Даже видавшие

виды профессора и врачи удивлялись стойкости и мужеству боевого офицера. Его поддерживали письма, которые приходили почти каждый день из родной бригады, его навещали оказавшиеся по делам в Москве артиллеристы, над ним установили шефство работницы одного из столичных предприятий. И силы медленно возвращались к раненому командиру.

В тот день, когда майору Петрову прямо в госпитале вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя за мужество, проявленное при форсировании Днепра, у Василия Степановича мелькнула мысль снова вернуться к однополчанам, на фронт. Мысль эта показалась врачам фантастической. Но на первое же письмо, которое он продиктовал в полк, пришел радостный ответ: товарищи звали его, обещали помощь, внимание, поддержку. А орудия истребительного противотанкового артиллерийского полка уже шли по дорогам Польши, подходили к германской границе. Слушая радио, читая газеты, майор представлял себе, как нелегко приходится его друзьям, он душою был с ними на полях сражения, там, где решались судьбы скорого мира.

Нет, недаром говорят, что мужество, воля, настойчивость не знают преград. Из московского госпиталя Василий Степанович прибыл во Львов, и сюда из далекой Германии за ним приехали однополчане. Командование I Украинского фронта, учитывая рапорт Петрова и ходатайства однополчан, разрешило ему занять место в боевом строю.

Это было действительно невероятно. Человек, перенесший сложнейшие операции, вновь командовал огневыми взводами и батареями. А для его боевых друзей, знавших его как бесстрашного офицера, в этом не было ничего необычного. Петров снова был впереди, появляясь на самых горячих, самых тяжелых участках.

Опять плацдарм, как на Днепре, только теперь уже на Одере — на последних рубежах фашистской обороны. Переброшенная с другого участка фронта танковая дивизия «Герман Геринг» вклинилась своей броневой мощью в боевые порядки наступающих польских частей.

Артиллерийский полк, командование которым теперь уже принял подполковник Петров, срочно был переброшен туда, где разгорался бой. Советские артиллеристы вовремя подоспели на помощь польским друзьям. Запылали фашистские танки, попятилась назад мотопехота...

За мужество и героизм, проявленные при разгроме танковой дивизии «Герман Геринг», командир артиллерийского полка был представлен к награждению второй Золотой Звездой...

А война подходила все ближе и ближе к Берлину. 27 апреля за пятнадцать минут до решающей атаки полковник Петров решил проверить готовность батарей. Он шел от окопа к окопу, как обычно, не сгибаясь, в полный рост. И тут его подстерег снайпер. Пуля пробила обе ноги. Командир полка упал, обливаясь кровью. К нему подбежали солдаты.

— Назад! К орудиям! — отдал приказ Петров.

Через пятнадцать минут заговорили советские пушки. Взламывая вражескую оборону, наши танки пошли вперед. После боя к распростертому на плащ-палатке полковнику бойцы подвели пленных.

— Кто стрелял в командира, шедшего в накидке до начала атаки? — спросил наш офицер.

— Я думал, что никто не признается, — вспоминает Василий Степанович. — Но тут из группы вышел молодой парень и сказал, что стрелял он. «К стенке его!» — закричал кто-то из наших. Я посмотрел на этого молодого парня, подумал и сказал: «Доставьте его к переднему краю и отпустите на все четыре стороны. Много он уже не навоюет».

Это был последний приказ командира полка, отданный им в дни войны. Приказ, дарующий поверженному врагу жизнь...

Потом был опять госпиталь и торжественная встреча командира в родной части. Шли уже мирные дни. Фронтовики возвращались домой, к своим обычным делам и заботам. Василию Степановичу в числе других офицеров предложили уйти в отставку. Бывший член Военного совета армии, секретарь обкома партии крупной области, хорошо знавший В. С. Петрова, как отличного организатора и заботливого воспитателя, предоставил ему на выбор несколько ответственных должностей.

— Хотите на партийную работу, хотите на хозяйственную...

— Благодарю за доверие, — ответил Петров. — Но я остаюсь в армии.

И остался. Он занялся воспитанием молодых солдат, уже не знавших войны, обучал их мастерству артиллерий-

ского огия. Это было далеко ие легким делом. Приходилось учить и учиться самому. В армию пришла сложная техника, ракетиое вооружеиие. Глубоко изучив возможности иового оружия, Василий Степаиович представил комаидоваиию обшириый доклад. Мысли, изложениые боевым офицером, были иастолько свежи и оригинальны, что ему предложили готовить диссертацию. Он успешно защитил ее в Ленииградской артиллерийской академии имеии Ф. Э. Дзержинского, получил звание каидидата военииых иаук.

Но беда сиова подкарауливала Василия Степаиовича. Заиыли старые раиы, обиаружилась атрофия мышц, врачи предсказывали сложную операцию. И геиерал Петров иачал борьбу за право оставаться в строю. Это был подвиг, равный его подвигам иа фроите. Чтобы укрепить тело, ои приказал ордииарцу бить его резииовой палкой по мышцам иог, бить, пока не устаиет ордииарец. По ночам он сползал с кровати и пробовал приседать.

— Вам совсем иельзя двигаться,—испугаино говорили врачи.— Вы себя погубите.

Но больной продолжал свои упражнения по продумаиной им самим схеме. Сначала десять, потом сто, потом тысячу раз приседал Василий Степаиович.

В этой трудиейшей борьбе ои ие был одииок. Его иавещали боевые друзья, одиополчане, о нем заботились видиые советские военачальники. Маршал Г. К. Жуков прислал ему киигу своих воспоминаиий с теплой дарствеиной надписью. Мииистр обороны издал приказ о пожизиеином зачислеиии геиерала Петрова в кадры армии. Незиакомые люди писали ему письма с самыми сердечиыми пожелаииями скорейшего выздоровлеиия.

И иа этот раз могучий дух, иесгибаемая воля коммуииста одержали победу...

За окиом угасал короткий дождливый деиь. Мы смотрели иа легкую походку геиерала, на его одухотвореииое лицо, быстрые, энергичиые движения, и казалось просто невероятиым, что этот человек получил девять тяжелых раиеиий, переиес трудиейшие операции и иашел в себе силы ие только жить, но и остаться полезиым людям, армии, народу.

Сейчас геиерал Петров занимает должиость заместителя иачальиика ракетных войск и артиллерии округа, пишет воспомииания. Он давно заиимается воеииой историей. Сразу же после войиы заочио окоичил истфак уииверси-

тета. Генерал пишет трудно, мы видели, как он работает. К протезу приделано специальное приспособление с ручкой. Каждая буква, каждое слово рождается на бумаге движением всего тела. Он дважды учился писать: сначала учеником первого класса, затем дважды Героем Советского Союза...

Мы прощались с генералом. Он не подал нам руки. И теперь мы знали почему. Вот уже тридцать четыре года у него нет рук. Но есть храброе и честное сердце.

1977

И ОСТАНЕТСЯ ДОБРЫЙ СЛЕД

— А вот и Давид Джабидзе,— сказал директор музея Дружбы народов Теймураз Бадурашвили, останавливаясь у большой, на полстены фотографии, с которой смотрит молодой летчик, лейтенант. Фронтовой корреспондент запечатлел его только что возвратившимся после воздушного боя. Он стоит на плоскости своего «яка», еще не остывший от недавней схватки.— Может быть, вы слышали о подвиге, который он совершил в сорок первом?

...Из Ленинграда на Большую землю прорывались последние эшелоны. Враг сжимал кольцо. На маленькой станции Мшинская застрял пассажирский состав. Фашисты только что перерезали дорогу на юг, и теперь выяснялась возможность отправить поезд через Гатчину. А в поезде ехали дети —восемьсот воспитанников дошкольных групп ленинградских детских домов. Был теплый, ясный день. Малышей вывели из вагонов, и они, еще не понимая, что вокруг бушует война, затеяли свои веселые игры. И вдруг зловещая тень накрыла эшелон.

...Бомбы разорвались левее путей, в болоте, перепугав ребят. Спокойно, как на учебном полигоне, «юнкерс» замкнул второй круг и опять зашел в атаку. Теперь летчики учли сноску на ветер, и ошибки в бомбометании быть

уже не могло. Все ближе и ближе черный бомбардировщик... Но испуганные дети, в страхе прижавшиеся к земле, так и не услышали нарастающего воя бомб. Невесть откуда взявшийся «як» прочертил небо над станцией. Наш истребитель вплотную подошел к стервятнику и открыл огонь. Разваливаясь в воздухе, «юнкерс» упал в то же болото, куда только что сбросил свои бомбы...

Мы познакомились с Давидом Васильевичем вскоре после посещения музея на Тбилисоба—веселом празднике урожая, согретого улыбками хорошо потрудившихся людей, напоенного ароматом осенних цветов в тугом звонком воздухе. Вместе с молодыми воинами гарнизона он осматривал павильоны сельскохозяйственной выставки.

— Сегодня я снова почувствовал себя молодым,— улыбнулся Джабидзе.—Видите, какая у меня компания? Решил показать ребятам богатство нашей республики, где им довелось нести воинскую службу.

Время посеребрило виски ветерана, трещинки морщинок пробежали по лицу, но все равно его можно было узнать по фотографии сорокалетней давности; все те же поюношески задорные, живые глаза, все та же стройная, тренированная фигура.

— Так вот вы какой, Давид Васильевич! А нам бы очень хотелось поговорить с вами. О делах давно минувших дней...

Лицо Джабидзе стало серьезным:

— Что ж, милости прошу ко мне, я часто работаю дома. Буду рад.

Мы воспользовались любезным предложением через три дня. Открыла дверь жена и боевая подруга прославленного летчика Анна Васильевна.

— Давид что-то прихворнул,—взволнованно сообщила она.—Даже не поехал в университет читать лекции.

— Вот не уберегся, простыл, — словно оправдываясь, заметил Давид Васильевич, появляясь тут же. Одет он был не по теплой погоде, стоявшей тогда в Тбилиси: пушистый пуловер под шерстяным костюмом.— Боюсь сквозняков, опасаюсь простуды.—Потом, как бы спохватившись, представил еще одного гостя: — Мой друг Артем Иванович Азиров, первый секретарь Октябрьского райкома партии Тбилиси.

Мы его узнали. Фотографию Азирова мы тоже видели в музее. Он снят с однополчанами на Малой земле.

Хозяин дома провел нас в кабинет, сказал:

— Так я вас слушаю.

— Нам бы хотелось побольше узнать о летчике Джабидзе. Прежде всего что делал он до войны?

Что делал? Был обычным пареньком, жил в маленькой грузинской деревне Чхари. Помогал отцу ухаживать за виноградником, выращивать кукурузу, пасти скот. Потом работал на рудниках, по вечерам учился. Поступил на химфак Тбилисского университета. По комсомольскому призыву с третьего курса ушел в Сталинградское авиационное училище. Перед войной был выпущен летчиком и направлен в 158-й истребительный полк, стоявший в районе Пскова. В первые часы войны полк достойно встретил врага в небе Ленинграда, а вскоре о боевых подвигах его летчиков заговорила вся страна. Степан Здоровцев, Петр Харитонов, Михаил Жуков винтами своих машин таранили вражеские бомбардировщики. Немало стервятников нашли себе могилу после атак комэска Петра Покрышева, ставшего одним из самых прославленных асов нашего воздушного флота.

Старался не отстать от боевых друзей и лейтенант Джабидзе. Стервятник, сбитый над станцией Мшинская, был уже его пятым боевым трофеем.

А через несколько дней три «яка», сопровождавшие эскадрилью бомбардировщиков СБ, встретили пятнадцать «мессершмиттов». Командир звена лейтенант Чирков первой же очередью сбил ведущего фашистской группы. Как коршуны, кинулись «мессеры» на бесстрашного командира. Лейтенант Джабидзе поспешил на помощь, сбил одного фашиста, но мгновением раньше вражеский снаряд разорвался в его моторе. Осколки пробили плечо, застряли в левом легком. Теряя силы, летчик выпрыгнул из вспыхнувшей машины в разорванное огненными трассами небо, где два «яка» продолжали вести неравную схватку с тринадцатью «мессерами».

Но вот один из фашистов вышел из боя и дал длинную очередь по парашютисту. Пули просвистели рядом. «Мессер» снова открыл огонь. Это была дикая звериная забава—стрелять по подвешенному в небе человеку, который не может защищаться, ответить выстрелом на выстрел.

Еще приблизившись, фашист нажал на гашетку. Но в тот же миг между ним и парашютистом возник советский

истребитель. Младший лейтенант Николай Шиошвили корпусом своей машины прикрыл боевого друга...

А земля уже была рядом. Купол парашюта запутался в макушке сосны. Летчик не помнил, сколько висел на дереве. Очнулся лишь тогда, когда двое партизан, молоденький парнишка и бородатый дядя, укладывали его в повозку.

Парнишка стегнул лошадей. Они помчались напрямик по кочкам, по оврагам: на дороге могли встретить немцы. От быстрой езды, от тряски раненому стало совсем плохо, пошла горлом кровь. Сознание вернулось спустя пятнадцать дней в ленинградском госпитале: партизанам удалось переправить его через линию фронта. Десятки людей боролись за жизнь офицера. При свете коптилки под непрерывным артобстрелом врачи сделали ему несколько операций. У постели дежурили сестры. Незнакомые девушки-работницы, сами валясь с ног от голода, отдали ему свою кровь. Шоферы по ледовой дороге жизни под бомбежками увозили в тыл...

Еще восемь месяцев пролежал летчик в госпиталях Челябинска и Златоуста.

Врачебная комиссия осмотрела молодого человека. Председатель покачал головой:

— Вы не сможете летать. Высота, разреженный воздух. Малейшая простуда — и все... Поймите же вы наконец: у вас одно легкое...

— А вы никому не говорите, что у меня одно легкое, — попросил летчик. — И никто об этом не узнает.

И попал лейтенант Джабидзе в истребительный корпус «Дракона»; «Дракон» был позывным у командира корпуса генерала Е. Я. Савицкого. Небо Кубани стало вторым рождением храброго летчика-истребителя. Что ни день — то новый бой. Смертельные схватки с врагами над Новороссийском, над Керченским проливом, над Сивашом и над Перекопом.

— Возможно, мы видели твой истребитель в небе из окопов Малой земли, — сказал Азиров, бывший артиллерийский офицер.

— Вполне могло быть, — подтвердил Давид Васильевич и продолжал: — Летчик очень боялся упасть в море, он не умел плавать.

Но еще больше морской бездны лейтенант страшился простуд. Над знойным Крымом летчики летали в комби-

незонах, надетых на голое тело, а Джабидзе был в свитере. Он помнил напутствие врачей, скрепя сердце написавших в медицинской карте: «годен». — «Простуда для вас страшнее разрывных пуль».

Над Перекопом четверка «яков» встретила 20 немецких бомбардировщиков, прикрываемых шестью истребителями. И тем не менее наши соколы навязали противнику бой. Пара истребителей бросилась на шестерку ФВ-190 и сковала их действия. Другая пара атаковала бомбардировщиков. Вместе с товарищем Джабидзе сбил четыре самолета противника и разогнал остальных...

После освобождения Крыма корпус генерала Савицкого был переброшен в Белоруссию. Летчик Джабидзе продолжил свой боевой счет, сбил над артиллерийскими позициями фашистский корректировщик «Фокке-Вульф-189».

И снова бой. И снова смертельные схватки в небе. И снова падают на землю фашистские стервятники... В последних числах апреля сорок пятого в районе Берлина Герой Советского Союза командир эскадрильи капитан Джабидзе сбил свой последний, двадцать седьмой по счету фашистский самолет. Война закончилась. А вскоре для комэска наступила пора прощания с боевыми друзьями, с полком; его демобилизовали по ранению.

Кадровый офицер вернулся в Тбилиси. Весь свой огромный летный опыт, свои знания пришлось сдавать в архив. И начинать новую жизнь. А как? Вернуться на химфак он не мог, химические предприятия вовсе не для людей с простреленной грудью. Пришлось махнуть рукой на два с половиной курса химфака и начать с самого начала на другом факультете — на историческом. Потом аспирантура. Будучи аспирантом, ветеран войны возглавил студенческий отряд, который отправился в битву за хлеб — убирать первый целинный урожай в Кустанайскую область. Вернулся, написал кандидатскую, недавно подготовил докторскую. Обе диссертации посвящены разработке ленинской национальной политики партии.

— У бывшего летчика было немало других обязанностей и забот, — продолжал свой рассказ Давид Васильевич. — После возвращения с фронта у него стало две матери: своя и мать Николая Шиошвили, боевого друга, погибшего над Ленинградом. И в праздники и в будни он навещал тетушку Елизавету, помогал ей всем, чем мог.

Единственно, что не мог заставить себя сделать, — это сказать правду. А старушка ждала сына. Долгими вечерами она мечтала о том, как встретит Колю, как достанет из погреба кувшин самого лучшего вина, как поставит на стол лобио, хачапури, сулугуни...

— Недавно похоронили тетушку Елизавету. — На глаза Давида Васильевича навернулись слезы. — Но она умерла с надеждой...

— А что же сталось с восемьюстами ребятишками?

— Эшелон благополучно добрался до Сибири, — сказал Давид Васильевич. — В таежном селе открыли детский дом. Потом дети отыскали летчика по заметке в «Ленинградской правде» и стали писать ему письма. Однажды даже прислали стихи:

Сибирь нас всех растила
душевной теплотой.
Как равных усадила
за стол семейный свой.
Отмыла, отстирала,
пимы надела нам.
Любимой мамой стала
блокадным пацанам...

Ученый отложил письмо и продолжал:

— Конечно, те ребятишки давно выросли, разлетелись по стране, у них у самих теперь дети, а у некоторых и внуки. Но детский дом по-прежнему существует. Он так и называется Ленинградский детский дом. Маленькие воспитанники пишут летчику письма. Недавно прислали очередное приглашение приехать в гости...

— Как это здорово! — воскликнул секретарь райкома Азиров. — Летчик-грузин защитил своим храбрым сердцем восемьсот ленинградских ребятишек! Недаром ты, Давид, читаешь в университете лекции о дружбе народов.

Беседа наша затянулась допоздна, мы спохватились, взглянули на часы и стали прощаться.

— Заходите, когда у вас будет время, — сказал хозяин, провожая до дверей.

Мы собирались к нему зайти. Позвонили домой. Ответил незнакомый голос:

— Давида Васильевича уже нет... Он никогда не сможет подойти к телефону...

В трубке послышались гудки, частые и тревожные, как удары собствеиного сердца, болью отдающие в висках...

Уходят ветераиы — уходят раньше времени, раиьше срока. А им бы еще жить и жить, им бы работать, радоваться. Но это от их имеии сказал поэт: «Мы ие от старости умрем, от старых раи умрем».

Нет, ии одии из героев мииувшей войны ие исчезает в безвестности. Живет Ленинград, живут обиовлеииые Миивск и Варшава, у стеи которых сражался летчик Джабидзе. Живут восемьсот людей из спасеииого им эшелоиа, живут их дети и внуки. Работают сотни и сотии специалистов, которых профессор Джабидзе обучал великой, всепобеждающей иауке—марксизму-леииииизму. И зиачит, иавсегда останется добрый след, который Давид Васильевич Джабидзе прочертил в иебе над стаицией Мшииская. Добрый след, который ои оставил иа земле...

1982

32кг
32кг
Чуткость
по алфавиту

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Болеслав Петрович Жуковников был артистом оригинального жанра. Он показывал фокусы, дрессировал животных и вместе со своей партнершей Конкордией Семеновной Бруно-Мелитопольской устраивал кукольные представления. На этот раз они ехали гастролировать втроем. Перед самым отъездом старый друг Жуковникова конферансье Ракитский упросил артистов взять Валеру в обучение:

— Сделайте доброе дело и для меня и для сына.

— Что ж, попробуем, — сказал Жуковников. — Кто знает, может быть, из парня действительно выйдет новый Кио.

Между тем в школах шахтерского городка Кадиевки уже пестрели красочные афиши:

«Представление для детей «Ваши друзья».

В программе: Лисичка-сестричка, Зайка-баянист, Кот Мурлыкин, Медведь Топтыгин, Кукушка-певица, Петрушка — акробат и фокусник, Котята-шалуны.

Участвуют артисты эстрады и дрессированные собачки».

На этих афишах еще не было портретов Ракитского младшего. Будущий факир Валера появлялся перед зрителями пока не как артист, а как ассистент: выносил ширму, передвигал рояль и расставлял скамейки для дрессированных собачонок. В ожидании выхода Кота Мурлыкина юные зрители дружно приветствовали Валеру.

Возможно, этот молодой человек и в самом деле стал бы восходящей звездой эстрады, если бы не одно печальное обстоятельство. Однажды Валеру послали в областную филармонию сдать недельную выручку. И Валера исчез. Как в хорошо поставленном эстрадном аттракционе. Был человек — и нет.

Артист оригинального жанра разволновался не на шутку. Вместе с Конкордией Семеновной он обращается в «Скорую помощь», в морг, в уголовный розыск.

Сначала Валеру ищут в Кадиевке и Луганске. Потом по всей Украине. Потом по всей стране. След его неожиданно обнаруживается в Сочи. Валера живет в гостинице. От него приятно пахнет жирным барашком и молодым кахетинским вином. Вечером он совершает променад вдоль набережной.

Нет, возвращаться в Кадиевку он не собирается. Зачем? Дрессированные шавки ему осточертели. На противную рожу Кота Мурлыкина он уже не может смотреть спокойно. Он давно хотел побывать на юге, познакомиться поближе с курортным обществом.

Мы звоним в Сочи, но с Валерой поговорить не удается. Он уже завершил свой отдых и вылетает самолетом в Москву. И вот, пока Валера летит, мы пытаемся узнать, что все-таки собой представляет этот парень. Наводить о нем справки по библиотечным формулярам, разумеется, бесполезно. Приходится воссоздавать его образ по милицейским протоколам.

— Ракитский? Ну как же, знаем, — говорят нам в ближайшем отделении милиции. — Мучаемся не первый год. Школу он не кончил, выгнали.

Тогда отец пытался приобщить его к кондитерскому делу. Не получилось: парня, как на грех, тянуло не к сладкому, а к горькому.

Потом Валера осваивал слесарное мастерство. Если ему не изменяет память, дело было где-то у Даниловского рынка. В первые же дни у него возник трудовой конфликт с администрацией. Валера снисходительно называл бригадира «Васей» и обращался к нему на «ты». Бригадиру это не нравилось. Он протестовал. Валерий не обра-

щал внимания. Он считал, что по имени и отчеству следует называть только творческую интеллигенцию, а вовсе не бригадиров.

Сейчас он посещает курсы шоферов. «Мне бы только получить права. У Генки Капустина есть машина. Возьмем девчонок, махнем на юг»...

— А что за Генка?

— Его приятель. Недавно вместе пытались залезть в чужой автомобиль. В ресторане «Пекин» познакомились с каким-то артистом. Поехали к нему на дом допивать, догуливать. Утром артист хватился, что с вешалки исчезло пальто...

О дальнейшем мы говорим уже с самим Валерой. Он появляется в редакции весь какой-то изжеванный и косматый, словно готовится держать экзамен на дьячка.

На самом деле в дьячки он не собирается. Вечером он собирается к Генке, чтобы послушать новые магнитофонные ленты.

— А в чем дело? — недоумевает Валера. — Материально ответственным лицом является Болеслав Петрович. Пусть и отвечает. А я расписок на деньги никому не давал.

— Да, но вам поверили на слово. И немалые деньги. Пятьсот рублей. А вы обманули человека, который хотел вам сделать добро. Подвели отца. Во-первых, он вас рекомендовал Болеславу Петровичу. А во-вторых, ему, должно быть, теперь придется расплачиваться за вас.

Валера считает, что это уже несущественные детали. Денег у него все равно уже нет, а кто будет платить, для него безразлично. В свою очередь, он пытается затеять с нами дискуссию по «самым животрепещущим проблемам современной молодежи».

— Это действительно важно, — говорит он и начинает уверять, что нынешнюю молодежь мужского пола волнуют главным образом три вопроса: как бы побольше да подольше посидеть в ресторане, как бы заполучить

легковой автомобиль, как бы познакомиться с девушками, у которых можно иметь не только успех, но и кредит.

— А кого, собственно, вы подразумеваете под нынешней молодежью мужского пола?

— Ну как кого? Нас с Генкой хотя бы. Молодежь теперь другая. Это в тридцатые годы все торопились работать, а сейчас многие торопятся приятно провести время, развлечься, отдохнуть на курорте.

Мы объясняем Валере, что и в тридцатые годы торопились работать не все. На тысячу хороших ребят тоже попадалось два-три бездельника. Только тогда гуляки ездили по ресторанам не на такси, а на извозчиках. И твист был еще не в моде. А в моде был фокстрот «У самовара я и моя Маша, а на дворе давно уже темно». Те, кто строил сибирские города и уральские домны, стали настоящими людьми, заняли видное положение в обществе. А вот бездельники...

— Да что вы меня пропагандируете, — перебивает Валера. — Не повторяйте ошибку моего отца, который считает меня маленьким и глупеньким. Стоит мне не прийти домой ночевать, как он пристает ко мне со всякими вопросами: «Где был, что делал?» Что за неуместное любопытство?

— А в самом деле, где же вы бываете, когда не приходите домой?

— Как где? Где, по-вашему, может провести ночь мужчина моего возраста и моего внешнего вида?

— Мало ли где. Ну, например, в вытрезвителе...

— С вами говорят серьезно, а вы шутите. Один шутник мне уже надоел. Это мой отец. Впрочем, за отца я его не считаю. Он ни на что не способен. Подумайте, он не смог получить даже отдельную квартиру и отдать мне хотя бы комнату.

Приблизительно на этом месте моралисты обычно ставят отточие и начинают рассуждать мудреным языком о недостатках в системе воспитания. Выясняется, что прежде всего виновата школа. А также семья. Затем — улица.

Все поименованные организации и частные лица что-то просмотрели. И всем за это как следует попадает. Может быть, даже за дело. Но вот что странно. На фоне выявленных педагогических прорех бездельник даже выглядит эдакой невинной жертвой недоработок и упущений.

А ведь тому же Валерию Ракитскому уже двадцать лет. Это вполне зрелое состояние, когда за свои поступки нужно отвечать самому. Пора бы наконец самому задуматься и над тем, кем быть. В этом заинтересован прежде всего сам Валера. И если Валера нигде не работает, страдает от этого не столько государство, сколько он. И если ему придется вплотную соприкоснуться с уголовным кодексом, будет плохо главным образом одному Валере.

Из редакции Валера уходит недовольным и разочарованным:

— Нигде не хотят считаться с тем, что у нас с Генкой переходный возраст. За нами не пропадет. Отработаем в старости...

Переходный возраст многие, однако, использовали поиному и на старость ничего не откладывали. В семнадцать лет Марко Поло начал свое знаменитое путешествие в Азию. Когда Лермонтову было семнадцать, он написал «По небу полуночи ангел летел». Ньютон, будучи юношей, изобрел первый зеркальный телескоп. В шестнадцать лет Паскаль установил «Теорему Паскаля», а в семнадцать сконструировал суммирующую машину.

Конечно, думать, что Валера в самом ближайшем будущем изобретет зеркальный телескоп, не приходится. Это были бы пустые мечты, беспочвенные надежды. Да и никто от него такого не требует. А вот потребовать от двадцатилетнего лоботряса, чтоб он сам зарабатывал себе на хлеб, давно пора.

Потому что переходный возраст Валерия Ракитского явно затягивается.

1968

ЛЮБОВЬ И МЕХОВОЙ ВОРОТНИК

О разводах в последнее время стали писать меньше. И совсем не потому, что кривая расторжения браков резко покатилась вниз. Просто вмешиваться в это тонкое и деликатное дело постороннему лицу не очень-то ловко. Какие тут можно дать полезные советы и ценные указания? Да и зачем?

— Как зачем? Только фельетоном можно пронять этого молодца, — кипятится экспансивная, пестро одетая дама, которая с самого утра появилась в редакции и никак не хочет уходить. — Вы должны написать про него все, все! Нельзя более прощать этому прощелыге, этому политическому хулигану...

— Ах, даже так вы квалифицируете поступок бывшего мужа!

— А вы как думали! Вещи надо называть своими именами. Он убежал от меня в День конституции. И, вы знаете, я ему тогда простила. Но он повторил свой омерзительный поступок под Новый год...

— Почему же он взял за моду бегать от вас по праздникам?

— Как почему? Я же вам объясняю: испорченный...

А вот как выглядит другая история, о которой нас тоже просят рассказать.

Сотрудник радио Василий Елизарович Кобылкин, сорока четырех лет от роду, имеющий прописку и жилплощадь в Москве, заговорил на улице с молодой женщиной Аллой, двадцати одного года, приехавшей из Свердловской области держать экзамены в институт.

В любви ничего невозможного нет.

Стороны воспылали желанием сочетаться браком.

Однако их медовый месяц продолжался всего несколько дней.

Он утверждает, что она вышла за него замуж лишь для того, чтобы получить московскую прописку.

Она утверждает, что он ее обманул. Говорил, что

старше ее лишь на восемнадцать лет. В действительности оказалось, что на двадцать три.

Знакомые и соседи, свидетели этого краткосрочного симбиоза, показывают разноречиво. Одни считают, что прав он, другие — она.

Вот, собственно, и вся драма и, если даже хотите, мелодрама. На таком материале «Ромео и Джульетту», как вы сами понимаете, не создашь. И на музыку текст не переложишь. А вот дело создать удалось. Оно состоит из заявлений бывшего мужа и ответных объяснений бывшей жены. Вместе с приложенными справками, фотообвинениями, выписками из домовых книг и перехваченными письмами оно насчитывает без малого сто страниц.

Всем этим пухлым томом единолично распоряжается Василий Елизарович. Он считает себя стороной пострадавшей, обманутой и обведенной вокруг пальца. Несмотря на свой весьма степенный возраст. Несмотря на то, что уже был дважды до этого женат. Несмотря на то, что имеет даже законченное высшее образование.

В душе Василия Елизаровича копошатся запоздалые подозрения. Изловчившись, ревнивый сын эфира тайно сфотографировал страницы из ее записной книжки. На пленке, как он утверждает, после проявления ясно проступили сорок пять телефонных номеров. С небывалым энтузиазмом Кобылкин принялся звонить по телефонам, черпать информацию, назначать деловые встречи.

Времени для всего этого потребовалось очень много. Три года назад ему пришлось даже оставить государственную службу. Как-то его даже чуть было не выслали из города, посчитав за тунеядца. Впрочем, эта опасность висит над головою нашего героя и до сих пор. Но на работу он все-таки не устраивается. Некогда. Василий Елизарович выступает то истцом, то ответчиком в товарищеских и народных судах. Записывается на приемы к прокурорам. Снимает копии с копий. Держит связь с участковыми уполномоченными. Бегает по редакциям.

Еще один сюжет для животрепещущего бытописания был нам прислан в заказном письме со штемпелем далекого города Воркуты. Не так давно в этом городе про-

изошло радостное событие — соединились два любящих сердца. Молодые, правда, были далеко не молоды, но прожили в мире и согласии двадцать четыре дня. Потом Алексей Алексеевич внезапно исчез. Вскоре он, однако, появился в этом доме, но постучался к соседям:

— Вы не помните, в чем я пришел к Анастасии Иосифовне?

— То есть как в чем?

— Ну, было при мне пальто или нет?

— Вроде было, а что такое?

Но Алексей Алексеевич ничего не отвечает. Он стучится в другую дверь.

— А вы, граждане, сможете подтвердить, что, когда мы сходились, я носил темно-синее пальто с каракулевым воротником?

Потом он направляет стопы в суд и подает жалобу на любимую женщину.

— Меня оскорбили, надо мной надругались. Она забрала мое новое пальто и теперь не отдает.

Затем стороны стоят перед высоким судейским столом и пререкаются:

— Отдай пальто и не балуй.

— А больше ничего не хотел? Граждане судьи, да он ко мне без всякого пальто заявился.

Затем дело о пальто рассматривал еще один суд. В дальнейшем этим же пальто занималась прокуратура. Стороны уточняли цвет сукна, качество каракуля, степень изношенности вещи. Вопрос о неудавшейся жизни, о попранной любви остался между тем совершенно открытым.

— Ну попрана и пусть себе попрана. Любовь—дело наживное. Без нее обойтись можно. А попробуй обойдись без пальто в зимнее время.

Пройдя все судебные инстанции снизу доверху, Анастасия Иосифовна решила обратиться в печать:

— Вмешайтесь, пожалуйста. Разберитесь...

Разобраться, а в чем? Не в любви, конечно, а во все той же истории о синем пальто. Было оно или не было.

...Нет, это совершенно правильно, что сатирики довольно мало пишут о подобных искусственных ситуациях. Но стороны не унимаются. Они обращаются не только в газеты, но и в местком, в комитет комсомола, в партбюро.

Возникают персональные дела. Иное персональное дело персонально касается лишь двух легкомысленных персон и никакого общественного значения не имеет. Тем не менее назначается внеочередное собрание, избирается президиум и утверждается регламент.

И вот при большом стечении народа на виду у всех стороны вступают в перепалку. С применением всех болевых и запрещенных приемов. Слово «любовь» здесь фигурирует вскользь и мимоходом. Во весь голос произносятся другие слова: «площадь», «ответственный квартиросъемщик», «меховой воротник».

Понятно, что никаких секретов и тайн тут уже не бывает. Здесь можно говорить все что угодно. Можно даже пересказывать содержание выкраденных писем и ссылаться на подслушанные телефонные разговоры...

И вот после такого «персонального дела» люди уходят разбитыми, опустошенными, с каким-то мерзким и отвратным чувством. Как будто бы их самих с ног до головы обдали грязью и самих обвинили в краже пальто при интимных обстоятельствах.

Во имя чего же все это делалось? Во имя торжества морали? Ее никогда тут не было. Во имя утверждения любви, этого великого и святого чувства? Любви тут тоже никогда не было.

Просто взрослые проказники немного поиграли в любовь, поругались, перессорились и теперь хотят свести счеты с помощью дяди из газеты или тети из партбюро.

1968

В ПОЛОСЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

Вначале мы намерены рассказать о трех очень похожих историях, героями которых являются:

— каменщик Нургалеев, житель Подмосковья;

— грузчик Еременко, родом с Украины;

— шофер Бирюков, проживающий на Урале.

В одно прекрасное утро они ушли на работу и домой не вернулись. Начались поиски.

Каменщика Нургалеева подобрали в подвале.

Грузчика Еременко извлекли со дна завальной ямы механизированного тока, где он лежал, засыпанный зерном.

Шофер Бирюков был обнаружен с переломами ног и таза в двадцати метрах от машины. Фары грузовика, несмотря на ясный день, светились, дверца кабины была открыта, зажигание включено.

Не правда ли, странные истории? Загадочные. Удивительные. Но вот недавно мы получили письма:

— от жены Нургалеева;

— от жены Еременко;

— от жены Бирюкова.

Совсем не зная друг друга, а потому и не сговариваясь, они потребовали одно и то же: найти и покарать преступников, совершивших нападение на их мужей в рабочей обстановке. Мы вступили в контакт с прокуратурой и получили ответы:

— каменщик Нургалеев потянулся мастерком за раствором, не удержал равновесия, свалился с лесов;

— грузчик Еременко полез отдохнуть в завальную яму. Товарищи по бригаде, не заметив, куда он делся, высыпали сверху три тонны зерна;

— шофер Бирюков почему-то съехал с шоссе в поле. На крутом спуске машина ударилась передней частью о землю, кабина открылась, водитель выпал, угодив под заднее колесо...

Три жены откликнулись протестующими письмами:

— Упал бы Нургалеев с лесов, если бы его не толкнули в спину?

— Мог бы Еременко оказаться в завальной яме, если бы его туда не сбросили?

— Кто поверит, что Бирюков, находясь в трезвом уме и твердой памяти, вдруг выпал из кабины под колеса своей же автомашины?

В трезвом уме и твердой памяти оказаться под колесами своей же машины, наверно, нельзя. Равно, как и свалиться с лесов или очутиться в завальной яме. Но, увы, ум наших героев был изрядно затуманен, а разжиженная память никак не могла воспринимать события из объективной реальности. Где же они в таком случае успели напиться? Да тут же. Рядом. Не сходя с рабочего места.

Нургалеев похмелялся.

Еременко обмывал с товарищами трехрублевый выигрыш в спортлото.

Бирюков между делом совершил левую ездку, кому-то подбросил дровишек, выручку немедля обратил в водку и прямо в гараже собрал компанию...

...Я думаю о том, как теперь помочь горю, и мне видится некий должностной дядя, который должен отвечать за антиалкогольную работу в данной местности. На его лице печать исполненного долга. Он ревностно и твердо проводит в жизнь спущенные сверху инструкции. Чего же боле? Пивные палатки, стоявшие от проходной стройки на двести метров, отнесены теперь на четыреста. В гастрономе отгорожен специальный закуток, где спиртным торгуют с одиннадцати до семи...

А каменщики, работающие через дорогу, возводят стены культурно-просветительного объекта как раз в это время.

— Вот и великолепно! — потирает руки наш дядя. — Значит, ничем они не разживутся и будут ходить трезвыми.

Но ровно в одиннадцать выпивоха Нургалеев снимает рукавицы и кричит молоденькому пареньку, вчерашнему пэтэушнику:

— Эй, Вася, собирай по рублику с почтенной публики!

И тут же переходит с унылой прозы на возвышенные стихи:

— Руки зябнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть? Не пора ль послать гонца в магазин без продавца?

Магазинов, где бы торговали спиртным без продавца, пока не существует. Но есть все тот же закуток гастроно-

ма, где посменно работают тетя Глаша с тетей Тасей. Кстати, на полках не найти ни сухих, ни столовых вин, а есть лишь разное крепленое питье, именуемое в очереди бормотухой.

— Ну, сбегает ваш гонец, ну, потолкается в очереди, да с тем и уйдет, — ухмыляется должностной дядя. — Есть ведь разъяснение: людям в спецодежде ничего не отпускать!

Тетя Глаша действительно не отпускает. Но в очереди всегда находится какой-нибудь старичок из сочувствующих, который охотно войдет в положение, возьмет, сколько попросят. А когда за прилавком тетя Тася, то к посторонней помощи прибегать нет никакой нужды:

— Выкладывай деньги — получай товар! А в чем ты одет, я не вижу.

Раздобыть пузырек у тети Таси можно и раньше и позже. Надо лишь зайти с черного хода, отблагодарить рубличком — и все дела.

Но наш дядя по-прежнему посмеивается:

— Ну, хорошо, разжился ты, милок, бутылкой, а потреблять где будешь? В столовых и кафе на броском месте выбита первая заповедь общепита, гласящая о том, что приносить с собою и распивать строго запрещается. Вот и придется тебе, милок, отправляться домой и пить водочку под управлением твоей строгой супруги. Много выпить она тебе не даст...

Это прекрасно понимает и пьяница Нургалеев. Но в отличие от нашего дяди он видит простой выход из этого искусственно созданного тупика. С появлением бутылки работа откладывается, в недостроенном оконном проеме развертывается скатерть-самобранка...

Не всегда, конечно, выпивка на работе кончается падением со строительных лесов. Но этот вид застолья становится не таким уж редким.

...Членам бригады слесарей выдали премию: по двадцать пять рублей. И вот бригадир, кстати, человек весьма положительный, говорит:

— Надо, пожалуй, выпить для сплочения коллектива. Отметить наш общий успех...

Конечно, было б неплохо, чтобы по разным поводам собирались непьющие компании. Существует, однако, традиция. Пусть вредная, плохая, довлеющая над нами, как считают некоторые теоретики, в качестве пережитка про-

шлого. Но эта вредная традиция сама по себе не исчезнет, если от нее отвернуться, отмахнуться, закрыть глаза...

В соседнем учреждении старший бухгалтер уходит в отпуск. Если не угостить подчиненных, скажут: «Жмот!» Спустя неделю у воздушного существа секретарши Оленьки день рождения. Как провести свой праздник? Домой можно пригласить близких подруг, а весь отдел, который приготовил хороший подарок, дома просто не уместится. В ресторан вести гостей накладно, тут и двух Олиных зарплат не хватит. Правда, неподалеку есть завалящая шашлычная, где сухих вин почему-то не держат, а держат лишь марочный коньяк по цене четыре рубля за рюмку...

Приверженцев кабинетного застолья наберется, в сущности, не так уж много. Те же слесари рады бы отметить свою премию вовсе не в цеховой каптерке. Но где? Во всей округе днем с огнем не сыщешь обыкновенной чайной, где к чаю, закипающему в большом тульском самоваре, подавали бы в добрых традициях дедов наших бублики с пылу, с жару, калачи, пряники. За самоварчиком и водка людям не потребуется...

В наших постановлениях о борьбе с пьянством и алкоголизмом ставится задача увеличения выпуска пива, безалкогольных напитков. На это как-то не все обратили внимание. Хорошую пивную с пивом отыскать не менее сложно, чем чайную с чаем.

В Москве в центре большого промышленного района, на Масловке, пивная функционирует в совершенно негодном подвальном помещении. Никаких закусок нет. Посетители приносят с собою рыбу, колбасу, бросают на пол бумагу, кости. Поскольку кружек не хватает, приносят также пустые банки, бутылки, куда набирают пиво. Скученность. Антисанитария. Многослойный табачный дым. Никакой вентиляции. Выбежать наверх глотнуть свежего воздуха до окончания пивного сеанса запрещено. В дверях стоит раздобревшая отнюдь не на пивных дрожжах тетя Мотя и никого не выпускает. Чтоб кружек не расхищали...

Остряки иронически окрестили заведение на Масловке «В мире животных». Другие пивные точки в силу тех же причин получили названия: «Арена смелых», «Гибель Помпеи», «Война миров»...

Если и дальше исследовать это печальное изустное творчество, то встретятся названия ресторанов «Под ли-

пой», «За гаражом», «Девять ступеней». Было бы пустым делом искать в этих ресторанах услужливых швейцаров, важных метрдотелей, расторопных официантов вальсирующих с подносами между столиками ярко освещенного зала. Просто компании мужчин (иногда и женщин) собираются «разорвать» бутылку в темном углу аллеи под деревом, во дворе за гаражом или поднимаются по девяти ступеням к окошку первого попавшегося подъезда.

В отличие от кабинетного застолья участники данных распивочных мероприятий могут и совсем не знать друг друга.

Когда-то кто-то решил, что для искоренения пьянства нужно разливать спиртные напитки в бутылки лишь большой емкости. Дескать, если у человека в кармане всего рубль или два, то он поглядит на пол-литра в витрине, утрется да и пойдет своей дорогой несолоно хлебавши. На первый взгляд получается все складно. Но только на первый взгляд. Судите сами: если у человека есть деньги и он хотел бы перед обедом выпить всего рюмочку для аппетита, то ни «сотки», ни «четвертинки» он уже не найдет. Приходится брать все то же пол-литра. Откупоренная же бутылка обладает тем непреложным свойством, что быстро допивается до дна.

Впрочем, и граждане, имеющие на данный отрезок жизни лишь два рубля и желающие выпить, весьма легко удовлетворяют потребность. Прямо у винного прилавка завязываются бутылочные знакомства, сколачиваются случайные компании. Этих компаний, веселящихся в неуправляемой полосе отчуждения — расплывчатом пространстве между магазином и домом, — у нас как-то стараются не замечать. Общепит к ним никакого касательства не имеет. Торговля после завершения операции «товар — деньги» снимает с себя всякую ответственность за все дальнейшее. Милиция прерывает подзаборные пиршества лишь в случае особо шумных скандалов и драк.

Но вот кое-где открылись рюмочные, где к маленькой стопке полагается обязательный бутерброд, где чисто, уютно, где верещит музыкальный ящик, куда не стыдно привести товарища, сослуживца. И тут же рестораны «Под липой» и «За гаражом» лишились многих своих завсегдатаев.

Автора могут заподозрить в том, что он призывает вернуться к тем временам, когда водка шла в розлив в

любой палатке, в любом буфете. Нет, возврата к этому быть не должно. Автор лишь хочет подчеркнуть, что все больше бутылок распечатывается в бесконтрольной полосе отчуждения и что эта полоса представляет основную клиентуру вытрезвителю, камере предварительного заключения, скамье подсудимых. И еще ему кажется, что сужение этой полосы находится в прямой зависимости от расширения сферы влияния общепита, потому что борьба за культуру застолья является составной частью борьбы против пьянства и алкоголизма...

Ну, а пока почтальон продолжает приносить нам тревожные вести из этой полосы:

— скотники из Чечено-Ингушетии прямо в овчарне распивали водку, дело кончилось поножовщиной, «Скорой помощью», больницей;

— два жителя Куйбышева лезли без очереди к винному прилавку, поругались, подрались, затем на мировую распили общую бутылку в ресторане «Подворотня», выпив, опять озлобились, побили друг другу физиономии, оказались в милиции...

А что же еще иного ждать от бутылочного знакомства в полосе отчуждения?

1980

ЧУТКОСТЬ ПО АЛФАВИТУ

В начале двадцатых годов город Семипалатинск посетил богатырь-самородок некто Липунов, что подтверждается дошедшим до нас документом:

«Справка. Дана С. Т. Липунову в том, что по своей личной инициативе для крестьян исполнял в театре последующие номера спортивного характера:

1. На его груди разбивался камень двумя людьми весом в 17 пудов 33 фунта.

2. Держал в зубах гирю в два пуда, когда по ней били гирей весом в 12 фунтов.

3. На его голове разбивали полено гирей весом в полтора пуда.

Зав. домом культуры при губземуправлении В. В. Кульский».

Предстоящее выступление богатыря-самородка вызвало большой интерес у жителей города и его окрестностей. Нужно отдать должное В. В. Кульскому: он предвидел, что у кассы театра может случиться столпотворение. И культработник придумал оригинальный выход. В подъезде театра появилось броское объявление:

«Для удобства публики касса будет продавать билеты по алфавиту».

Товарищ Кульский старался, как лучше, а все почему-то получилось наоборот. Люди по простоте душевной явились без паспортов, поэтому установить, у кого с каких букв начинаются фамилии, администрации оказалось не под силу. К тому же часть публики была малограмотной и плохо представляла порядок букв. Да и у грамотных возникли сомнения насчет того, станет ли кассир придерживаться нового алфавита или будут иметь хождение еще и царские «ять», «ижица», «фита», а также старославянские «юс-большой» и «юс-малый»...

Дела давно минувших дней...

Трудно теперь представить, чтобы в Семипалатинске мог объявиться богатырь-самородок С. Т. Липунов и чтоб на его примитивные фокусы клюнул зритель. А вот деятели вроде культработника В. В. Кульского кое-где еще встречаются. Посмотришь со стороны, трудится такой товарищ в поте лица, что-то придумывает, звонит по телефону, составляет планы, собирает совещания — словом, занят тем, чтобы создавать людям удобства. Ну, а на деле...

Наша сфера услуг, вне всякого сомнения, работает все лучше. Этой же точки зрения придерживается москвичка З. А. Глазова. Во дворе ее дома — химчистка, прачечная, через дорогу — ремонт обуви. Удобно, чего желать еще!

Но вот незадача: на работу инженер Глазова уезжает в восемь утра, а возвращается в шесть вечера. А сапожная мастерская открывается в девять, а закрывается в половине шестого. Как же быть Зинаиде Андреевне?

Сотрудники прачечной немало думали над тем, чтобы не уподобиться мастерам шила и дратвы и охватить сферой своих услуг побольше людей. Будь на их месте культработник Кульский, он бы для удобства клиентуры затеял бы обслуживать ее по алфавиту. А руководство пра-

чечной на это все-таки не пошло. Оно разработало скользящий график. В понедельник прачечная работает с 9 до 16 (перерыв 13—14), в среду с 8 до 14 (без перерыва), во вторник, четверг, пятницу с 12 до 20 (перерыв 15—16).

Удобно? Да не очень. Как все это запомнить, если каждый день предприятие работает в разное время? Заучить график наизусть? Снять копию с прачечного регламента в двух экземплярах, один вывесить дома, а другой на работе, чтоб иметь его всегда перед глазами?

Впрочем, вывешивать надо не один график, а несколько. В соседней химчистке обнаружился свой Кульский, который тоже немало ломал голову над тем, как бы создать посетителям режим наибольшего благоприятствия. Шел он своим путем, не вступая ни в какие контакты с соседней прачечной, поскольку оба предприятия разнесены по разным ведомствам. И вот химчистка определила, что посетители будут очень довольны, если перед ними распахнутся двери: во вторник и четверг с 8 до 16 (перерыв 13—14), в понедельник с 12 до 19 (перерыв 16—17), среду и пятницу с 12 до 20 (перерыв 15—16).

Итак, чтобы инженеру Глазовой попасть в химчистку, в прачечную и в сапожную мастерскую, нужно отпрашиваться с работы дважды на день утром и вечером...

Но пора уже, наверное, перейти от будничных дел к праздничным темам, тем более что недавно наступил Новый год. Начало последующего события надо, однако, искать не в преддверии новогодних празднеств, а в канун первомайских. Именно тогда командование Среднеазиатского военного округа пригласило ветерана армии москвича А. В. Жуковина отдохнуть в санатории на Иссык-Куле с женой и, подкрепив слова делами, прислало две путевки.

Ветеран обрадовался, но тут же загрустил: важные дела никак не позволяли ему отлучиться из столицы. Анатолий Владимирович поспешил на почту:

— Хотел бы срочно вернуть путевки. Как посоветуете отправить, чтоб они не затерялись?

— У нас ничего не теряется,—обидевшись, ответили работники почты.—Однако для своего спокойствия высылайте путевки в заказном письме.

Понятно, что если б письмо благополучно прибыло бы к месту назначения, то этот факт не нашел дальнейшего

фельетонного продолжения. Увы, Анатолий Владимирович так и не получил уведомления о вручении заказного письма. Он связался с Алма-Атой, обратился в свой районный узел связи. И через несколько месяцев получил ответ заместителя начальника узла Л. Веретенниковой: «...установить место и виновных в утрате заказного письма не представляется возможным».

Как это не представляется? Ведь пропали две путевки стоимостью в несколько сотен рублей. Будут ли возмещать ущерб? Безусловно, будут. Для удобства таких вот горемык, у которых при невыясненных обстоятельствах исчезают заказные письма, предусмотрена компенсация.

«На основании устава связи,— сообщала Л. Веретенникова,— высылаем вам возмещение в сумме 60 коп».

Почтовый перевод на шестьдесят копеек почему-то показался Анатолию Владимировичу издевательством.

— Неужто и в самом деле нельзя обнаружить недобросовестных работников?—волнуется ветеран.—Или действительно надо верить тому, что виновных нет, а просто на пути следования почтового вагона неожиданно возникли препятствия, например, непроходимые топи или овраги?

Что тут скажешь? Все может быть. Конечно, если этот почтовый вагон следовал из Москвы в Казахстан через город Дадашов, то овраг на его пути действительно мог попасться. Дело в том, что в районе городских улиц Второй Овражной и Малой Революционной пошел овраг. Жители окрестных домов, как бывает в подобных случаях, забеспокоились, засуетились:

— Не ровен час, провалимся! Полетим вверх тормашками в тартарары!

Граждане шлют заказное письмо в редакцию. К счастью, оно не теряется в пути и доходит к нам в целости и сохранности. Сотрудник редакции немедленно связывается с городом Дадашовым. Ответ председателя исполкома горсовета отдает грустью и пессимизмом, хотя В. В. Митрофанов, судя по всему, преисполнен заботой об удобствах граждан: «Вопрос о переселении жителей домов, находящихся под угрозой обвала, решается по мере необходимости».

Ну, а как же все-таки быть с оврагом?

С оврагом дело хуже. Исполком во втором своем ответе сообщает: «Для засыпки оврага в настоящее время

нет соответствующих материальных средств и техники. О результатах рассмотрения письма авторам разъяснено в личной беседе».

Как и следовало ожидать, разъяснения В. В. Митрофанова удовлетворили граждан лишь частично. Уж если нельзя засыпать овраг, то, наверное, можно сделать хоть какой-нибудь переход, чтобы людям ходить было удобно. За чем же дело?

Вот почему со следующим письмом из Дадашова редакция решила ознакомить работников облисполкома. И тогда у злополучного оврага появился сотрудник областного отдела по делам строительства и архитектуры. Представитель области в тревожном одиночестве постоял на самом краю, почесал затылок, раздумчиво молвил: «Тю-тю-тю» — и с тем убыл восвояси.

А заместитель председателя облисполкома И. И. Голованов сел писать ответ. Оказывается, генеральный план Дадашова разрабатывал московский институт «Гипрогор». Столичные проектировщики не пожалели сил для того, чтобы создать жителям города максимум удобств. Тут вам и новые районы застройки, и красавцы дома, и очаги культуры, и предприятия быта...

Но, как сказал поэт по другому поводу: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...»

«Генеральным планом города, разработанным московским институтом «Гипрогор», не предусматривается ликвидация оврага, — заканчивает свое письмо в редакцию заместитель председателя облисполкома. — О результатах рассмотрения заявителям сообщено».

А о каких, собственно, результатах? Московским проектировщикам, быть может, и в самом деле этот дадашовский овраг за дальностью расстояния не видать. Так, наверное, надо было принимать меры на месте, скорректировать проект, внести свои предложения...

Богатырь-самородок Липунов демонстрировал крепость своей головы, защищая ее поленом от удара гирей весом в полтора пуда, чем, собственно, и привел в восторг культработника губземуправления В. В. Кульского. И зря. Человеческой голове можно найти более полезное применение...

Впрочем, не будем заканчивать фельетон на слишком высоких нотах, тем более героев фельетона бить гирей по

голове никто не собирается. Люди это, в общем, работящие, старательные. Им лишь не хватает одного полезного качества: уметь предвидеть каждую мелочь, когда речь идет об обслуживании людей, о создании максимальных удобств в их жизни.

1978

АИСТ НА КРЫШЕ

В заполярном поселке Кильдиново жила хорошая девушка Наташа. Успешно заканчивала школу. Увлекалась спортом. Играла на фортепьяно, пела на школьных вечерах. На ту пору повстречался ей тамошний паренек, выпускник мореходного училища. Вместе ходили в кино, на танцы, в незакатный северный вечер гуляли по набережной, говорили о книгах, о музыке, о море...

Читатели, верно, обратили внимание на то, что наш лирический зачин как-то не очень сообразуется с фельетонным жанром. И в самом деле, как увязать робкие признания в любви двух молодых сердец с чеканными словами, отдающими эхом под сводами строгого зала:

— Встать, суд идет!

Не будем, однако, забегать вперед. Настало время, и Сергей ушел в свой первый рейс. В один из ненастных дней, когда Баренцево море кипело от осенней непогоды, молодой штурман получил письмо. Любимая сообщала, что скоро аист, предвозвестник семейного счастья, принесет им младенца. «Милая Наташенька!—тут же отозвался Сергей.—Очень рад. Нежно целую».

Вслед за телеграммой в поселок Кильдиново с моря пошли письма. Одно нежнее другого: «Дорогая Наташенька! Все бы отдал, чтобы быть с тобой... Ведь только на расстоянии можно почувствовать, как любишь человека... Все время думаю, какой будет наша встреча!»

Встреча, прямо скажем, получилась не такой. Вместо Сережи на свидание с Наташей явилась его мама, Вален-

тина Федоровна Липарева. К дружбе сына и Наташи она относилась легко и просто: дело молодое, почему же Сереженьке немного не развлечься, не пошалить! И вдруг... Нет, это уже слишком!

— О замужестве не помышляй. Сережа молод... Ему нельзя портить жизнь...

А Наташе, выходит, можно...

Со своим сыном Валентина Федоровна говорила еще круче:

— Порывай с этой девицей немедленно. Одумайся...

И Сергей «одумался».

Представим теперь положение Наташи. Обманутая, оклеветанная, она не знает, что сказать своей матери, подругам. Как смотреть людям в глаза? Ведь Кильдиново совсем небольшой поселок. Тут все друг с другом знакомы!

И вот комсомолец Липарев стоит перед высоким судейским столом и, стыдливо отводя глаза от Наташи, гнусавит вслед за матерью:

— Да она такая, она разэтакая...

Трудно оставаться равнодушным, видя, как позорят молодую женщину, топчут ее честь. Но за эти тяжелые месяцы Наташа усмирила в себе гордыню. Она думает уже о маленькой Юле, которую надо растить, воспитывать. А как?

На первый взгляд история выглядит исключительной, из ряда вон выходящей. Но председатель областного суда познакомил нас со статистикой. Дела об установлении отцовства занимают, оказывается, третье место среди всех дел, проходящих через облсуд. После хулиганства и хищений.

И вот мы день за днем ходим в суд, присутствуем на заседаниях, знакомимся с протоколами, запечатлевшими на своих пронумерованных страницах человеческие трагедии: обманутую любовь, крушение надежд, потерю веры в честность, в добропорядочность...

Мурманчанку Галину Д., учащуюся электромеханического техникума, послали в Ленинград на большой завод набираться ума-разума. И тут ответственный за практику старший инженер Л. Р. Братчиков стал оказывать студентке трогательные знаки внимания. С букетом цветов он падал на колени:

— Все, что хотите! Полсвета за поцелуй!

— Вам не стыдно, Леонид Рахманович! Встаньте и отряхнитесь. Вы женатый человек, — возмущалась практикантка.

И так каждый день, каждый час. Цветы, улыбки, клятвы... После окончания техникума Галина получила назначение в Курск. И следом за ней туда примчался Братчиков.

— Любовь на все времена! — воскликнул он, опять бухаясь на колени. — Едем в свадебное путешествие!

Молодые (хотя одна сторона была уже далеко не молодой: Братчиков старше Галины на 19 лет) прибыли в Нальчик. Здесь Леонид Рахманович разорился на обручальное кольцо, на ресторан и на кое-что из косметики. А потом Галина, которая все это обольщение приняла за чистую монету, решила обрадовать Леонида Рахмановича: скоро он станет папой.

Братчиков проводил Галину до Мурманска, постучался в дом ее родителей. Отрекомендовался мужем. А убывая в Ленинград, обещал в бесспорном порядке расторгнуть предыдущий брак, как только в окно его возлюбленной влетит чернокрылый аист с драгоценной ношей.

Аист исполнил круг привета над домом Галины и доставил в своем изящном клюве девочку Настю.

— Как я рад нашей Настюшке, — прослезился Братчиков. Он тут же выслал деньги на коляску и принялся строчить письма, горячие, как закипающая сталь.

Потом температура в письмах стала убывать. Словно в той детской игре с поисками и находками: «Очень жарко». «Тепло». «Прохладно». «Совсем холодно». Старший инженер, будучи человеком осторожным, решил потихонечку аннулировать свой служебный роман.

— Когда пойдем оформлять брак? — спрашивала Галина.

— А зачем? — удивлялся теперь Леонид Рахманович. — Разве тебе мало моего доброго отношения? Будем друг другу писать, иногда видеться.

Письма в Мурманск приходили все реже. И вот финал: на суде Братчиков упорно отказывается признать себя папой.

— У меня есть законная жена. А это кто? Ну, проходила у меня практику, я ее учил, воспитывал, наставлял...

Вот еще один греховодник, разыгрывающий в зале

судебиого заседаиия святую простоту, кротость и благочестие.

— Да, я посещал Елеиу Григорьевну, — охотио призиается врач Ю. К. Луковицыи. — Но цели у меия были совсем ие те, иа которые вы намекаете. Елена — официантка в ресторане «Дары моря». Она доставала мне кое-какие рыбные деликатесы, а также консервированиую говядину. Вот вам и весь секрет.

Чтобы ие лишиться источника получеиия коисервов, Луковицыи вовсю старался угодить Елеие Григорьевие: катал на своем «Запорожце» цвета морской волны, записал в кружок бальиых танцев, развлекал игрой иа гитаре.

Когда любитель говяжьей тушенки заболел, Елеиа продала свою лучшую кофту, чтобы каждый деиь покупать свежие астры и иосить ему в больиицу. Ее всегда видели у койки больного, встревожеиную, заботливую.

Ко дню выписки жениха Елеиа приготовила сюрприз: отремоитировала свою квартиру, куда Луковицын и заявился. Деля с Еленой радости и печали, исцелеииый врач помогал ей по хозяйству: рубил дрова, ходил по воду, ездил в магазин за покупками.

Но вот наступил день, когда сотрудиики подали Юрию Алексаидровичу телеграмму из родильиого дома: у иего появилась дочь Зина. Обрадоваииый, обалделый, он крепко пожал руки всем присутствующим в его кабииете.

Теперь, когда Луковицын иачисто опровергал свое отцовство, судья спросил:

— А что же вы тогда пожимали руки людям?

— Видите ли, я пожимал руки ошибочно, — ответил Юрий Александрович.

Желая пробудить в нем отцовские чувства, Елеиа приносила ему дочку в тот самый кабииет, где, получив телеграмму о ее рождеиии, обрадоваииый отец прииимал поздравлеиия сослуживцев. Теперь Луковицыи уже ие пожимал руки окружающим. Ои хватал телефоиную трубку и требовал, чтобы прислали милициоиера:

— Пусть наведет порядок в медицинском учреждеиии. Ходят тут всякие с детьми, работать мешают.

Во всех рассказаииых случаях суд признал ответчиков отцами. Но далеко ие все дела имеют такой коиец. И вовсе не потому, что в судебиом процессе устаиавливалось, будто молодая мать вдруг решила оговорить по-

стороннего дядю. Просто попадаются уж очень изворотливые ответчики и слишком неискушенные истицы. Что говорить, не всегда молодая женщина может назвать свидетелей, которые возьмутся утверждать, что одна сторона приходила к другой вечером, а уходила утром...

Мы уже ожидаем, что вот-вот раздастся чей-то рассерженный глас:

— А что же вы за этих женщин заступаетесь! Пусть расплачиваются сами за свое легкомыслие. Разве можно устраивать жизнь без регистрации брака? А тем более иметь дело с женатым мужчиной!

Что ж, назиданиями и нравоучениями теперь не поможешь. Ни обманутым женщинам, ни тем более ни в чем не повинным детям...

Да, суд постановил взыскивать алименты с Липарева, Братчикова, Луковицына в пользу Юли, Насти и Зины. Но какие это отцы, когда все отношения со своими детьми строятся у них посредством исполнительного листа и тем исчерпываются...

Итак, суд устанавливает отцовство и взыскивает алименты с мужчин, отрекшихся от своих детей. Но суд не может наказать порхающих прохвостов. Вернемся к делу того же врача Луковицына. В судебном заседании так и не удалось доподлинно установить, сколько же раз этот молодец был женат. Первый брак с Таисией Ш. он отнес к печальным ошибкам молодости. Вторая жена Элеонора Г. оказалась ему не парой — была старше его на целых два месяца. Следующая подруга жизни Марта Ч. вроде бы подходила, да вот затеяла с ним тяжбу из-за автомобиля. Елену К. Луковицын бросил, отрекшись от ребенка. А теперь в отвоеванном «Запорожце» цвета морской волны возит по городу новую пассажирку...

Ну, а как оценивают все это непосредственные руководители Ю. А. Луковицына? В зале заседания адвокат огласил его характеристику, выданную горздравотделом. В ней сообщалось, что Луковицын сначала был рядовым врачом, затем за хорошую работу назначен зав. гинекологическим отделением, а теперь выдвинут на должность главного врача поликлиники. «Владеет анализом деятельности руководимого им медицинского учреждения. Пользуется авторитетом у сотрудников. Постоянно повышает свой идейно-политический уровень. На критику реагирует правильно».

А вот о моральном облике «правильно реагирующего на критику» греховодника — ни слова. Будто и в самом деле позволительно этому врачу до обеда лечить женщин, а после обеда их калечить. А вместе с ним калечить наших ребятишек, которые, по всеобщему убеждению, являются нашим будущим и нашей надеждой.

1978

НОВОСЕЛЬЕ В АЙРАТЫ

Мы не имеем сейчас под рукой уточненных данных, которые бы показывали истинные размеры праздничных увеселений, сопровождавших сдачу тех или иных жилых объектов в далеком прошлом. Поэтому затрудняемся сообщить, сколько амфор вина выхлестывали гости на новоселье у среднего римского патриция и как много бараньих душ отправлялись в свой бараний рай на торжественном ритуале открытия летней резиденции последнего эмира Бухары Саид-Алим-хана.

А неплохо бы знать такие цифры, хотя бы для примерной ориентации. Тогда мы могли бы с бо́льшим пониманием оценить письмо, которое пришло к нам из села Айраты.

Оказывается, есть такое село в прекрасной горной долине. И вот в этом селе и на окружающих его фермах, как нам пишут, устраиваются шумные, хмельные застолья в честь вселения граждан в индивидуальные дома и в отдельные коммунальные секции.

Сам процесс торжественного обмывания углов и половиц не может вызвать уж очень резкого осуждения общественности, если, конечно, обмывочный материал и сопутствующие ему закусочные средства приобретаются не за казенные деньги, а за свой счет. Но именно эти обстоятельства и подвергались сомнению в письме. Праздничный церемониал, описываемый авторами, поражал воображение масштабностью и многолюдьем. Сообщалось, например, что в иных новосельях участвует до двухсот го-

стей, для перевозки которых мобилизуется государственный городской транспорт и тракторы с прицепом. Пиршества длятся неделями. И выслушав все напутственные тосты, умудренный новосел оттаскивает к приемным пунктам под покровом ночи до четырехсот единиц порожней винно-водочной стеклотары.

Вот, собственно, какими чрезвычайными обстоятельствами и объяснялось наше появление в Долинском райкоме партии. Вместе с секретарями райкома читаем письмо, а потом шумно принимаемся рассуждать, могут ли соответствовать действительности приведенные факты или нет. Районные руководители склоняются к тому, что не могут:

— По здешним обычаям на той собирается довольно много людей. Но, конечно же, не в таких количествах. Если б что-нибудь подобное у нас происходило, то райком партии наверняка бы об этом знал.

Мы благодарим товарищей за консультацию и убываем в село Айраты, чтобы покритиковать авторов письма за то, что они вводят корреспондентов в ненужные путевые расходы. И чтобы окончательно убедиться в ложности письма, решаем обойти упомянутых в нем новоселов.

Первым, кого мы встречаем, оказывается управляющий третьей фермой совхоза «Айраты» Рамазан Абкаманов. Это молодой коммунист да и человек молодой, недавно окончил сельхозинститут.

— Здравствуйте, дорогой Рамазан! Скажите, пожалуйста, вы новоселье отмечали?

Глаза нашего собеседника наполняются грустью.

— Представьте, отмечал. Согласно законам хлебосольства, пришлось организовать маленький такой той...

Мы погружаемся в арифметические расчеты и по самой минимальной шкале определяем, что в тое участвовало по крайней мере двести человек.

— А не накладно ли вам было? — сочувственно спрашиваем мы.

— Конечно, накладно, — соглашается управляющий и еще больше грустнеет. — Зарезал коня, а ведь он вон сколько стоит! Купил одной только водки на двести пятьдесят рублей, да еще вина, коньяка, пива. Потребовалась баранина, мука, сахар... Но, знаете, совхоз помогает. Машины для гостей дает, дрова дает. Потом и гость не с

пустыми руками идет. Один мануфактуру несет, другой барашка впереди себя гонит.

— Как барашка?

— А вот так...

Мы постепенно начинаем догадываться, что в накладе остается все-таки не хозяин, а гость.

— Послушайте, среднеподарочный баран стоит сто рублей. Но разве может гость даже за три присеста наесть да напить на такую сумму?

— Да, это трудно, — вздыхает управляющий. — Но хозяин ничуть не наживается за счет гостей. Как это только можно подумать? По здешним обычаям происходит простой обмен веществ. Сегодня он мне подарил барана, а завтра я иду к нему в гости и барана дарю ему.

— А в таком случае зачем же гонять животное с места на место? Лучше, наверное, внедрить безналичный расчет и условно числить, что вы обменялись баранами.

Наше рационализаторское предложение не находит, однако, поддержки.

— Так не принято, — объясняет управляющий третьей фермой. — Так не получается...

Не получается так ещё и потому, что управляющий пока ни у кого с ответным визитом не был и никому баранов возвращать не собирается. Да и в самом деле — разве он в состоянии обойти две сотни своих гостей и каждому раздать по барану? Это совсем ни к чему. Ведь барашков привели подчиненные управляющего: табунщик Салматов, чабаны Муратов и Алиев, кладовщик Омурзаков, объездчик Абдыляев, кузнец Баширов...

Управляющий соседней второй фермой Нариман Юсуфов тоже устраивал той, и тоже высокой милости быть званными к праздничному столу удостоились его подчиненные: кладовщик, бухгалтер, чабан, скотник. А как идти к управляющему с дешевым подарком? Вот и приходится вести с собой блеющих и мычащих, нести обильные дары.

— Нет, никакой корысти я не преследовал, — говорит Нариман Юсуфов. — У нас такой порядок: сегодня гости мне привели баранов, а я этих баранов когда-нибудь отведу назад...

Затем мы беседуем с организатором самого крупного на селе тоя Маликом Камаловым и в третий раз знакомимся с теорией «обмена веществ».

— Просто это такая традиция,—объясняет Малик Камалов.—А с местными традициями приходится считаться.

Как ни странно, приверженец теории «обмена веществ»—директор средней школы, где учится четыреста ребятишек. Под началом у Камалова тридцать шесть учителей.

Нам уже рассказали, что многие педагоги тоже дарили директору подарки в живом виде, но он все уклоняется от прямого ответа:

— Забыл, не помню, кто приводил барашков.

— А как же тогда с теорией «обмена веществ»? Если вы не помните, кто вам дарил барашков, то кому же вы отведете их в следующий раз?

Тут же выясняется, что подаренные барашки никуда, конечно, не деваются, а благополучно нагуливают вес в директорском загоне.

Впрочем, не все гости являлись с дорогими подарками. Некоторые учителя просто попили чаю, а у них из зарплаты автоматически было удержано по пятерке в пользу директора. Один из дней тоя посвящался приему педагогического начальства. Председатель райкома союза, четыре инспектора районо, два методиста, статистик, три бухгалтера с женами и мужьями — всего в количестве двадцати пяти человек. Согласно тем же местным законам гостеприимства приводить барашка в дом подчиненного не принято. Педагогическое начальство сбросилось по два рубля на абажур и угощалось весь день. А вот уборщица Биби Болжакова отвела директору своего барашка. И директор не постыдился, взял.

Нам предстояло только теперь уточнить, сколько же бутылок с крепкими и полукрепкими напитками было опорожнено участниками директорского тоя.

— Не знаю, не считал,—твердит директор.—Может быть, триста бутылок, а может быть, все пятьсот...

Село Айраты—это ведь не какое-нибудь богом забытое захолустье. Оно лежит совсем неподалеку от республиканского центра. Селяне пользуются электричеством, газом, на экранах своих телевизоров смотрят прямые передачи из Москвы. Живут культурно, зажиточно. Восемь из каждых десяти жителей Айраты за последнее время переселились в новые дома, но, не в пример упомянутым руководящим лицам, не устраивали пьяных оргий. Недав-

но женился передовой механизатор на знатной доярке. В сельском клубе была сыграна свадьба с песнями, с танцами, с добрыми напутственными речами, но без пьянства и подарочных баранов. И все это тоже делается согласно добрым традициям, которые развиваются и крепнут.

Но когда подчиненный идет на той к начальнику и гонит перед собой барашка, а начальник с ответным визитом идет к подчиненному и несет в руках в лучшем случае выбракованного петушка, то никакими местными обычаями это не является.

Поговорите с рядовыми тружениками Айраты. Они вам скажут, что это называется иначе.

1972

КАК ДЕЛИЛИ СЕРЕЖУ

К нам пришла молодая женщина в цветастой длинной, до пят, юбке и с хозяйственной сумкой на колесиках. Она нервно сбросила с пальцев белые перчатки и молвила очень строго:

— А вы меня, пожалуйста, не перебивайте. Вопросы зададите потом.

Мы проглотили языки и обратились в слух.

— Так вот, я по-прежнему утверждаю, что Викентий Нижегородский отъявленный бандит, — в запальчивости воскликнула посетительница, продолжая, видимо, разговор, начатый в другом учреждении. — Воспользовавшись тем, что нас не оказалось дома, он сбил дверной замок и вывез имущество. Познакомьтесь с описью похищенного.

Она выложила на стол несколько исписанных тетрадных листков в клетку.

«Тумбочка для телевизора — 26 р.
Трюмо — 48 р. 34 к.
Гарнитур кухонный — 112 р. 65 к.
Водочный сервиз на шесть персон — 4 р. 92 к.

Репродукция картины «Неравный брак» — 3 р. 56 к».
И т. д. и т. п. — всего на сумму 456 р. 22 к.
Затем следовала другая колонка:
«Дубленка натуральная — 345 левов.
Полуботинки — 20 левов.
Хрустальная люстра — 180 крон.
Плед шерстяной — 87 крон.
Итого: 632 левов-крон».

Фельетонист поднял руку, испрашивая разрешение задать вопрос:

— Простите, а как вы образуете эти непонятные левы-кроны?

— Вы что, деревенский? — съязвила гостья. — Не слышали, что за границей бывают другие деньги? Вещи куплены там. Еще вопросы есть?

Еще вопросов не было.

— Как же так? — насторожилась посетительница.

— Очень просто. Все понятно. Нижегородский — ваш бывший супруг.

— Откуда вам это известно?.. Ах, да! Вы, верно, слышали, что на свадьбе Элеоноры и Виктора в кафе «Тюльпан» присутствовало сто двадцать гостей. Об этом говорил весь город. И заметьте — подавляющее большинство приглашенных было с нашей стороны...

— Какое это имеет теперь значение?

— Как какое! Самое первостепенное. Подарки, которые дарились нашими гостями, он хочет включить в объект разделения.

— Вот из-за этого и разгорелся у вас весь сыр-бор?..

— Не только. Его папа обещал, что после свадьбы достанет путевки в Сочи. Путевки он достал, но по ним поехали отдыхать родственники Нижегородского — тетя Миля с дядей Кешей. А мой папа разозлился и заявил, что не станет прописывать к нам Нижегородского до тех пор, пока его папа не выполнит своего обещания. Теперь Нижегородский обнаглел и хапает все, что попадет под руку. А я требую, чтобы имущество было поделено по правде, по справедливости...

Бывшие супруги Полубояриновы — Олег Владимирович и Тамара Васильевна — тоже делят вещи. Но не только их. Вещи разделить в общем-то не так уж сложно: тебе телевизионная тумба, мне трюмо, тебе водочный сервиз, мне репродукция картины «Неравный брак», тебе

половина синтезированных левов-крон — и мне столько же. Но в «объект разделения» супруги Полубояриновы включили своего сынишку Сережу. А как разделишь маленького смешливого карапузика? Не раздерешь же его, точно козлика на восточном празднике козлодрания!

Но папа с мамой словно поклялись и в самом деле разорвать человечка пополам, затеяли мерзкий торг, быстро переросший в омерзительную свару, куда они пытаются втянуть все новые и новые организации.

История эта началась давно. Впрочем, начальную стадию, имевшую быть до появления Сережи, мы опускаем. Тут надобно писать о шелесте травы, о запахе цветов, о заросшей беседке в лунном парке, а это сейчас совсем не интересует ни Тамару Васильевну, ни Олега Владимировича.

Короче говоря, семь лет назад стороны вступили в законный брак.

Пять лет назад родился Сережа.

Четыре года назад ссоры и скандалы в молодой семье достигли точки кипения.

Тамара Васильевна теперь утверждает, что муж хулиганил, безобразничал, издевался над ее родителями, и вообще, и тому подобное.

Олег Владимирович теперь утверждает, что жена, когда он болел, не скрывала своей радости, желала ему смерти, и тому подобное, и вообще...

Кто тут прав, кто виноват, сказать сейчас невозможно, поскольку свидетелей не было и никаких документально заверенных протоколов при этом не велось.

Три года назад Тамара Васильевна решила подать в суд на развод. Тогда же Олег Владимирович надумал упредить события. Он зашел за Сережей в ясли и повез его не домой, на Серпуховской вал, а на Домодедовский аэродром. Отсюда он проследовал в Алма-Ату, оставил мальчика у своих родителей и вернулся в Москву.

На этом все дипломатические отношения между супругами окончательно прекратились. При обращениях к Тамаре Васильевне и ее родителям Олег Владимирович стал прибегать исключительно к эпистолярному жанру. В связи с тем, что в квартире на Серпуховском валу остались кое-какие его вещи, Олег Владимирович как-то однажды сунул в двери записку, которая, по его мнению, должна была сыграть роль охранной грамоты:

«Севертвинцевы (это фамилия родителей Тамары Васильевны. — **И. Ш.**), вы не люди, а гады! Не воруйте мое имущество!»

Нельзя не обратить внимания, что записка отличается крайней бедностью языка и скудностью мысли. Это можно объяснить лишь запальчивостью Олега Владимировича. Он оказался способным и на более пространные послания:

«Севертвинцевы! Вы привыкли распоряжаться моими вещами как своими: рыться в них, воровать и т. д. Так вот, знайте, что это не всегда мои вещи, а иногда вещи моих гостей, и вы уже прославили себя как воры... Не трогайте чужой собственности!»

Тамара Васильевна надумала жаловаться по месту работы Олега Владимировича. Ответом явилось послание, которое в силу своей безымянности содержало лишь косвенное оскорбление:

«Долой из жизни сплетников и кляузников! Смерть всем мерзавцам земного шара!»

Зато следующая записка имела вполне конкретный адрес:

«Паскуда, не вздумай воровать сына».

Этой записки Тамара Васильевна прочитать уже не успела. Она появилась в Алма-Ате и, как пишет в своей жалобе Олег Владимирович, «воровским методом увезла ребенка с собой в Москву, лишив необходимого нормального ухода, питания, воспитания и развития».

Вслед за этим стороны встретились перед лицом закона в зале народного суда одного из московских районов. Первый вопрос судебной повестки дня — о разводе — особых прений не вызвал. Ну, была любовь и была. Ну, закончилась она и закончилась.

— Такого идиота, как он, я всегда себе найду! — в запальчивости крикнула Тамара Васильевна.

— Такой дуры, как она, вовек нигде не найдешь. Так что в дальнейшем мне уже ничего не угрожает! — парировал наскок Олег Владимирович.

Затем суд перешел ко второму вопросу — о дальнейшей судьбе Сережи. Вокруг него развернулись горячие и недостойные дебаты. Теперь уже бывшие супруги еще пуще принялись поливать друг друга грязью. Не только присутствующие в зале, но даже судейский стол и скамей-

ки свидетелей покрылись красными пятнами от стыда за базарное поведение Полубояриновых.

Олег Владимирович доказывал, что ребенка нельзя доверять матери, «которая в силу своего недостаточного интеллекта не в состоянии дать сыну всестороннего развития».

Тамара Васильевна объясняла, что по тем же самым причинам отец воспитателем сына никак быть не может.

Суд, выслушав заключение представителей наробраза и опросив свидетелей, решил, что маленький Сережа Полубояринов в настоящее время больше нуждается в материнском уходе, чем в отцовском, и оставил мальчика с Тамарой Васильевной.

Олег Владимирович выслушал решение суда спокойно, писать жалобы никуда не стал, однако мелкое хамство в душе затаил. О последующих событиях мы узнаем из документа, составленного на всякий случай им самим:

«Следуя по Серпуховскому валу по своим служебным делам, я встретил своего ребенка, неумытого, обтрепанного, больного и голодного. Поэтому я, как отец, не мог не оказать ему практической помощи».

Практическая же помощь заключалась в том, что он схватил Сережу, довез в такси до аэропорта и, не обнаружив за собой никакой погони, полетел к своим родителям.

Тут же, в Алма-Ате, появляется Тамара Васильевна, разгневанная, возмущенная. Она поднимает на ноги суд, милицию, прокуратуру. В спор вокруг Сережи вслед за московскими организациями включаются теперь и алмаатинские. Срочно созданная комиссия изучает условия, в которых живет Сережа в доме алма-атинских бабушки и дедушки, и находит их вполне приемлемыми. Высказывается даже суждение, что, наверное, хватит папе и маме выхватывать друг у друга ребенка с ловкостью, свойственной разве что игрокам в регби.

Тамара Васильевна решительно возражает. Опираясь на решение московского суда, она настаивает на выдаче ей ребенка.

Олег Владимирович, опираясь на мнение алма-атинской комиссии, считает, что Сережа должен остаться здесь.

Тамара Васильевна требует, чтобы в Алма-Ату явились пять московских милиционеров и начали кампа-

нию по изъятию Сережи под ее оперативным руководством.

Олег Владимирович, в свою очередь, добивается, чтобы столько же алма-атинских милиционеров денно и нощно несли службу у ворот родительского дома, дабы своевременно заметить приближающуюся Тамару Васильевну и решительно отбросить ее назад, на исходные позиции.

Как же решить конфликт? Как поделить Сережу? Ведь ребенок не шкаф, не диван, его не опишешь, не заколотишь в контейнер и не отправишь по железной дороге малой скоростью. Уповать на решительные действия милиционера в данном случае не приходится. Тут надо уповать на такт отца и матери, на их разум, на их готовность спокойно, без запальчивости и взаимных оскорблений собраться и всерьез подумать о будущем своего Сережи. Кстати, они не такие уж темные, дремучие люди, как может показаться. Олег Владимирович — кандидат биологических наук, Тамара Васильевна — инженер-технолог в большом московском ресторане.

Но вступать в какие-либо контакты они не собираются. К чему? Своего Сережу они давно уже превратили в «объект разделения», используя его как орудие мести и сведения личных счетов. Заметим, что воспитывать Сережу ни Тамара Васильевна, ни Олег Владимирович сами не собираются. Каждый хочет передоверить это обременительное дело своим родителям.

Нет, совсем напрасно во многих наших организациях ломают головы над тем, кто же — Олег Владимирович или Тамара Васильевна — более достоин воспитывать Сережу.

Совершенно очевидно: никто из них недостоин.

1978

«ДОСТАНЬ-ВАСЯ»

В совхозе «Бобровский», что раскинулся на благодатных черноземных землях, произошел невероятный случай. Загадочный по своей сути. Противоречивый в оценке. А если вдуматься, то, может быть, даже несуразный.

Теплым июльским вечером совхозный сторож Д. Я. Горбатов принял вверенный ему для охраны объект, состоящий из гаража, деревообрабатывающего цеха и склада минеральных удобрений. Когда совсем стемнело, он приступил к отправлению своих служебных обязанностей: стал ходить от ворот до ворот. С чем уж он там ходил, — с устаревшей берданкой ли, с обыкновенной ли колотушкой, нам не известно. Но ходил. Потому что за отмеченный период никаких хищений не произошло и никто из посторонних на объект не покушался.

Тем не менее именно в эту ночь сторож получил ранение пальцев правой руки. От чего же пострадал хранитель совхозного имущества: от бандитской «фомки», от лезвия опасной бритвы или от напильника, заточенного кустарным способом с обеих сторон? Ни в коей мере. Режущее ранение было нанесено... строгальным станком, стоящим на прочном фундаменте в закрытом деревообрабатывающем цехе.

Поскольку строгальный станок сам выбежать к воротам не мог, остается предположить, что сторож Горбатов каким-то образом очутился возле станка. Так оно и было на самом деле. Что-то ближе к полуночи сторож пробрался в цех, включил строгальный станок и принялся обрабатывать доску размером $800 \times 200 \times 40$ мм. (Просим запомнить эти данные, ибо без точных замеров доски установить истину будет непросто.)

Сторож Горбатов не был обучен работе на станке. Он, собственно, впервые в ту ночь взялся осваивать смежную профессию. И вот результат — сунул руку совсем не туда, куда надо.

На утро горе-станочник, оправившись от испуга, помчался в амбулаторию, а оттуда в рабочком:

— Удостоверьте, что я пострадал на трудовом фронте, выполняя свой общественный долг.

— Какой долг! — удивились в рабочкоме. — Налицо грубое нарушение трудовой дисциплины. Во-первых, вы не имели права покидать пост. Во-вторых, открывать цех. В-третьих, запускать станок. В-четвертых...

— Что значит «имел — не имел», когда речь идет о здоровье людей!

Оказывается, сторож уже давно заприметил дырку в дверях котельной. Мысль о том, что истопников может

просквозить, не давала ему покоя. Наконец, он решил заделать губительное отверстие.

— Да, но в дверях была маленькая щелка, а вы почему-то обстругивали целую панель...

— Ах, вот как вы поворачиваете дело!

Сторож стал жаловаться. У популярных теперь дверей котельной начали появляться различные комиссии. Проверяющие просовывали пальцы в таинственную дверную щель и, не доверяя своим визуальным наблюдениям, производили контрольные замеры с помощью точных инструментов. Расчеты неизменно показывали, что для заделки щели требовалась узкая планка, а вовсе не доска.

Заявитель возмутился:

— По-вашему, я столярничал для личного удовольствия!

— А для чего же еще! Вы строгали доску для своего улья. Доска размером 800 $\times$ 200 $\times$ 40 мм к пчелиному домику действительно подходит. Тютелька в тютельку.

Разоблаченный пчеловод сделал вид, что смертельно обижен. Впрочем, он не был тщеславным человеком и вовсе не хотел прославиться, попав на совхозную доску почета. Сторож преследовал цели более утилитарные. Если бы удалось доказать, что травма связана с производственной деятельностью, то можно претендовать на материальную компенсацию. Делом о щели в котельной уже занимались обком и ЦК профсоюза работников сельского хозяйства, прокуратура, суды двух инстанций. Владелец пчелиного улья забросил жалобу и нам в редакцию:

«Помогите, у меня осталась надежда только на вас, на прессу...»

А что может поделать пресса, если доска размером 800 $\times$ 200 $\times$ 40 мм хорошо вписывается в индивидуальный улей, но никак не сообразуется с отверстием в двери совхозной котельной...

Есть у нас на заметке и другие типы, которые, подобно шустрому пчеловоду, норовят через любую незащищенную щель пролезть в эдакие «общественники», в «активисты». Уж очень удобно под этой благовидной вывеской маскировать свое подленькое нутро стяжателя, мещанина.

Для аналога сошлемся на одного гражданина, которого в межобластном стройтресте, несмотря на его солидность, называли по-простецки: «Достань-Вася». Мало кто знал,

какую он носил фамилию и где помещался его рабочий кабинет.

Закрепиться на каком-то одном служебном месте «Достань-Васе» и в самом деле было весьма сложно. Он буквально разрывался на части, выполняя целый ряд общественных поручений. В один и тот же час он заседал в комиссии по летней оздоровительной кампании, обегал магазины в поисках подарка для очередного юбиляра и в горторготделе выбивал шоколадные наборы для многодетных сотрудниц.

А «выбить» общественник брался все, что угодно. И дефицитного Конан Дойла для учрежденческой библиотеки, и ковры машинной работы для квартир новосёлов.

— Только дайте мне письменное отношение, что я уполномочен коллективом, и считайте, что дело уже сделано, — говорил он.

Письменное отношение, скрепленное подписью и печатью, ему давали. Ходатай по общественным делам тут же переходил на резвый галоп. Теперь поговорить с ним можно было только на бегу.

— Ну, как дела с Конан Дойлом?

— Печатается, — не переводя дыхания, отвечал он.

— А с коврами?

— Ткутся. И в скором времени высылаются в наш адрес.

Лет восемь назад «Достань-Вася» увлек коллектив одной соблазнительной идеей. Он выступил на отчетно-выборном профсоюзном собрании и сказал:

— А почему бы нам, товарищи, не обзавестись участками? Умеренный труд в загородном саду укрепит здоровье и обеспечит нас витаминами в нужных для организма пропорциях. Вношу предложение: новому составу местного комитета продумать этот вопрос.

Новый состав месткома собирался дважды, но ничего не придумал и обратился за консультацией к автору предложения.

— Что ж, дело и впрямь непростое, — молвил консультант, обхватывая растопыренными ладонями свою лысую голову. — Но если отпечатаете отношение на мое имя, берусь выбить участки.

С той поры он появлялся в тресте раз в декаду. Все остальные дни мотался по городу, что-то такое утрясал, согласовывал, проталкивал. На пятом году даже показа-

лось, что задуманное предприятие становится, наконец, на прочную реальную основу: «Достань-Вася» начал взимать с будущих садоводов по пятьдесят целковых.

— Пора платить землемерам за разбивку участка и членам санитарного отряда, которые побьют всех вредных жучков в окрестных лесах.

Битье жучков почему-то застопорилось, и «Достань-Вася» к садово-огородной идее стал постепенно охладевать. Но вот в трест со стороны просочились сведения, что он по демпинговым ценам поставляет в столовую и детсад яблоки сорта «московская грушовка» в самом неограниченном количестве.

Финал угадать уже нетрудно. В доме у «общественника» В. Г. Козлоперова обнаружились и книжные шкафы, набитые сочинениями классиков, и ковры машинной работы, которых ждали да так и не дождались легковерные сослуживцы. Да что там ковры! Действуя от имени и по поручению коллектива, В. Г. Козлоперов внедрился в какой-то садоводческий кооператив. Быстро наладил товарное производство яблок и по случайному совпадению интересов с уже известным нам совхозным сторожем завел пасеку...

Вслед за жалобой Горбатова к нам прилетает и заявление Козлоперова. А вскоре он появляется сам:

— Им мало, что меня уволили за прогулы! Так они добиваются моего исключения из кооператива. И представьте, передают дело в суд. А за что? Собранные деньги я не пропил, не прогулял. Часть из них, всем прекрасно известно, я истратил на истребление жучка. Это очень полезное дело. Остальные средства лежат на срочном вкладе, который я для удобства открыл на свое имя. Что же касается садовых участков и всего остального, то от своих обещаний я не отказываюсь. Только пусть мне дадут еще одно письменное поручение, заверенное подписью и печатью...

Никаких поручений В. Г. Козлоперову давать, мы полагаем, не надо, хотя допускаем, что организованное им битье зловредных лесных жучков — занятие действительно полезное. Но уверены, что не менее важное дело — освобождаться и от всех зловредных типов, которые собирают мед на щедрой общественной ниве, а растаскивают его по своим индивидуальным ульям.

1978

ПРОБОДЕНИЕ СОВЕСТИ

До тридцати шести лет Эдуард Михайлович Рыжков жил на полном родительском пансионе. Так повелось еще со студенческих пор, когда отец разрешал ему тратить всю стипендию на удовольствия и развлечения. Но вот Эдуард Михайлович завершил образование, стал работать, привел в отцовский дом жену Ларису Кошелеву, у них родилась дочь. Зарплата ведущего инженера научно-исследовательского института Эдуарда Михайловича и заведующей отделением городской больницы Ларисы Игнатьевны теперь намного превышала заработок отца, но семья Рыжкова-младшего по-прежнему находилась на иждивении у Рыжкова-старшего.

Отец ждал, когда сын со снохой наконец догадаются предложить свою помощь в общих расходах, да так и не дождался. Вопрос решился сам собой. Отец вышел на пенсию, и семье Рыжкова-младшего волей-неволей пришлось оплачивать свои расходы. О том, что теперь неплохо было бы помогать родителям, Эдуард Михайлович как-то не подумал. А Ларисе Игнатьевне старики показались людьми совершенно лишними, поскольку пользы от них уже не было никакой.

Лариса Игнатьевна стала вести хозяйство отдельно. Продукты прятала под замок. Затевала скандалы. Кричала свекру и свекрови всякие непристойности. В этом ей по мере своих сил помогал Эдуард Михайлович.

Когда-то, в двадцатых годах, глава семейства вступил в жилищный кооператив «Рассвет» и построил квартиру на восемьдесят квадратных метров, с широкими коридорами, просторной кухней, балконом и эркером. Одна комната служила столовой и гостиной для всех. В трех следующих комнатах были спальни родителей, их дочери Татьяны Михайловны и Эдуарда Михайловича с Ларисой Игнатьевной.

И вот в четырехкомнатной квартире Ларисе Игнатьевне стало тесно. Она начала претендовать на спальню сестры мужа: комната эта была с балконом и к тому же на целый квадратный метр больше.

Родители, желая избежать новых скандалов, сказали сыну:

— Не трогайте сестру. Если вам тесно, переходите в нашу комнату, она побольше.

Старики надеялись, что теперь сноха с сыном будут довольны и в доме установится мир. Но не тут-то было. Эдуард Михайлович, побуждаемый Ларисой Игнатьевной, стал выживать из квартиры сестру, а заодно и родителей.

А его родители были совсем больные люди. Отцу шел восемьдесят первый год, матери — семьдесят шестой. Но Эдуард Михайлович и Лариса Игнатьевна с этим ничуть не считались. Они устраивали всякие пакости. Мешали отдыхать. Настраивали против бабушки внучку.

Старики выехали на лето за город, и там у Екатерины Васильевны произошел инсульт. Отец просит посторонних людей сообщить сыну, что случилась беда, что ему не с кем оставить больную, чтобы отлучиться в аптеку, в магазин. Но Эдуард Михайлович даже не посчитал нужным приехать помочь.

Зато Рыжков-младший выставил из дома своего отца, и тот теперь ютится у знакомых. Ни на какие размены сын со снохою не идут, ото всех предложенных квартир отказываются: им на восьмидесятиметровой площади и так неплохо.

Екатерина Васильевна семь месяцев пролежала в больнице, и наконец врачи разрешили ей выписываться. Но сын категорически отказался пустить ее в дом. Старик в отчаянии. Не может же он больную жену водворять в свою же квартиру с помощью милиции...

Я еду в квартиру Рыжковых и застаю молодых супругов дома. Эдуард Михайлович просматривает раздел происшествий в «Известиях», Лариса Игнатьевна делает себе маникюр. Кругом тишь да благодать.

— Расскажите все-таки, что у вас происходит? — спрашиваю я у Эдуарда Михайловича.

Не успевает муж еще открыть рот, как Лариса Игнатьевна отбрасывает свои кисточки.

— Я врач-психиатр и могу вам охарактеризовать психическое состояние своего свекра...

Но какие тут нужны характеристики! Состояние старого человека вполне нормальное. Никаких отклонений от нормы у него не замечается. Зато отклонения от обычных, принятых у нас норм морали у этих супругов видят все.

— Вашу маму нужно забирать из больницы. А вы за-

хлопываете перед нею дверь ее же квартиры. Как это можно? — обращаюсь я опять к инженеру Рыжкову.

И снова вместо него отвечает Лариса Игнатьевна:

— В маленькую комнату пусть ее привозят. Мы на это согласие даем. Но свекор хочет поместить ее в большой комнате, которую занимаем мы.

— А все-таки почему же нельзя положить больную в самой лучшей комнате, в которой она, кстати, прожила столько лет и которую добровольно уступила вам? Екатерина Васильевна в критическом состоянии. Вы же ведете торг у смертного одра...

— Но раз она умирает, — запальчиво выкрикивает вдруг Лариса Игнатьевна, — то скажите, какая ей разница, где это сделать?

Я смотрю на Эдуарда Михайловича. Может быть, сын возмутится, одернет жену, которая так бестактно, бессердечно говорит о его родной матери? Но нет, Эдуард Михайлович только согласно кивает головой и по-прежнему молчит.

Я услышал, как разговаривает инженер Рыжков, лишь месяц спустя. Шло заседание товарищеского суда. Лариса Игнатьевна в суд не явилась, и Эдуард Михайлович держал речь. Большое помещение домоуправления заполнили жильцы, люди разных профессий и возрастов. Многие знают стариков десятки лет. Знают как добрых и приветливых соседей, как скромных тружеников, как заботливых родителей.

Члены товарищеского суда взывают к совести Эдуарда Михайловича. Они пытаются убедить его взять домой больную мать сегодня же, сейчас же, потому что завтра, может, будет уже поздно. А Эдуард Михайлович заглядывает в свои записи и говорит о каких-то квадратных метрах, о преимуществах комнаты с эркером перед комнатой с балконом. Да, отец долго содержал его семью. Но ведь отца никто не принуждал делать это. Да, отец отдал им свою большую комнату. Но сам, по своей охоте. А вот он пускать родную мать в эту комнату не намерен. Самим нужна. И если родителей не устраивают его условия, то они могут идти куда угодно.

— Но ведь квартира заработана не вами, а вашим отцом, — говорят Рыжкову. — Если вам не нравится жить под родительским кровом, то вы и сами могли бы вступить в кооператив. Вам, слава богу, уже сорок четыре.

Да и зарплата позволяет. А вы все тянете с отца. Сколько же можно ходить в иждивенцах?

В зале товарищеского суда сидят сослуживцы Рыжкова. До этого вечера они знали его лишь с одной стороны: как тихого и неприметного инженера. Все, о чем говорят здесь, является для них чудовищной новостью. Назавтра собирается общественность отдела. Товарищи по работе требуют от Рыжкова ответа, почему он так нагло вел себя на суде, почему так жестоко, бессердечно относится к родителям.

— Хорошо, я беру мать из больницы,—уступает наконец Рыжков.—Даю слово.

Прямо из института он едет к отцу и говорит:

— Пожалуйста, перевози свою жену.

Пенсионер Рыжков звонит домой. К телефону подходит Лариса Игнатьевна.

— Что там болтает муж, меня не касается,—заявляет она и, обложив старика грубой бранью, вешает трубку.

Я хочу вновь увидеться с Эдуардом Михайловичем, поговорить, но выясняется: он уехал на курорт, заявив, что никому не позволит впредь вмешиваться в его личные дела.

Конечно, вмешиваться в чужие дела нужно далеко не всякий раз. Родственники могут поссориться и помириться, вспылить и одуматься, повздорить и протянуть друг другу руку. Есть немало примеров тому, когда конфликтующие стороны давно бы пришли к миру и согласию, если бы им не мешали всякие советчики и радетели со стороны. И я, наверное, никогда бы не взялся за перо, если бы эта история не закончилась трагедией, о которой Эдуарда Михайловича предупреждали десятки людей — и в доме, и на работе, и в редакции, и в товарищеском суде. А Эдуард Михайлович в это время безмятежно отдыхал на черноморском курорте, загорал и набирал запланированные килограммы. Он даже не посчитал нужным прервать отдых, чтобы приехать на похороны матери.

Теперь уже возмущаются сотрудники больницы, где работает Лариса Игнатьевна. Общественные организации создают комиссию. В нее входят самые уважаемые люди. Члены комиссии знакомятся с фактами и хватаются за голову. Итоги проверки обсуждаются на больничном совете, который ведет главный врач и в котором участвуют все заведующие отделениями.

Коллеги призывают Ларису Игнатьевну изменить свое отношение к овдовевшему свекру. А Лариса Игнатьевна — ни в какую. Ободряемая репликами, которые выкрикивает присутствующий здесь же Эдуард Михайлович, она во всем обвиняет самих стариков. Подумать только, лет этак пятнадцать тому назад они куда-то ушли и забыли в дверях ключ!

— А если бы забрались воры?

Сотрудники больницы заклеймили поведение Кошелевой и Рыжкова позором, им не подают руки, а они и не думают огорчаться, расстраиваться.

— Квартира нас вполне устраивает, — заявляет Лариса Игнатьевна. — Нам не к чему меняться. Мы имеем право на дополнительную жилплощадь.

— Но не за счет отца вашего мужа.

— Это не имеет значения, за чей счет, — подает голос Эдуард Михайлович. — У нас должны быть условия для творческой работы. Зачем же мы тогда кончали вузы?

Слов нет, у Кошелевой и у Рыжкова-младшего имеются дипломы о высшем образовании. Но какие, простите, это специалисты, какие это интеллигенты? У таких лиц, как инженер Рыжков и врач Кошелева, надо отбирать дипломы, как попавшие в недостойные руки. Потому что диплом — это не только показатель выученности. Это показатель порядочности, человечности, интеллигентности — всего того, чего никогда не было ни у Эдуарда Михайловича, ни у Ларисы Игнатьевны.

1972

НЕ ОДИН В ГОРОДЕ

Инженер на пенсии О. Гостюжин ездил в деревню женить внука, а вернувшись, увидел, что его ворота испачканы самым безобразным образом. Сначала Олег Петрович решил, что на них просто выплеснули ведро черной краски, но подойдя ближе, обнаружил следы какой-то осмысленной деятельности. Некто попытался изобразить гео-

метрическую фигуру, отдаленно напоминающую ромб и внутри ее написал название популярной футбольной команды. Вокруг чернели палочки, галочки, нолики, восклицательные знаки и просто кляксы разной величины.

— Раньше в деревнях мазали ворота отдельным девицам, а мне-то за что? — охнул пенсионер.

Ночью Гостюжин спал плохо. Сквозь зыбкий сон до него с улицы доносился хохот. Пенсионеру казалось, что запоздалые прохожие потешаются над ним, как над незадачливым владельцем употребленных ворот. Но наутро обнаружилось, что опять появлялись пачкуны. Они перечеркнули ромб жирными полосами, а рядом на заборе наляпали краской название другой команды.

— Да что все это означает? — воскликнул пенсионер и помчался в жэк.

— Тут мы поймали одного пакостника лет эдак на шестнадцать по имени Жора, — сообщил техник-смотритель, — так он поведал, что эта мода прославлять любимые клубы таким заборным методом пришла к нам не то из Голландии, не то из Шотландии.

— Но почему они прославляют свои клубы на наших воротах, а не у себя на лбах или спинах? — спросил Гостюжин и не услышал ответа.

Если б приверженцы голландско-шотландской новизны обезобразили только упомянутые ворота, об этом пещерном эпизоде не стоило бы говорить в прессе. Теперь они оставляют свои пакостные следы на стенах зданий, на трансформаторных будках, на квасных ларьках, на автобусных кузовах. Если нет под рукой краски, то появляются письмена, выцарапанные палкой, выбитые камнем. Какое дело балбесу Жоре до того, что жильцы проводили субботник по благоустройству микрорайона, старались придать дворам и улицам праздничный, нарядный вид! Балбес Жора ведет себя так, будто он живет не среди людей, а один в городе. Он берет банку с краской и крадется к чужим воротам:

— Такая теперь у нас мода!..

Ветеран войны В. Осипов стал жертвой не последнего крика моды, он страдает, можно сказать, от классической старины. С полгода назад он поменял квартиру и в первый же день вселения услышал над своей спальней звуки пианино. Наступил вечер, а пианист не угомонился. «Наверное, у верхних соседей семейный праздник», — ре-

шил несчастный новосел, принимая снотворное и затыкая уши ватой.

Концерт возобновился в восемь утра и опять продолжался до половины первого ночи. И так каждый божий день...

Через неделю, доведенный бессонными ночами до нервного истощения, В. Осипов в отчаянии схватил швабру и постучал в потолок. Музыка над спальней смолкла, но тут же возникла над столовой. Он постучал в потолок столовой, звуки опять наполнили спальню. «Как пехота при артналете, когда ей приходится перебегать на заранее подготовленные позиции»,— грустно усмехнулся ветеран.

Оказалось, что соседи, перемещаясь из комнаты в комнату, инструмент с собой не таскают, просто у них два пианино. Эти сведения Осипов почерпнул из беседы со строгой дамой в чепчике, когда поднялся на этаж и позвонил в дверь.

— Вы хотите брать у меня уроки музыки?—спросила соседка.

— Некоторым образом их я уже беру,—печально сострил Осипов.—Разрешите представиться: ваш сосед снизу.

— Ах, вот вы что за птица!—топнула женщина ногой.—У меня музыкальная семья. Вы же стучите в самый неподходящий момент...

— А вы считаете, что музицируете в подходящий? Ночью весь дом не спит, вечером не отдыхает...

— Вот и прежний жилец все бегал к нам, задирался, склочничал. Кто же виноват, что в молодости таким, как вы, не привили вкуса к прекрасному? Мы играем не «Гоп со смыком»! Мои девочки-ученицы исполняют Шопена, они в дружбе с Бахом.

— Но если бы Шопена заставляли по восемнадцать часов кряду слушать через потолок Баха, а Баха—Шопена, то они бы расплевались на всю жизнь и, кто знает, никогда больше не сели за рояль,—сказал Василий Львович, обращаясь уже к захлопнувшейся двери.

С точки зрения других наших читателей—В. Голубева, И. Неходы, Д. Рукавицина, упомянутый В. Осипов живет еще в сносных условиях. А им хуже. Окна их многоэтажного дома-новостройки выходят на маленький дворик. Жить бы им, казалось, и радоваться: удобные квартиры, рядом станция метро, универсам и Дом быта. Но

вот двое жильцов обзавелись собаками. В. Поляков выгуливает овчарку поздно вечером, а Л. Прохоренко — рано утром. Собаки отчаянно лают, и сотни людей могут сомкнуть глаза лишь с двух часов ночи до пяти утра...

Стоп! Мы уже чувствуем, что навлекаем на себя гнев отдельных крикунов-демагогов, которые каждое справедливое замечание в адрес хулиганствующей личности с собакой пытаются изобразить, как неслыханное посягательство на биологию, экологию, кинологию, фауну и т. д. Но зачем же запутывать простой и ясный вопрос? Кто же не знает, что собака — друг человека, что ее нужно оберегать, как часть живой природы, защищать от жестоких людей?

Человек не может ужиться с воинствующим мещанином, которому на окружающих наплевать. А с животным он ужиться может. В нашем подъезде живет профессор, который держит фокстерьера. Собачка всегда чиста, опрятна, ухожена. На прогулку сосед идет по лестнице, понимая, что не все жильцы, особенно матери с ребятишками, будут довольны путешествовать в лифте в таком обществе. Профессор не забывает захватить деревянный ящичек и лопаточку; он готов тут же прибрать за своим воспитанником. Гуляющий на коротком поводке фокстерьер к тому же хорошо воспитан, он никогда не залает на прохожих, не кинется на детей. Нужно ли говорить, что у нашего соседа никогда не возникает конфликта с жильцами? А ведь профессор не делает ничего из ряда вон выходящего: он просто выполняет правила, утвержденные горсоветом.

К сожалению, обратных примеров куда больше. Несколько лет назад я напечатал фельетон «Во дворе злая собака», где подвергались критике некоторые распоясавшиеся владельцы собак. Многочисленные отклики читателей показали, что выступление газеты действительно попало в болевую точку. Ряд горсоветов принял неплохие постановления. Увы, этих мер оказалось недостаточно.

Собак продолжают выгуливать где угодно: в скверах, в парках культуры и отдыха, купают в водоемах, которыми пользуются люди. Дворы тоже захватили владельцы собак. Их питомцы испачкали детские песочницы, потеснили пенсионеров с тенистых скамеек, вытоптали цветочные клумбы, вырыли ямы в кустарниках.

На людной улице, где выгуливать собак категорически запрещено, на четырехлетнего мальчика набросился спущенный с поводка злобный боксер. Испуганная бабуш-

ка успела защитить внука своим телом. Подошла хозяйка, распомаженная девица в джинсах. «Почему выводите собаку без намордника? — спросила испуганная старушка. — Здесь же ребенок». Та в ответ: «А вы лучше наденьте намордник на своего ребенка».

Эта бабушка и внучек еще хорошо отделались. «Моего младшего сына, — пишет москвичка Н. Потаржонова, — когда ему шел третий годик, покусала собака. Сейчас ему исполнилось шесть лет, он пойдет в логопедический детский садик в группу заик». Четырехлетний сын полтавчанина В. Горлика гулял во дворе, когда на него набросилась собака. Нет, она его не укусила, а только сбила с ног и порвала рубашку. Но этого оказалось достаточно, чтобы ребенок остался заикой. В другом месте собака набросилась на девочку. Спасаясь, девочка выбежала на шоссе и угодила под самосвал. Владелица собаки спокойно ушла с места происшествия...

Быть может, случаи нападения собаки на человека в присутствии ее хозяина единичны? По данным Главветуправления Министерства сельского хозяйства СССР, ежегодно от укусов страдают десятки и десятки тысяч человек. И вот что удивительно, по листкам нетрудоспособности пострадавшим оплачивают не владельцы животных, а государство.

«Собак в городе становится все больше, — делится своими соображениями читатель К. Валдонин. — Их рост стимулируется двумя причинами: необычайной легкостью взять в дом животное и возможностью обходить все правила, вести себя как вздумается...»

Рассуждения читателя не лишены смысла. Кому неизвестно, что государство, проявляя огромную заботу о питании трудящихся, продает многие продовольственные товары намного дешевле того, во что они обходятся. В частности, розничная цена мясных продуктов составляет примерно половину их себестоимости. Недавно Центросоюз произвел подсчеты, которые показали, что владельцы собак, покупая для них мясные изделия, получают при этом государственную дотацию в сотни миллионов рублей. Цифры ошеломляющие, но далеко не полные. Прибавьте сюда молочные продукты, хлеб, крупы, которые у нас продаются по самым низким ценам. На нужды животных расходуется вода, газ, электричество. Ветеринарное обслуживание собак у нас бесплатное. Не несут владельцы со-

бак никаких расходов по уборке подъездов, лестничных клеток, дворов. А платят чисто символический налог или вообще ничего не платят.

У современного быстро растущего города много важных и сложных проблем. И нет нам никакой нужды искусственно создавать новые, потрафляющие лишь тому, кто считает, что он главная фигура в городе, а все остальные прочие должны под него подлаживаться. Зачем белить и перекрашивать сотни и сотни домов, изыскивать в тесных жилых массивах свободные от собак зоны для отдыха трудящихся или начинать строить квартиры-казематы с толщиной стен в два с половиной метра? Куда проще изловить пачкунов с краской, пресечь выгул собак в парках и потребовать от фанатичных приверженцев музыки удовлетворять свои неуемные потребности в рамках времени, определенных горсоветом.

1981

САМОСТРЕЛ НА ФАКУЛЬТЕТЕ

Об этой истории мы сначала узнали из письма Евграфа Васильевича Окунева. И хотя в письме речь шла о сыне Евграфа Васильевича — Викторе, нам придется первым делом рассказать о другом папе и другом сыне.

Другой папа, Александр Петрович Башмаков, работал инженером, а его сын Алеша учился в школе. Учился не очень здорово, но школу окончил и принес домой аттестат зрелости.

Александр Петрович поздравил сына, пропустил на радостях рюмку портвейна и тут же облачился в парадный костюм.

— Пойдем, Алеша. Нас ждут.

— Где ждут?

— В деканате. Будем устраиваться в институт. Я уже говорил с кем надо.

В семье Башмаковых как-то само собою подразумевалось, что Алеша после десятилетки поступит в технический вуз, а затем и в аспирантуру.

— У меня совсем другие планы, — вдруг сказал Алеша. — Дальше учиться я не хочу.

— Чего же ты хочешь?

— Работать. Идти на завод.

— На завод?! — удивленно воскликнул Александр Петрович. — Да в своем ли ты уме?

Старый австрийский фельдмаршал князь Виндишгрец любил подчеркивать, что человек начинается только с барона. Советский специалист Башмаков был убежден, что человек начинается только с инженера. Впрочем, сам Александр Петрович когда-то был рабочим, и это не помешало ему в дальнейшем окончить вуз.

— Но мой отец жил в старое время и был пастухом, а твой отец сейчас командир производства, — втолковывал он Алексею. — У меня не было других возможностей, а у тебя они есть.

Алексей Башмаков сопротивлялся два дня. А на третий сдался и скрепя сердце отправился подавать заявление. До институтского подъезда его торжественно эскортировали папа и мама.

Папа еще раз поговорил с кем надо, и Алексея зачислили в политехнический институт. Но что толку! На лекциях он сидел скучный, злой, словно отбывал принудительные работы по приговору суда. В тетрадке по высшей математике он нарисовал черта с тремя рогами. С немецкого языка удрал. На лабораторные занятия не явился. В ноябре он нахватал двоек по пяти предметам, а в декабре и вовсе перестал ходить на лекции.

Упреждая события, Алексей подал заявление в деканат с просьбой перевести его на вечернее отделение.

— Поди и забери заявление назад, — запротестовал Александр Петрович. — Вечернее образование — не образование.

— Но ведь меня все равно должны отчислить, — признался Алеша.

— Ничего не должны, я все устрою, — сказал инженер Башмаков.

Алеша остался в институте и, даже непонятно почему, стал получать стипендию.

— Стипендия сыну не помешает, — сказал Александр

Петрович.— Пусть у мальчика будет материальный стимул.

Материальных стимулов оказалось, однако, недостаточно. На занятия Алексей ходил по настроению. Бездельничал. Валял дурака. Но Александр Петрович по-прежнему считал, что человек начинается только с инженера.

— Иди и учись,— приказывал он сыну.

Сын шел и не учился. Теперь он убедился, что из уважения к отцу его будут держать в институте даже с двойками. Что же делать? А если заболеть, то тогда ведь наверняка дадут академический отпуск! Итак, решено!

Алексей отправился к своему старому школьному другу, учащемуся ПТУ Виктору Окуневу. Тому самому Виктору, отец которого, Евграф Васильевич, и написал нам в редакцию.

— Что же ты придумал?— участливо спросил Виктор, когда приятель рассказал ему о своих печалях.

— Искупаться в реке.

— Так ведь зима!

— Вот это как раз и нужно. После такой купели к вечеру наверняка заложит горло, ночью подпрыгнет температура, а утром придет врач и отправит в больницу. Только помоги сделать прорубь.

Друзья отправились на речку, пробили лед. Видя, как Алексей ежится на холодному ветру, Виктор тоже решил искупаться. Из чувства солидарности:

— Была не была!

Держась для храбрости за руки, они подошли к краю проруби и, зажмурившись, прыгнули в воду. Тут же купальщики выползли на снег, трясясь всеми поджилками и отчаянно щелкая зубами.

К вечеру у Виктора заложило горло, ночью поднялась температура, а утром пришел врач и строго-настрого наказал лежать в постели. А вот Алексей Башмаков, как на грех, чувствовал себя превосходно. Трижды на день он измерял температуру, но ртутный столбик упорно останавливался на отметке «тридцать шесть и шесть». Мечту о воспалении легких пришлось оставить. Купанье тоже. К чему купанья, если, ныряя в прорубь, он лишь закаляет свое здоровье, вредит делу!

И вот пока Виктор, укрытый тремя одеялами, метался в жару, студент Башмаков мучительно обдумывал, что

бы еще такое сотворить с собой, чтобы получить желанный академический отпуск. Отравиться? Попасть под автомобиль? Проглотить стекло? Обварить кипятком ногу?

Изо всех возможных вариантов Алексею больше всего нравилось покушение. Вот он идет по темному ночному переулку, а на него нападают бандиты. Он оказывает геройское сопротивление: отбрасывает одного, опрокидывает другого, но третий, убегая, стреляет из пистолета. Рана, конечно, не опасная для жизни, но достаточно серьезная для того, чтобы проваляться в больнице месяца два. Ему звонят незнакомые люди, девушки приносят цветы, о его храбрости говорят и, быть может, даже пишут в газетах...

Но куда же все-таки должна попасть пуля? Алексей решил обратиться к научной литературе. В районной библиотеке нужные сведения были добыты: пулевое ранение в область выше правой лопатки не приносит особенно опасных расстройств. Сверившись затем с учебником криминалистики, он узнал, что бандиты должны стрелять не с очень близкого расстояния, иначе пороховые газы могут обжечь рану и врачи заподозрят самострел.

Дело теперь было за бандитами. Срочно требовались бандиты, которые бы напали на Алешу Башмакова еще до начала экзаменационной сессии и произвели один выстрел в область выше правой лопатки с дистанции не ближе пяти шагов. Но где таких бандитов найти? Ведь бандиты не заказное такси, и по телефону их не вызовешь!

И тут Алеша подумал, что один добрый приятель Витька может заменить всех свирепых бандитов.

Виктор Окунев уже оправился после крупозного воспаления легких и готов был опять помогать Башмакову:

— Раз надо, значит, надо! Не останавливаться же на полпути...

Они достали металлическую трубку и смастерили пистолет-самопал.

— Никто и не узнает, что в меня стрелял ты. Не бойся,—ободрял дружка Алексей.

Он подошел к телефону и набрал номер своей знакомой:

— Марина, это ты? Знаешь, а на меня вчера напали бандиты. Прострелили правое плечо.—В трубке раздались

тревожные восклицания. — Ничего, ничего, все обошлось благополучно. Скоро буду совсем в форме.

Алексей положил трубку и сказал:

— Начинаю обрабатывать общественное мнение. А чтобы не было никаких кривотолков, то вот, гляди...

Он вырвал страничку из тетради, написал: «Виктор Окунев стрелял в меня по моей просьбе и с моего согласия».

— Записка будет лежать вот здесь. — Он положил ее в задний карман брюк.

Вечером дружки отправились в темный тупик. Алеша сам натолкал в дуло самопала спичечных головок, вместо пули бросил кусок толстой проволоки, а вместо пыжей набил бумаги.

— Теперь тебе только и остается сделать выстрел, — сказал он, передавая пистолет Виктору.

Но сделать выстрел оказалось не просто. Сначала самопал дал осечку. Пока снова насыпали серу, показался дворник. Перебежали через мост, за квасной будкой Виктор навел самопал, поднес к прорези зажженную спичку. Алексей оглянулся, хотел что-то сказать, но не успел. Бабахнул выстрел. Как было условлено, Виктор тут же пустился наутек. Пробежав три квартала, он остановился. Беспокойство за раненого заставило его изменить уговору. Он сел в автобус и переехал мост. Из окна он заметил, что Алексей недвижно лежит на снегу, а вокруг него собрались люди. Виктор понял, что дела плохи.

Дела действительно были совсем плохи, хуже некуда. Кусок проволоки пробил легкое, задел правое предсердие...

Об этом, собственно, и написал нам Евграф Васильевич Окунев. Но он не только изложил факты, а постарался сделать выводы и обобщения. «Этот материал должен послужить уроком учащейся молодежи и их родителям, которые стремятся протолкнуть любыми путями и способами своих деток в вуз после окончания ими десятилетки», — пишет Е. В. Окунев.

Конечно, можно понять супругов Башмаковых, которые хотели, чтобы их сын получил высшее образование. Что говорить, они были вправе заставлять сына учиться. Но до каких же пор? Разве Александру Петровичу и Евгении Ивановне было потом не ясно, что Алексей питает патологическую ненависть к математике и к другим нау-

кам, и если бы он даже закончил вуз, то инженер из него получился бы никчемный, никудышный? Родители вырастили сына, но так и не сумели здраво оценить его способностей, интересов и, сами того не желая, толкнули Алексея на такой поступок.

Воздав должное супругам Башмаковым, Евграф Васильевич берется за Алешу. Нет, никак нельзя считать его несчастной жертвой родительского произвола. Все-таки его заставляли не воровать, не грабить. Почему же он не отважился честно и решительно возразить родителям, а избрал путь симулянта и дезертира? «Нельзя не видеть, что именно Алексей Башмаков явился организатором случившейся трагедии,—пишет Е. В. Окунев.—Он был инициатором купания в проруби, ему пришла в голову идея «покушения», он предложил изготовить пистолет и подговорил Виктора стать соучастником позорного дела».

И, наконец, автор письма задает вопрос: «А куда смотрели преподаватели и общественные организации политехнического института, как могли терпеть в студенческой среде такого лодыря и разгильдяя? Почему никто не поинтересовался, по чьей протекции Башмаков был принят в вуз? Как это могло случиться после того, как он завалил два вступительных экзамена?»

Мы целиком и полностью разделяем точку зрения Евграфа Васильевича, и нам бы нечего было добавить, если бы не одно обстоятельство. Е. В. Окунев, так справедливо критикуя других, преследует одну главную цель—выгородить своего сына Виктора:

— А что Виктор? Виктор парень компанейский. Его попросили прыгнуть в прорубь—он прыгнул. Его попросили стрелять—он стрелял.

Да и Виктор в своих объяснениях всякий раз подчеркивает, что они с Алешей были закадычными друзьями.

Считались друзьями, приходится уточнять нам. Потому что дружба была у них фальшивая, ненастоящая.

«Он такой парень, что за другом пойдет в огонь и в воду,—защищается Е. В. Окунев.—Он и в самом деле полез за другом в огонь».

Идти за другом в огонь и в воду нужно лишь в тех случаях, когда друг борется за правое дело. А если друг идет на жульничество, на обман? Что же тогда—тоже идти за ним?

Виктор был единственным человеком, который знал о безрассудных Алешиных планах. Он и только он мог остановить Алексея, объяснить всю глупость его поступков, всю низость поведения и уж во всяком случае не направлять на него пистолет.

Нет, за такого друга, как Виктор, мы заступаться не будем. Не видим оснований.

1972

ЦИРКУЛЯЦИЯ ПРЫЖКА

Едва ассистент кафедры гидравлики и гидромашин Светловидовского политехнического института Борис Иванович Шабров был утвержден в ученой степени, как сразу же надумал переезжать в другой город и вообще заняться новым для себя делом. Кандидат технических наук написал письмо в Ручьевск, на опытную станцию механизации сельского хозяйства, и предложил свои услуги.

«Я только что защитил диссертацию, в которой исследовал гидравлический прыжок в нижнем бьефе гидроэлектростанции,— сообщал Борис Иванович,— и хотел бы теперь поработать под вашим руководством».

Предложение кандидата наук при всей своей загадочности показалось директору станции В. И. Вологдину заманчивым. Опытная станция считалась учреждением научным, но вот кандидаты наук редко стучались в ее двери. А если говорить конкретнее, то в тот момент кандидатов не было совсем.

«Только что у нас будет делать этот исследователь гидравлического прыжка в нижнем бьефе?— подумал Виктор Игнатьевич.— Гидростанций мы не строим, каналов не копаем. А от кого можно ожидать прыжков, так это только от нашего молодого бычка».

Виктор Игнатьевич никаких занятий для кандидата технических наук Шаброва так и не придумал, но сел писать ответ. Он рассказывал, что на станции испытывается техника главным образом для неорошаемого полеводства. Но, понимая, что он имеет дело с человеком образованным, добавлял: «Конечно, при желании и старании вам нетрудно будет освоить наш профиль».

Между сторонами завязалась оживленная переписка. Из нее мы узнаем, что кандидат технических наук охотно брался осваивать специфику неорошаемого полеводства. Его смущала лишь материальная сторона дела. Он интересовался размером денежного довольствия и наличием свободной изолированной жилплощади.

В ходе переговоров кандидат дважды приезжал на станцию, чтобы ознакомиться с местными условиями. В беседе с директором Борис Иванович обмолвился, что перебираться ему надо во что бы то ни стало, так как жена не может более обходиться без своей матери. А мать живет здесь, в Ручьевске. У нее сад и виноградник.

Это сообщение могло бы объяснить проницательному собеседнику, почему вдруг ученый-гидравлик хватается за сельскохозяйственную практику. Но, будучи человеком интеллигентным, директор не усмотрел подвоха и подписал приказ.

Наутро в Светловидово отправились два грузовика, чтобы перевезти научный багаж Бориса Ивановича. Научного багажа оказалось немного. Пришлось взять багаж обычный: кушетку, шкаф, буфет, стулья и сундуки. Грузовики завершили пробег у дверей отдельной квартиры, и Борису Ивановичу оставалось лишь распорядиться, какие вещи нести в гостиную, а какие в спальню. В тот же день кандидат выкроил время сбегать в бухгалтерию и получить триста рублей подъемных.

На этом процесс бытового устройства завершился. Наступало время заняться процессом трудовым. Предполагалось, что Борис Иванович, как знаток движения струй и циркуляции жидкостей, перво-наперво изучит работу опрыскивателей, распылителей, смесителей, даст свои заключения и рекомендации.

На эту работу кандидат наук попросил год.

— За это время я, пожалуй, смогу войти в курс дела.

Это был несуразный, неслыханный, ничем не обоснованный срок.

— Да побойтесь бога! — взмолился директор. — Уверяю вас, мальчишка с десятилеткой разберется во всех этих смесителях за неделю. Возьмите хоть полгода.

— Что ж, если вы так настаиваете... — недовольно согласился кандидат. — Но вы сами понимаете, что за полгода я успею сделать ровно в два раза меньше, чем за год.

Полгода Бориса Ивановича не беспокоили, но потом выяснилось, что за целых шесть месяцев кандидат ни к одному прибору не прикоснулся и ни одной странички не написал.

Директор станции приглашает к себе Шаброва и вежливо сообщает, что ему ничего не остается делать, кроме как издать приказ об увольнении.

— Вы опоздали,— говорит Борис Иванович.— Я уже написал заявление, в котором прошу освободить меня по собственному желанию. Это заявление я только что оставил у вашей секретарши. И чтобы нам с вами расстаться по-доброму, по-хорошему, я прошу вас подписать один документ.

Директор, ничего не понимая, взял бумажку, которую протягивал ему кандидат, и прочитал:

«Характеристика. Кандидат технических наук Б. И. Шабров работает на опытной станции, является руководителем группы. За короткий промежуток времени Б. И. Шабров активно включился в научно-исследовательскую работу по подбору насосов для различных опрыскивателей и разработке схемы передвижного смесителя. Б. И. Шабров является инициативным и вдумчивым работником, он добросовестно выполняет все общественные поручения. Характеристика выдается для участия в конкурсе».

— В каком конкурсе?

— Как, разве вы не читали в газете?— лучезарно улыбаясь, спросил исследователь гидравлического прыжка.— Здешний текстильный институт объявил конкурс. Им нужен специалист по технологии ткацкого производства.

— Как же так?!— воскликнул директор, еще плохо понимая, что затевает кандидат.— Да вы не имеете права...

— А вот имею,— запальчиво ответил Борис Иванович.— Я подал заявление, и по закону вы мне обязаны дать расчет.

Директор срочно созывает собрание всех сотрудников, и они в один голос требуют, чтобы Шабров остался на станции, отработал хотя бы часть денег, которые получал ни за что.

А Шабров им отвечает:

— И не просите. Тут мне делать нечего. Я и так полгода слонялся у вас из угла в угол, не находя применения своим знаниям.

— Погодите. В характеристике вы о себе пишете, что за короткий срок активно включились...

— Нечего ловить меня на слове, — парирует кандидат. — Характеристика писалась совсем для другого дела. Вы об этом прекрасно знаете. Совесть подсказывает мне, что я не имею права и далее получать у вас деньги...

— А почему ваша совесть не подскажет, что вам незачем идти в текстильный институт и заниматься там делами, в которых вы смыслите ничуть не больше, чем в наших смесителях и распылителях?

— Ах, вот вы в какой плоскости ставите вопрос?

— Да, именно.

На этом дипломатические отношения между Б. И. Шабровым и опытной станцией прервались. Дальнейшее общение сторон стало осуществляться через третьих лиц. Станция обратилась в суд с просьбой взыскать с Шаброва деньги, полученные им обманным путем. Одновременно ответчик подал встречный иск, где непонятно почему требует взыскать со станции 340 рублей в свою пользу.

Тяжба между кандидатом технических наук и опытной станцией разбиралась в городском суде шесть раз. По требованию Бориса Ивановича суд учреждал специальные комиссии. Им поручалось определить на месте, создала ли опытная станция соответствующие гидравлические условия для плодотворной работы ответчика или нет. Потом Борис Иванович давал отвод судье и трем народным заседателям. Потом выдвигал новый финансовый ультиматум. К изумлению публики, он объявил, что в свое время уплатил станции двенадцать рублей за дрова. Дровишки, однако, не потребовались: с осени подвели газ. В связи с этим ответчик просил взыскать со станции еще двенадцать рублей дровяных денег.

Каждое утро неблагодарный кандидат проходит мимо опытной станции и демонстративно поплевывает в сторону ее голубых ворот. В ожидании решения суда он по вечерам строчит жалобы, так как уразумел, что лучшая защита — это нападение. Он сообщает, что директор станции нагло обманывал государство, ибо не имел права брать его, специалиста другого профиля, на такую работу.

Я тоже получил одну из жалоб и поехал в Ручьевск.

Там я, к удивлению, узнал, что Борис Иванович как ни в чем не бывало работает в текстильном институте.

— Вы же не специалист в области ткацкого производства, чего же вы опять взялись за незнакомое дело? — спросил я у Шаброва при встрече.

— А что же делать? — молвил кандидат наук. — Не возвращаться же мне в Светловидово. Тут у меня теща. У тещи большой виноградник. А моя жена так привыкла к нашей квартире, что ни за что не соглашается жить где-нибудь в ином месте.

Это было сказано так цинично, что я не удержался и зашел к ректору текстильного института И. Р. Костьянскому.

— Вы в курсе, как работал Шабров на опытной станции?

— Теперь в курсе. Но я, к сожалению, узнал об этом слишком поздно, уже после того, как он был зачислен в штат. Что же теперь делать?..

— Предложить подыскать работу по специальности. А будет упорствовать — уволить.

Ректор трагедийно всплеснул руками:

— Нет, только не это! Ведь я же сам подписал приказ о его зачислении. Придется подождать какого-нибудь подходящего случая.

— А пока он будет у вас преподавать и испортит немало будущих специалистов.

— И все-таки как-то неудобно так, сразу. У него семья.

— О своей семье прежде всего должен думать он сам.

— Да, да. Это так. При удобном случае надо будет куда-нибудь переместить его из нашего института, — пообещал ректор, когда мы прощались.

...Ну как, скажите, переведутся у нас циркулирующие бездельники, прыгающие по лабораториям и кафедрам, когда научными учреждениями руководят такие деликатные добряки?

1972

ПРОСТО ЗНАКОМАЯ

Инженер на пенсии Федор Артурович Ликсперов по вечерам ходит в районный сквер, чтобы сразиться в шахматы со своими коллегами. В позапрошлую субботу он играл с чемпионом сквера дядей Васей. Сначала преимущество было на стороне инженера, но потом он позарился на незащищенную ферзевую пешку, попал в ловушку. И хотя проиграть чемпиону сквера было совсем не зазорно, Федор Артурович возвращался домой в расстроенных чувствах и не сразу заметил, что за ним по пятам идут трое — два парня с очень длинными бородами и девушка в очень короткой юбке.

— Папаша, можно вас побеспокоить? — обратился бородатый юнец к безусому старику. — Вот девушке Жюзе очень интересно было узнать, как скоро вы, собственно, помрете?

При этих словах девушка прыснула в рукав. Вопрос молодого человека показался ей весьма остроумным.

— Да как вам не стыдно! — воскликнул Федор Артурович.

— Ну вот, вы нас уже и осуждаете, — сказал второй лоботряс, шепелявя. — Вы, вероятно, скажете нам сейчас и о том, что в наши годы таскали кирпичи на какой-нибудь важной стройке.

Девушка захохотала еще громче. Бородачи посмотрели на нее и заржали, как кони. Очевидно, у этих молодых людей не было денег, чтобы купить себе билеты на комедию, и они решили прогуливать девицу по переулкам, развлекая ее подобным образом.

Наша печать немало пишет о трудных подростках, о распущенных молодых людях. Журналисты, социологи, педагоги пытаются докопаться, откуда появляются у них дурные наклонности, где истоки зловредных поступков. Они прослеживают влияние на ребят семьи и школы, комсомольской организации и улицы, умной книги и безобразного западного боевика. И только об одном обстоятельстве у нас почти не говорят и не пишут. О том, как влияет девочка на мальчика и какова роль девушки в облагораживании молодого мужчины.

Впрочем, и без специальных исследований ясно, что

девушки у нас в большинстве хорошие, и они благотворно влияют на ребят.

А вот в рассказанном нами случае никакой облагораживающей роли девушки мы, понятно, не прослеживаем. Здесь мы имеем прямо противоположный результат. Ведь бородатые пижоны кривлялись именно потому, что в темном переулке с ними находилась девушка, которой нравилось это кривлянье. Наверное, при другой девушке они бы вести себя так не осмелились. Другая девушка надавала бы им по щекам и ни за что не стала бы с ними более знаться...

Мне очень хотелось найти девушку Жюзу, чтобы поговорить с ней, узнать, какого же она все-таки мнения о своих кавалерах. Спросить, почему спектакль, который они разыграли в Стекольном переулке, ей кажется веселым и милым, в то время когда он является гадким и мерзким.

Три вечера подряд я ездил к Федору Артуровичу, и мы с ним ходили по окрестным местам, надеясь повстречать Жюзу или ее поклонников. Нам их встретить не удалось.

Но я встречал других девушек, которые находились рядом с расхулиганившимся пареньком и которым совсем не приходила в голову простая мысль о том, что паренька нужно одернуть, пристыдить, поставить на место.

...В большом сельском клубе начинается вечер танцев. Самодеятельные оркестранты рассаживаются на эстраде, и в это самое время в проходе поднимается шум и гам. Оказывается, появилось трое пьяных ребят: Борька по кличке «Чепец», Васька — «Хедер» и Володька — «Самовар». Язык совсем плохо слушается молодчиков, поскольку они приняли по полбутылке алкоголя в самогонном варианте. Временно потерявший дар речи «Чепец» подходит к учетчице Наташе, «Чепец» хватает ее за нос и сильно дергает за руку. Девушка Наташа почему-то принимает такое первобытное приглашение на тур вальса. «Чепец» выписывает ногами немыслимые кренделя и делает еще четыре дела: курит, плюется, хрюкает на весь зал и норовит дать подножку встречным парам.

В отличие от Жюзы из Стекольного переулка, девушке Наташе не очень нравится поведение кавалера. Тем не менее она никакого открытого неудовольствия не выражает и танцует вальс до конца. На краковяк ее таким же манером приглашает «Самовар». Заметив это, ревнивый

«Чепец» хватает девушку Тамару и тащит ее в круг. Танцы «Чепца» уже не интересуют. Изловчившись, он лягает «Самовара». Тот не остается в долгу и отвечает тем же. Возникает двусторонняя драка, которая быстро перерастает во всеобщую потасовку. Оркестранты прекращают дудеть в свои трубы. Девушки визжат и разбегаются по домам. Завклубом выключает свет, надеясь лишить дерущихся ориентировки. Со звоном высаживается стекло, трещат стулья.

Наутро в клуб приезжает представитель из райцентра, чтобы вместе с культработниками обсудить, как быть дальше. Вопрос стоит так: либо вовсе не проводить вечеров танцев, либо просить старшину милиции Степаныча являться к началу вечера при полном снаряжении и со свистком.

А ведь можно было обойтись и без милиционера. Неужели сотня хороших ребят, комсомольцев, присутствующих в зале, не в состоянии образумить трех бузотеров, дать им от клубных ворот поворот? А потом еще и растолковать бузотерам, что молодой человек должен вести себя вежливо, учтиво, быть всегда гладко выбритым и опрятно одетым, особенно если он находится в обществе девушек. А самих девушек надо обязательно попросить никогда не танцевать с подвыпившими ребятами, если кто-нибудь из них все же проникнет на танцплощадку. И когда Тамара и Наташа проявят характер, то у ребят отпадет охота горячить перед танцами свои желудки...

Но ни с ребятами, ни с девчатами никто не поговорил, и теперь, как нам пишут, танцы проходят под совместным управлением дирижера и милиционера. Стулья починили, стекла вставили. До следующей драки...

Впрочем, далеко не всегда урон исчисляется только разбитым стеклом, поломанным стулом.

...В доме у девушки Кати собирается вечеринка. Помимо хозяйки, присутствуют еще девушка Вика и три парня — Валера, Владик и Витёк. К двенадцати часам ночи компания обнаруживает, что выпита вся водка, все вино и все пиво.

— А мы достанем еще, — бахвалится Валера. — На аэродроме ресторан работает круглые сутки!

— На чем же вы доберетесь?

— Да тут в переулке полно легковых машин, — пояс-

няет Витёк.—Съездим туда и назад, поставим опять на место. Хозяин ни о чем не догадается...

Валера, Владик и Витёк выходят на улицу, а девушка Катя и девушка Вика наблюдают с балкона, как ребята ломают замок, лезут в чужую машину, заводят мотор.

— Возьмите лучше коньяку,—советует девушка Катя.

— Да прихватите апельсины!—кричит им вдогонку девушка Вика.

Но ни коньяку, ни апельсинов девушки не дождались. Наутро их пригласили в больницу. Оказалось, что машина на пьяной скорости влетела в кювет, сбив на обочине прохожего. У Валеры, Владика и Витька́ на троих две вывернутых шеи, четыре поломанных ноги и один разбитый позвоночник.

— Почему же вы позволили ребятам садиться за руль чужой машины?

— А тут никакого нашего позволения не требуется,— в один голос заявляют девицы.—Они нам совсем не женихи.

— А кто же?

— Да так, случайные знакомые.

Со случайными знакомыми, однако, не пьют водку до двенадцати часов ночи. Но не будем далее углубляться в суть отношений. Пусть просто знакомые и пусть даже случайные. Но девушки были в курсе всего, что замышляли ребята. Даже случайным знакомым надо было сказать: «Лезть в чужую машину нельзя. Это воровство». А они сказали: «Валяйте, садитесь». Надо было остановить ребят: «Вы же совсем пьяные, не увидите дороги, не удержите руль». А они приветливо помахали ручками: «Ничего, прокатитесь с ветерком!»

Формально девушек нельзя причислить к числу соучастников преступления, а фактически они виноваты ничуть не меньше Валеры, Владика и Витька́...

Не так давно нам пришлось принять участие в судьбе молодого человека девятнадцати лет от роду. Еще год назад он был примерным студентом, но потом стал учиться все хуже и хуже. Обнаружилось, что немалую роль тут сыграла девушка Галя, продавщица торговой фирмы «Весна». Познакомился с нею студент где-то на вечеринке, на следующий день встретились, зашли в кафе. Студент заказал по чашечке кофе, а девушка сказала, что на-

стоящий мужчина всегда к кофе берет коньяк. И хотя парню пить не хотелось, он велел официанту принести сначала два раза по сто, а потом еще один раз двести.

Как-то девушка Галя позвонила своему знакомому и сказала, что хочет идти в летний сад слушать модного зарубежного певца.

— А я не могу, — вздохнул парень. — У меня завтра зачет по микробиологии.

— Будь же настоящим мужчиной, — сказала укоризненно Галя. — Настоящий мужчина никогда не отказывает даме.

Парень вздохнул еще раз и решил быть настоящим мужчиной. Денег на билеты у него не было, поэтому он снял четыре книги с полки отцовской библиотеки и тайком отнес в магазин.

Вскоре денег, вырученных от продажи отцовских книг, стало уже не хватать на удовольствия и на развлечения. Парень снес в скупку выходной костюм отца, серебряный портсигар дяди...

Конечно, факты, когда девушка так дурно влияет на парня, редки. Но мы не можем проходить мимо, не разобравшись и в этих фактах, не докопавшись до истины. А истина здесь такова, что если б девушка Галя вела себя по-иному, то ее молодой человек не нахватал бы столько двоек на экзаменах и не стал бы домашним вором...

«В каждом деле ищите женщину», — сказал один мудрый человек, который, судя по всему, знал толк и в делах и в женщинах.

Искать женщины надо все-таки не в каждом деле. Но во многих случаях ребята спотыкаются, портятся, начинают дурить на глазах у своих девушек. У таких, как Жюза, которую мерзкие выходки кавалеров почему-то приводят в веселое расположение. Или у таких, как Наташа, которая совсем не уважает себя Или у таких, как Вика и Катя, которым вообще на все наплевать.

Нет, настоящая девушка не должна равнодушно взирать на поведение своего парня, жениха или просто приятеля. Ведь очень часто приходится браться за дело милицейскому патрулю, судье и прокурору именно из-за того, что какая-то Нина или Рита не сказала в свое время Толе или Саше:

— Будь же, наконец, настоящим мужчиной!

Только настоящий мужчина — это, конечно, совсем не тот, кто пьет кофе непременно с коньяком или издевается над стариком в темном переулке.

1972

ЯРЛЫЧОК

История, в которой не все герои пожелали называться подлинными фамилиями, произошла в Камысловской межрайонной конторе: здесь завелся аноним.

Зловредная деятельность анонима, как это нередко случается, была направлена своим ядовитым чернильным жалом против руководства. Началось с того, что на стол управляющего конторой И. П. Демьяненко явился голубой конверт в доплатном варианте. Анонимка выглядела обычной анонимкой. Напечатанная через три интервала слепым шрифтом с заранее продуманными ошибками, она сообщала, что некоему лицу известен ряд пикантных обстоятельств из биографии И. П. Демьяненко. И если управляющий не прекратит преследовать старых работников за критику, то эти факты будут преданы общественной огласке. За сим следовала подпись: «Учрежденец».

Иван Петрович пожал плечами, попытался улыбнуться и сунул бумагу в дальний ящик стола. Столь же мужественно перенес он появление второго голубого конверта. Третий конверт, однако, озадачил управляющего, четвертый вывел из себя, а пятый, где «Учрежденец» намекал на его симпатии к бухгалтерше Ирине Андреевне, отчего она получила квартиру вне очереди, привел Демьяненко в состояние крайнего раздражения.

— С этим нужно кончать решительно и бесповоротно! — рассвирепел он. — Немедленно вывести «Учрежденца» на чистую воду, разоблачить, выставить из конторы с позором.

Впрочем, управляющий сообразил, что лихой кавалерийской атакой успеха не добьешься. Он быстро усмирил в себе разбушевавшиеся страсти, разложил на столе голубые конверты и стал прикидывать, кому же из сотрудников известна вся сумма фактов, упомянутых в анонимках.

Действуя методом от противного, он не без труда вычислил, что анонимом является не кто иной, как старший товаровед Виктор Кириллович, который вечно сует нос, куда не просят и вообще занимается мелким критиканством.

Теперь оставалось подтвердить теоретические положения живыми фактами жизни. Наутро управляющий вызвал в кабинет старшего товароведа и, заглядывая ему в глаза, прошипел:

— Так, здравствуйте, «Учрежденец»!

От неожиданности Виктор Кириллович качнулся назад.

— Здравствуйте, — выдавил он.

— Догадались, почему я назвал вас «Учрежденцем»? — крикнул Демьяненко, выходя из-за стола.

— Признаться, не совсем.

— Пытаетесь отвертеться? — Иван Петрович вытащил кипу голубых конвертов. — Не выйдет!

В тот же день в отделе реализации собрали всех сотрудников. Пришел сам управляющий и держал грозную обличительную речь.

— Да ничего я не писал, — попробовал было оправдаться старший товаровед.

Он был оборван на полуслове.

— Вы и сейчас лжете! — затопал ногами Иван Петрович. — Даем вам сутки на размышления. А потом извольте представить свои объяснения. Печатать на машинке вовсе не обязательно. Можете писать от руки...

В назначенный срок никаких письменных объяснений Виктор Кириллович подготовить не смог. С сердечным приступом его увезли в больницу.

Прослышав, как в конторе срамили «Учрежденца», фельетонист выехал в Камысловск.

— Вы знаете, наверное, старший инспектор и в самом деле расхлебывается за чужие грехи, — сообщил Иван Петрович, не очень смутившись. — Он лежит в больнице, а подметные письма все идут. Мы теперь склоняемся к мысли, что их пишет сама Ирина Андреевна. Она претендовала на три комнаты, а мы ей дали только две. Вот вам и результат...

— Значит, начинаете очередную кампанию по розыску «Учрежденца». А вдруг опять попадете пальцем в небо?

— Ни в коем случае! Я редко ошибаюсь. У меня есть особый дар. В некотором роде я физиономист...

События, о которых мы теперь хотим рассказать, разворачиваются в разных концах страны: в Ашхабаде и в совхозе-заводе «Батыр» Чимишлийского района Молдавии. В этом хозяйстве трудится уроженец здешних мест Пудриков Федосий Ионович. До поры до времени он был на хорошем счету, успешно трудился в строительной бригаде, слыл добрым семьянином. И вдруг на Федосия Ионовича пало подозрение, что он-де нечист на руку.

— Ну, а где же конкретные доказательства?

Извольте, доказательства есть. Документально подтвержденные, а потому и неопровержимые.

В один прекрасный день в бухгалтерию совхоза-завода из Чимишлийского райсуда поступает требование, направленное Ашхабадским горпромторгом. Из материалов видно, что еще три года назад Федосий Ионович в универмаге туркменской столицы взял в кредит телевизор марки «Рубин-205» стоимостью 388 рублей, а денег не платит. Основание: поручение-обязательство № 5470/4з на имя Пудрикова Ф. И., 33 лет от роду, уроженца Ашхабада, проживающего там же, в четвертом микрорайоне по улице Левитана.

— Отродясь в Ашхабаде я не бывал,— возмутился Пудриков.— Да и зачем мне ехать за покупками в такую даль! Дорога еще дороже телевизора обойдется. Откуда берется такое?

А вот откуда. Место жительства покупателя телевизора установило адресное бюро другого туркменского города — Мары.

Одна из самых трудных задач, с которой человек может столкнуться в своей жизни,— это взяться доказывать, что «он» — это не «он». Теперь несчастный рабочий совхоза превратился в заправского писца и ходатая. Едва вернувшись со строительной площадки, он садился за стол писать жалобы, заявления, запросы, которые рассылал по разным адресам. И, наконец, ашхабадские мудрецы снизошли к мольбам Ф. И. Пудрикова. Исполнительный лист отозвали.

Наш герой обрадовался. Мог ли он тогда даже подумать, что впереди его ждут новые испытания, еще более грозные и трагические?

Не успел он, однако, еще отдышаться, как Чимиш-

лийский районный суд переправляет в бухгалтерию совхоза-завода «Батыр» новый исполнительный лист, поступивший из Туркмении. Опять пресловутый телевизор «Рубин»? Нет, хуже. На этот раз народный суд из Ашхабада постановил взыскать с Ф. И. Пудрикова в пользу гражданки Воскобойниковой Валентины Ивановны, проживающей в одиннадцатом ашхабадском микрорайоне на ул. Худайбердыева, задолженность по алиментам в сумме 224 рубля 78 копеек и впредь удерживать с него в пользу той же Валентины Ивановны 20% от его заработка ежемесячно вплоть до совершеннолетия дочери Клементины.

— Да о какой Валентине Ивановне идет речь? — ужаснулся Федосий Ионович. — Вот уже пятнадцать лет живу в мире и согласии со своей добрейшей Ларисой Николаевной в законном браке. Никакой дочери Клементины у нас нет. У нас есть сыновья Глеб и Павел. Что же все это значит?

А значит, что надо верить документам. А они гласят, что отцом девочки Клементины является Пудриков Федосий Ионович, который проживал в Ашхабаде на Бухарестской улице, работал в ремстройуправлении Министерства мясо-молочной промышленности, а в настоящее время в ИТК строгого режима отбывает наказание за поджог.

«Хорошо хоть за свои преступления сидит мой однофамилец, а не я, — пишет нам Ф. И. Пудриков. — А вот если редакция мне не поможет, то от чужих алиментов мне не отвертеться. Бухгалтерия уже начала удерживать деньги».

Мы начинаем списываться с народными судами, звоним в разные города и учреждения. А одновременно вынуждены заниматься еще одной историей, где безвинные страдают за виноватых.

Летом московские студенты Александр и Владимир проходили практику в Казахстане на небольшом заводе. К слову говоря, практика была организована не очень здорово, ребята слонялись по заводскому двору из угла в угол и, отбыв положенное время, возвратились домой. А следом за ними в институт приходит бумага от заведующей заводским клубом И. В. Никишиной. Она пишет, что студенты выкрали со сцены гармонь. Ребят вызывают в комсомольский комитет, к декану. А те и знать ничего не знают. Кстати, кража случилась спустя неделю после того, как студенты уехали. Неужто они тайно приезжали на за-

вод за этой гармонью? Никто не видел. В милицию заведующая не обращалась, в прокуратуру тоже.

— А зачем обращаться? — недоумевает Никишина. — Всякому ясно, что наши заводские ребята честные, чужого не возьмут. Или, по-вашему, пусть воруют, на казенное имущество наплевать?

Нет, почему же? Нужно оберегать общественную собственность от жуликов и воров. Разоблачать анонимных клеветников. Выставлять к позорному столбу беглых алиментщиков. Только всегда важно находить истинных виновников, а не возводить напраслину, не вешать ярлыки на первых попавшихся людей, не подвергать их унижению и осмеянию.

Всегда надо действовать с умом и толком. Ведь освобождение от подозрений невиновного — такое же важное и благородное дело, как и изобличение злодея.

1976

ДЕТИ РЯДОМ

Летом в гостинице «Хоста» познакомились две дамы. И, как это бывает на курорте, быстро сошлись и подружились. Потом одна из дам собралась в Москву, чтобы сделать кое-какие покупки для дома, для семьи. Оказалось, что и другая дама будет в Москве тоже. Там у нее много родственников и все работают в торговой системе. Если подруга даст деньги, то она поедет в столицу раньше и к ее приезду все, что надо, приобретет.

Подруга деньги дала. Шестьсот рублей. И еще попросила захватить с собою часть ее вещей, которые не уместились в чемодане: габардиновое пальто, шерстяную кофту...

В дальнейшем все пропало: курортная приятельница, шестьсот рублей, габардиновое пальто и шерстяная кофта. Короче говоря, услужливая курортная дама оказалась махровой мошенницей с двумя фамилиями: Ахадова и Задверняк. Она ездила по разным городам, заводила знакомства, брала деньги «до завтра», «до послезавтра».

Словом, обнаруживается рядовая уголовно-фельетонная ситуация, где, с одной стороны, действуют традиционные проходимцы, а с другой — не менее традиционные простофили. Это было бы действительно так, если б не одно обстоятельство. Мошенница разъезжала по городам не одна. Она возила с собою сына. В этом был свой смысл: женщине с ребенком верят больше, чем женщине без ребенка.

Но представьте себе мальчишку, детство которого проходило по станционным лавкам да по вагонным тамбурам

— Мы были в Ленинграде, Риге, Туле, Харькове, Ереване, Сочи, — рассказывает мальчик. — Затем оказались во Фрунзе, Новгороде, Вильнюсе, Киеве, Кишиневе, Одессе, Львове, Донецке, Ростове, Волгограде, Москве, Тбилиси, Ялте, Батуми, Днепропетровске. Ездили мы и во многие другие города.

А у всех его сверстников был дом. Ко дню рождения родители дарили им подарки. Летом они отдыхали в лагерях. Под Новый год веселились у нарядных елок. Они спокойно ложились спать в мягкие постели. Утром шли в школу...

Впрочем, иногда учился и этот паренек. В разных городах и в разных школах. Где месяц, где полтора, а где только неделю. Учился до тех самых пор, пока матери не удавалось кого-то обмануть...

— Вскоре после отъезда из Ташкента я понял, что мать занимается нехорошими делами. По просьбе мамы я назывался в школах, где меня устраивали учиться, разными именами и фамилиями. Я понимал, что, если буду говорить правду, нас могут узнать, а маму арестуют.

Мальчик рос среди грязи и обмана, но сам он старался быть честным. Он возвращал все учебники в библиотеку. Если он брал у ребят карандаши, линейку или пятнадцать копеек, то отдавал точно в срок. Он очень хотел учиться. Он все схватывал на лету, любил читать книжки, рисовать, собирать марки. Дурной пример матери делал обратное дело. Ее образ жизни вызывал в неокрепшем сознании мальчика решительное осуждение. Он хотел походить на тех хороших ребят, с которыми мимолетно встречался в школах, он тянулся ко всему светлому, чистому...

Я рассказываю об этом вовсе не для того, чтобы доказать, будто у плохих родителей всегда вырастают хорошие

дети. Наоборот, я хочу подчеркнуть, как было трудно этому маленькому человеку не поддаться дурному воздействию матери. А ведь гораздо чаще случается по-другому. Недаром говорят в народе, что яблоко от яблони недалеко падает. Здоровая яблоня дает здоровые плоды. Мы знаем генеалогические ветви блестящих музыкантов, замечательных ученых, прославленных строителей, кузнецов, мореплавателей. Но есть и другие яблони, с искривленным штамбом, с подгнившей корневой шейкой...

Я пишу о преступнице Малике Закиевне Ахадовой-Задверняк и невольно вспоминаю о другой матери: о Валерии Михайловне Маклошиной. Конечно, такая ассоциация может показаться Маклошиной даже обидной. Она не тунеядка, не мошенница.

Эта молодящаяся сорокалетняя женщина пришла к нам в редакцию взволнованная, негодующая.

— Вот полюбуйтесь, какие письма получает моя Леночка! — воскликнула она, протягивая вскрытый конверт. — А ведь ей нет и шестнадцати.

«Хелло, крошка, — прочли мы. — Как ты живешь? А мой Радик в субботу надрался и заснул в клозете. Вот же обезьяна! Витька меня танцевать тащит, а Никита телефон свой подсовывает. Хрюкните, шепчет мне, в понедельник. Встретимся у «Химчистки»...»

Далее в письме шли совсем нецензурные фразы: «Можешь повернть... Я ему... он мне... а я нет.. В общем, давай опять встретимся... Есть тут еще один Витька с «Москвичом».

— А может быть, никакого Витьки с «Москвичом» нет, и все это глупые шутки, дурацкий розыгрыш?

— Какие там шутки? Наша бабушка вернулась из Александрова, а у нее в доме переполох, как после нашествия Батыя. Пол искарябан, посуда побита, из бабушкиной перины выпущен пух. На кухне — пустые водочные бутылки... А посмотрели бы вы на кота Ваську — безумный взгляд, бока впали...

— При чем же тут кот Васька? Какая связь?

Связь, оказывается, есть. Бабушка дала Леночке ключ от квартиры и оставила ей тридцать рублей, чтобы та покупала коту Ваське колбасных обрезков и молока.

Первый раз Леночка навестила своего подопечного одна. Во второй — пришла с подругой. А уже при третьем кормлении кота в тихую бабушкину квартиру набежали три

каких-то твистующих слюнтяя, которые сразу же распечатали бутылку водки и попытались сорвать лампочки вместе с электропроводкой.

Кто же все-таки надоумил Лену устраивать на бабушкиной квартире эдакие безобразные сборища и пропивать деньги, которые формально принадлежали коту Василию? Может быть, она слышала, что точно так же развлекаются ее пионервожатая Татьяна или классный руководитель Алла Павловна? Нет. Подобным образом развлекается Валерия Михайловна, мать Леночки. У нее чуть ли не каждый день гости. То приезжает дядя Боря из Нальчика, то объявляется дядя Жора из Тбилиси. Гости могут постучаться в любое угодное для них время, им всегда рады.

— Леночка, бросай уроки. Видишь, к нам пришли,— говорит Валерия Михайловна, воодушевляясь.

И девочка откладывает в сторону учебники, тетрадки. Сейчас ей уже не до занятий. Она чистит селедку, готовит салат. А потом усаживается за столом, чокается, пляшет и подпевает дяде Жоре, когда он пьяным голосом исполняет такие песни, которые у себя дома наверняка не поет...

У мальчика Вити, который живет в соседнем подъезде, тоже большое горе. Только компании в доме собирает не мать, а отец. Потом напивается до скотообразного состояния, ругается матом, хулиганит и дерется. И ничего отцу за это не бывает. Домашнее поведение считается делом внутренним, семейным. Попробуйте лишить хотя бы одного такого изверга родительских прав. Сколько инстанций нужно пройти, сколько комиссий образовать, сколько резолюций получить! Вернемся на минутку к делу Ахадовой-Задверняк. Ее будут судить за мошенничество. А за то, что она исковеркала жизнь сыну, судьи ее наверняка не накажут. Вот и получается, что иной раз нас больше заботит украденное перелицованное пальто, чем украденное детство. А ведь ребенок не пальто, его испортить, искромсать куда проще.

Один папа приходит с собрания и говорит маме:

— Ты знаешь, мы с Ивановым договорились критиковать Николая Алексеевича. Иванов выступил, а когда дошла очередь до меня, то я внес предложение прения прекратить. Ловко я это устроил. Николай Алексеевич — злопамятная скотина, и теперь Иванову ни за что не стать старшим технологом. А мои акции растут...

— Зачем же ты не выступил, если вы договорились? — спрашивает шестиклассник Сережа.

— Молчи, ты ничего не понимаешь, — обрывает его мать.

А почему Сережа ничего не понимает? Он уже все понимает. Понимает, что его отец поступил как шкурник, как провокатор...

Но папа и не думает переубеждать сына. Он берет в руки гармонь и обращается к жене:

— Собирайся, Клавдия, да и Сережу во все новое одевай. А то мы тут с тобой заболтались. Пойдем Петра Кузьмича встречать. Срок он отбыл. Из тюрьмы едет.

— Папа, да ведь Петр Кузьмич вор!

Мальчишке опять непонятно, почему надо идти встречать соседа в самых праздничных нарядах да еще с гармошкой.

— Какой же он вор, — смеется отец. — Возил зерно да три мешка у себя сбросил.

— Но ведь зерно колхозное!

— Колхозное — это общее, — разъясняет родитель. — А общее — значит, принадлежит всем. Вот и выходит, что Петька взял свое, а не чужое...

Есть ли какие-нибудь гарантии, что после таких нравоучений Сережа не пойдет по стопам вороватого Петра Кузьмича?

...Я долго вразумлял Сережиного папу, и он в конце концов дал торжественное обещание в присутствии сына никакой чепухи не молоть. Это, конечно, уже лучше, если мальчик Сережа не будет слышать вздорных разглагольствований своего папы, а девочка Лена перестанет видеть свою маму, твистующую с приезжим дядей Борей.

Но скрывать от детей свои дурные поступки и дурные наклонности — это, конечно, еще полдела. Дети чувствуют, когда с ними лицемерят. И если мы всерьез хотим, чтобы наши ребята росли хорошими, нам нельзя совершать недостойных шагов, даже в ста километрах от своего дома.

1978

ПРОДЕЛКИ ХИТРЕЦОВ

Сибиряк Иван Федорович Портнов, скромный служащий конторы по заготовке внеплановых кормов, считал себя человеком здравомыслящим, поэтому со своим сугубо личным делом обратился к высоким столичным инстанциям не сразу. Сначала он долго и с переменным успехом пытался решить назревшую жилищную проблему на месте. Подавал заявления в исполком, просил, требовал, ходил в народный контроль, посетил юриста, записался на прием к депутату.

И добился-таки своего, взяли Портнова на квартирный учет. Радость, однако, была короткой. Из списка очередников его исключили, придравшись к смехотворному поводу: когда пожаловала жилищная комиссия, то никого не застала.

Проверяющие в растерянности обошли вокруг дома, хотели было даже заглянуть в окна, но, будучи облаянными цепным псом, поспешно ретировались. Назавтра комиссия явилась снова, пообщалась с неулыбчатым барбосом и с тем ушла. Потом прибыла исполкомовская курьерша с запиской, чтобы в субботу до обеда Иван Федорович ждал гостей. Однако у него, как на грех, случились на стороне важные дела, какие, — не всем о том знать.

Словом, всего этого в комиссии посчитали достаточным, чтобы уже в понедельник вычеркнуть его из списка. И вот тут-то Портнов стал сигнализировать в центр. Дескать, что за моду взяли себе исполкомовцы! Если бездельник сиднем сидит дома, то при всех жилизлишках получает новые ключи. А трудовой человек отлучился на минутку со двора, проворонил комиссию, и оставайся на своих скудных метрах во веки веков!

О своих бедах И. Ф. Портнов сообщил и нам в редакцию. Для вящей убедительности к письму он приложил фотографию. «Посудите сами, могут ли люди ютиться в такой халабуде?» — начертал он на обороте красным карандашом.

Наш фельетонист взял в руки снимок. Он увидел перекосившийся сарай с вывороченными рамами, с дырявой крышей без печной трубы. Во дворе были сложены узлы и чемоданы, предусмотрительно вынесенные из аварийного объекта. Фельетонист опечалился и тут же заказал меж-

дугородный разговор. Трубку взял заместитель председателя райисполкома. Поначалу это был очень тяжелый разговор — стороны плохо понимали друг друга. Наш сотрудник трижды принимался объяснять, что семью Портновых нужно переселять, и чем скорее, тем лучше. На что зампред трижды отвечал, что заявитель имеет вполне приличные условия для проживания.

«Научились же иные должностные лица втирать очки, — подумал наш сотрудник. — Ну, ничего, наверное, зампред не догадывается, что редакция располагает неопровержимым фотодокументом». А вслух спросил:

— Вы когда-нибудь видели дом с этими «вполне приличными условиями для проживания?».

— Видел, и неоднократно. Правда, хозяин внутрь никого не допускает. А снаружи особняк выглядит вполне внушительно. Недавней постройки из сосновых бревен на каменном фундаменте. Вполне приличных размеров с восемью окнами...

— С восемью окнами, а ни в одном рамы целой нет. Из-за боязни обрушения жильцы вещи держат во дворе...

— Быть того не может! — воскликнул зампред, не обнаруживая в голосе ни грана фальши.

Забегая вперед, скажем, что фальшь обнаружилась в письме И. Ф. Портнова. От первой до последней строчки. Два года назад Иван Федорович действительно построил особнячок. А теперь вдруг надумал домогаться казенной квартиры, а собственный дом продать. Что же касается «халабуды», изображенной на снимке, то наши товарищи обшарили весь район и ничего похожего не нашли. На какой свалке разжился Иван Федорович этим снимочком, не ясно. Ясно одно, замыслил хитрец обвести всех вокруг пальца. А расчет был прост: увидят в Москве фотографию, ужаснутся и тут же распорядятся выписать ордер вне всякой очереди...

Распутав всю эту загадочную на первый взгляд историю, мы даже заглянули в толстое академическое издание, собравшее под своей обложкой легенды, рассказы и анекдоты о проделках всех знаменитых хитрецов. Нам хотелось узнать, у кого из самых ловких прохиндеев заимствовал Иван Федорович опыт подтасовки иллюстративного материала с целью получения дополнительных квартир. Оказалось, что предшественников у него нет. До всего этого

Иван Федорович дошел своим умом и вполне может теперь добиваться авторского патента.

Борис Алексеевич Шестеряков, начальник цеха машиностроительного завода в городе Каслинске, фотографии бесхозной развалюхи под видом своего обиталища в редакцию не присылал. К тому же одним снимком ему никак не обойтись, не те у него масштабы. По сравнению с героем этого микросюжета Иван Федорович Портнов кажется просто начинающим дилетантом, приготовишкой. Чтобы разобраться в неисповедимых путях, которыми шел Б. А. Шестеряков, нам пришлось вычерчивать большую и разветвленную схему, в которой обозначать стрелками направления временной и безвозвратной миграции, а квадратиками и ромбами купленные и проданные дома, а также квартиры, полученные и переписанные на имя своих ближайших родственников.

В изначальном периоде дошедшей до нас истории Борис Алексеевич жил со своей супругой Таисией Матвеевной в собственном доме на улице Луначарского. А его женатый сын Сергей Борисович занимал двухкомнатную квартиру на улице Ломоносова. Затем Шестеряков-младший уехал с женою в Кострому, оставив жилплощадь за собой. Но вот начальник цеха узнал, что квартал на улице Лобашова намечают снести, а жильцов переселить в новые дома, построенные заводом. Борис Алексеевич разволновался. Он понял, что при таком благоприятном стечении обстоятельств сидеть сложа руки просто глупо: под лежачий камень вода не течет. Б. А. Шестеряков не желал быть лежачим камнем. На улице Лобашова он покупает весьма ветхое строеньице за символическую цену, равную ста двадцати рублям. Конечно, переезжать сюда он не собирается. Зачем? Ведь у него прекрасный дом. Борис Алексеевич просто прописывается по новому адресу и прописывает сына, который, как мы знаем, в городе отсутствует, но остается владельцем коммунальной квартиры.

Ну, а как же распорядиться домом по ул. Луначарского, в котором начальник цеха Шестеряков продолжает проживать уже без прописки? В конце концов он решает подарить его своей дочери Светлане Борисовне, работающей в Тюменской области. И вскоре оформляет щедрый родительский жест соответствующим нотариальным образом.

Наступает радостный день, когда развалюху на ул. Лобашова сносят и Б. А. Шестеряков как лицо, формально лишившееся крова, получает двухкомнатную квартиру в Теплом переулке. Такую же квартиру получает в том же доме и Сергей Борисович, который отныне становится обладателем сразу двух квартир. Зачем же ему столько площади? А вот зачем. Заботливый брат одну из них уступает своей сестре, которая перебирается в город Каслинск. А хитроумный Борис Алексеевич от имени дочери принялся обклеивать окрестные заборы зазывными объявлениями: «Продается дом, четыре комнаты с кухней, с надворными постройками, гаражом. Участок с садом. Смотреть в любое время, кроме субботы и воскресенья».

Так бы и продал свой великолепный дом расторопный Борис Алексеевич, если б не вмешалась редакция газеты. По ее просьбе этим делом занялся горком партии, и события, судя по всему, начали раскручиваться в обратную сторону.

Впрочем, прервав кипучую деятельность Б. А. Шестерякова на ниве жилищного обогатительства в самый интересный момент, мы лишили себя возможности проследить, сколько еще домов может перепродать такой вот хитрец и сколько казенных квартир получить.

Придется рассмотреть этот немаловажный вопрос на другом примере. Дело в том, что, помимо выше названных лиц, мы состоим в переписке еще и с А. Н. Красенковым, 44 лет от роду, слесарем прокатного цеха Трубоводского металлургического завода. Алексей Нилович обращается к нам с просьбами различного порядка. До поры до времени мы относились к ним с пониманием: как-никак у человека семья, дети.

Дети у него действительно есть, а вот совести не оказалось. Выяснилось, что, помимо нас, А. Н. Красенков рассылает письма еще в семьдесят других организаций, и в каждом письме просьба: «Дай, дай, дай!». А если кто, по мнению Алексея Ниловича, действует не слишком оперативно, он тут же строчит жалобу, обвиняя медлительных благодетелей в бездушии и бюрократизме.

Письма и жалобы Красенкова с руководящими резолюциями: «Разобраться», «Оказать содействие», «Принять меры» сплошным потоком возвращаются в Трубоводск. За последнее время их стало так много, что горисполком вынужден был создать постоянно действующую комиссию

по рассмотрению писем и жалоб А. Н. Красенкова, куда вошли представители многих городских организаций. У членов этой необычайной комиссии забот полон рот: надо изучить очередную жалобу, побывать на заводе, встретиться с Алексеем Ниловичем, с его супругою Домной Афанасьевной.

А наш герой знай себе пишет и пишет и, как выясняется, не зря. Беглый перечень полученных Алексеем Ниловичем благ едва уместился на четырех страницах машинописного текста.

Шесть лет назад завком выделил ему двухкомнатную квартиру.

Спустя три года—четырехкомнатую. Вне очереди отпускали дефицитные товары. Установлен телефон.

Горсовет выделил ему участок под строительство гаража, а завод отпустил бесплатно три тысячи штук кирпича, изготовил металлические ворота да ко всему прочему отремонтировал квартиру, отнеся все расходы на свой счет.

Администрация и завком выплатили 675 рублей единовременных пособий...

Окружая А. Н. Красенкова материально подкрепленными знаками внимания, местные товарищи надеялись, что аппетиты у него когда-нибудь иссякнут и он сам по себе утихомирится. Но не тут-то было. Оказалось, что его непропорционально растущие запросы опережают самый дальний полет неуемной фантазии.

Вот почему в прокатном цехе недавно прошло рабочее собрание, обсуждавшее поведение А. Н. Красенкова и его вздорные претензии ко всем и вся. Говорили передовики производства, слесари, вальцовщики, наладчики, токари. Они с возмущением отзывались о проделках рвача, бездельника и бракодела. Слесарь Л. Ю. Лабаринов, участник Отечественной войны, сказал:

— Нам надо было давно зашить ему карманы, чтобы некуда было ему руки засовывать, слоняясь по цеху без дела, когда другие работают. Мое мнение—хватит с ним нянчиться.

Увы, всех этих справедливых рабочих слов Алексей Нилович не слышал, он наотрез отказался прийти на собрание. Красенков в этот час занимался более полезным для себя делом: писал заявление, чтобы ему на блюдечке поднесли легковой автомобиль, желательно самой последней модели.

— А что, все может быть! Авось, и обломится. Руководители у нас добрые...

И, правда, товарищам, стоящим во главе наших учреждений, доброты не занимать. Люди они чуткие, внимательные. И это не так уж плохо. Хуже, что они порой забывают старую пословицу, будто специально сложенную для них:

— С хитрецом водиться — в оба глаза глядеть!

1982

УГОЩЕНИЕ В ХАЛИЛАБАДЕ

Писатель-сатирик Нияз Ахметович Ахметов принимал своих московских коллег. Три дня были отданы празднику смеха, встречам с местными юмористами, веселым застольям, шуткам. А на четвертый Нияз Ахметович сказал:

— Вы в нашей республике впервые. Давайте совершим путешествие. Я покажу много интересного. Например, наш грязевой курорт Халилабад. Там есть что посмотреть: новые спальные корпуса, источники, водолечебницы, кинозал, закрытый бассейн...

С утра сатирическая бригада двинулась в путь. Нияз Ахметович развлекал спутников всякими любопытными историями, и никто из них не заметил, как началось горное ущелье, а вместе с ним и территория курорта. Здесь гостей уже поджидал главный врач Ходжапулатов. Поздоровались, познакомились, расселись опять по машинам, поехали дальше. За поворотом на живописной скале показался выбитый из камня красавец козерог.

— Напомните мне потом об этом козле, — бросил Нияз Ахметович. — Я кое-что вам расскажу.

Машина остановилась у двухэтажного коттеджа на краю обрыва.

— Надо перекусить с дороги. Вы ведь добирались к нам полдня. Прошу заходить, — пригласил главный врач. — А потом осмотрим все, что пожелаете.

В гостиной был уже сервирован стол. По местным обычаям сперва отведали душистых дынь, попили зеленого

чая. Потом было подано дымящееся блюдо плова. У нас потекли слюнки.

— Вы что-то хотели рассказать о козероге, — напомнил Ниязу Ахметовичу главный врач, разливая коньяк по рюмкам. — Кстати, этот каменный козерог — символ нашего курорта.

— Вот именно, — оживился писатель. — На этом-то и строится весь сюжет.

Он пододвинул к себе блюдо и начал:

— Однажды председатель бикманганского колхоза-миллионера достопочтенный Абдулла Абдуразаков, устав от текущих забот, собрался в отпуск и велел главному бухгалтеру принести ему все путевки, которые только были в правлении. «Надо поразмыслить, куда поехать», — сказал он при этом.

Вскоре главный бухгалтер разложил перед председателем пачку бумажек. Путевки были серые, безликие, ничего не говорящие. В них указывалось лишь название санатория и стояла цена. Председатель перекладывал путевки и вздыхал. Ему абсолютно ничего не нравилось. И вдруг на одной из них он увидел силуэт вашего козерога. Председатель Абдулла Абдуразаков впился в него глазами. «Вот это козел! — воскликнул он. — Какие рога! Какие копыта! Непременно еду туда!»

А надо сказать, среди путевок, которые отверг достопочтенный Абдулла Абдуразаков, были Сочи, Ялта, Геленджик, Цхалтубо, Ессентуки.

Все по-доброму засмеялись. Главный врач Ходжапулатов легонько крякнул. Дескать, смотрите, какая о нас идет слава!

— В общем, председатель из Бикмангана собрал свои чемоданы и примчался сюда. Прибыл, огляделся, место ему показалось унылым, скучным. Смутные предчувствия стали вползать в председателеву душу...

Главный врач курорта заерзал на стуле. На лице его задвигались желваки. Между тем Нияз Ахметович как ни в чем не бывало продолжал:

— Привели его в корпус, показали палату. Комната душная, на тринадцать человек, простыни черные, наверное, не менялись после прежних жильцов, уборная во дворе, не сразу и отыщешь...

— Ваш знакомый из Бикмангана, этот самый Абдулла Абдуразаков либо сумасшедший, либо лжец, — оборвал

рассказчика главный врач. — В нашем санатории изумительная чистота. Во всех помещениях санузлы, душ. Кстати, самые большие палаты у нас — трехместные...

Бурная реакция хозяина не произвела никакого впечатления на писателя. Он оставался спокоен.

— Мой рассказ не столько о санатории, сколько о козероге, — заметил он. — Итак, приходит бикмангаиский председатель, уважаемый Абдулла Абдуразаков в столовую. На первое ему подают суп-ретатуй, на второе — лапшу, слипшуюся в сплошной ком, котлеты с мухами...

От такой бестактности у гостей похолодели руки и в горле застрял плов. Они подумали, что хозяин давно уже обрел право выбросить Нияза Ахмедовича в окно вместе с сопровождавшими его лицами.

— Вы что, специально задались целью осрамить нас перед столичными гостями? — спросил главный врач, сжимая кулаки. — Какие котлеты с мухами? Все, что вам здесь подано, взято из столовой санатория. Точно такую же пищу получили на обед отдыхающие.

— Так я же говорю не о вас — о козероге, — повторил невозмутимый Нияз Ахметович.

— Ладно, — в сердцах бросил главный врач, — рассказывайте до конца. Слушаем вас, дорогой писатель.

— Ну так вот, повели степенного бикманганского председателя Абдуллу Абдуразакова на процедуры, — тем же бодрым тоном продолжал Нияз Ахметович. — Окунули с головою в эту неприятную жижицу, потом, невзирая на его протесты, сняли трусы и вкатили такой дикий укол, что несчастный пациент взвыл и убежал в горы. И вот, бродя здесь по тропинкам и потирая проколотое место, он вдруг нос к носу столкнулся с вашим каменным козерогом. «Ах, это ты, бандит, изображен на путевке!» — крикнул он, сатанея. В бессильной злобе председатель схватил козерога за каменные рога и, нанося ему ногами удары по животу и груди, завопил на все ущелье: «Так вот кто позвал меня в эту дыру! Вот мне и попался, дешёвка! Негодяй, провокатор, хулиган! Живым не уйдешь!». Он кричал так громко, что из санатория прибежали люди, едва оторвали его от скульптуры, притащили на носилках в палату, положили в постель, накрыв теплым одеялом.

Наутро досточтимый Абдулла Абдуразаков проснулся очень рано, в весьма бодром настроении. «Ну, я сполна

рассчитался с этим негодяем, с этим паршивым козлом,— удовлетворенно сказал он дежурной сестре, не отходившей всю ночь от его изголовья.— Больше мне здесь делать нечего».

Затем он быстро собрал чемоданы и, не дожив до срока пятнадцать дней, побежал на автобусную станцию. При этом он все время оглядывался, не гонится ли за ним козел-провокатор...

— Это вся ваша история?—спросил главный врач Ходжапулатов ледяным голосом.

— Да, вся,—ответил Нияз Ахмедович.— Впрочем, я могу рассказать вам еще одну, более затейливую, но уже не связанную с вашим курортом.

— Нет уж, избавьте,—сказал главный врач.— Прошу вас пойти познакомиться с нашим санаторием.

Гости встали, оставив всю еду на столе, и, ощущая ужасную неловкость, пошли за главным врачом. Заглянули в двухместную палату. Ходжапулатов подошел к кровати, откинул одеяло. Простыни сверкали белизной.

— Ну где же тут грязь?—спросил он, грозно глядя на Нияза Ахметовича.

Пришли в столовую, там еще не окончился обед. Главный врач подсел к крайнему столику, спросил у семейной пары:

— Как сегодня кормят?

— Отлично, как всегда. Пальчики оближешь,— последовал ответ.

В лечебном корпусе Ходжапулатов обратился к процедурной сестре:

— Скажите, Гульнара-апа, не припомните ли вы случая, когда от ваших уколов больные удирали в горы?

Сестра засмеялась:

— Шутите!

— Медицинский персонал у нас замечательный,— сказал главный врач.—Да и как может быть иначе! Больные приезжают на костылях, их привозят на носилках, а уезжают они отсюда здоровыми людьми. Посмотрите книгу отзывов, поговорите с отдыхающими, кстати, у нас лечится много иностранцев. А какие перспективы открываются перед нами! На развитие курорта государство отпустило несколько миллионов. Расширяем территорию, увеличиваем число мест, закупаем новейшее медицинское оборудование...

Когда гости усаживались в машины, главный врач Ходжапулатов подошел к Ниязу Ахметовичу и сказал:

— Так что передайте своему вздорному бикманганскому председателю: пусть вернется к нам и покажет грязные простыни и мух в котлетах.

Нияз Ахметович замялся:

— Видите ли, никакого чудака из Бикмангана в природе не существует. Как только я увидел вашего каменного козерога, в голове у меня сразу же родился сюжет. И я придумал колхозного председателя, чтобы уязвить самолюбие нашего дорогого хозяина и побудить его показать курорт в самом лучшем виде. Что ж, я думаю, гости в восторге, и я тоже. Теперь сомнений у меня нет.

Писатель полез в карман пиджака и извлек плотную бумажку, в верхнем углу которой был вытиснен силуэт козерога.

— Так что, товарищ Ходжапулатов, принимайте с завтрашнего утра нового отдыхающего, — сказал Нияз Ахметович и низко поклонился.

Воцарилось минутное молчание.

— Ох, уж мне эти юмористы, — засмеялся главный врач, принимая путевку. — Все у них получается не как у людей.

1978

Концерт
без фортепьяно

КУБИК В СТЕПЕНИ

Поговорим на животрепещущую тему — о дефиците. О кубиках, например. О тех самых, из которых можно и домик построить, и башню сложить, и скорый поезд составить...

Но, увы! Все эти детские забавы, как сказал поэт совсем по другому поводу, — дела давно минувших дней, преданья старины глубокой. Обзавестись кубиками теперь гораздо труднее, чем «Жигулями» в экспортном исполнении. На «Жигули», как ни говорите, существует предварительная запись по учреждениям. Передовики производства премируются ими бесплатно в порядке поощрения. У любителей испытывать свою судьбу посредством тиражного колеса имеется определенный шанс на выигрыш по денежно-вещевой лотерее. Человек с недостаточно высокой зарплатой может через комиссионный магазин приобрести машину в уцененном варианте.

Ну, а где отыскать организацию, которая бы проводила запись на кубики? В какой лотерее их разыгрывают? Что такое выдающееся надо совершить, чтобы тебя премировали кубиками? В каких комиссионных магазинах вам предложат подержанный игровой материал?

Автор нарисовал здесь весьма мрачную картину, и некоторым может даже показаться, что кубики закатились в такой глухой тупик, откуда уже нет никакого выхода. Почему же, выход есть, и не нужно искусственно возводить кубиковую проблему в степень.

Мы вовсе не обидим мастеров игрушки, если сообщим, что производство кубиков — далеко не самое сложное производство из всех известных нам производств. Сделать кубик, например, легче, чем собрать те же «Жигули» или пробить тоннель в скалах на трассе БАМа. Берется деревянная заготовка, длина, ширина и высота которой равны,

и со всех шести сторон обклеивается картинками, чем, собственно, до последнего времени и занимались на Московском комбинате игрушек. Эти кубики пользовались доброй славой у наших малышей. Они имели широкий спрос в десятках зарубежных стран.

Комбинат игрушек мог бы увеличить выпуск кубиков, если бы ему давали больше заготовок — деревянных чурбаков. С этим-то вопросом три года назад комбинат и обратился в Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Министерским дядям, давно уже вышедшим из детского возраста, показалось, что их беспокоят совсем уж по пустякам.

— У нас забот — полон рот, а вы тут со своими игрушками! Вам нужны заготовки, вы их и ищите. Мы-то здесь при чем?

Делать нечего, и мастера игрушки рассылают письма-запросы на деревообрабатывающие предприятия. Сначала на ближние — подмосковные, потом на дальние — сибирские. Но оказалось, что чем дальше в лес, тем меньше дров. То есть дровишки, в общем, имеются, и в немалых количествах. Но вот незадача: с обрезками никто возиться не хочет. Целая с ними канитель: собирай, учитывай, отправляй! Куда проще взять да и развести костры...

Словом, триста запрошенных предприятий совсем ничего не ответили комбинату или ответили отказом. А триста первое — деревообрабатывающее объединение «Волжск» из Йошкар-Олы — основной поставщик московского комбината — вдруг прекратило отгрузку заготовок.

Из Москвы полетели депеши: «Останавливается производство, горит план. В чем дело?» Ответ на телеграфные запросы приходит не скоро, будто его везут на черепахах: «Вместо сборных домов мы стали выпускать кузова для грузовиков, отходов теперь у нас не бывает».

Ну, а мастерам игрушки что делать? Ведь поставщик зарезал их без ножа. Почему заранее не предупредил об изменении своего профиля? Ведь это случилось не вдруг?

Комбинат обращается в Госарбитраж:

— Воздействуйте, пожалуйста, на поставщика! В соответствии с положением о поставках продукции производственно-технического назначения объединение «Волжск» не имеет права в одностороннем порядке разрушать сложившиеся хозяйственные связи.

Действительно, не имеет. Вот почему Госарбитраж РСФСР вынес решение в пользу комбината: детские кубики — товар повышенного спроса, прекращать их выпуск нельзя.

Тем не менее объединение «Волжск» ни одной щепки в Москву не отгрузило и выплатило комбинату сорок тысяч рублей неустойки. В следующем году отгрузка также не велась, и комбинат получил перевод из Йошкар-Олы еще на такую же сумму. В этом году — опять та же картина: поставщик рассчитывается с заказчиком не заготовками, а деньгами.

В обычное время, имея деньги, работники комбината игрушек могли бы пойти по магазинам, купить кубики с тем, чтобы через оптовые базы «Культторга» снова направить их в магазины. Но кубиков, как известно, нет, а вместо игрушек раздавать детям по полтиннику было бы крайне непедагогично. К тому же комбинат сам выплачивает неустойку торгующим организациям и гораздо больше, чем получает, поскольку поставщик срывает поставку сырья, а комбинат — готовой продукции.

Делом о кубиках опять занимался Госарбитраж РСФСР. На его запрос Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности ответило, что Всесоюзному промышленному объединению «Союзлесдрев» поручено обеспечить комбинат заготовками. Тут же из «Союзлесдрева» сообщили: назначен новый поставщик — Бирюсинский лесообрабатывающий комбинат.

А когда из Бирюсинска в Москву прилетел сам директор комбината, мастера игрушки воспрянули духом.

Гость из Сибири оказался человеком дела. Он участвовал в ответственных совещаниях, подписывал разные важные документы и на прощанье сказал:

— Ну, теперь только успевайте за нами наклеивать свои картинки!

С тем и пропал. Ни одной заготовки из Бирюсинска московский комбинат так и не получил. Зато получил письмо: «Поставлять заготовки не можем. У нас не хватает рабочих, к тому же начинаем реконструкцию».

Комбинат опять обращается в Минлеспром СССР. Ответственные работники называют ряд предприятий, которые, по их словам, располагают значительными отходами. Работники комбината бросаются по названным адресам, а их там и не ждали.

Как же все-таки быть? Те самые работники министерства, которые раньше рекомендовали искать отходы, теперь изменили свое мнение и заявили, что комбинат может быть обеспечен заготовками, если получит фонды на пиломатериалы. Но, простите, откуда возьмет фонды комбинат? Да и потом разве разумно рубить кубики из корабельной сосны? Или, быть может, и в самом деле никаких отходов нет? Цифры говорят об обратном. На предприятиях Минлеспрома не используются миллионы кубометров отходов. А комбинату игрушек требуется крохотное количество — всего две с половиной тысячи кубов.

Не так давно из Минлеспрома сообщили, что определено восемь объединений, которые должны будут снабжать комбинат заготовками. По названным адресам пошли письма. «Союзлесэкспорт» и «Костромалеспром» не ответили вовсе. Ярославское объединение «Красный Октябрь» и «Удмуртлес» сообщили, что у них нет соответствующих производственных мощностей. «Пермьлеспром» предложил хвойный брус: дескать, пилите и рубите сами. «Вологдалеспром» ответил, что речь может идти лишь о трехстах тысячах заготовок, в то время как комбинату игрушек требуется не менее семи миллионов...

Несколько раз о кубиках, превратившихся в нолики, писали центральные и ведомственные газеты. Бюрократов и волокитчиков вытащил на экран сатирический киножурнал. Но вот юрисконсульт комбината О. Ларина показала мне толстую папку, в которой подшито несколько сотен документов, вышедших из-под перьев заместителей министров, начальников главков, заведующих отделами, инспекторов и инструкторов. Все они настоятельно предлагают друг другу разобраться, обеспечить, об исполнении доложить...

А самого исполнения нет и пока не предвидится. В нашей лесной стороне невозможно, оказывается, найти предприятия нужного древесного профиля. Не проще ли тогда сориентировать детей на новый профиль развлечений и забав, перебросив их с напольных кубиков, к примеру, на настольный бильярд, которым прославилась другая московская фабрика игрушек.

Впрочем, мы хотели бы предостеречь родителей:

— Повремените бежать в магазины за этой увлекательной игрой. Теперь в продаже ее тоже не найти.

Фабрика была вынуждена снять ее с производства, так как металлический завод отказался поставлять детали У металлистов свое оправдание:

— Мы начали реконструкцию гальванического цеха. Работы остановились.

В общем, взрослым дядям не до детей. Они, знай себе, играют в свою бесконечную бюрократическую игру, которая у них называется примерно так:

«Все мы водим за нос друг друга, на все отговорки имеем документ, а виновного попробуй найди!».

1980

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Да, видимо, она самая, по мнению сторожа деда Арсентия, проживающего на крайней улице деревни, посетила с четверга на пятницу пшеничное поле колхоза «Радуга». Как только наступила ночь, так все и началось. До самого рассвета слышались дикий хохот, визг, глухие удары предмета о предмет. То и дело тарахтели какие-то моторчики. Должно быть, на свой шабаш ведьмы слетались на механизированных метлах самых последних марок.

Суббота и воскресенье прошли относительно спокойно, а в ночь на понедельник у нечистой силы началась опять рабочая смена. И хотя более молодые родственники деда Арсентия были убежденными атеистами, на душе у них тоже стало тоскливо. Едва дождавшись утра, они поспешили к бригадиру И. П. Захарову.

— Так, так, — недоверчиво усмехнулся Иван Петрович, выслушав ходоков. — Значит, все, как в детской сказке о «Коньке-Горбунке»: «Кто-то в поле стал ходить и пшеницу шевелить. Мужики такой печали отродяся не видали». А ну айда на место.

На месте оказалось, что пшеницу пошевелили довольно сильно. Взорам колхозной общественности открылась глубокая и широкая яма, вырытая среди густого созревающего массива. На много метров вокруг пшеница была примята, оборвана и даже вырвана с корнем. Наблюда-

тельный глаз мог заметить на склоне рыжего отвала две порожние бутылки из-под водки, что некоторым образом свидетельствовало о телесности бесновавшихся здесь существ.

— Похоже, у нас чего-то ищут, — глубокомысленно изрек бригадир. — Может, клад. А может, кто думает, что здесь залегает золотая жила или, берите выше, трубка алмазов. Надо усилить дозор.

На следующую ночь в помощь боязливому деду Арсентию был придан пионер Вова. Но и отважный подчасок оказался бессильным помешать нашествию нечистой силы. Правда, никакие ведьмы на мотометлах не прилетали. Около полуночи на поле появилось два самосвала. Они подъехали к яме и, не обращая внимания на орущих и машущих руками сторожей, с грохотом опрокинули кузова. Затем водители обменялись непотребными репликами на вполне нормальном языке и растаяли в сизом холодном мраке.

Утром колхозники, заглянув в яму, увидели на дне обломки рельсов, куски разбитого двигателя, дырявые бочки, облезлый пружинный матрац и опять же две порожние бутылки из-под перцовой водки...

Кто вывез сюда всю эту дребедень, установить пока не удалось. Может быть, те, а может быть, эти. Мимо ездят всякие. Короче говоря, никто своих координат не оставил и в дальнейшем извинительных писем не присылал. Впрочем, колхозный бригадир И. П. Захаров считает, что у бывших владельцев пружинного матраца совесть все-таки есть. Постыдились взглянуть хлеборобу в глаза, действовали тайно, понимая, что творят нечестивое дело.

Но встречаются и такие гости, которые, не стыдясь и не таясь, открыто вторгаются в колхозные владения и безобразничают там как им вздумается.

На полях совхоза «Новоселки» появилась бригада из «Глебэнерго»:

— Будем демонтировать высоковольтную линию. Она уже не нужна!

Спилили столбы, разбросали провода и скрылись, превратив плодородное поле в непроходимую полосу препятствий для тракторов и другой сельскохозяйственной техники. А следом являются рабочие управления капитального строительства Глебовского горисполкома и роют на полях совхоза широкую траншею неизвестного назначения.

Даже такие, казалось бы, далекие от проблем землепользования организации, как универмаг «Все для хозяйки», умудряются «развернуться» на полях и нивах. Универмаг договорился с передвижной механизированной колонной проложить коллектор по полям совхоза «Занарский» для своей загородной базы отдыха. А денег на рекультивацию земель не предусмотрел. Строители оставили после себя груды развороченной земли...

Два года назад исполком Глебовского горсовета отвел за городской чертой участок земли, чтобы предприятия могли вывозить сюда свои промышленные отходы. Ответственность за порядок на этом месте, которое получило название «Южной свалки», была возложена на завод резиновых технических изделий. Разумеется, предприятие должно было построить подъездные пути с твердым покрытием, установить улавливатели и оградительные сетки, в дальнейшем проводить утилизацию отходов, сбрасывать их бульдозерами в балки и зарывать.

Ничего этого не было сделано. Поэтому свалка представлялась некоторым безответственным лицам понятием абстрактным, и машины стали вывозить мусор не на отведенное место, а туда, куда было удобнее и ближе. Удобнее и ближе было вывозить отходы на клеверное поле колхоза «Молодая смена». Что и делали. Колхоз протестовал. Составлял акты. Рассылал жалобы в народный контроль, в прокуратуру, в суд. Но пока суд да дело, завод резиновых технических изделий и другие помогавшие в этом ему предприятия захламили и уничтожили посевы клевера на площади в 38 гектаров. А на большей части территории, предназначенной для свалки, зеленела девственная травка и распускались полевые цветы: самосвалы здесь не появлялись.

Дело о гибели клеверного поля рассматривалось в Глебовском городском суде, виновность завода резиновых технических изделий была доказана полностью. В возмещение причиненного ущерба завод добровольно уплатил совхозу 33 тысячи рублей. Еще 39 тысяч было взыскано с него в принудительном порядке в пользу колхоза «Молодая смена».

Завод резиновых технических изделий заплатил и эти денежки, но тут же стал жаловаться: «А почему только мы одни в ответе?».

Химики создали комиссию, куда вошли начальник юри-

дического отдела завода В. Балованов, начальник цеха О. Симонищин, представители районного комитета народного контроля и колхоза «Молодая смена». Члены комиссии побывали на полях, прилегающих к свалке, произвели раскопки и вскрытия и обнаружили немало любопытного.

— Вот, пожалуйста, рога и копыта — визитная карточка мясокомбината. А вот бракованные шины — презент от шиноремонтного завода. Вон там гора разбитых бутылок, сохранивших этикетки: «Жигулевское», «Мартовское», «Славянское». Кто мог их сюда привезти, как не пивобезалкогольный комбинат?

За открытием следовало открытие. Трикотажная фабрика на этой своеобразной выставке бесхозяйственности и разгильдяйства была представлена отходами чесального производства, кожевенное объединение — обрывками кожи, объединение «Химволокно» — бочками из-под химикатов, катушками, бракованными дорожками...

Опираясь на составленный акт, руководство завода резиновых технических изделий решило взыскать с других предприятий часть уплаченных колхозу сумм. Что ж, жаловаться и требовать — это право каждого. Но, думается, в конечном счете не столь уж важно, через кассу какого предприятия проплывут семьдесят с лишним тысяч, в самом прямом смысле слова выброшенные на свалку. А ведь государственные деньги не трава; они не растут на полях...

Недавно мы связались с Глебовском и узнали, что свалка перенесена на другое место. На колхозном поле работают бульдозеры, сталкивают в балки налипший слой резины. А ведь это новые расходы. Новые затраты времени и средств...

На вполне законных основаниях глебовский совхоз «Веселовский» передал во временное пользование дирекции водопроводно-канализационных сооружений 68 гектаров земель, в том числе пашни, сенокосов, пастбищ, лесов. Водопроводно-канализационные работники сделали свое дело и удалились, оставив после себя сущий разгром

Простите, а кто же займется вместо них рекультивацией? И в какую копеечку она обойдется? По всей трассе строители смешали плодородный слой с глиной. Насыпали земляной вал длиною в целый километр, через который ни пешком не перейдешь, ни на машине не переедешь...

А строители, будь они неладны, уже потянули свой водопровод и свою канализацию по пашне совхоза «Великановский». Протянули и ушли. И опять смешали почву и глину, опять оставили рытвины и канавы. И даже не подумали за собой прибрать...

Агроном-селекционер из совхоза «Великановский» И. Г. Петров, сообщивший нам об этом факте, в своем письме пишет:

«В нашем трудовом народе любят землю: поля и леса, луга и пашни, заботятся об умножении ее богатства. Но вот у некоторых горожан почему-то принято устраивать пикники на пшеничной ниве, для сокращения расстояния ездить не по дорогам, а по полям или даже гонять здесь зайцев на автомашинах. Древние народы накладывали табу на предметы, казавшиеся им священными. Вот таким-то священным местом должно быть объявлено наше поле. Никто не имеет права мешать земледельцу выращивать его трудный хлеб».

С этим мнением нельзя не согласиться.

1982

ИЗ ОДНОЙ ТРУБЫ ВЫЛИВАЕТСЯ...

В четвертом «Б» шла контрольная по арифметике. Нужно было решить два примера и задачку. Примеры попались легкие, а задача трудная. Про тот самый злополучный бассейн, куда вода по одной трубе втекает, а по другой — вытекает. И вдруг мальчик Петя с последней парты поднял руку и радостно воскликнул:

— Мария Петровна, а у меня получилось! Если открыть обе трубы, то бассейн наполнится ровно через два часа.

— Правильно, — подтвердила учительница. — Молодец. Сдай работу и иди гулять.

Ребята с завистью посмотрели на Петю.

А завидовать ему было вовсе нечего: из всего класса

он один схлопотал двойку. Обман раскрылся быстро. В его тетрадке не было никакого решения. Хитрый Петя тайком заглянул в конец задачника и списал ответ.

Эта далекая картинка детства вдруг возникла перед нами совсем недавно, когда в степи под городом Лунчанском мы шли вдоль трамвайного пути. Рельсы в две нитки были давно уже уложены на шпалы, закреплены костылями, подбиты щебнем. Строители установили опорные столбы, перебросили путепровод через железнодорожное полотно...

И тем не менее дорога шла в никуда.

Чтобы разобраться в этом парадоксе, пришлось заглянуть в городские архивы. Оказалось, что история вопроса восходит к тем далеким уже временам, когда в поселке Андреевка решили строить коксохимический завод. Тогда же, естественно, встал вопрос: каким образом обеспечить будущее производство рабочими руками?

Ответственные товарищи, уподобившись двоечнику Пете, заглянули в конец задачника и прочли ответ:

«Рабочих можно найти в Лунчанске, только нужно создать удобные транспортные коммуникации».

Мало задумываясь над конкретным решением этой задачи, руководители коксогиганта постановили: «Будем строить трамвай!». Чтобы сосредоточить на этой стройке основные силы и средства, пришлось притормозить другие объекты. В жарком соперничестве бригады боролись за право ударить по серебряному костылю. Оставалось лишь уложить десяток-другой рельсовых звеньев. И вот тут-то молодой рабочий отбросил кувалду, оглянулся вокруг себя и воскликнул:

— Братцы, а куда же пойдет наш трамвай?

И в самом деле, никто как-то не обратил внимания, что с Куйбышевского проспекта Лунчанска давно уже сняты рельсы и к центру города побежали красавцы троллейбусы...

Тем временем на заводе сменилось руководство, которое кадровую проблему надумало решать по-иному. Неподалеку от завода за лесной полосой стали строить новый поселок...

Вот уже более десяти лет километры готового трамвайного пути, заняв немалую площадь плодороднейших земель, так и не нашли никакого применения. 650 тысяч

рублей вытекли из государственного кармана и растеклись по степи...

Впрочем, директора коксохимзавода Р. Лаповичного сейчас заботит не столько эта построенная трамвайная трасса, сколько еще не существующая трасса голубого огня. Только лишь возведя восьмую коксовую батарею, химики вдруг спохватились:

— Помилуйте, а куда же мы будем девать газ?

Заглянули в конец задачника, но ответа не нашли. Взяли проекты, а там об этом — ни полслова. В срочном порядке решили сооружать линию газопередачи Андреевский коксохимзавод — Гвоздевский металлургический завод протяженностью более двадцати километров. Сметная стоимость трассы — миллионы рублей. Но как ни крути, а первую очередь газопровода строители обещают сдать не раньше, чем через два года.

Пока же каждые сутки сжигается в факелах и уходит в воздух почти миллион кубометров отличного топлива. Положение осложняется тем, что большинство установок, сооруженных для охраны воздушного пространства, либо бездействуют, либо работают в аварийном режиме.

— Что они работают, что нет — все едино, — считает директор коксохимзавода. — Очистные сооружения монтировали и монтируем только потому, что они предусмотрены в проектах коксовых батарей. Эксплуатировать же их бесполезно, они малоэффективны.

До сих пор мы вели разговор о тех трубах, которые фигурируют в школьных задачках, помогая будущим инженерам и директорам научиться считать. Теперь же пора обратиться к трубам, существующим в реальной действительности.

Когда на Лунчанском трубном заводе планировалось строительство второго трубоэлектросварочного цеха, в руководящих трубных кругах конечный результат представлялся совершенно ясным: трубы большого диаметра обеспечат потребности наших строек. Три года назад цех был принят государственной комиссией.

Но вот мы шагаем по огромному цеху, равному по своей площади десяткам футбольных полей.

— Если хотите, то в данном случае пиджак пристегнули к пуговице, — объясняет нам начальник цеха И. Городецкий. — Цех должен давать продукции в три раза больше, чем весь завод. Но второй трубоэлектросварочный не

только крупнейший, но и совершеннейший. Стальные листы сортирует электронно-вычислительное устройство. Телеэкран помогает оператору сварочного стана управлять процессом. Словом, мощности цеха способны обеспечить потребности народного хозяйства.

Способны, но не обеспечивают. Работы ведутся вполсилы. Продукции выпускается мало. План не выполняется...

Однако те же руководящие трубные круги в свое время уподобились мальчику Пете и над решением конкретных вопросов ломать головы не стали. Никто, к примеру, не подумал, кто же будет управлять автоматикой? С огромным трудом удалось собрать двадцать пять специалистов. Остальные двести человек, в чьи руки попали чуткие приборы, никаких практических навыков не имели.

Но опыт—дело наживное. Когда же операторы и сварщики освоились с делом, то оказалось, что приложить свои руки им, собственно, не к чему. Нет проката. То есть его сколько угодно. Но для газонефтепроводов требуются трубы, выдерживающие и высокое давление и низкие температуры. Тут нужен металл особых марок. Именно его-то и нет. Не то чтобы сталевары не могли сварить. Просто об организации производства не подумали. Ни до пуска трубоэлектросварочного цеха, ни после. Уж в какие только двери не стучались трубники за эти три года!

...Да, это очень рискованное дело—сначала заглядывать в готовый ответ, а потом по-школярски подгонять под него решение. Но и соблазн облегчить работу велик! Так и тянется рука открыть последнюю страничку задачника. Три года назад министерство строго-настрого предписало директору Гвоздевского металлургического завода Д. Поторочкину не торопясь разработать и представить проекты структуры и штатного расписания укрупненного предприятия, имея в виду всемерное улучшение руководства и сокращение затрат на содержание управленческого аппарата.

Заданные сроки были соблюдены, но никаких продуманных проектов не разработали. Просто к металлургическому заводу присоединили соседний труболитейный. Получилось объединение. Хорошо, не правда ли? В принципе идея их создания подтвердилась сотнями практических примеров.

— А вам что дало объединение производства? — спросили мы у генерального директора Д. Поторочкина.

Вопрос неожиданно оказался сложным. Пришлось его раздробить на ряд наводящих: как сократился аппарат управления, как приблизилось к производству техническое руководство, как увеличились экономические показатели?

Теперь ответ был четким:

— Никак.

Оказывается, на бывшем труболитейном заводе, именуемом ныне труболитейным производством, остались все ранее действовавшие отделы. Они, как и прежде, вынуждены сами решать свои вопросы в главках министерства. А это трудно: вместе с металлургическим заводом производство вошло в главное управление металлургических заводов, в котором других трубных предприятий нет. Далее. Уж если трубный завод стал частью металлургического, то было бы логично и обеспечивать его полностью гвоздевским чугуном. Однако чугун по-прежнему уходит за ворота предприятия, а труболитейщики пользуются услугами старых поставщиков. Короче говоря, производственные показатели у некогда передовых трубников застыли на одной точке.

— Значит, объединение не помогло поднять эффективность, — подытожили мы.

— Почему же!

Кто-то из присутствующих в кабинете вспомнил, что теперь при сохранении двух профкомов создан объединенный профком, и лишнюю печать упразднили. Вот и вся экономия!

...Из одной трубы вытекает, через другую вливается — эти условия детской задачки, в общем, не вызывают особых тревог: бассейн в конечном счете все равно наполняется. Теперь нам хочется составить задачку уже для взрослых: а как быть, если из одной трубы выливаются огромные деньги, а через другую ничего не восполняется? Кто должен отвечать за убытки и кто за них платить?

1977

КАБАН В НАУЧНОМ РАЗРЕЗЕ

С диким кабаном шутки всегда бывали плохи. Один незадачливый охотник однажды явно недооценил силу и вероломство этого зверя и получил кучу разных неприятностей. Пошел, как говорится, по шерсть, а едва не вернулся стриженым.

«За кабаном,— читаем мы в «Королеве Марго», так удачно вымененной на макулатуру,— «вися у него на хвосте», неслись штук сорок наиболее вязких гончих; вслед за собаками скакал Карл IX, потеряв берет и плащ, в разорванной колючками одежде, с изодранными в кровь руками и лицом...

Кабан, собаки и король — все промелькнуло, как видение...

— На драку, на драку! — крикнул на скаку король и снова приложил рог к своим окровавленным губам...»

А через минуту властитель Франции лежал распростертый на земле в прискорбной позе, и если бы не оперативное вмешательство Генриха Наваррского, то кабан, как полагает Александр Дюма-отец, наверняка бы вспорол клыками королевскую ляжку.

Не будем стращать читателя, но объективности ради скажем, что кабаны водились не только в средневековом Бондийском лесу, где так неудачно промышлял Карл IX, они встречаются и у нас в Подмосковье. Наиболее храбрые представители этого племени заходят даже в лесной массив «Соловьиный остров», где, кстати говоря, располагается Научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников.

Благодаря поставленной научной работе подмосковный кабан, конечно, уже не нападает ни на венценосных особ, ни на людей более низкого звания. Во всяком случае, мы не располагаем примерами, когда бы кабаны пытались опрокинуть навзничь и испортить костюмы граждан окрестных городков и поселков, отправившихся за грибами по ту и по эту сторону кольцевой автомобильной дороги.

Однако было бы крупной научной ошибкой считать, что кабан перековался, пересмотрел свои порочные позиции и

эволюционировал в сторону давно прирученного колхозного подсвинка.

Чтобы на этот счет у читателей не оставалось никаких сомнений, мы отсылаем их к труду научных сотрудников лаборатории А. Л. Воньмиглазова и Б. О. Шелкопрядниковой, опубликованному под интригующим заголовком «Роль кабана в сельском хозяйстве Московской области». Как видно из работы, роль кабана здесь скорее негативная, чем позитивная. Авторы подтверждают свою точку зрения следующим конкретным фактом. «За пять лет,— пишут они,— в области составлено более восьмидесяти актов, в которых содержатся данные о вредной деятельности кабана».

Что же делать, как вести себя перед лицом этой реально существующей кабаньей угрозы? Авторы приходят к выводу о том, что необходимо «разработать методику оценки роли кабана», и считают необходимым «рекомендовать совхозам засевать поля, примыкающие к лесу, культурами, непоедаемыми кабанами».

К сожалению, данный труд несколько проигрывает оттого, что он не конкретизирует, какие именно непоедаемые кабаном сельскохозяйственные культуры имеются в виду. В связи с этим у практических работников могут получиться всякие накладки. Одни посадят баобабы, другие — плантации кактуса, а третьи, быть может, — даже апельсиновые деревья. Пусть, дескать, глядят кабаны на апельсины и облизываются, все равно до веток им не дотянуться.

Над оценкой «роли кабана в сельском хозяйстве» ломают головы и другие работники лаборатории. Старший научный сотрудник М. И. Овсянникова в течение шести лет кропотливо изучала видовой состав гельминтов кабана и меры борьбы с заболеванием его метастронгилезом. И в конце концов установила, что кабаны сплошь и рядом маются животами по причине того, что едят все, что попадет им под пятачок. Правда, это открытие случилось уже после того, как обнаружилось, что аналогичная работа гораздо раньше выполнена Всесоюзным институтом гельминтологии ВАСХНИЛа в Беловежской пуще и в Завидовском научно-опытном хозяйстве.

Сотрудников отдела техники охотничьего хозяйства кабанья проблема заинтересовала в несколько ином аспекте. Ну, а если кабан, несмотря на отмеченные неудобства в желудке, проберется из лесу сквозь непоедаемые им сель-

скохозяйственные культуры и выскочит в поле или даже на кольцевую автомобильную дорогу? Что тогда? Ведь от кабана придется отстреливаться. А, собственно, чем?

Заведующий отделом В. Р. Журавскин и старший научный сотрудник К. П. Мантюшкин оглянулись окрест себя и убедились, что охотники не располагают оружием, отвечающим техническому уровню века. Не палить же по кабанам изо всем надоевшего дробовика, двустволки или полуавтоматической боевой винтовки!

В. Р. Журавскин и К. П. Мантюшкин взялись за разработку новой модели. Справедливость требует отметить, что новый вид вооружения замышлялся как универсальное средство, применимое в стрельбе не только по кабанам, но и по лосям, медведям, белкам, фазанам и тетеревам. С помощью анкет пытливые экспериментаторы опросили 3763 охотника, узнали их просьбы и пожелания. И вот по прошествии трех лет титанический труд был вчерне закончен. На Ижевском заводе изготовили опытный образец в единственном экземпляре. И тогда удивленным взорам любопытных предстала устаревшая конструкция, известная охотящемуся человечеству едва ли не со времен Карла IX: к обыкновенной двустволке был приделан третий ствол. Огорченные конструкторы махнули рукой на свое уродливое детище и занялись созданием новых видов капканов.

Впрочем, научные интересы лаборатории не так уж узки, как это может показаться вначале. Ученые заняты изучением не только кабаньих проблем. К примеру, отдел промыслового хозяйства Севера и охотничьих ресурсов занят изучением животных, обитающих под высокими широтами. И все было бы хорошо, если бы не одна деталь. Эти же вопросы разрабатывают организации, расположенные гораздо севернее лесного массива «Соловьиный остров»: Кандалакшский, Лапландский, Кроницкий заповедники, научно-исследовательский институт в Норильске, биологический институт в Магадане, научные центры Якутии.

А вот тема «Экология и хозяйственное использование зайца-беляка в центральных областях европейской части РСФСР» вполне оригинальна и самобытна. Ее выполняют заведующий отделом О. Я. Бегельбарский и старший научный сотрудник П. В. Тукмакова. Работа поставлена на широкую научную основу. Отведено целых три года на сбор сведений о численности зайца-беляка в указанных обла-

стях. Чтобы убыстрить дело, П. В. Тукмакова дважды выезжала в Ленинград в научную командировку и в тамошнем обществе охотников и рыболовов брала кое-какие цифры. К сожалению, на сегодняшний день лаборатория не может дать нам каких-либо рекомендаций по охране, воспроизводству и нормированной добыче зайца-беляка в охотохозяйствах. Это, судя по всему, дело далекого будущего. Пока сделано лишь несколько экологических наблюдений. В одном месте записок мы читаем, что численность зайца-беляка «в областях северного региона находится в прямой зависимости от погоды в мае». А спустя несколько страниц авторы приходят почему-то к прямо противоположному выводу. «Численность зайцев, — опровергают сами себя ученые, — существенно не реагирует на ежегодные колебания погоды в этом месяце».

Мы были бы не совсем правы, если бы обошли молчанием большую группу работников лаборатории, посвятивших пернатым свои служебные часы. С целью проникновения в таинства биологии размножения глухаря и тетерева научные сотрудники Н. Н. Иголятников, Л. М. Максименков, Д. Л. Кирметенкова проводили полевые работы в Бурятской АССР, в Тюменской и Архангельской областях. Вернулись радостные, загорелые, полные разнообразных впечатлений, раскрыли блокноты и тетрадки, сели писать отчет:

«Глухариный и тетеревиный ток — это не простые и случайные наборы особей птиц, а сложная организация с определенными присущими всем членам такого объединения традициями».

— И это все, что вы установили?

— Нет, почему же! — ответили научные сотрудники и принялись отчитываться дальше:

«Изучение биологии брачной жизни глухаря показало сложную структуру популяции и социальную иерархию токования у каждого самца и их размещение от центра к периферии в зависимости от возраста поющих петухов».

Ну, скажите же на милость, стоило ли ехать в Архангельск, не говоря уж об Улан-Удэ, чтобы сделать такие сногсшибательные открытия о норове поющих петухов?

...Некоторые научные сотрудники объясняют все эти неудачи в своей работе крайне неудобным расположением своей лаборатории:

— Разве это порядок, когда наше учреждение находится в трех километрах от кольцевой автомобильной дороги. Все мы живем в Москве, и до места приходится добираться в троллейбусах, трамваях, в электропоездах, тратить в один конец два, а то и три часа.

Быть может, эти товарищи надумали подаваться куда-нибудь на Север или на Восток, поближе к охотничьим факториям, к белым медведям, оленям, соболям, куницам и горностаям? Нет, подмосковный кабан вполне их устраивает. Многие поговаривают, что самым лучшим местопребыванием лаборатории является город Москва. Тут тебе и библиотеки, и Главохота, и кафе «Охотник», куда можно вложить средства, сэкономленные на дорожных расходах.

Ну, а если действительно попробовать изучать роль кабана в сельском хозяйстве области в районе Нового Арбата? Может, и в самом деле работа пойдет успешнее.

Только тогда надо очень внимательно приглядывать за кабаном, чтобы он невзначай не набросился на какого-нибудь зазевавшегося ездока вроде французского короля Карла IX.

1981

ПОСЛЕ ГРОЗНОГО ПРИКАЗА

На Миадзинском грузо-пассажирском предприятии случилось чрезвычайное происшествие. Неизвестные злоумышленники совершили дерзкий налет на гараж. Еще накануне два самосвала были на ходу, а утром обнаружилось, что они раскулачены самым варварским образом. Налетчики действовали искусно и не оставили никаких следов. Проломов в стене не оказалось. Все замки и запоры были в порядке. Охрана могла поклясться, что никто через забор не перелезал. Тем не менее...

Не станем интриговать читателя, ожидающего запутанного детективного сюжета. На место действия оперативные группы не выезжали и служебно-розыскных собак не приводили — в том не было нужды. Оказалось, что все это проделки своего домашнего проказника. Но надо же так рас-

пустить подчиненных! Куда же смотрели руководители автопредприятия, в частности его главный инженер Б. Петросов?

Главный инженер Б. Петросов смотрел туда, куда ему надо. Именно он раскулачил самосвалы и пустил на сторону запасные части. Да что там запчасти! Главный инженер самым дерзким образом продал на сторону незаконно списанный им легковой автомобиль.

Как же могло случиться такое? Мы заготовили бумагу, чернила, обложились документами и хотели было писать фельетон об этом, с позволения сказать, главном инженере, который не стыдится на глазах у коллектива заниматься такими некрасивыми махинациями. Почему к подобным лицам не принимают решительных мер, или кому-то, быть может, кажется, что они могут и далее занимать руководящие кресла?

Но в самый последний момент нам показали приказ по областному управлению автомобильного транспорта. Честь и хвала работникам управления: они вовремя вскрыли проделки руководящего комбинатора и дали им принципиальную оценку. «За разукомплектование двух самосвалов и продажу частному лицу списанного легкового автомобиля,— гласил грозный приказ,— главного инженера грузопассажирского предприятия Б. Петросова от занимаемой должности освободить».

И вот тогда мы надумали посмотреть, так же ли нетерпимо относятся к нарушителям дисциплины в других ведомствах, ну, например, в торговом. Мы предполагали, что именно по ту сторону магазинных прилавков творится немало всяких чудес. Оказалось, что наши представления о торговле явно устарели. Во всех магазинах, где мы побывали, покупателей обслуживали великолепно. Бросалось в глаза обилие товаров. Овощные палатки блистали исключительной чистотой. Помидоры, абрикосы, виноград выглядели так красиво, что казались снятыми с натюрмортов знаменитых фламандских мастеров...

Однако, как это иногда бывает, на фоне бесспорных достижений углядывались отдельные недостатки. Нам, например, рассказали, что по вине товароведа М. Микогосяна в продмаге № 1 образовалась недостача продуктов на девять тысяч рублей.

Мы поспешили в райпищеторг, чтобы собрать материал о таких случаях, которые, как червоточинка, превраща-

ют прекрасный ароматный плод в уцененную третьесортную продукцию.

— Товаровед Микогосян? — переспросил начальник райпищеторга. — Вспоминается, был такой. Вы полагаете, что он у нас все еще работает? Давным-давно уволен. Разве можно таких безответственных лиц подпускать к торговле ближе, чем на пушечный выстрел?

Из города мы надумали ехать на село, потому что поступили сигналы о том, что в одном из районов директор совхоза Г. Миноскин работает спустя рукава, плохо руководит хозяйством.

Перед тем как сесть в машину, мы позвонили в управление сельского хозяйства и спросили:

— Можно ли в наше время вести дело, как Г. Миноскин? Знаете ли вы, что совхоз проваливает задания?

Оказалось, знают. И принимают меры. Издан грозный приказ. В нем говорится: «За слабое руководство хозяйством, невыполнение планов и завершение хозяйственного года с убытками в 72 тысячи рублей директора совхоза Г. Миноскина от работы освободить».

Что ж, мы теперь почти убедились, что порок наказывается своевременно и повсеместно. И даже испытали определенное удовлетворение, перечитывая строки приказов, от которых должны приходить в трепет бракоделы и разгильдяи. Кстати, а как себя чувствуют эти лица?

Да ничего себя чувствуют. Живут и не тужат. А чего же им тужить, если Г. Миноскин возглавляет совхоз в соседнем районе, Б. Петросов работает главным инженером на другом предприятии, а товаровед М. Микогосян пошел даже на повышение и теперь заведует магазином хозтоваров.

Чтобы разгадать этот парадокс, обратимся к трудовой книжке Б. Петросова, снятого, как мы знаем, за серьезные злоупотребления. Так вот, в его книжке красуется безвинная запись: «Освобожден от должности по личному заявлению».

В чем дело? Может быть, управление автомобильного транспорта получило какие-то новые данные о случившихся событиях и дало отбой? Нет, представьте себе, приказа никто не отменял.

Не отменен приказ, по которому Г. Миноскин был снят с поста директора совхоза. Вот и в трудовой книжке бывшего товароведа М. Микогосяна ни словом не упоминает-

ся о крупной недостаче, из-за которой он уволен из продторга. Если верить документу, он просто «переведен в систему хозторга».

И это далеко не единичные случаи, когда в трудовых книжках учиняется прямой подлог. Ничего не говорят об истинных причинах увольнения их владельцев трудовые книжки многих должностных лиц: начальников управлений и главных бухгалтеров, директоров баз и заведующих столовыми...

Оказалось, что грозные приказы действуют лишь в день их издания. Назавтра же теряют всю свою силу и превращаются в пшик.

А горе-работнички, имея вполне симпатичные записи в трудовых книжках, довольно легко просачиваются на новые ответственные должности и пребывают там до следующих приказов. Потом же в их трудовых книжках вновь появляются спасительные записи:

«Уволен по собственному желанию».

1979

ВЕСЫ

Беремся со всей ответственностью утверждать, что весы являются важным инструментом познания окружающей действительности. В наш век, который, помимо всего прочего, можно еще назвать и веком сверхточных измерений, никак нельзя определять количество веществ на глазок. Это чревато рядом ошибок и диспропорций: все следует делать по науке.

Весы, на которые теперь мы хотим обратить внимание читателя, находятся в поселке городского типа Васильево, а если говорить конкретнее, то на здешнем заводе строительных материалов. Упомянутые весы не отличаются высоким классом точности. Это обыкновенные автомобильные весы, построенные десять, а может, и все двадцать лет назад.

При весах состоит работник Козорезкин Серапион Григорьевич. Работа у него хотя и пыльная, но не очень обре-

меннтельная. В иные днн через весы проходят десять — двенадцать машин с известью и мелом, из которых потом матернал пересыпают в вагоны. Запнсать в соответствующую кннгу «брутто» н «нетто» — мннутное дело. Ну, а дальше, пока идет погрузка в вагоны, можно поразмышлять о том о сем, о пятом, о десятом, полюбоваться живописным вндом окрестных меловых холмов.

Впрочем, не будем упрощать. Должность у весовщика весьма ответственная, требует собранности, аккуратности н внимания. Машины через весы проходят разные, да и вагоны подаются на площадку неодинаковой грузоподъемности. Конечно, если правильно определить вес машины и подсчнтать, сколько мела надо насыпать в тот или иной вагон, то ннкакой накладкн не будет. А вот у С. Г. Козорезкина получалось как-то не так. То в двухосный вагон отмерит известн на четыре тонны больше нормы, то в четырехосный недовеснт три тонны мела. Это одинаково плохо: нельзя загружать вагоны больше, чем полагается, а перевознть воздух — н неразумно и убыточно.

Железная дорога, надо заметить, также взвешнвает вагоны и, еслн обнаруживает нарушения, возвращает их на завод:

— В этот добавьте трн тонны, отсюда отсыпьте четыре...

Днрекцню завода всерьез беспокоилн прорывы н проколы на весовом фронте. Издавалнсь прнказы, пнсались инструкцни и постановления. Не помогало. С Козорезкиным проводились беседы. Его обсуждалн на собраниях, наказывалн. Никакого толка. Вагоны по-прежнему возвращались с железнодорожной станции с краткими надпнсями на бортах: «перегруз», «недогруз».

И тут местных умельцев осенила счастливая идея: дать старым автомобильным весам отставку. Группа рационализаторов — механик Д. В. Кумбертонов, токарь Р. Н. Залесскнй, электрнк Б. Б. Подключников, сварщнк З. И. Протопопов, грузчик А. Я. Козловскнх — сконструнровала на погрузочном транспортере автоматический счетчнк. Надо погрузить, скажем, шестьдесят тонн мела — стоит лишь заранее установить необходимые данные на счетчике. В нужный момент автоматнческое устройство отключает погрузочный транспортер. Просто, точно, н никаких забот!

Автоматический счетчик был проверен в деле и результаты оказались отменные. Если раньше вагон грузили за четыре часа, то теперь стали успешно управляться за два с половиной.

Это сулило немалую экономическую выгоду. К тому же совсем не стало штрафов, а раньше за возврат вагонов приходилось платить ни мало ни много — три тысячи рублей в квартал.

Теперь весовщик С. Г. Козорезкин сидел в будочке у своих весов, через которые уже давным-давно не проходили самосвалы, и вздыхал, терпеливо дожидаясь дней, по которым выдавали зарплату. В конце концов ему предложили несколько должностей на выбор тут же, на заводе. Он наотрез отказался:

— Мое здоровье позволяет мне находиться лишь здесь, при весах.

Предлагали устроиться на других предприятиях.

— Хочу работать только здесь, — заявил он.

В связи с введением автоматики приказом директора должность весовщика была упразднена, а поскольку он упорно отказывался переходить на другую работу, то последовал новый приказ:

«Уволить С. Г. Козорезкина по сокращению штатов с выплатой выходного пособия».

Отлученный от выключенных автомобильных весов С. Г. Козорезкин обратил свой взор к другим весам — весам Фемиды. А надо сказать, что на этих весах С. Г. Козорезкин неоднократно взвешивался сам, а еще больше взвешивал других. Вот почему все его достоинства и недостатки были многократно выверены со всей скрупулезностью и ответственностью.

Много лет тому назад С. Г. Козорезкин был выдворен из органов милиции и исключен из партии за пьянку и утрату оружия. Поступил на цементный завод старшим смены охраны. Уволен через четыре месяца за самовольное оставление службы.

В это же время суд привлек его к уголовной ответственности за избиение жены Козорезкиной-Портновой, приговорив домашнего хулигана к тремстам рублям штрафа. Штраф он не уплатил, но подал в суд на цементный завод, откуда его уволили. Через суд восстановился в охрану и тут же вчинил заводской бухгалтерии иск на 55 рублей. Почти одновременно вел тяжбу с районной газетой «Зна-

мя», поместившей о нем критический материал. Несмотря на крайнюю загруженность беготней по инстанциям, С. Г. Козорезкин еще находил время драться с женой. Победа оказалась на его стороне, он вышвырнул Козорезкину-Портнову на улицу. Суд, однако, вынес решение о ее принудительном вселении в квартиру. Затем в судебном порядке с Козорезкина взыскали алименты на детей.

В дальнейшем мы опять видим Козорезкина в роли истца. Одно за другим он подал шесть заявлений в суд, призывая в ответчики завод: то его якобы зря увольняли с работы, то необоснованно лишили тринадцатой зарплаты, то при каких-то обстоятельствах кассир не доплатил шестьдесят пять копеек...

И вот теперь опять С. Г. Козорезкин явился в народный суд Васильевского района:

— Требую восстановить меня в прежней должности!

В который уж раз поднимаются материалы, изучаются документы, опрашиваются свидетели. На одной чаше весов, которые держит в руках Фемида, — пытливый труд рационализаторов, забота рабочих о дальнейшем росте производства, о внедрении новых прогрессивных методов труда, а на другой чаше — сугубо личные интересы одного человека, окостенелого в своем развитии, упорно не желающего идти в ногу со всем коллективом...

И Васильевский народный районный суд вынес решение: в иске бывшему весовщику отказать.

Но не таков С. Г. Козорезкин, чтобы успокоиться, угомониться. Из поселка Васильево во все концы резвой стаей выпорхнули новые жалобы.

Дело С. Г. Козорезкина на этот раз было поручено рассмотреть заново соседнему Митрофановскому суду. Видимо, при новом судебном разбирательстве у богини правосудия были уж слишком туго завязаны глаза. И чаша весов Фемиды, где стоял бывший весовщик, здесь почему-то перевесила. Суд вынес решение:

«С. Г. Козорезкина в должности восстановить».

А что значит «восстановить в должности»? Это значит восстановить и должность, упраздненную отнюдь не росчерком директорского пера, а самой жизнью, производственной необходимостью...

На основании судебного решения С. Г. Козорезкин явился на завод и занял свое место в будочке у бездействующих автомобильных весов. А машины шли мимо к

транспортерам с автоматическим устройством. Весовщик почесывал в затылке и поплевывал в потолок. Пробежал месяц, второй, третий, четвертый...

На днях мы побывали на заводе строительных материалов и застали совсем другую картину. Автомобильные весы снова пошли в дело, а рационализаторы демонтировали свое автоматическое устройство и сдали детали на склад.

— Возможно, мы поступили и неправильно, — говорит директор предприятия А. П. Гусельников, — но поскольку суд восстановил Козорезкина в должности весовщика, то мы обязаны обеспечить его работой. Иначе опять нас потребуют в суд. Вот и пришлось вернуться к прежней практике...

Мы беседовали с председателем завкома, с инженерами, с мастерами, с рабочими. Все они удивляются создавшемуся положению на заводе, ищут и на находят аналогий.

— Можно ли встретить, к примеру, в канцелярии, оснащенной электрическими пишущими машинками, какого-нибудь ветхозаветного деда, переписывающего документы гусиным пером? — спросил нас механик Д. В. Кумбертонов. — Или в таксомоторном парке — извозчика, который так же, как и дед, упорно отказывается осваивать новую профессию и требует удовлетворения в законном порядке своих прав работать по старинке?

Грузчик-рационализатор А. Я. Козловских сказал:

— По мере развития производства отсталая техника должна заменяться новой, передовой. Это же элементарно. А вот нам пришлось ликвидировать свое автоматическое устройство, над созданием которого мы бились столько дней и ночей. Кто-то же все-таки должен взвешивать все «за» и «против». А так, разве это дело?

Нет, конечно, совсем не дело.

Ну, а пока машины опять пошли через старые автомобильные весы. И опять железная дорога накладывает штрафы на завод, возвращая вагоны с краткими надписями на бортах: «недогруз», «перегруз».

1981

ТРАНЗИТ ЧЕРЕЗ СТОЛИЦУ

Во дворе у гражданина Горбунова росла березка. Стройная. Веселая. Кудрявая.

— Я хоть и пользы от нее не имею, но она дорога мне почти что, как мои огурцы, — говаривал Борис Борисович.

Но вот он стал примечать, что разросшаяся березка уже приносит вред: загораживает от солнца грядки с огурцами. И решил березу свести. Как-то поутру Борис Борисович, хлебнув для здоровья домашнего ягодного вина, приступил к делу.

На стук топора выбежала соседка Неклюдова.

— Не с той стороны рубите! — крикнула через забор Варвара Петровна.

— Почему не с той? — огрызнулся Горбунов, недовольный, что ему говорят под руку. — Если рубить иначе, дерево упадет на мои огурцы.

— А так оно упадет на мой сарай.

— Не упадет! — утешил сосед соседку. — Что я, с деревом не совладаю?

Дальнейшее подтвердило худшие опасения Неклюдовой. Береза рухнула на сарай, сломала стропила, обрушила кровлю.

Возникла словесная перепалка, вылившаяся затем в бумаготворчество: шесть союзных учреждений стали получать жалобы в оригиналах и копиях.

Неклюдова требовала, чтоб сосед, злонамеренно использовавший дерево как орудие сведения старых счетов, починил сарай.

Горбунов утверждал, что во время его двухлетней командировки на Север соседка в одностороннем порядке перенесла забор и на захваченной земле поставила сарай. А потому он вправе валить на своем участке не только березу, а все, что попадет под руку, будь то эвкалипт или баобаб...

Работники центральных учреждений углубляются в чтение жалоб. А много ли из них вычитаешь? Кому принадлежал кусок земли с сараем, из Москвы не видать. С какой стороны нужно было рубить березу, тоже сразу не

сообразишь. Сотрудиики перечитывают жалобы и кляиут иа чем свет стоит повздоривших соседей:

— Да можно ли с этим березовым делом стучаться в московские двери? Есть ли у иих поиятие?

Поиятие у иих есть. Стороиы стали обращать свои взоры к столице ие сразу. Поначалу они безуспешио пытались разрешить спор иа месте. Дело попало в товарищеский суд. Но суд ии к какому решеиию ие пришел. Одно ведомство дало Горбуиову справку, что сарай возведеи иа его участке. Другое — подобиой же справкой вооружило Неклюдову.

Стороиы жалуются дальше:

— Разъясиите, чья справка козыриее. Какая какую бьет?

Уличиый комитет развел руками, поссовет отмахнулся, район смолчал, область сделала вид, что ее это ие касается...

Жители четвертого дома по Ферросплавиой улице в поселке Липовецком, что иа Доиу, тоже располагают удивительиыми справками и тоже ищут в Москве ответа, какая же из иих козырнее, какая какую бьет. Этот дом был построен тридцать лет иазад для рабочих металлургического завода. Шло время, завод расширялся, рядом с домом встали корпуса новых цехов. Через двор шагиула лииия электропередачи. Под окнами пролегла дорога, по ней круглые сутки громыхает грузовой траиспорт. Из-за шума и загазоваиности местиость была признаиа саиитарно-защитиой зоиой, откуда жители должиы быть переселеиы иа другие улицы.

Между тем иа стеиах дома появились трещины, двери рассохлись, системы отопления и водосиабжения стали выходить из строя.

Жильцы просят сделать ремоит, им отказывают:

— Какой же смысл тратить средства, если дом решеио сиести?

Смысла действительио мало. Но проходят месяц за месяцем, квартал за кварталом, трещииы стаиовятся шире, дыры больше...

— Когда же нас будут переселять? — волиуются жильцы.

Неизвестио. Нет даже ясности, кто должен предоставить иовое жилье. Рабочие обращаются в дирекцию завода, их посылают в Левобережиый райисполком. Из исполкома

налаживают назад в дирекцию. И так же, как в уже рассказанной березовой истории, возникают такие запутанные документы, в которых никто уже разобраться не может.

Заместитель председателя райисполкома В. Н. Голощапов подписывает отношение в два адреса:

«Зам. директора металлургического завода тов. Дизайникову М. Д.

Копия: жильцам.

Исполком Левобережного райсовета направляет вам для рассмотрения и ответа жильцам дома № 4 по ул. Ферросплавной коллективное заявление с вопросом о сроках сноса этого дома».

Заместитель директора завода М. Д. Дизайников тут же хватается за перо:

«Жильцам дома № 4 по ул. Ферросплавной.

Зам. председателя Левобережного райисполкома тов. Голощапову В. Н.

На Ваше заявление, адресованное в Левобережный райисполком по вопросу ускорения расселения Вашего дома, сообщаю, что вопрос очередности сноса дома в связи с переселением жителей из санитарно-защитной зоны решает райисполком».

Что же остается делать жильцам, если два ответственных работника общаются между собою лишь посредством косвенной переписки через третьих лиц и упорно не желают встретиться друг с другом. С липовецкой улицы Ферросплавной летит жалоба на московскую улицу «Правды»:

«Дорогая редакция, помогите!»

В пору снаряжать в дорогу полномочного представителя газеты, чтоб он по приезде отвел за ручку одного липовецкого дядю к другому на предмет знакомства и достижения взаимопонимания.

Впрочем, если редакционный товарищ поедет в Липовецкий поселок, его надо будет просить сделать небольшой крюк и побывать еще во Владимирской области. Там предстоит заняться делом, которое без прямого вмешательства Москвы сдвинуть с места никак не удается. Об этом сообщает нам председатель садоводческого кооператива П. М. Гремячкин. У садоводов дело, можно сказать, пикантного свойства, вполне, однако, понятное с житейской точки зрения. В непосредственной близости от коллективных садов расположена большая птицефабрика. И садоводам очень бы

хотелось разбрасывать вокруг яблонь, груш и вишен органические удобрения, а проще говоря — куриный помет.

Садоводы обращаются в областной трест «Птицепром». Так, мол, и так, не откажите в любезности, снабжайте нас отходами своего производства за соответствующую, разумеется, плату. А «Птицепром» отвечает: «Руководствуясь ветсанправилами, птицефабрика не имеет возможности отпускать частным лицам органические удобрения (помет)».

Что ж, на «нет», как говорится, и суда нет. Но вот что получается: в законном порядке достать удобрения нельзя, а в незаконном — можно. Какие-то типы с той же птицефабрики вывозят помет и продают его в неограниченном количестве по спекулятивным ценам:

— Дай в лапу пятнадцать рэ и получай полную тракторную тележку!

— Нельзя ли тут навести порядок? — спрашивают садоводы. — Если ветсанправила запрещают вывоз удобрений в коллективные сады, то надо добиться, чтобы во избежание болезней растений из ворот птицефабрики не выходила ни одна «левая» тележка. А если от удобрений вреда нет, так пусть деньги получает государственная организация, а не ловчилы.

«Одновременно с этим письмом направляем также письмо в Совет Министров республики», — заканчивает свое послание председатель садоводческого кооператива М. П. Гремячкин.

— Неужто даже таким простым вопросом должен заниматься столь высокий орган?

— А что поделаешь, если на месте никто не говорит ни «да», ни «нет»?

...Быть может, дело о курином помете покажется некоторым смешным и забавным, как и дело о загубленной березке. Что ж, если подходить с глобальными мерками, то и дело о переселении жильцов с Ферросплавной улицы представится нетипичным и частным. Но ведь и жизнь человека складывается из частностей, иные мелочи всерьез омрачают наше бытие...

Вот поэтому-то граждане требуют, чтобы тот, кому положено, внимательно и объективно рассматривал их жалобы. Правого поддержал, неправому разъяснил заблуждения, ошибки, дал аргументированный, авторитетный ответ.

Только этот товарищ, живущий совсем неподалеку от Ферросплавной улицы Липовецкого поселка или от коллективных садов владимирских рабочих, должен оперативно решать вопросы и вовсе не дожидаться, когда жалобы трудящихся начнут поступать к нему транзитом через столицу.

1980

КОНЦЕРТ БЕЗ ФОРТЕПЬЯНО

В последнее время, отправляясь на музыкальный вечер в наш клуб, я стараюсь заглянуть на всякий случай не только в программку, но и в некоторые документы строгой отчетности. От них, пусть это не покажется странным, тоже зависит успех концерта. Многое дает, например, знакомство с товарно-транспортными накладными. Не мешает также узнать, кем конкретно произведен акцепт платежных требований, выставленных фабрикой клавишных музыкальных инструментов «Звук». Тут уж ничего не поделаешь, на нынешнем этапе богиня — покровительница музыки Эвтерпа все с большей тревогой оглядывается на бога — блюстителя бухгалтерского учета, которому в давнюю пору сотворения легенд была, смешно теперь сказать, отведена мизерная роль безымянного статиста...

Конечно, в программу вечера могут быть внесены определенные коррективы: вместо внезапно занедужившего баса сегодня выступит лирический тенор, только что вернувшийся окрепшим и загорелым из своего трудового отпуска.

А вот всякие пертурбации в товарно-транспортной накладной чреваты непоправимыми последствиями. Представим себе такую фантастическую картину. Начинается вечер, и изумленная публика становится свидетельницей событий жутких и невероятных. Задрав фалды черного выходного фрака, мечется аккомпаниатор с перекошенным лицом. Ему не за что сесть: фортепьяно отсутствует. Белее своего белого концертного платья самодеятельная певица в отчаянии заламывает руки. Она близка к обмороку, и ее можно понять. Подо что же прикажете ей петь алябьевского «Соловья»? Под рассыпчатый бубен с колокольчи-

ками, под джазовый маракас или, быть может, под алюминиевые ложки, взятые напрокат у буфетчицы тети Даши из соседней столовой?

Что же случилось с музыкой, кто утащил из клуба пианино «Ноктюрн-2» производства уже упоминавшейся музфабрики «Звук»?

Не будем, однако, пороть горячку и трезвонить по «02» в ближайшее отделение милиции. Нужно спокойно завязать папку с нотами, открыть папку деловых бумаг и, набравшись терпения, заняться сличением отчетных документов. При этом не следует пугаться дисгармонии, она наверняка будет. Одни документы покажут, что партия «Ноктюрнов-2», изготовленная на фабрике «Звук», принята и оплачена «Горкультторгом» и давно разошлась по культпросветучреждениям и частным домам. Другие же документы конфузливо шепнут нам на ухо, что эти инструменты в виде клееной фанеры, струн, механических и других деталей еще только выгружаются на заводских путях. Чтобы стать «Ноктюрнами», им предстоит еще пройти многие технологические операции, побывать в настроечных кабинетах, пококетничать в ОТК.

А ревизоры из Главмузпрома много раз брали в руки эти документы, да так ничего и не заметили. Им словно медведь на ухо наступил да еще и глаза затуманил. Вот почему на фабрике «Звук» приписки, можно сказать, были поставлены на конвейер. В конце каждого месяца в кабинете директора С. В. Лушникова собирался руководящий аппарат.

— План опять не выполним,—вздыхала начальник фортепьяносборочного цеха В. М. Куроцапкина.

— А сколько же надо нам натянуть?—спрашивал заместитель директора А. И. Харламов.

— Сколько скажете, столько и натянем,— подавал голос, полный оптимизма начальник производственно-технического отдела Б. Н. Роговцев.

— Дотягивайте до плана, а больше и не надо,— заключал директор С. В. Лушников.

Тут же на фабрике объявлялся аврал. Разумеется, бумажный. Б. Н. Роговцев, В. М. Куроцапкина, начальник ОТК Р. И. Прамущенко срочно изготавливали «документы», будто недостающие «Ноктюрны» поступили на склад готовой продукции. Затем заместитель директора А. И. Харламов и начальник отдела сбыта П. Г. Морозов сади-

лись за телефоны и обзванили директоров магазинов. Задача не из простых — распихать по точкам до конца месяца массу несуществующих пианино.

Директора обычно соглашались, и на фабрике выписывались фиктивные накладные. Официальные лица удостоверяли, будто вполне готовые «Ноктюрны» ушли в торговую сеть. Для вящей убедительности в накладных проставлялись первые пришедшие на ум номера «Ноктюрнов». Директора магазинов делали вид, что товар принят, а «Горкультторг» переводил деньги фабрике.

Ну, как быть, если в магазин нагрянет комиссия и спросит: а где же товар? Этот вариант тоже был предусмотрен. Директора запасались сохранными расписками, будто из-за недостатка подсобных помещений принятый инструмент они временно держат на фабричном складе. Когда же намечались проверки, хорошо осведомленные директора магазинов звонили на завод:

— Приготовьтесь, к вам едет ревизор!

Тут же в красный уголок фабрики стаскивался всякий хлам, возвращенный по рекламациям. Бракованные «Ноктюрны» ставились один к одному, загромождая все выходы и входы. Один из ревизоров, посетивший это музыкальное кладбище, оставил такую любопытную запись: «К инструментам подойти невозможно. Приходилось подниматься на товар и осуществлять подсчет сверху».

Через месяц-другой липовые документы заменялись подлинными, и в торговлю поступали изготовленные к тому времени «Ноктюрны». Таким образом на фабрике параллельно велась двойная бухгалтерия: тайная и явная; цифры, взятые с потолка всякими неправдами, состыковывались потом с реальными показателями.

Справедливость требует отметить, что за эту дополнительную работу управленческие деляги никакой оплаты не получали, но в уныние не приходили. И хотя фабрика не справлялась ни с одним месячным заданием, по подтасованной отчетности, которая шла прямехонько в Главмузпром, получалось, что план всегда выполняется. Небдительный начальник Главмузпрома А. Б. Горженин не мог удержаться от восторга и своей щедрой рукой выплачивал премии работникам фабрики.

Ну, а директор предприятия С. В. Лушников купался в лучах незаслуженной славы. Он постоянно красовался в

президиумах торжественных собраний, выступал с яркими речами на различных встречах и слетах.

Однако наиболее полезное выступление этого руководителя довелось услышать у нас в редакции. Теперь оно, наконец, базировалось на реальных фактах. Душевная откровенность директора объяснялась тем, что наши корреспонденты побывали на фабрике. Они же установили, что в текущей отчетности был приписан 631 «Ноктюрн» общей стоимостью в 380 тысяч рублей.

Чтобы спрятать следы очковтирательства, деляги умышленно запутывали учет, первичные документы исчезали, из папок самым натуральным образом вырывались листы. Начальник отдела Б. Н. Роговцев объяснял, что при ремонте его кабинета маляр по рассеянности выкрасил с обеих сторон «График выпуска готовой продукции» и пытался предъявить корреспондентам копию, которая при ближайшем рассмотрении оказалась подложной.

Только сейчас директор фабрики надумал разобраться, какой же вид должна иметь продукция, выходящая из фабричных ворот. Он издал приказ: «Считать изделие готовым только в том случае, если оно полностью укомплектовано и точно соответствует республиканскому стандарту, принято ОТК и снабжено рабочим паспортом».

Что же считалось готовым изделием до этого все годы? Неужто корпуса пианино без клавиатуры или клавиатура без корпусов?

Впрочем, в результате принятых мер появилась надежда, что на фабрике музинструментов «Звук» будет теперь порядок. Но успокаиваться пока все же рано, потому что фальшивые аккорды можно извлекать не только из приписанного фортепьяно.

Когда-то поэт, обращаясь в притихший зал, гневно спрашивал:

— А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?

Что касается спецов по части приписок, то они для усыпления бдительности своего непосредственного начальства, конечно же, могут сыграть ноктюрн. И на невыпущенных водосточных трубах, и на невыращенной фасоли, и на непостроенном доме...

Вот почему очень важно немедленно выпроваживать из нашего слаженного рабочего хора тех самых приставших и приспособившихся. кто подпускает эдакого фальшивого петуха...

1981

ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

Порою фельетонист получает письма, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к профилю его работы. Дело в том, что многие читатели являются невольными свидетелями любопытных природных явлений, которые порождают у них различные недоуменные вопросы. То из-под земли забьет мощный фонтан, то вдруг на совершенно ровном месте поднимется холмистая гряда, а за нею высоко в небе вспыхнет яркий факел. Что делать с такими письмами? Передавать в научные издания? Или, быть может, заглянув предварительно в учебники и энциклопедии, попытаться самим проникнуться в таинства тайн?

ВОДА

При выезде из города Жуковска неожиданно возникло озеро, довольно значительное для этих мест: сто метров в длину. Правда, монстр, подобный тому, который обитает в шотландском озере Лох-Несс, тут пока не завелся. Но и без импортного чуда озеро, которое сразу нарекли Чертовым, привлекло к себе внимание: слепые силы природы извергли из своих глубин излишние воды прямо на одиннадцатом километре оживленного Волдынского шоссе.

Сначала на таинственных берегах стал останавливаться транзитный шоферский люд. Как же тут ехать дальше, если объезда нет, а паромная переправа еще не наведена? Некоторые смельчаки, подгоняемые железными сроками командировок, отваживались с ходу преодолеть преграду, да не у всех вышло. На том берегу машины упирались в горку, также неясного геологического происхождения, и, не достигнув гребня, сползали опять в воду.

Вслед за проезжающими автоколоннами стали терпеть бедствие аборигены. Как подсчитал председатель группы

народного контроля автобазы управления торговли горисполкома механик М. В. Банный, на берегах озера или в непосредственной близости от него находятся хозяйства тридцати крупных организаций. Появление озера поставило их тоже в тяжкие условия. Общая беда, однако, не сблизила, а, наоборот, разобщила соседей. В связи с переходом на земноводное существование возник целый ряд новых проблем. Ну, например, как приезжать людям на работу, если городской транспорт к берегам озера подойти не может? Теперь все организации обзавелись собственными автобусами и перевозят в них только своих людей.

Мы не имеем научно выверенных цифр, во что обходятся такие внеплановые маршруты, поэтому воспользуемся вычислениями дозорного М. В. Банного. В среднем, рассуждает Михаил Васильевич, организация выделила для этой цели два автобуса, каждый из которых обслуживают два шофера с окладом не ниже 250 рублей. Перемножив цифры, дозорный узнал, что на новую форму перевозок рабочих в район бедствия тратится 30 тысяч рублей в месяц, или 360 тысяч в год.

Убытки от причуд природы на этом не кончаются. В водах озера и при въезде на горку бьются машины, на дно уходят грузы: стройматериалы, техника...

Что делать, как укротить Чертово озеро? Обращаться в Академию наук? Нет, не надо. Изыскания, которые провели дозорные, со всей убедительностью показали, что никакое это не природное озеро, а просто непросыхающая лужа.

К слову, среди тридцати организаций есть строительные и монтажные управления, походные механизированные колонны, автобазы, тресты, для которых расправиться со зловредной лужей — дело двух дней.

Дозорный М. В. Банный подсчитал, что было бы даже выгодно засыпать лужу металлическими рублями, ведь убытки от нее во много раз больше. А что? Может быть, примем это предложение, если никто не внесет другого?

ОГОНЬ

Тем, кто, спасая технику и имущество, искупался не по своей охоте в студеном Чертовом озере, очень нужно обогреться и обсушиться у огня. Вот почему озябшим и замерзшим мы рекомендовали бы отправиться для лечебных

тепловых процедур на Балакинский завод топливной аппаратуры. Желательно, чтобы они посетили целебное место в разгар курортного сезона, когда на заводе бьет на самую полную мощность газовый фонтан.

«Если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану», — говаривал экономный Козьма Прутков.

— И нашему фонтану надо давать отдых, — решили народные контролеры из отдела главного энергетика завода. — Зачем нам сжигать столько газа? Неужто для того, чтобы и в самом деле обогревать бедолаг, промокших по другому ведомству?

Председатель группы народного контроля В. Е. Моргун рассказывает нам, что министерство устанавливает заводу лимит природного газа. Исходя из лимита, завод в первом квартале должен сжечь 6,5 миллиона кубометров, в четвертом чуть меньше — 6. И ни в коем случае от норм отступить нельзя—фонтан должен бить с установленной мощностью. А отступить нужно, здравый смысл того требует. Зачем же в октябре, когда температура воздуха в этих южных местах достигает +20 градусов, сжигать ежесуточно 65 тысяч кубометров газа, когда можно обойтись двадцатью пятью? Но сжигают все 65, иначе на будущий год лимит срежут. Не лучше ли эти лишние кубометры использовать в январе, когда температура на дворе —20 градусов и тепла не хватает?

Оказывается, министерство само решить этот вопрос не может: оно газом не распоряжается. Мы направляем сигнал дозорных в Госплан. Отдел балансов и планов распределения топлива и нефтепродуктов пересылает письмо управлению газовой промышленности. Оно поручает рассмотреть вопрос производственному объединению «Балакингаз». И все эти непонятно почему не заинтересованные организации плодят такое ужасающее количество бумаг, которых вполне достаточно, чтобы заткнуть огнедышащий фонтан не только на здешнем заводе, но и на многих других предприятиях отрасли, оказавшихся в таком же бедственном положении.

Как видим, наши читатели поступают не так уж опрометчиво, направляя фельетонистам письма о странных причудах природы. Нередко холмистая гряда при ближайшем рассмотрении оказывается кладбищем импортного обору-

дования, а факел в небе — сжигаемый без всякого проку попутный газ.

Разумеется, и в этих случаях нельзя ждать милостей от природы. Куда полезнее строго спросить с тех, кто повинен в стихийных бедствиях головотяпского происхождения.

1982

БРУСНИЧНАЯ ИСКРА

Правильно говорят: не место красит человека, а человек место. Эту старую истину сменный мастер А. И. Аверкин постиг на своем горьком примере. Впрочем, поначалу приключившаяся история не предвещала печального исхода: в универмаге Андрей Иванович купил модно сшитую куртку. И расцветкой — черным тоном с брусничной искрой — он остался вполне доволен.

Недовольство пришло позже. В день, когда сменный мастер впервые надел обновку, по телевизору показывали игру московского «Спартака» с его любимой краснодарской «Кубанью». Андрей Иванович сломя голову прибежал с работы домой, включил телевизор и плюхнулся в мягкое кресло. Игра началась. Аверкин то и дело вскакивал, хлопал в ладоши, кричал «аут», «корнер», «судью на редиску», снова садился, ерзал в кресле, визжал. Увы, его усилий оказалось недостаточно: «Кубань» проиграла.

Андрей Иванович огорчился. А тут еще жена его, Елена Анисимовна, обнаружила на подлокотниках кресла два черных лоснящихся пятна.

— Что это? — сконфузился футбольный болельщик.

— Что, что! Куртка линяет, — недовольно крикнула жена. — Доверь тебе одному покупать товары ширпотреба. А ну скидывай эту дрянь!..

Наутро Елена Анисимовна, погоняя впереди себя незадачливого мужа, отправилась в универмаг. Продавцы претензий не приняли:

— Сами мы не шьем, неужели это непонятно? Что нам присылают с базы, то мы и продаем...

Редакционный фельетонист, которому супруги Аверкины в тот же день демонстрировали линяющую куртку, проникся к ним состраданием и снял трубку.

Главный инженер швейного объединения, узнав в чем дело, успокоился:

— Видите ли, если б покупатель жаловался на то, что один рукав короче или что карманы устроены на спине, тогда другое дело. Но как я понимаю, на крой и пошив нареканий нет. А материю ведь не мы делаем...

Директор текстильного комбината сказал:

— Наша костюмная ткань самого высокого качества. Она не мнется, да и износу ей не будет.

— Но она линяет.

— Эта материя не может не линять,— злорадно сообщил директор,— Было бы, наоборот, странно, если б она не линяла.

— Почему «странно»?

— А вы посмотрите, какие красители дают нам химики. Заборы ими красить стыдно, не то что шерсть. Режут нас без ножа, а куда денешься...

Фельетонист понял, что окончательный ответ ему придется добывать в анилинокрасочных кругах. Чтобы как следует подготовиться к разговору, он решил сначала познакомиться с рапортами, сводками, отчетами, исходящими от руководителей министерства.

Что ж, документы производили самое лестное впечатление. С радостным чувством исполненного долга один из заместителей министра докладывал: «За истекшие три года проделана определенная работа по увеличению выпуска, расширению ассортимента и улучшению качества выпускаемой продукции. Введены и освоены крупные мощности по производству широкой гаммы цветов активных красителей...»

И дальше все в том же духе.

Фельетонист задумался:

— А удобно ли на фоне такого многоцветья успехов заострять перед министерством вопрос о слинявшей куртке частного гражданина Аверкина?

Впрочем, его сомнения были напрасными. Работники министерства попросту пытались втереть очки. Их сочинения, ничуть не отражавшие реальной картины, носили пе-

чать вдохновенья и неуемного полета фантазии. В следующем документе они указывали:

«Нами окончательно решены следующие вопросы:

— выпуск красителей в непылящей форме...

— повышение степени фиксации активных красителей...

— повышение закрепляющей способности в закрепителях и др.».

Чтобы понять, что же кроется за глубокомысленным изречением «и др.», совершим путешествие по важнейшим объектам подотрасли. Сначала наш путь будет лежать на юг — в город Алатинск; здесь находится крупнейшее производственное объединение «Краситель», чьей продукцией пользуются более двух с половиной тысяч предприятий. И все они жаждут получать больше марок красителей высшего качества. А их нет.

Правда, в Алатинске построили цех по производству кубового коричневого красителя для хлопчатобумажных тканей. Возводили его долго, затратили пять миллионов рублей. Зато вышел не цех — загляденье! Просторное четырехэтажное здание длиною в 200 метров, светлые, удобные помещения. Работай и радуйся!

Но вот, когда цех был торжественно принят, раздался чей-то скептический глас:

— Братцы, а кто нас будет снабжать сырьем?

— Как кто? Осиники. На тамошнем химзаводе специально для нас давно уже должны были пустить цех полупродуктов.

Должны, да вот не пустили. Что же делать? И вдруг чью-то светлую голову озарила спасительная идея:

— Зачем цеху-красавцу пустовать, давайте наладим в нем выпуск красителей золотисто-желтых марок.

— Как же быть со старым цехом?

— А старый цех сломаем. На кой шут нам старый цех? Только общий вид портит.

Старый цех сломали и стали приспосабливать новый корпус к производству золотисто-желтых.

— Ну, а если в Осиниках начнут делать для нас полупродукты? Где же выпускать кубовый коричневый?

Но химиков смутить не так-то просто:

— А чего сейчас голову ломать? Придет время, что-нибудь придумаем.

И придумают, никаких сомнений тут быть не может.

Иногда даже кажется, что в министерских главках работают мудрецы, которые способны заткнуть за пояс победителей популярных в свое время телевизионных конкурсов «Веселых и находчивых».

В том же Алатинске семь лет строили цех выпускных форм дисперсных красителей для синтетических волокон. Когда четырехэтажное здание было готово и в нем смонтировали оборудование, обнаружилось, что точно такой же цех в объединении уже есть.

И тут на помощь пришли «веселые и находчивые». Со своей импровизацией, выдумкой, инициативой.

Сначала они предложили организовать в цехе производство моющих порошков и товаров бытовой химии.

Через год эта идея, однако, изжила себя. На смену ей явилась новая, еще плодотворнее прежней:

— Организуем производство выпускных форм оптических отбеливателей!

Поскольку в Алатинске пустовал построенный для этой цели цех, то предложение пришлось взять назад. Спустя три года был предложен другой проект. Еще через два года — новый. Еще через год — совсем новый. Сейчас «веселые и находчивые» опять думают. И, надо полагать, родят на свет что-нибудь оригинальное.

Впрочем, бывают случаи, когда и они становятся в тупик. На Бахтияровском заводе вместе с цехом химических волокон создавали производство катионных красителей.

— Как только пойдет химволокно, у нас будет чем их красить.

Оба объекта вошли в строй одновременно. Но тут открылось, что два производства никак не состыковываются. Потому что технологией предусмотрено крашение химволокна жидкими красителями. А нелюбопытные руководящие лица поленились заглянуть в проекты и соорудили цех, который может производить красители только в сухом виде. Тут уж, как мы говорили, и «КВН» ничем не помог. Сухие красители никому не нужны, а жидкие — ездят покупать за тридевять земель...

Впрочем, пора уже нам переезжать в Осиники на химический завод, чтобы узнать, как обстоят дела с цехом полупродуктов для Алатинского объединения «Краситель».

Обстоят дела, оказывается, плохо. Строить цех еще не начинали. Более того, до сих пор еще не готова техническая документация. Правда, сохраняется надежда, что ког-

да-нибудь строить цех все-таки начнут. А вот когда закончат, тут уж никто гарантий дать не может. Часть безнадзорной строительной площадки самовольно захватила посторонняя автобаза, устроила тут свалку металлолома и мусора, в которой утонули стены недостроенных зданий. Другой край площадки также самочинно отвоевало объединение «Промлес», использует ее как свою перевалочную базу лесоматериалов. А застенчивые химики никак не соберутся выставить с территории завода непрошеных гостей...

Так что мы ничем не можем обнадежить сменного мастера А. И. Аверкина и других покупателей: пока в магазинах им не смогут предложить одежду ярких и прочных расцветок:

— Берите куртки черного цвета с брусничной искрой. Ничего другого, извините, нет-с...

А откуда взяться ярким расцветкам, если химические предприятия гонят одни низкопробные черные красители...

В низкопробном черном цвете работают руководящие работники анилинокрасочной промышленности. Работают без желания, без огонька, не видя ясной и четкой перспективы...

В заключение нам хочется вернуться к поговорке, которую мы привели вначале:

— Не место красит человека, а человек место.

Было бы совсем неплохо, если б министерские товарищи, без краски стыда заваливающие производство красителей, поразмыслили над мудростью этих слов.

1979

ЗАБОРНЫЙ КРУГ

Нам пока не встречались какие-либо технические наставления или руководства по возведению заборов. Мы, признаться, даже не уверены, разрабатываются ли они соответствующими научно-исследовательскими учреждениями или нет. Возможно, что не разрабатываются. А что тут, собственно, мудрить? С житейской точки зрения дело вы-

глядит достаточно простым, не требующим специальных академических рекомендаций: вкопал столбы, прибил к ним доски. Ограждай и властвуй!

Забор, о котором мы хотим здесь рассказать, выпадает из общих заборно-оградительных правил. Нужно прежде всего сказать, что он еще не существует. Но вокруг непостроенного забора ведутся жаркие дебаты, стороны, желающие окончательно и бесповоротно отмежеваться от забора, готовы удариться в топоры. А забора все нет и нет.

Заборный вопрос был поставлен в повестку дня четыре года назад, когда исполком Поваровского городского Совета постановил изъять под жилищное строительство часть земель учебно-опытного хозяйства «Обрадово» сельскохозяйственной академии. А поскольку старый забор подлежал сносу, это же постановление обязывало строителей установить ограждение фруктового сада в его новых усеченных границах.

И вот в непосредственной близости от антоновок и аллей, где раньше царили тишь и гладь, появились экскаваторы, заскрежетали бульдозеры, загромыхали самосвалы и прямо на глазах стали расти стены корпусов. Потом в жилые дома въехали новоселы, отпраздновали это событие самым достойным образом, использовав в качестве закусочных средств в числе всего прочего и яблочки из беззаборного сада.

В затылок первым жилым корпусам выстроились вторые, третьи, население микрорайона росло. Некоторые несознательные лица, разгуливая по академическому саду, не только рвали солнечные плоды, но и ломали деревья, разводили костры в приствольных кругах. И вот тогда-то ректор академии написал письмо в горисполком: заставьте строителей выполнить ваше постановление, гибнет сад, разве трудно могучим строительным организациям поставить девятьсот метров ограды!

Письму был дан ход. Вскоре состоялось первое совещание по строительству забора. Пришли представители генерального застройщика УКС-5 ГлавУКСа, а также ряда подрядных организаций. Посовещавшись на месте, они совершили короткую вылазку на лоно природы и там пришли к выводу, что для выполнения решения горисполкома необходимо на территории самого сада в кратчайшие сроки закончить прокладку канализации, водостока, убрать вы-

нутый из траншей грунт, заровнять траншеи. Что же касается самого забора, то договорились, что он будет деревянным, высотою в два с половиной метра с тремя калитками и одними воротами. В принятом решении записали: «Провести установку забора за два месяца».

До намеченного срока ставить забор не начинали, зато провели еще одно совещание, которое также прошло в обстановке взаимопонимания. Участников совещания стало больше. Выслали своих полномочных представителей трест «Гордорстрой-1», управление «Горводстрой», объединение «Главгорстрой»...

Совещание подтвердило: никуда не денешься, забор надо строить. А кому конкретно? Столько трестов, управлений, застройщиков, подрядчиков, субподрядчиков — с ума сойдешь!

Поскольку договориться не удалось, поручили управлению подготовки производства «Главгорстроя» в двухдневный срок определить организацию, которая будет ставить забор.

И точно, через два дня такое дополнительное совещание состоялось. Оно определило, что генеральным подрядчиком по возведению забора является СУ-257, которому генеральный застройщик УКС-5 в трехдневный срок передаст надлежаще оформленный генплан участка с привязкой трассы забора к построенным жилым кварталам. Правда, дело несколько осложнялось тем, что у генподрядчика были свои субподрядчики — СУ-241, СУ-250, а также два райремстройтреста, которые также должны были принять участие в возведении ограды. К сожалению, на этот раз сроки постройки забора приняли несколько расплывчатый вид: через десять дней после получения инструкций.

Никому не понятные инструкции так и не поступали, но какая-то подспудная работа шла, и новое совещание сделало определенный шаг вперед: оно с удовлетворением восприняло сообщение посланца «Главгорстроя» о том, что даны указания соответствующим службам разработать конструкции деревянного забора.

Следующее и последнее совещание было назначено руководством учебно-опытного хозяйства «Обрадово».

— Ну где же все-таки забор?—воскликнул директор учхоза.

Вопрос повис в воздухе. Ему никто не ответил. Представители строительных организаций, окончательно поте-

рявшие интерес не только к забору, но и к заборным совещаниям, в учхоз не явились.

Тем временем пришел сезон уборки яблок. А убирать в учхозе с беззаборного сада было нечего: на склад ни одного яблочка не поступило, плоды сорваны с деревьев еще в зеленом виде.

Вместо сборщиков урожая в сад явилась авторитетная комиссия, которая путем точных вычислений определила, что урожай яблок должен был составить без малого восемьдесят тонн.

Садоводы бегут к строителям:

— Возместите хоть часть убытков. Ведь вина-то ваша...

Одна организация отсылает ко второй, вторая к третьей, третья опять к первой...

А на дворе снова весна. Скоро набухнут почки, и яблоневый сад, зажатый со всех сторон жилым массивом, обольется белым цветом. И тут же в сад явятся непрошеные гости. А забора все нет. Но скоро, надо полагать, начнется новый цикл совещаний. Болтуны наплодят целый короб разноречивых постановлений, из которых так и не поймешь, кто все-таки возьмет в руки лопату и кто должен оплатить убытки.

Разумеется, за свой, а не за государственный счет.

1979

СОВСЕМ МАЛЕНЬКИЕ ПРОКАЗЫ

В одном большом южном городе в самый разгар учебного года закрыли среднюю школу. Закрыли, и все. Однажды поутру детей в вестибюле встретили директор, завуч, пионервожатая, большинство учителей и какие-то посторонние дяди.

— Ступайте по домам, занятий не будет! — объявил директор.

— А когда же приходить? — в один голос воскликнули ученики 6-го «А» Ростик и Владик.

— И завтра не приходите, — ответил завуч. — И вообще. Так и передайте дома.

Об этом невероятном событии мы узнали от Марии Петровны Р. и Варвары Тимофеевны К. «Ходят разговоры, — передавали они нам сведения, почерпнутые из пятых уст, — что здание приглянулось какой-то высокой организации, скорее всего горпищеторгу. А что же директор? Да во всем обвиняет — кого бы вы думали?.. Ростика и Владика. Дескать, баловались они на переменке...

Но где это видано, чтобы из-за детской шалости закрывали школу, а учеников бросали на произвол судьбы? — заканчивали свое письмо Мария Петровна и Варвара Тимофеевна. — Вмешайтесь, пожалуйста».

Редакция вмешалась. Наши корреспонденты с помощью городского отдела народного образования установили, что школа и в самом деле была закрыта. Правда, ученики не били баклуши, их, в том числе Ростика и Владика, перевели в соседние школы.

Оставалось выяснить последний вопрос: какое отношение имеют маленькие проказы Ростика и Владика к закрытию школы?

Оказалось, самое непосредственное. На переменке мальчики затеяли возню, стали хватать друг друга за ноги, толкнули шкаф и в результате разбили препарат с ртутью. Серебристый металл шариками покатился по полу, заполз в щели. Посторонние дяди, примчавшиеся немедленно в школу, были совсем не из пищеторга, а из городской санитарно-эпидемиологической станции: испарения ртути крайне опасны для здоровья.

«Повторные анализы на содержание паров ртути в воздухе помещений после проведенной демеркуризации показали наличие ртути в количествах, превышающих предельно допустимые концентрации для атмосферного воздуха, — говорится в официальном документе. — Так как нет гарантии, что ртути не будет после проведения капитального ремонта, принято решение в указанном помещении школу не размещать».

Вот видите, в какую копеечку встало баловство двух маленьких проказников! Ну, а что же с них взять? Лишить субботней прогулки, сладкого воскресного пирога, поставить в угол?

Могут, конечно, сказать, что Ростик и Владик все-таки дети. А детям присущи шалости, совсем несвойственные

взрослым. Подрастут, дескать, поумнеют... Впрочем, стоп! От этого утверждения нам придется в дальнейшем отказаться. Взять свои слова назад. Потому что последующие наши примеры наглядно убеждают, что и вполне солидным дядям в возрасте от сорока лет и выше свойственны детские шалости, совсем-совсем маленькие проказы, имеющие, однако, непоправимые последствия.

...Тугим осенним днем по территории республики Коми, деловито урча мотором, следовал гусеничный кран-трубоукладчик, принадлежащий пятому управлению производственно-экспериментальных работ. Строительный агрегат вел машинист Александр Алексеевич Бурмистров, рядом с ним восседал начальник первого участка Иван Васильевич Куматарев, командированный сюда из Подмосковья. Беззаботная поездка на таком некомфортабельном виде транспорта, как гусеничный кран, возможно, и закончилась бы безо всяких осложнений, если б на пути не встретился трубопровод местного значения. О том, что здесь пролегают трубы, наши путешественники знали. Они их сами укладывали. Знали они и о том, что проезжать в этом месте строжайше запрещено.

— Объезжать — только время терять, — сказал машинист.

— Да на таком могучем транспорте через железнодорожный мост переехать можно, не только через трубу, — поддержал его начальник участка. — А ну, не бойся, жми напрямик!

И в самом деле, трубоукладчик успешно взял преграду и спокойно покатил дальше. Правда, ездоки вдруг услышали за спиной зловещий свист и, оглянувшись, увидели, что из разорванной трубы бьет фонтан средних размеров. Пока подоспевшая аварийная команда успела заделать пробоину, пропало топлива, как подсчитали позже, на 2 682 рубля. Но это было бы еще полбеды. Беда в том, что вырвавшиеся из трубы нефтепродукты по склону оврага стекли в ручей, оттуда попали в маленькую речку, а из маленькой — в большую. Начался замор окуня, щуки, сига, налима, хариуса, язя, ерша...

Органы охраны природы и ученые Коми филиала Академии наук забили тревогу. Сотрудники лабораторий и инспекций брали пробы воды, препарировали образцы разных видов рыб, выясняя, какой ущерб причинен рыбному хо-

зяйству и какой будет нанесен естественному воспроизводству рыбы в ближайшее и далекое время.

Тем временем народный районный суд рассмотрел конкретные обстоятельства происшествия. Он установил, что виновным является И. В. Куматарев, поскольку дал указание машинисту ехать напрямик через трубопровод, и приговорил его к двум с половиной годам заключения условно. Начальник участка опротестовал приговор. В своих жалобах он ссылался на то, что в этот злополучный день его командировка закончилась, и он следовал на трубоукладчике не как должностное лицо, а как пассажир, и потому его указания машинисту не имели достаточной юридической силы. Доводы командированного, использовавшего многотонный кран в качестве легкового такси, возымели действие. Следующая судебная инстанция отменила приговор и направила его на новое рассмотрение...

События следующей истории, в которой также действуют великовозрастные проказники и опустошается государственная казна, можно начать словами популярной песни: «Вот и встретились два Одиночества, развели у дороги костер...» Впрочем, в отличие от песенной ситуации, где костру разгораться никак не хотелось, костер, который развели работники передвижной механизированной колонны № 20 Н. Г. Хубарев и В. Д. Половинкин, встретившиеся в рамках служебного времени после двухдневной разлуки, тут же вспыхнул ярким пламенем. Чтобы не зря пропадала тепловая энергия, задумали использовать ее более продуктивно: поджарить на углях шашлыки. Поскольку мяса под рукой не оказалось, решили отправиться за три километра к знакомым охотникам разжиться кабаньей ляжкой да заодно и заглянуть в магазин.

Дружки подбросили в огонь пяток полешек, чтобы не затухал огонь, и двинулись в путь. Экспедиция прошла в общем-то успешно и надежды вполне оправдала. Охотники по-братски поделились своими запасами, продавщица винного отдела была предельно внимательна и предупредительна. Словом, в приподнятом настроении дружки двинулись обратно, назад. Впрочем, обратная дорога оказалась даже вдвое короче. Заждавшись своих владельцев, костер решил пойти им навстречу, стал перебираться по сухой траве, скакать по валежнику, прыгать по стволам деревьев. Начался лесной пожар...

Вот вам еще одна и, увы, не последняя история, когда

маленькие проказы взрослых дядей оборачиваются огромными потерями.

...Члены бригады монтажников устанавливали дополнительное оборудование в большом только что построенном цехе и решили в минуту досуга с комфортом покурить на ветерке. Они, немало потрудившись, раскрыли наглухо задраенное окно и вывели из строя дорогостоящую установку, поддерживавшую постоянную температуру в помещении.

...Агент отдела сбыта межобластной базы В. И. Тормосова в середине рабочего дня отправилась на дом к знакомой примерить босоножки. Босоножки были выше всяких похвал, только слегка жали в пальцах. Возник извечный вопрос: брать или не брать? Вопрос исследовался за чашкой чая, обсуждался по телефону с третьими лицами. От босоножек в конце концов пришлось отказаться. Когда раздосадованная Валентина Ивановна вернулась в отдел, ее рабочий стол был завален документами. Времени практически не оставалось, и наряды оформлялись впопыхах. В результате контейнеры в двух вагонах вместо Саратова поехали в Самарканд...

...Заводской кассир В. П. Реутов получил крупную сумму в банке, чтобы раздать зарплату рабочим, но как на грех встретил приятеля и зашел с ним в бар. Поставил портфель под стойку и там его и забыл. Наутро, спохватившись, помчался в питейную точку, где уборщица тетя Мотя вручила ему портфель в целости и сохранности, не потребовав даже плитки шоколада в знак взаимности.

Конечно, было бы совсем неплохо, чтобы такая же тетя Мотя с кувшином воды оказалась у брошенного лесного костра или запретительным красным флажком просигналила в нужный момент бравому экипажу гусеничного крана. Однако особых надежд на бдительность посторонней бабушки возлагать нам не приходится. За проступки своих разболтанных работников вынуждены отвечать организации, в которых они числятся. И не только морально, но и материально. Увы, сами проказники оплатить свои шалости не могут. Не будем розовыми оптимистами, для этого иным проказникам не хватит и ста лет, если даже учесть, что они будут трудиться по две смены в день без субботних и воскресных отгулов и всю зарплату возвращать в кассу...

Тем временем органы охраны природы по полной форме подсчитали все убытки, нанесенные бассейну, и предъявили иск владельцам трубопровода на десятки и десятки тысяч рублей. Эксплуатационники денежки уплатили сполна. Но, в свою очередь, компенсировали свои расходы за счет строительного треста — хозяина гусеничного крана.

Захотел получить за причиненный ущерб от пожара и леспромхоз. Руководители ПМК-20 поначалу запротестовали:

— Мы-то здесь при чем? Взыскивайте с конкретных виновников.

— Нет уж, избавьте! Со своими работничками извольте разбираться сами. Чего это вы так распускаете подчиненных? В рабочее время они у вас гуляют по лесу, бегают за водкой, жарят шашлыки. Так уж платите вы...

Никуда не денешься, заплатили.

1982

ПОДКИДЫШ

Со станции Печора в редакцию пришла телеграмма: «Помогите, бедствуем. Начальник сейсморазведочной партии Вознесенский».

У нас встревожились:

— Неужто специалисты по части всяких колебаний земной коры сами оказались жертвами слепой стихии?

Мы включили приемник, стали шарить в эфире. «Маяк», как обычно, передавал концерт легкой музыки. По первой программе радио вдохновенно рассказывали о футболе. Температура северного полушария соответствовала среднегодовым нормам. Шкала Рихтера вела себя на должном уровне. Но сейсморазведчики сидели на дальней станции, как на вулкане. Тут кого хочешь затрясет: давно пора отправляться в экспедицию, а контейнер со всеми инструментами затерялся в пути.

Мы связываемся с железной дорогой и получаем информацию, что случившаяся трагедия — результат разъедине-

ния багажа от грузовых документов. Согласитесь, явление весьма странное. Быть может, даже менее доступное пониманию, чем геофизика твердой Земли. Что-то уж от этого разъединения сильно отдает мистикой. Вот ехали на сососедних полках Багаж и Документы, угощались домашними пирогами, болтали о том о сем, а потом, как подружки на деревенских посиделках, повздорившие из-за гармониста, разбежались в разные стороны и встречаться, хоть убей, не хотят.

Немало времени и трудов потребовалось Воркутинскому отделению дороги, чтобы выяснить хоть какие-нибудь подробности. И вот мы получаем ответ:

«Разъединение вагона № 2680070 от грузового документа № 570031 допущено на ст. Печора по вине оператора технической конторы Матвеевой, которая неверно нанесла меловую разметку. Согласно ее разметке вагон должен был следовать назначением на Воркуту, вместо того, чтобы разгружаться в Печоре. Работники технической конторы обнаружили ошибку, дали наряд на отцепку вагона, но маневровый диспетчер Худяков вагон в поезде оставил».

...И начал приблудный вагон куролесить по путям-дорогам. В чужой компании добрался до Воркуты, повернул опять на Печору, застрял на станции Косью. А сейсморазведчики отбивали депеши в Москву, волновались, нервничали, терзались в ожиданиях...

На первый взгляд может показаться, что люди, которые ничего не ждут, но вдруг ни с того ни с сего получают багаж или посылку в виде подкидыша, испытывают куда более приятные ощущения, чем члены экспедиции на станции Печора. Ну, нет, не скажите. Тут тоже есть известные минусы. Вот вы сидите в ресторане, едите салат и студень, которые идут в удачном сопровождении стакана холодного боржоми. Внезапно возле вас возникает официант с бутылкой коньяка.

— Самой старой выдержки,— подмигивает он, вожделенно целуя кончики своих пальцев.

— Но я не заказывал коньяк, он мне не нужен, я не пью,— протестуете вы.

— Заказ оплачен,— утешает вас ресторанный работник.— Это презент с другого стола.

— Да не приму я никакого презента. Несите назад.

— Бесполезно. Не возьмут. И говорить не велено, от кого.

Вы растерянно оглядываетесь по сторонам, силясь угадать вашего благодетеля. Незнакомая молодая девушка? Вряд ли. Вот та супружеская пара с ребенком? Непохоже. И вдруг замечаете, что в дальнем углу пытается спрятать в салфетку свою ехидную улыбку ваш дядя по линии первой жены. Вы скачете через весь зал и кидаетесь на грудь своему бывшему родственнику. Человек с салфеткой вырывается из ваших цепких объятий:

— Товарищ, вы что, уже того?

И тут вы к ужасу обнаруживаете, что это вовсе не дядя Вася. Бормоча слова извинения, добираетесь до своего столика, оставляете злополучную бутылку и без оглядки выбегаете на улицу...

От коньяка еще можно как-то отбиться. Но вот у проходной Московского института инженеров сельскохозяйственного производства имени В. П. Горячкина (МИИСП) появляются могучие грузовики.

— Здравствуйте, мы все те же из райсельхозтехники. Вот привезли вам луковый комбайн. Может, теперь возьмете?

— Опять комбайн! — взрывается проректор по научной работе.

— Он самый. По накладной он значится как поточная линия по доработке лука-репки ПМЛ-6.

— Да не нужна же нам эта линия вовсе! И кто ее шлет, не ведаем. Ох, уж это горе луковое!

Вот уже более полутора лет в райсельхозтехнике ломают головы над тем, кому бы сбыть поточную линию. Она поступила еще летом позапрошлого года. На этот раз работники железной дороги поработали хорошо:

— Получите и распишитесь.

Получили. Расписались. Перетащили одиннадцать с лишним тонн металла из вагона на склад. Стали изучать накладные. В них значится: «Заказчик — институт им. Горячкина». И все. А где такой институт? Конечно, можно было взять в руки городской справочник. Но в райсельхозтехнике посчитали, что будет гораздо удобнее выяснить неясный вопрос у поставщика — производственного объединения «Рязсельмаш». Поставщик, однако, не спешил и отве-

тил не скоро: «Адрес института им. Горячкина — Москва, Тимирязевская улица».

Тогда-то и повезли луковую линию на грузовиках, а институт ее не взял. Потом еще трижды ходили машины на Тимирязевскую улицу и трижды безуспешно возвращались назад. Встретив такое долговременное сопротивление, работники райсельхозтехники засомневались: а вдруг здесь и в самом деле что-то не так? В Рязань пошел еще один запрос: «Ответьте, пожалуйста, кто же с вами расплатился за поточную линию лука-репки?» Рязсельмаш отвечает: «Расплатился с нами заказчик, все тот же институт им. Горячкина с Тимирязевской улицы, перечислил все, как полагается, — 9 917 рублей».

Оказывается, пока проректор по учебной работе отбивал упорные атаки райсельхозтехники, в бухгалтерию института поступили платежные требования «Рязсельмаша», которые и были оплачены.

— Ага, раз они выложили денежки, то должны же забрать свой товар, — обрадовались в райсельхозтехнике и в четвертый раз повезли поточную линию на Тимирязевскую улицу. Но МИИСП принял лишь несколько узлов:

— Линию мы ни у кого не просили. Хранить нам ее негде. Заплатили за какого-то дядю, и с нас довольно.

А заплатил МИИСП не за дядю и не за какого-либо другого родственника, а за своего однофамильца. Дело в том, что в Москве есть еще один институт, носящий имя В. П. Горячкина, — Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственного машиностроения (ВИСХОМ), расположенный по Дмитровскому шоссе. Когда-то ВИСХОМу потребовалась эта самая поточная линия по доработке лука-репки, и он подал заявку в Главное управление по снабжению машинами и товарами производственного назначения Госкомсельхозтехники СССР. Сначала заявка попала в отдел по выявлению спроса и текущему планированию завоза сельхозтехники, оттуда перекочевала в отдел поставки автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных машин. И вот в недрах этих двух отделов родился наряд, в котором какой-то нерадивый исполнитель вместо ВИСХОМа им. В. П. Горячкина указал МИИСП им. В. П. Горячкина.

Ошибку не заметили. Поэтому исходящий документ попал не в Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, кому подведомствен ВИСХОМ, а в

Министерство сельского хозяйства СССР, в чьей системе находится МИИСП. А тут, тоже не разобравшись в деле, направили разнарядку «Рязсельмашу» на отгрузку поточной линии ПМЛ-6 для своего ничего не подозревающего МИИСПа. Ну, а дальше все уже было просто...

Мытарства сейсморазведчиков, о которых мы рассказали вначале, закончились в конце концов благополучно: они дождались своего инструмента и хотя и с опозданием, но приступили к работе. Ничего радостного о судьбе поточной линии ПМЛ-6 мы сообщить пока не можем. Эта линия восемь месяцев находилась в разобранном виде: голова в МИИСПе в Москве на Тимирязевской улице, а туловище на базе райсельхозтехники на Домодедовском шоссе. И все упомянутые организации созванивались между собою, направляли представителей для переговоров и, уподобляясь дедке, бабке, внучке и Жучке из назидательной сказки, тянули, да никак не могли вытянуть эту лукорепчатую проблему.

Что касается ВИСХОМа, то там, не дождавшись заказа, решили, что их просьбу не удовлетворили, и успокоились. И только сейчас, когда Госкомсельхозтехника СССР отнюдь не по своей инициативе подняла позапрошлогодние наряды и обнаружила путаницу, в ВИСХОМе узнали, что их заказ дожидается своего законного хозяина, и, прямо скажем, не очень обрадовались.

— Надобность в ПМЛ-6 у нас в общем-то миновала,— сказал нам директор института.— Но вот приходится линию забирать...

Все мы люди теперь вроде бы грамотные. В своих анкетах указываем, что имеем среднее, а то и высшее образование. Безукоризненно пишем заявления об отпуске и без помарок оформляем документы о выплате нам всевозможных премий и авансов. А вот когда выполняем деловые поручения, то берем в руки мел и вместо «Печоры» пишем на вагоне «Воркута». Думаем о ВИСХОМе, а печатаем в наряде «МИИСП». А потом оправдываемся:

— Ну, ошиблись малость...

А во что обходится нам эта рассеянность, видно из прилагаемого фельетона.

1981

ВЕЛОСИПЕД ЖЕЛАНИЙ

Есть немало таких сочинений, которые прочтешь чуть ли не до конца, да так и не разберешь, против чего же, собственно, выступает автор, с чем он борется. Вот почему мы решили сразу же ясно, недвусмысленно обозначить свою позицию и заявить, что:

— все фельетонисты нашей редакции табак не курят, не нюхают и не жуют;

— целиком разделяют точку зрения современной медицины, что курение наносит непоправимый вред здоровью;

— убеждены, что с этим пороком нужно бороться всеми возможными средствами.

После столь небольшого вступления хотим перейти к существу дела и сообщить, что и в сигаретно-папиросном угаре, охватившем известную часть человечества, как и в некоторых других вопросах, не обошлось без Христофора Колумба. Его экипаж не только открыл Америку, приняв ее за Индию, но и пристрастился к курению, заразив этой пагубной страстью жителей Старого Света. Нашлись, однако, люди, которые сразу же раскусили вред табака. Папа Урбан VII принялся отлучать курильщиков от церкви целыми пачками. Руководители тогдашней Турции даже за одну затяжку сажали баловников на кол. Еще дальше пошел российский государь Михаил Романов. Он не только предавал курцов лютой казни, но и в назидание остальным конфисковывал лично принадлежащее им имущество в свою пользу.

Нам пришлось совершить небольшой экскурс в прошлое ради руководителей института связи, которым, как мы полагаем, неизвестны упомянутые исторические факты. Иначе бы в благородном деле борьбы с курением они использовали уже накопленный человечеством опыт и не шли бы своим самобытным путем. А тут ответственным институтским товарищам пришлось немало потрудиться, прежде чем произвести на свет трактат о вреде курения, состоящий из констатирующей и постановляющей частей. Первый раздел состоял из общеизвестных и вполне правильных мыслей. А во втором намечались карательные меры, правда, не столь суровые, как в средневековой России

или Турцин, однако весьма впечатляющие н настораживающие.

«При приеме в институт преподавателей, студентов и других работннков нужно отдавать предпочтенне некурящнм», — читаем мы.

В общем, дело может дойти до того, что факультетами и кафедрамн института будет руководнть посредственный, но зато некурящий персонал, курящие отличники в ннститут не попадут, а некурящие с тройками будут переползать с грехом пополам с курса на курс. Ну, а потом, ведь может случиться, что при поступленин в институт профессор, доцент нли студент прикинутся некурящнмн, а добившнсь своего, начнут смолнть сигарету за сигаретой. Что с ними прикажете делать? Гнать взашей! А на каком основанин? И сколько же дров может наломать иная бюрократическая душа, впав в административно-канцелярское ненстовство!

Теперь мы хотим перенестись с берегов Волги, где находнтся институт связи, в центральную полосу — в небольшой старинный городок. Здесь еще в двадцатые годы был создан богатый краеведческий музей. А через дорогу расположен пищевой комбинат, который старше музея лет эдак на сорок. Отметим, что никаким днскриминациям прнверженцы табачного дыма там н тут не подвергаются. И курящне и некурящие стоят на равной ноге во всех делах, в том числе и в вопросах найма и увольнения. Между соседними коллектнвами долгое время поддержнвались вполне нормальные контакты. Работники пнщекомбнната иногда посещалн музей, а искусствоведы в бакалейной секцни гастронома покупали макароны и вермишель местного изготовления

Но вот кто-то нз городских руководнтелей пришел к выводу, что существующне связи культуры с пронзводством уже не отвечают текущим задачам дня. В музей приходит официальная бумага:

«С сего чнсла и до конца первого квартала каждому сотруднику краеведческого музея надлежнт отработать в макаронном цехе пищекомбината по два дня в неделю.

Основанне: данное пнсьменное распоряжение».

— Как же так? — возмущаются искусствоведы. — У нас работников мало — раз, два н обчелся! На носу школьные каннкулы, поступили заявки на тридцать экскурсий, в том числе н из других городов. Да и как же мы бу-

дем делать макароны? Это совсем не по нашему профилю.

— Ничего, ничего, — утешают их руководящие товарищи, установившие макаронную повинность. — Научитесь! Не боги тесто месят! А музей, понятно, не закрывайте. Пусть себе экскурсии ходят по залам. Ничего с вашими глиняными горшочками и каменными наконечниками не случится...

Скучно, товарищи, как-то становится от всего этого самодурства и самоуправства. Грустно. Поэтому теперь мы хотим обратиться к более веселому жанру. А конкретно к областному театру комедии. То ли в этом театре было слишком много смеха, то ли по другим каким-либо причинам, но труппу решили несколько сократить.

Директор театра В. Г. Задрющенко вызвал к себе в кабинет артистов Е. Г. Рислинкова и Т. Л. Очаковского и сказал:

— Ну, друзья, посмеялись мы с вами, пошутили и будет. Счастливого пути!

— Нам что, ехать в командировку? — не поняли артисты.

— Это уж дело ваше, — сказал директор. — С сегодняшнего дня вы у меня в театре не работаете. Попали под сокращение штатов. Я вас увольняю.

И уволил. Отдал приказ. И ходят теперь комики хмурые и печальные, как трагики. Да и как тут не станешь трагиком? Никакой равноценной работы им не предложили. Никуда не устроили. Зарплату давно не платят. И никого уже не интересует, чем они кормятся.

О произволе, учиненном директором театра комедии узнали в областном комитете профсоюза работников культуры. Президиум обкома вынес постановление, в котором признал увольнение артистов Рислинкова и Очаковского незаконным. Обязал директора театра восстановить их на работе, выплатить деньги за дни вынужденного прогула.

А директор В. Г. Задрющенко получил это постановление и положил под сукно:

— Никаких приказов отменять не буду. Я здесь самый главный! Как пожелаю, так и будет...

Мы рассказали здесь о некоторых руководителях, которые в подведомственных им учреждениях творят произвол, упраздняют законы и устанавливают свои собствен-

ные. Им ничего не стоит уволить доцента за то, что он никак не найдет в себе силы воли бросить папироску. Обязать искусствоведа лепить макароны. Игнорировать КЗОТ...

И лишь только одно обстоятельство всерьез омрачает безмятежное состояние административной души. Что делать, если некоторые сотрудники пишут жалобы во все концы? Потом приезжают комиссии, появляются корреспонденты, возникают определенные хлопоты, неудобства. Как же избежать всех этих неприятностей, а, возможно и катастроф? На каком транспорте умчаться от ревизорских, контролерских, общественных проверок, от всяких прочих напастей и бед?

Ломать головы над этими жгучими проблемами, однако, нет нужды. Такой транспорт уже изобретен, прошел испытания и вполне соответствует своему назначению.

Честь создания велосипеда бюрократических желаний принадлежит директору производственного объединения В. И. Юрьеву. Он издал грозный приказ за номером 456, в котором, в частности, говорится:

«Запретить сотрудникам и руководителям подразделений обращаться в письменном виде в вышестоящие инстанции и организации без согласия директора».

Вот тебе, бабушка и Юрьев день! Сиди, значит, голубчик или голубушка под моей высокой руководящей десницей и ничем не моги быть недовольным. Впрочем, в нижестоящие инстанции жаловаться тебе никто не запрещает. Подавай письменное заявление вахтеру, что директор грубиян и невежда. Ну, а если захочешь писать в главк или в министерство, изволь прийти с подготовленным текстом ко мне на согласование и утверждение.

Но далеко ли уедет бюрократ на подобном велосипеде желаний?

1979

НАРЦИСС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Так уж повелось, что о розах пишут лирики, а о шипах — сатирики. Это разделение литературного труда произошло давным-давно, когда сатирики, предъявив свои исключительные права на шипы, без боя отдали лирикам весь необъятный мир цветов с его неповторимостью красок, форм и благоуханий.

И лирики, понятно, воспользовались этим. С древних времен они принялись воспевать различные цветы в стихах и поэмах. Благодаря их стараниям создано много прекрасных легенд. О том, как самовлюбленный юноша Нарцисс, увидев свое отражение в ручье, застыл и превратился в цветок, потому что не смог оторваться от созерцания своей красоты. Или о том, как чудесный цветок гиацинт поднялся из крови смертельно раненного воина Гиацинта...

Впрочем, мы не хотели бы, чтоб у кого-то сложилось мнение, будто сатирики и вовсе не имеют никакого отношения к цветам и современному промышленному цветоводству.

...Вот по улицам современного города, распугивая прохожих, мчится юноша Нарцисс, вопреки легенде превратившись из цветка опять в эллинского воина. Теперь он уже влюблен не в себя, а в прекрасную девушку из Афин Ириду. До встречи остается всего пятнадцать минут.

— Где же достать цветы?—шепчут его иссохшие губы.—Хоть маленький цветочек, пусть даже выросший из крови моего друга Гиацинта.

Он бежит мимо закрытых цветочных ларьков, мимо магазинов, где могут предложить лишь уродливые изделия из неведомой в Элладе синтетики. И вдруг—о боги!—под мостом он замечает старушку-колдунью, которая держит в руках свежий букет роз:

— Бери, касатик. Последний остался. Прошу недорого: двадцать рублей!

Несчастный Нарцисс хватается за голову: откуда такие деньги у простого эллинского воина? Для того чтобы раздобыть их, придется заложить щит и меч в ближайшем антикварном магазине. Нет, даже испепеляющая любовь

к пленительной афинянке не может толкнуть его на позор и бесчестие...

Вот вам уже не легенда, а обычная история о том, как военнослужащий Нарцисс (а на его месте в равной степени мог оказаться студент Георгий, инженер Василий или контрольный мастер Борис) искал цветы для своей любимой. Так смогут ли лирики, воспевшие розы и фиалки, ландыши и гвоздики, объяснить, почему в магазинах мало цветов и почему они есть у старушки-колдуньи, которая в силу своего монопольного положения заламывает умопомрачительную цену?

Нет, лирики ответить на эти вопросы, пожалуй, не смогут. На данном этапе цветочной проблемы возникает тот самый момент, когда розы должны уступить место шипам.

Впрочем, «Цветы», товарищи, у нас есть. Почему же, удивятся некоторые, они взяты автором в кавычки? Да потому, что в данном случае мы имеем в виду не гладиолусы, не бегонии и не маргаритки. Мы ведем речь об учреждении. Итак, у нас есть объединение «Цветы», входящее в главк зеленого хозяйства. Применимы два метода для того, чтобы оценить, насколько успешно функционирует цветочное объединение. Во-первых, можно, сплотив вокруг себя могучую кучку знатоков и специалистов, поднять кипы годовых отчетов, сводок, министерских приказов, протоколы заседаний и совещаний, докладные и объяснительные записки различных должностных лиц. А во-вторых, можно просто пройти два квартала и полюбопытствовать, стоит ли под мостом старушка-колдунья, с которой так неудачно столкнулся на торговой стезе безнадежно влюбленный Нарцисс. И если торговлишка у старушки-колдуньи идет перспективно и прибыльно, а на дверях соседних магазинов висят выбитые на мраморе объявления: «Цветов нет», то можно безошибочно заявить, что дела в объединении далеко не хороши.

Много лет назад работники Главзеленхоза надумали принять решительные меры с тем, чтобы окончательно вытеснить из-под моста своего коммерческого конкурента. С этой целью были заключены контракты на покупку за границей тепличных комбинатов площадью почти 200 тысяч квадратных метров. Оборудование поступило своевременно. Тут, правда, отличился институт «Гипрозеленстрой», который, нарушив все сроки, готовил техническую документацию аж пять лет.

Но все эти неполадки и сбои стали забываться, когда государственная комиссия начала принимать тепличные комбинаты в ряде совхозов объединения. Радости принимающих не было предела, по их мнению, все было исполнено прекрасно. Поэтому готовые проекты получили оценки «отлично» и «хорошо». Руководителям и исполнителям работ выплатили премии, а акты приемки были утверждены на министерском уровне.

Читаешь эти акты, напоминающие победные реляции, и невольно испытываешь гордость за тружеников нашего цветочного фронта. Какие они молодцы, какие трудяги! Вроде бы даже чувствуешь, как пьянящий запах цветов наполняет кабинеты главка и объединения. Кажется, стоит только распахнуть окно — и взору откроются бархатистые, благоухающие клумбы. Но, увы, из окна никаких клумб не увидишь, хоть гляди в подзорную трубу.

В чем же дело? По всем данным, цветочная продукция, выращенная в построенных теплицах, должна полностью обеспечить зелентресты различных городов, и теперь все желающие могут приобретать пионы и гладиолусы, настурции и розы в нужном объеме и ассортименте. Но выясняется, что растения, родившиеся в этих теплицах, пахнут не столько розами, сколько липой. Руководители главка, лихо подпустив цветочную пыль в глаза, составили целые букеты фиктивных актов, где в числе принятых значатся объекты, которые еще строятся или совсем пока не строятся. Все оранжереи сдавались с большими недоделками. В одном месте государственная комиссия, принявшая тепличный комбинат с оценкой «отлично», как-то не заметила, что котельная еще не готова. А какая же это теплица без тепла! В другом месте специальные трубы, хранившиеся под открытым небом, пришли в полную негодность. В третьем — была обнаружена крупная недостача тепличного оборудования...

Теперь специалисты поговаривают, что даже в момент покупки тепличные комбинаты были уже устаревшими. К тому же кто-то там в чем-то не разобрался, поэтому вместо оранжерей для цветочной рассады купили десятки тысяч квадратных метров теплиц для... выращивания овощей. Совхоз «Цветы юга» впервые в мировой цветоводческой практике планирует выращивание редиски, огурцов, помидоров. Если дело так пойдет дальше, то на свадьбах,

юбилеях и прочих торжествах традиционные букеты роз будут вытеснены пучками из сочной южной редиски.

Странные метаморфозы происходят не только с оборудованием, легко переходящим из одного качественного состояния в другое, но и с посадочным материалом. Совхоз «Пронино» у неизвестных частных лиц закупил заведомо негодные луковицы нарциссов на восемьдесят тысяч рублей. И никто за это не ответил. Мудрено ли, что на следующий год в совхозе пропало более миллиона штук луковиц. Официально объявлено, что они сгнили в поле, но таких лиц, которые могли бы подтвердить, что луковицы вообще высаживались, обнаружить не удалось. Если учесть, что рыночная стоимость луковицы полтинник, то совсем нетрудно подсчитать, что убытки составили почти полмиллиона рублей.

Казалось бы, при эдакой печальной картине руководителям главка и объединения надо было бы бить себя в грудь, лить горючие слезы и публично каяться. Куда там! Они радуются и веселятся, обобщая несуществующий опыт и подводя сомнительные итоги. На совещании руководителей цветочных совхозов в Воронеже участники бражничали и кутили. После пышного застолья поехали прокатиться на катере, чокались большими фужерами и пели раздольную подходящую моменту песню: «Ромашки спрятались, поникли лютики». По случаю счастливого возвращения на берег закусывали в ресторане. Выпивали в автобусе по дороге в Москву.

Банкетами и приемами (разумеется, за казенный счет) были украшены симпозиумы и коллоквиумы в Нальчике, в Рязани, в Новосибирске. И всюду неутомимые руководители главка произносили заздравные тосты за успехи тепличных комбинатов...

А тем временем несчастный Нарцисс, опаздывающий опять на свидание к прекрасной афинянке Ириде, бежит в своих истоптанных сандалиях мимо закрытых цветочных ларьков, разбрызгивая лужи, не замечая регулировщиков. И ему зазывно машет душистым букетом старушка-колдунья из-под моста.

1979

ЗАВОД, КОТОРОГО НЕТ

Мы хотим поздравить руководителей Госкомсельхозтехники по случаю успешного завершения строительства Иверского моторемонтного завода. Шлем также поздравления разделяющим их радость председателю облсельхозтехники Г. Проторову, начальнику главного управления заводов республиканской Госкомсельхозтехники Л. Овечкину, заместителю начальника Главзапстроя П. Зимбареву, управляющему трестом № 49 Я. Соколову и многим другим, чьими нелегкими усилиями одержана важная победа.

Нам, правда, могут возразить, что поздравления несколько запоздали, государственная комиссия приняла завод еще 28 декабря позапрошлого года, в январе следующего акт госкомиссии был утвержден, а 16 февраля был издан приказ: «Считать Иверский моторемонтный завод введенным в эксплуатацию с производственной мощностью 14 000 капитальных ремонтов тракторных двигателей в год».

Итак, предприятие давно работает полным ходом Что ж, есть даты, которые остаются в памяти, по-прежнему радуют, впечатляют и вдохновляют. Наши поздравления не выглядят неуместными еще и потому, что открытие завода прошло как-то обыденно, неярко. Руководители из Москвы так и не появились с ножницами у проходной, чтобы под восторженные аплодисменты собравшихся перерезать кумачовую ленточку. Насколько нам известно, не было также сопутствующего подобным событиям широкого банкета с неизменными излишествами по коньячно-водочным статьям.

А Иверский моторемонтный завод того заслуживает. Не завод это — просто красавец. Крупнейшее предприятие отрасли, полностью обеспечивающее нужды колхозов и совхозов северо-западных областей Нечерноземья. Достаточно взять в руки проект, разработанный институтом «Гипросельпромстрой», как перед вами возникнет просто промышленная сказка.

Но зачем разглядывать ватман, не лучше ли полюбоваться чудом ремонтной мысли в натуре? Ведь ехать совсем недалеко: из Москвы несколько часов поездом, затем электричкой, а там до завода рукой подать.

Желающие следуют этим простым маршрутом и в поселке Иверском находят заводскую территорию, обнесенную забором. Вдоль него неторопливо прохаживается скучающий дедушка с допотопным берданом наперевес.

— Скажите, уважаемый, где тут проходная?

— А зачем вам она? — удивляется дедушка. — Все равно на завод не попадете. Пожарные заставили отключить электричество, запломбировали ворота. И поделом. Если, не приведи господь, что загорится, то им ни пройти, ни проехать.

— Как же люди ходят на работу, выпускают продукцию?

— Какую продукцию? Откуда ей быть? Да поглядите сами.

Прибывшие припадают к застаревшим дырам, их взорам открывается диковинный вид. На захламленной площадке дыбятся недостроенные корпуса с падающими, как у Пизанской башни, стенами, развороченные котлованы, заваленные битым кирпичом, ссохшимися комьями цемента.

Простите, а где же завод?

Завода не было. А вместе с тем он был. Уже знакомый нам начальник главка заводов Л. Овечкин давно установил заводу годовой производственный план. В связи с вводом Иверского завода старое ремонтное производство в соседнем городе закрыто, а на его месте начинается строительство жилых корпусов. Где же теперь ремонтировать двигатели? Как в поселке Иверском вести работы дальше, если по истечении всех сроков Госбанк прекратил выплату кредитов и дирекции строящегося предприятия пришлось уволить более ста рабочих и служащих?

Вопросов набирается много. Но прежде всего хочется узнать, как же удалось ввести в строй завод, которого нет? Что стоят после всего этого приемные акты, победные рапорты? Стоят, оказывается, очень дорого. Зловредная деятельность очковтирателей обернулась для государства миллионными убытками.

В связи со вновь открывшимися обстоятельствами нам придется временно взять назад свои поздравления, адресованные руководителям Госкомсельхозтехники и Главзапстроя, и разобраться, что все-таки произошло. И на бумаге и на деле.

Без особого труда устанавливается, что трест № 49 начал возводить завод шесть лет назад и должен был сдать

объект через два года. Работы, однако, шли плохо, и пуск переносился из года в год. Но по-прежнему в оконных проемах недостроенных корпусов беззаботно щебетавшие птички вили свои гнезда...

Тем не менее в Госкомсельхозтехнике утвердили «Пусковой комплекс». Там же подписали приказ о назначении государственной комиссии из четырнадцати человек. А вскоре в акте комиссии появилась запись: «Все строительно-монтажные работы выполнены в соответствии с проектом. Завод подготовлен к эксплуатации и освоению производственных площадей».

И хотя этот акт был составлен и подписан, доподлинно известно, что комиссия никогда не собиралась, и еще через месяц заместитель председателя облсельхозтехники Б. Лавров обходил и объезжал членов и уговаривал их скрепить документ своими подписями.

Справедливость требует, однако, сказать, что Лавров стал организатором подписной кампании отнюдь не по своей инициативе. За день до намеченного подписания акта в Москве решили заменить председателя. То ли новоиспеченный руководитель не смог так быстро собраться в дорогу, то ли у него были другие причины, но на место он не прибыл. Начальник главка Л. Овечкин позвонил на место:

— Обойдетесь без председателя. Действуйте!

Хорошенькое дело: «Действуйте!» Разве члены комиссии так просто удостоверят готовность завода, когда из 51 объекта более или менее возведены только четырнадцать. Что делать? Лавров принялся самочинно менять состав комиссии. Сомнительных вычеркивал, вводил тех, на кого мог положиться. Чтобы обеспечить устойчивое большинство, привлек восемь руководителей строительных подразделений, которые, не ведая, как избавиться от своего уродливого детища, охотно подписали акт.

Но это еще не решало всего дела. Как, к примеру, обойтись без главного инженера проекта Б. Голышкина? Приглашать его на место? Он наверняка разоблачит липу. И вот за него в акте расписалось другое лицо. «Я был вынужден привлечь директора конторы «Сельхозкомплект» П. Белоглазова, — написал в своем объяснении Б. Лавров. — Ему было поручено проверить, соответствуют ли проекту выполненные работы». И этот деятель из «Сельхозкомплекта» стал выступать от имени проектного

института, о существовании которого и услышал-то лишь накануне!

В акте красуется и подпись врача облэпидемстанции Н. Виноградовой.

— Это подделка,—утверждает врач.—Завод не готов, я ничего не подписывала. Против моей фамилии стоит не моя подпись.

Далеко не все подлинные и мнимые члены комиссии были столь же принципиальны. Н. Локотенко—зам. начальника отдела ремонтных заводов, работник вроде не маленький.

— В Иверском акта я не подписал,—объясняет он.— Видел, что до конца еще далеко. Но вот в Москву приехал Б. Лавров, стал уговаривать.

И Локотенко сдался.

— Но учтите, я подписал последним,— ставит он себе в заслугу.

Л. Рукавишникова, председатель завкома:

— Меня пригласили подписать акт. Когда я посмотрела, то увидела все подписи нашего руководства и по незнанию тоже подписала.

Н. Картонкин, технический инспектор труда:

— Оборудование было еще не смонтировано, а часть его находилась снаружи здания. Монтажные работы не велись. Но зам. председателя облсельхозтехники горячо просил подписать акт.

Г. Бацкова, инженер областной конторы Госбанка:

— Я решила, что члены комиссии обладают большим практическим опытом и, видимо, принимают правильное решение.

В комиссию была включена инспектор гидрохимической лаборатории Д. Даянкина. Ее почему-то вывели, заменили другим инспектором—К. Ксенофонтовой. А в акте вместо Ксенофонтовой фигурировал уже главный инженер бассейнового управления Г. Тубельский. Неужто он не заметил, что очистные сооружения не готовы? Заметил. Но подписал. Чего же тут бояться? Завод не работает, вредным стокам неоткуда взяться, природа не страдает.

Представитель пожарного ведомства К. Росуглов тоже подмахнул акт: завода нет, гореть нечему, а как там собираются выпускать продукцию, это не его пожарное дело.

Фиктивный акт о полной готовности предприятия идет в Москву к начальнику главка заводов Л. Овечкину. Он был никем не уполномочен расписываться за председателя государственной комиссии, каковым не являлся. Овечкин даже не удосужился побывать в Иверском, но поставил свою подпись. И пошло...

Больше года очковтиратели показывали в статотчетности несуществующий завод, утверждали вымышленные задания и списывали вполне реальные убытки. А трест начисто свернул работы. Кто же будет финансировать строительство уже построенного завода?

Трудно сказать, сколько бы продолжался этот неслыханный обман, если бы рабочие, возмущенные всем происходящим, не обратились в органы народного контроля, в редакцию газеты. Виновные понесли строгое наказание.

...Как видим, Госкомсельхозтехника и Главзапстрой пустили весьма успешно Иверский моторемонтный завод на бумажной тяге. Теперь им предстоит уже на деле ввести в строй предприятие, которого вот уже сколько лет ждет сельское хозяйство Нечерноземья.

1980

НА ОСОБОМ КОНТРОЛЕ

Алтайский механизатор Иван Клюхин ездил в командировку на Урал и, совмещая приятное с полезным, успел сделать несколько ценных покупок для дома, для семьи, среди которых мы особо хотели выделить почтовый ящик индивидуального пользования.

На какой материально-технической основе строились отношения Ивана Клюхина с почтовым ведомством прежде, сказать, к сожалению, затрудняемся. Однако со слов самого механизатора знаем, что, возвратясь в село, он приколотил ящик к своим воротам и только тогда заметил, что в ящике что-то есть.

— Неужто уже начала поступать корреспонденция? — удивился Клюхин.

Вложение, однако, было сделано еще на заводе. В толстом конверте лежал бесплатный презент: инструкция по

технической эксплуатации почтового ящика. Опасаясь, как бы Иван Клюхин по неопытности не натворил бед, создатели механической емкости обращали его внимание на то, что широкое отверстие в верхней части придумано для того, чтобы почтальону было куда опускать письма и газеты, а пять одинаковых дырочек внизу просверлены с той целью, чтобы клиент, не открывая лишний раз дверцу, мог видеть, пришла ли почта или нет. В конце инструкции, занявшей восемь полных страниц, были помещены два чертежа, на которых спереди и сзади были отчетливо видны все упомянутые в тексте детали: отверстие вверху, пять смотровых дырочек, дверца...

— Наверное, ящик-то с секретом, — предположила теща Ивана Клюхина, заглядывая в чертежи. — Нет ли у него другого применения? Может, через эти дырочки вносят минеральные удобрения на огуречные грядки или ведут отлов бабочек-капустниц?

«Действительно, ящичек я приобрел с секретом, — пишет в редакцию Иван Клюхин, отталкиваясь от иронических слов своей тещи. — Объясните, пожалуйста, зачем люди тратят бумагу и время на сочинение смехотворных текстов?»

Мы звонили на завод, разговаривали с заместителем главного инженера В. И. Лавровым и узнали такие подробности. На данном предприятии производство почтовых ящиков составляет сотые доли процента вала. Их делает небольшой подсобный участок. А основные цехи выпускают сложные агрегаты, в которых без обстоятельной документации заказчикам просто не обойтись. И вот к простенькому предмету ширпотреба подошли с глобальными мерками, а когда к делу приложили свои руки специалисты, тогда и родилась на свет инструкция с параграфами и разделами, с безукоризненно выполненными чертежами: «вид ящика спереди», «вид ящика сзади»...

После разговора с В. И. Лавровым, согласившимся с критикой механизатора Клюхина, мы подумали, что сочинять такие инструкции, только зря время терять. Однако вскоре это убеждение сильно поколебал другой наш читатель — шахтер Г. М. Сороковкин. Почитав его письма, мы засомневались и стали склоняться к мысли, что подробно объяснять, как надо пользоваться почтовым ящиком, не такая уж явная нелепица, особенно если этот ящик используется не в частном секторе, а приспособлен

в ином учреждении для входящих писем и исходящих ответов.

Толчком ко всем дальнейшим событиям, о которых мы хотим теперь рассказать, послужило образование непросыхающей болотистой лужи на улице Минской в городе Шахтерске, у самого края которой оказался дом Г. М. Сороковкина.

Надо сказать, что Геннадий Михайлович обратил свой взор к матушке-столице не сразу. Сначала он написал в редакцию областного телевидения. Вскоре на Минской улице со всем своим сложным оборудованием появилась многочисленная телевизионная прислуга, которая в присутствии руководителей горкоммунхоза сделала сатирический сюжет. В объявленный час Геннадий Михайлович поудобнее устроился в кресле. Одним глазом он поглядывал на голубой экран, другим — через окно на улицу, которой отныне была уготована областная известность. И на экране и за окном разворачивалась одна и та же тоскливая картина: в сгущающихся сумерках редкие прохожие, хватаясь за штакетник изгородей и за телеграфные столбы, пытались обойти лужу, разлившуюся еще шире под осенними дождями. Но вот на экране исчезло кошмарное видение и красивая дикторша, приветливо улыбнувшись, сказала:

— Так было до самого последнего времени. Только что нам сообщили из Шахтерска, что ремонт Минской улицы завершен!

Полагая, что за время передачи имело быть сотворение чуда, Г. М. Сороковкин вместе с другими жильцами выбежал за ворота. Увы, лужа была на месте. Под блеклым светом лукаво подмигивающего месяца она искрилась, как антрацит. Ночью обитатели окрестных домов были разбужены захлебывающимся гулом моторов. Оказывается, водители тоже смотрели передачу и решили проехать напрямик, как встарь, по обновленной Минской улице. Наутро подошли два трактора и стали осуществлять спасательные работы.

Тогда-то Г. М. Сороковкин и написал нам в редакцию, а мы, в свою очередь, попросили горсовет обратить на эту лужу самое пристальное внимание.

Тут же, в середине октября, нам ответил председатель Шахтерского горсовета К. И. Кравченко. Он сообщил, что работы по планировке дороги будут закончены в январе. Сразу же после Нового года он уже по собственной иници-

ативе написал нам, что Минской улице придан образцовый порядок.

— Вот и отлично! — обрадовались мы и сели писать Г. М. Сороковкину и его соседям письмо, выдержанное в поздравительных тонах.

Геннадий Михайлович поздравлений не принял. Он прислал нам на память четыре фотографии, на которых было видно, что лужа на Минской улице по-прежнему функционирует, постепенно превращаясь в местную достопримечательность.

Приходится писать еще одно письмо в горсовет, просить разъяснений, как же все это понимать?

Прошло еще три месяца, прежде чем К. И. Кравченко ответил: «Жалоба гр-на Сороковкина Г. М. рассмотрена на заседании исполкома горсовета. Решение исполкома направлено генеральному директору производственного объединения «Шахтерскантрацит» тов. Д. И. Белоненко с просьбой принять меры к его заместителю по кадрам и быту тов. Капустянскому Н. И. за допущенную волокиту и формальную отписку при рассмотрении жалобы гр-на Сороковкина Г. М. За имеющиеся недостатки при разрешении указанной жалобы заведующему горкомхозом тов. Полезаеву Н. П. объявлен выговор. Объявлен также выговор инспектору по жалобам тов. Малышкиной Т. М. за несвоевременную подготовку ответа редакции. 29 июля производственным объединением «Шахтерскантрацит» и городским отделом коммунального хозяйства работы по отсыпке и планировке дороги выполнены».

Как видим, потребовался всего один день, чтобы засыпать лужу, вокруг которой полтора года шла пустая болтовня и оживленная переписка.

Несмотря на счастливый финал, хочется поразмыслить над последним председателевым ответом. Он порождает немало вопросов. Ну, например, отчего всю вину за обман жильцов и редакции К. И. Кравченко возлагает на других должностных лиц, хотя ни в какой переписке с ними мы не состояли, а обменивались посланиями непосредственно с самим председателем? Непонятно также, по каким соображениям председатель называет своих разболтанных подчиненных, уличенных в очковтирательстве и волоките товарищами, а добивавшегося справедливости рабочего Сороковкина именует не иначе, как гражданин? И не объясняются ли все эти несуразицы причудами того же почтового

ящика с секретом, пользуясь которым при переписке стороны никак не могут достичь взаимопонимания?

Ох, уж эти долгие, долгие почтовые ящики!.. У жителя деревни Ратайчицы Брестской области Н. Н. Ермака забарахлил «Запорожец», и вот солдат, потерявший на войне руку и ногу, остался без средств передвижения. После долгих мытарств ему удалось перегнать машину в Брест на станцию техобслуживания. Но тут ему разъяснили, что запчастей нет.

— А где же их взять?

— Наверное, на заводе.

Инвалид пишет письма в разные концы, но затем при случайных обстоятельствах выясняется, что запчасти на станции все-таки есть. Механики что-то поколдовали над мотором и сказали:

— Все в порядке. Поезжайте себе домой.

Далеко, однако, Николаю Никифоровичу уехать не удалось. Автомобиль опять оказался на станции. И опять все началось сначала. На исходе первого года своего пешего хождения Николай Никифорович стал общаться с деятелями авторемонта уже вкруговую через отдел писем нашей редакции. И только недавно мы получили письмо от главного инженера областного производственного объединения Н. Я. Покровского, который рапортовал, что ремонт «Запорожцу» сделан. Но в свой почтовый ящик он опустил ответ не через десять дней, а лишь по прошествии полутора лет.

В отличие от Н. Н. Ермака пенсионер В. П. Григоровский в такие сложные ситуации не попадал, он хлопотал не об автомобиле, а всего-навсего о ручных часах, но все же хлопот нашел немало. Много месяцев он ходил по магазинам родного города Рославля в поисках часов с обыкновенным циферблатом. А продавцы везде ему предлагали часы, где вместо цифр имелись какие-то палочки, стрелочки. Как поется в песне: «В каждой строчке — только точки, — догадайся, мол, сама».

Наконец Виктор Петрович поделился своими заботами с нами, а мы попросили Союзчаспром помочь пенсионеру. И вот потерявший всякие надежды клиент получает ответ из Союзчаспрома. Ответ, смахивающий, кстати говоря, на вырванную наугад страничку из министерского доклада:

«В ассортименте часовой промышленности имеется 1066 моделей оформления ручных часов... Для формиро-

вания конкретного плана производства ежегодно проводятся межреспубликанские оптовые ярмарки, где представители торговли заключают договора с предприятиями-изготовителями... Все бытовые часы, предназначенные для серийного выпуска, предварительно рассматриваются Художественно-техническим советом при НИИчаспроме. В состав совета входят представители министерств торговли СССР и РСФСР, Центросоюза, Госстандарта СССР, Госкомцен СССР, Союзчаспрома, научно-исследовательских институтов и других организаций...»

В другое бы время В. П. Григоровский с удовольствием послушал, каким образом формируется Художественно-технический совет и что бывает любопытного на ежегодных оптовых ярмарках. Но сейчас его больше волнует другое: где купить часы, какие ему хочется? А что он может уразуметь из послания главка? Неужто и этот ответ прошел почтовый ящик с неразгаданным секретом?

И все же прав алтайский механизатор Иван Клюхин: втолковывать прописные истины — только зря тратить бумагу и время. Тем более что секреты, о которых мы рассказали, вовсе не технического, а бюрократического свойства. Просто некоторым лицам, состоящим при должности, недосуг внимательно прочитать поступившее письмо. Очень не хочется им заниматься разбором фактов. Лень подготовить толковый ответ. Точно так же, как лень было работникам горисполкома из города Шахтерска, прежде чем взяться за перо, самолично пойти поглядеть на знаменитую лужу, которая в течение долгих месяцев состояла на особом контроле в Москве.

1980

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Без похвальбы можем сообщить, что вот уже полтора года состоим в непосредственной переписке с директором Гальяновского завода химического волокна Е. Н. Ключиковым. Из редакции ему пишем, он аккуратно отвечает. Мы кой-чего у него просим, он любезно обещает пойти навстречу. И, судя по всему, идет.

У некоторых может закрасться подозрение, что мы домогаемся каких-либо дефицитных химических волокон для себя лично или для своей семьи. Нет, не домогаемся.

Непосредственным поводом к возникновению нашей переписки послужил следующий, теперь уже можно считать исторический факт. Двадцать лет назад в городе Гальяново на улице Крюкова был сдан в эксплуатацию и заселен жильцами чудо-дом под номером 1. Если не вдаваться в частные детали, то чудо-дом очень смахивал на дом обыкновенный: были у него и стены, и крыша, и подъезды, и полы с потолками в квартирах, и все остальное прочее. И как у некоторых других жилых объектов, сданных в эксплуатацию, были у него и недоделки. Но недоделки редкого свойства, что и делало строение на улице Крюкова чудо-домом: многие балконы не имели никаких ограждений. Просто из стены выдавалась забетонированная площадка с некоторым уклоном в сторону улицы. Хоть стой, хоть падай!

Как уж так получилось, теперь за давностью лет сказать трудно. То ли дали себя знать просчеты в проекте, то ли у строителей в последний момент не оказалось под рукой металлических прутьев, то ли балконам специально был придан такой экспериментальный вид для повышения производительности домашнего труда: дескать, незачем вам, граждане, бесцельно ротозейничать на балконах, заходите в комнаты, занимайтесь своими делами.

Конечно, такой удивительный дом хорошо показывать туристам в качестве местной достопримечательности или, что еще лучше, рисовать на обложках юмористических журналов с соответствующими комментариями специалистов. Но жить в нем новоселам показалось не очень удобным. С большим трудом они привыкали к жуткому ощущению, что стоит только по забывчивости выйти на балкон и...

Стали жильцы наглухо замуровывать выходы, заставлять их мебелью, заваливать, как при артобстреле, мешками с песком. А в свободные от этой каторжной работы минуты бегали с жалобами на упомянутый завод химического волокна: чудо-дом принадлежал заводу.

Тамошнее начальство встречало жалобщиков без особого энтузиазма, но относилось к ним с пониманием:

— Ваши претензии принимаем. Будем думать, как в дальнейшем поступить.

И принималось думать.

В раздумьях проходили годы. Менялись начальники заводских служб, менялись и жильцы в чудо-доме. И уже новые руководители обещали новым жильцам:

— Вот раздобудем металлические пруты, возьмемся и сделаем ограждения. Ждите.

Жильцы ждали. Год, другой, пятый, десятый... Наконец, отчаявшись, написали нам в редакцию. Ввиду серьезности создавшегося положения мы решили через головы заместителей, помощников и технических секретарей обратиться непосредственно к директору завода. Так вот и возникло наше заочное знакомство, которое нам поначалу даже очень понравилось. Е. Н. Ключиков ответил редакции оперативно и обстоятельно. Он тут же проинформировал, что еще год назад многострадальная идея ограждения балконов чуть было не получила своего практического воплощения. Но тут вмешались технические службы. Они высказались в том смысле, что даже металлическая решетка теперь не может гарантировать безопасность: за двадцать минувших лет несущие конструкции пришли в негодность, и на балконы все равно выходить нельзя из-за угрозы обрушения.

«В связи с вышеизложенным,—сообщал директор,—прорабатывался другой вариант: о заделке балконных проемов с устройством окон. Нужно заделать 11 штук балконов, на что в настоящее время составляется техническая документация, а потом в ремонтно-строительном цехе завода приступят к изготовлению оконных блоков. Рассчитываем всю работу закончить через полгода».

Заключительные строки ответа порождали здоровый оптимизм и твердую надежду, что балконно-оконная проблема будет успешно решена.

«По окончании запланированных по заделке проемов мы проинформируем дополнительно. Контроль за проведением этих работ я взял на себя».

Не прошло и четырех месяцев, как директор завода безо всяких напоминаний прислал обещанное письмо, выполненное в телеграфном немногословье победного рапорта: «Все балконы, требовавшие переделки в доме № 1 по ул. Крюкова, полностью заделаны. Ключиков».

А еще через месяц почтальон принес письмо от жильцов дома. Увы, никаких благодарственных адресов в письме мы не обнаружили. А обнаружили очередную жалобу. Есть же такие нехорошие люди, возмутились мы, которые за добро платят злом, пытаются очернить директора, который так много для них сделал.

Нам ничего не оставалось, как связаться с товарищами из Гальяновского горкома партии, попросить их встретиться с авторами письма, провести с ними соответствующую беседу.

И вот мы получаем письмо от секретаря горкома Д. Прословатого. Оказалось, что беседа проведена не с жильцами, а с директором завода. Потому что директор Ключиков, мягко говоря, кривил душой. Как уж он там осуществлял личный контроль, только в доме к ремонтным работам даже не приступали. «По результатам рассмотрения жалобы,— пишет секретарь,— установлен окончательный срок завершения заделки оконных проемов. Директор завода химического волокна т. Ключиков Е. Н. строго предупрежден в горкоме партии о персональной ответственности за выполнение работ в указанный срок».

Ну вот, наконец, почти все стало ясно...

Переписка с директором Гальяновского завода принесла нам определенную пользу. Она побудила у нас повышенный интерес к ответам других должностных лиц на запросы редакции по письмам читателей. Мы начинаем знакомиться с ответами, и нас, несмотря на полученный урок, не оставляет чувство радости от того, что имеем дело с чуткими, отзывчивыми, обязательными работниками. Стоит только ознакомить с критическими сигналами по их ведомствам, как они бросают все свои дела и принимаются бороться с недостатками.

И вот результат.

Заместитель начальника Голубовского отделения железной дороги Д. Рыжаков сообщает, что письмо граждан о плохом содержании пассажирской платформы и железнодорожных путей станции Барубино рассмотрено. Начальником станции намечены и осуществлены конкретные меры по наведению порядка на станции и прилегающей к путям территории. Произведен ремонт здания вокзала и пассажирских платформ.

Руководители Васильковского райторга подтверждают, что заведующая сельмагом Т. Сидоренкова действительно

припрятывала дефицитные товары с целью дальнейшей спекуляции. Она уволена с работы, а материалы проверки переданы в следственные органы.

...Из жэка Зареченского района пишут, что по жалобе жильцов осуществлено благоустройство микрорайона, во дворах высажено сто деревьев.

...Нам сообщают, что инвалид войны Г. Шавесов на участок под строительство гаража больше не претендует, поскольку ему предоставлено место на автостоянке...

Видите, как здорово, как оперативно решаются вопросы! Все удовлетворены, все довольны, и все рады. Но стоп! Выясняется, что довольны лишь лица, подписавшие ответы. А граждане, подобно жильцам чудо-дома на улице Крюкова, все еще добиваются удовлетворения своих законных прав.

На пассажирской платформе станции Барубино зияют огромные дыры, куда может провалиться не только детская коляска, но и вполне зрелый слон. Ступеньками на платформу служила поначалу свободно вибрирующая доска-сороковка, теперь ей на смену явилась какая-то ветхая металлическая решетка, взятая, судя по всему, от развалившегося сарая. И вот по этой решетке ежедневно проходят сотни людей, причем пожилых нужно транспортировать с посторонней помощью, а детей брать на руки...

Заведующая сельмагом Т. Сидоренкова как ни в чем не бывало продолжает припрятывать ходовые вещи; никто ее снимать не собирался и о ее проделках в следственные органы не сообщал...

Во дворах жэка Зареченского района не высажено ни одного дерева, а инвалиду Г. Шавесову и не подумали выделить место на автостоянке...

Служить интересам людей, заботиться об их нуждах — дело большое, хлопотливое, сложное. Куда проще, не отрываясь от своего стула, сочинить ответ. И сочиняют. А будучи уличенными в очковтирательстве, ведут себя, как неразумные шалунишки:

— Мы тут чего-то не разобрались, дали маху, допустили оплошность.

Какая тут, простите, оплошность? Человек, удостоверяющий своей подписью ложь, подписывает тем самым сам себе точную, вполне объективную служебную характеристику...

1979

«КАК-НИБУДЬ» И «КОЕ-КАК»

Не все, очевидно, знают, что вопрос о переходе коровами железнодорожного полотна обсуждался на специальном совещании, которое проводили заместитель министра сельского хозяйства СССР и его коллега из МПС. В результате обе высокие договаривающиеся стороны подписали правила, которые, по их мнению, обеспечивают порядок на путях в полосе отчуждения. Поскольку в нашем рассказе будет фигурировать пригородный поезд № 6452, совхозное стадо коров, автодрезина и еще одно стадо, придется сказать несколько слов о достигнутом межминистерском соглашении. В нем записано, что прогонять скот можно лишь там, где есть переезды, путепроводы и специальные переходы. Во всех же остальных местах нужно транспортировать каждую буренку в персональном порядке на привязи и в сопровождении специально уполномоченного на то лица... Словом, повторяются истины, которые должны быть ясны даже самому неразумному подпаску...

Но вот недавно машинист упомянутого пригородного поезда, следовавшего маршрутом Баловитинск — Курганск, А. Коноплев на четвертом перегоне вдруг обнаружил стадо.

— Откуда оно могло тут взяться? — изумился машинист.— Ведь до ближайшего селения — десятки километров.

Машинист стал тормозить. Но увы, пять коров оказались под колесами тепловоза...

Прибыв на станцию Курганск, машинист Коноплев сообщил дежурной В. Елистратовой о случившемся. Однако весть о появлении бродячего стада в полосе отчуждения не была для нее новостью. Просто дежурная Елистратова забыла предупредить об этом машинистов поездов, идущих этим маршрутом.

К месту происшествия на автодрезине была послана бригада во главе с дорожным мастером В. Добриковым. Добрались благополучно, убедились, что животные разбежались, их нет. Возвращались назад в приподнятом настроении. Время было уже позднее, торопились домой, мчались на повышенной скорости. Назад дрезина двигалась, естественно, задом, а спереди по ходу стоял рабочий и сообщал водителю В. Егоркину о том, что видит на пути.

И вдруг — что за наваждение! — из-под колес снова стали выпрыгивать коровы. Дрезина врезалась еще в одно стадо и слетела под откос. К счастью, никто из людей серьезно не пострадал. С животными было хуже, погибло пятнадцать голов!

Вот тебе и поехали разбираться, вскрывать причины, принимать меры, обеспечивать безопасность движения...

Но оставим членов незадачливой бригады на лесном перегоне в тот самый момент, когда они, потирая синяки и шишки, пытаются поставить опять на рельсы перевернутую дрезину. Попробуем узнать, откуда же все-таки на путях взялось два стада. Ведь диких буренок в природе давно нет, у них должен быть хозяин. Наши поиски, к слову говоря, были совсем нетрудными. Хозяин — совхоз «Резняковский» отыскался уже на второй день. Уточним — плохой хозяин.

Обратимся к материалам районного отдела внутренних дел, который проводил расследование. Оказывается, совхозным пастухам В. Чурикову, Д. Безиркову и В. Протопопову было доверено пасти двести голов скота, что они и делали не очень усердно. В тот злополучный день пастухи обнаружили, что у них пропало сорок коров, но отнеслись к этому спокойно. Дескать, куда они денутся, придут.

Старший пастух В. Чуриков на ночь ушел в поселок Резняки, двое его товарищей плотно поужинали и спокойненько завалились спать:

— Утро вечера мудренее!

А в это время почуявшие свободу коровы разбились на две группы и, безмятежно помахивая хвостами, уже добирались до железнодорожного полотна.

Выяснив все эти обстоятельства, следователь капитан милиции Р. Буераков счел возможным дело прекратить и направить материалы в товарищеский суд.

Товарищеский суд совхоза действительно рассмотрел это дело. Вот его решение: «На старшего пастуха Чурикова В. Н. наложить штраф в размере 25 р., объявить общественный выговор пастуху Безиркову Д. И., вынести товарищеское порицание пастуху Протопопову В. В.».

Товарищеское порицание товарищеского суда — это тоже мера. Ну, а кто будет возмещать ущерб?

— Железная дорога,— убежден директор совхоза М. Р. Пискорин.—Кто ей позволил давить наш скот?

— Вы и позволили,— возразил ему начальник отделения дороги А. Коршунов.— Вы же знаете правила: в неположенных местах каждую отдельную корову должны переводить за поводок пастухи. А где были поводки, где были ваши люди?

У железной дороги свои претензии к совхозу:

— Из-за вашего разгильдяйства опоздал пригородный поезд. Перегон был закрыт для движения почти на пять часов. Дрезине потребовался ремонт: повреждены тормозные тяги, главный тормозной цилиндр, крепежные болты двигателя...

Да что там сорванные крепежные болты! Могло быть куда хуже, слепой случай помог обойтись без человеческих жертв: сзади следовал пассажирский поезд...

Взаимные претензии совхоза и железной дороги рассматривались в органах Государственного арбитража. В первом случае убытки отнесены целиком на счет совхоза. Во втором — поделены поровну.

Вот и вся история. История, где неожиданно столкнулись две организации, в одной из которых работают по принципу «кое-как», а в другой руководствуются формулой «как-нибудь». И таких организаций немало. Иногда они ссорятся, иногда тесно сотрудничают. Строительный трест «Кое-как» возводит кривой фундамент корпуса, а СМУ — «Как-нибудь» наращивает такие же кривые этажи. Швейное объединение «Кое-как» выпускает партию сорочек, где воротник почему-то пришит сбоку, а торговая фирма «Как-нибудь» берется спокойно распродать эту удивительную продукцию. Чтобы единым махом выполнить план сдачи металлолома, фабрика «Как-нибудь» решила распрощаться с новехоньким станком. А приемная база «Кое-как» с радостью отправляет его на переплавку...

В следующем нашем рассказе не будут действовать остановленные пригородные поезда, перевернувшиеся автодрезины или внезапные возмутители общественного спокойствия — коровы. От предыдущей темы у нас останется лишь один устойчивый компонент: головотяпство при отягчающих вину обстоятельствах.

Пять лет назад Габдуровскому комбинату строительных материалов выделили участок под песчаный карьер, и люди приступили к делу. Провели проектно-геологические изыскания, взяли пробы грунта, проложили дорогу, а по-

скольку добыча должна была вестись буровзрывным способом, то вокруг участка возвели ограждение.

Но вот бригада взрывников еще не успела пройти первый шурф, как у барьера появился взволнованный человек.

— Прекратите всякие работы, уберите взрывчатку. Я представитель Госгортехнадзора. И не вздумайте здесь что-нибудь поджигать.

— А что же нам делать? Ведь у нас карьер. Как же добывать песок?

— Но по вашему карьеру протянули газопровод. От взрыва все полетит в тартарары.

— Откуда же взялся этот газопровод?

— Это уж вам лучше знать,— сказал строгий представитель Госгортехнадзора и удалился.

Директор комбината И. П. Дворядник с тревогой обращается к землеустроителям:

— Вы кому-нибудь наш участок передавали?

— Нет, не передавали. Земля ваша. Очевидно, прокладчики труб заблудились в трех соснах и залезли в ваш огород.

— А где их искать?

Директор комбината И. П. Дворядник наконец выясняет, что в их «огород» залезло Лубенковское линейное производственное управление магистральных газопроводов. Но начальник этого управления Б. К. Сидоргин отбил атаку официальной бумагой: «Наше управление является структурной организацией объединения «Гортрансгаз» на правах цеха. Туда и просим направить вашу претензию».

Главный инженер «Гортрансгаза» Г. Р. Гальямов претензий не принял: «Строительство газопровода, который ведется к тепличному хозяйству «Южный», велось по технорабочему проекту, разработанному Охорьенским проектным институтом. В дальнейшем по вопросу отвода земель под строительство газопровода по данному объекту просим обращаться в проектный институт».

На запрос комбината главный инженер проекта Н. А. Гаспарьян выслал материалы, из которых можно понять, что проектировщики ни о каком песчаном карьере не ведали, а потому и на его землю не покушались.

А тут директор «Гортрансгаза» Х. О. Исчастников решил внести ясность и сообщил на карьер, что в период, когда шло проектирование и строительство трассы, заказ-

чиком являлось не подведомственное ему учреждение, а совсем другая организация. Да и вообще весь спрос должен быть не с заказчика, а с генподрядчика, каковым является трест № 48, подчиняющийся, в свою очередь, Главтрубопроводстрою...

У директора комбината строительных материалов И. П. Дворядника от обилия названий организаций, имеющих касательство к трубам, самочинно пущенным по его карьеру, начинает рябить в глазах. Но он пишет запросы снова и снова. Наконец глас вопиющего на песке услышал генподрядчик — трест № 48.

— Хорошо, мы отведем газопровод в сторону, — согласился управляющий трестом Т. А. Корейцев. — Взрывайте себе на здоровье. Только сначала уплатите нам денежки за эту работу.

— Караул! Грабят! Они сами вторглись на наш участок, сорвали работу. А мы еще должны и платить!

Впрочем, в любом случае работы будут оплачены не за счет головотяпов. Арбитражный спор идет лишь о том, из какого кармана будут взяты государственные деньги: из левого или из правого. Среди должностных лиц, руководящих своими организациями по принципу «как-нибудь» и «кое-как», что-то не принято возмещать причиненные им убытки из своего личного бюджета...

Недавно к нам за помощью обратился гражданин Е. Е. Парамонов, работавший директором совхоза «Березовский». В свое время директор принял насосную станцию и три установки «Днепр» общей стоимостью в триста с лишним тысяч рублей. А увольняясь, не включил объект в приемо-сдаточный акт. Насосная станция осталась без присмотра, а какие-то неизвестные лица растащили и повредили много ценного оборудования.

— Сам я никаких деталей не портил, не брал, — жалуется директор. — А районный суд осудил меня к году исправительных работ и удерживает теперь из зарплаты. Разве справедливо поступил суд, заставивший меня страдать за чужие грехи? Заступитесь!

Заступаться за бывшего директора Е. Е. Парамонова мы не стали, поскольку суд поступил правильно. С чего это взял наш жалобщик, что он страдает за чужие грехи?

Он страдает за свои собственные, а хочет, чтобы за его «кое-как» и «как-нибудь» страдали другие.

1982

CAMUS
NAPOLÉO
COGNAC
Дорога в рай и обратно
№004468
КАНДИДАТ. НАУК
ВТЭК
ТРУДИМСЯ КРУГЛЫЙ ГОД!
В ОТПУСК НЕ УХОДИМ!

ЯБЛОЧНЫЙ ПОСТУЛАТ

Некоторые полагают, что открытие закона всемирного тяготения находится в прямой связи с тем самым яблоком, которое еще три века назад упало в саду великого английского механика и астронома. Будто если б тогда Ньютону не отвели садового участка, мы бы до сих пор не знали, отчего то или иное не закрепленное в пространстве тело падает в конечном счете на землю, а не улетает в небеса.

Думаем, однако, что заниматься фетишизацией плодов не стоит, это напоминает мистику. Хотя вполне допускаем, что при созерцании падающих фруктов в голову серьезного человека могут приходить интересные идеи.

На москвича В. Б. Ломинцова недавно свалилась целая корзина яблок. Правда, нового физического закона он не открыл, но, следуя с этой корзиной в троллейбусе кольцевого маршрута, сделал ряд ценных умозаключений о влиянии яблок на культуру обслуживания и на производительность труда.

В то памятное утро, когда Василий Борисович вывел свой яблочный постулат, суть которого будет изложена ниже, его поднял с постели междугородный звонок из Обояни. На проводе был школьный товарищ Костя.

— Вставай, а то проспишь чудесную антоновку,— услышал он знакомый голос.— Сам снимал с веток.

Из дальнейшего Ломинцов уяснил, что ему нужно сейчас же мчаться на вокзал, найти в четвертом вагоне проводницу тетушку Варвару и взять у нее корзину.

Василий Борисович прибыл на вокзал, когда состав только-только подкатывал к платформе. Он отсчитал четвертый вагон и окликнул заспанную проводницу:

— Тетушка Варвара, это вы? Для меня у вас посылочка из Обояни.

Женщина заглянула в свои записи и, сказав: «Есть такая», вынесла из служебного купе корзинку душистых яб-

лок. Полагая, что любезная железнодорожница приходится его приятелю тетушкой, Василий Борисович хотел было спросить, защитил ли Костя диссертацию. Но тут от ступенек его оттерли люди, набежавшие со всех сторон. И все — по тому же яблочному случаю. Девушке в джинсах тетушка Варвара вручила ведерко, дедушке в телогрейке — рюкзак, мужчине в бархатном картузе—чемодан... И каждый протягивал проводнице то трешницу, то пятерку.

С новой формой передачи подарков на расстояние Ломинцов сталкивался впервые. Поэтому в троллейбусе, разглядывая яблоки в корзине, он стал рассуждать и прежде всего отметил, что этот способ удобен и дарителю, и одариваемому. Посылка доставляется гораздо быстрее, чем почтой да к тому же исключает всякую писанину. Лично Василий Борисович терпеть не мог заполнять в многочисленных графах бланка номер и серию паспорта, где у кого и когда он прописан и т. д. и т. п. А раз это так, размышлял Ломинцов, то тетушка Варвара будет и впредь перевозить посылки и подарки. Отказываться ей нет никакого смысла: за каждое официальное движение веником она получает три десятых копейки, а за каждый неофициальный вынос кошелки с яблоками — три рубля. И если в месяц она делает восемь — десять ездок в оба конца, то легко подсчитать, что приработок, или, как иногда говорят, приварок к зарплате у той же расторопной тетушки Варвары, возможно, получается больше, чем сама зарплата.

Открытие, сделанное В. Б. Ломинцовым при транспортировке подарочных фруктов, показалось ему настолько значительным, что он решил сообщить о нем в редакцию.

«Мне часто приходится ездить в командировки, — пишет он. — Бросается в глаза, что железнодорожный сервис еще далек от совершенства. Купе прибраны плохо, чай подается холодным, постель принесут лишь после пятого напоминания, обращение с пассажирами часто неуважительное. Не есть ли это результат того, что проводницы типа тетушки Варвары главный свой интерес проявляют к приварку, а на все остальное им плевать?»

В конце письма В. Б. Ломинцов предпринял попытку сформулировать свой яблочный постулат: «Отдельные должностные лица относятся к своей прямой работе настолько безалабернее и хуже, насколько левый приработок (он же приварок) превышает их основной оклад».

Теперь мы хотим добавить, что не только яблоки, но и произведенные из них продукты способны натолкнуть мыслящих людей на широкие выводы и обобщения. Студент столичного вуза Женя после стипендии пригласил девушку Лялю в кинотеатр и до начала сеанса зашел с ней в буфет. Широким жестом он показал на прилавок, выказывая готовность купить все, что пожелает девушка. Девушка пожелала бутерброд с сыром, пирожное «эклер» и бутылку яблочного ситро. Пирожное было несвежим, сыр от долгого томления покоробился и прослезился, ситро не вызывало поначалу особых замечаний. Но вот, разливая напиток по стаканам, студент Женя заметил на бутылочной этикетке надпись: «Цена без стоимости посуды 13 копеек». «А я заплатил 33»,— подумал студент. Из-за врожденной деликатности он не стал привлекать Лялю к обсуждению возникшего вопроса, а произвел все подсчеты в уме. В результате был найден единственно возможный ответ: буфетчица удерживает 20 копеек в качестве залога за бутылку, видно, опасаясь, что в кинотеатре ее украдут. Но как об удержании можно догадаться? Никаких объявлений на этот счет не вывешено, устно покупателей не предупреждают. Пока Ляля доедала прирожное, молодой человек оглядел холл и обнаружил, что примерно девять клиентов из десяти оставляют бутылки на столах, где они становятся, выражаясь языком спортивных телекомментаторов, «легкой добычей нападающей стороны». И лишь десятый предпринимает робкую попытку вернуть свои деньги. Точно прося милости, этот десятый толчется у прилавка с бутылкой в протянутой руке. Буфетчица своим молчаливым презрением как бы подчеркивает всю низменность данного поступка. Наконец клиент пытается осторожно, без нажима обратить на себя внимание:

— Примите, пожалуйста,—едва слышно подает он голос.

— Вы что, не видите, я занята, отпускаю товар,— взрывается буфетчица.— Ждите!

Столкнувшись с яблочной продукцией, студент Женя хотя и никакого постулата не вывел, но тоже кое-что понял.

Да и что тут не понять? Разве не ясно: набор изделий в буфете беден, столы не убираются, стаканы вымыты кое-как оттого, что все помыслы продавщицы направлены на то, как бы побольше удержать залоговых денег. В ко-

нечном счете сумма набирается немалая. За день буфетчица продает сотни бутылок ситро и всю выручку делит на две неравные части: меньшую — государству, затратившему значительные средства на производство продукта, большую себе — за здорово живешь.

Снится ли еще кому-нибудь такой левый приработок?

Оказывается, снится. И все в том же яблочном сне.

Еще не так давно начальником и главным технологом цеха по выпуску яблочного сока в колхозе «Донской» состоял К. Д. Псурадзе. Никто сюда Константина Дмитриевича не выписывал, не приглашал. В один прекрасный день он возник в правлении колхоза по собственной инициативе. За считанные минуты приезжий увлек руководителей хозяйства идеей переработки яблок на сок, нарисовал радужные перспективы всеобщего благоденствия и процветания.

— Вам ничего не придется давать, вы будете только получать, — посулил он правлению.

И в самом деле, К. Д. Псурадзе, как добрый маг и волшебник, принялся на пустом месте создавать цех: раздобыл пятидесятитысячную ссуду, откуда-то привез оборудование, разработал технологию, подыскал себе соратников в лице Л. Е. Габуния, А. П. Донелия, Г. Ш. Гогоберидзе, В. С. Окуркова, Б. М. Расхудина. Затем Константин Дмитриевич заключил договор с районной заготконторой и, используя ее расчетный счет, приступил к делу. Десятки агентов Псурадзе разъехались и разошлись по окрестным деревням и садам закупать яблоки у населения.

Вскоре пошел долгожданный сок. И не литрами — тоннами! Для его перевозок потребовались железнодорожные цистерны. 455 тонн яблочного сока сдали на пищекомбинат, 225 — отгрузили винзаводу. Теперь и другие хозяйства Воронежской области, завидуя колхозу «Донской», убедились в выгоде создания своего сокового производства. Со всех сторон к К. Д. Псурадзе стали поступать заманчивые предложения. Идя навстречу руководителям хозяйств, он создал еще два экспериментальных цеха. Теперь яблочный сок фонтанировал из трех скважин, широко растекаясь по Воронежской и сопредельным областям. Председатели колхозов не могли нарадоваться энтузиазму и размаху, присущему Псурадзе. Им казалось, что начальник трех цехов старается оправдать свою зарплату, а он на самом деле работал изо всех сил ради сотворения приварка.

Трудно сказать, сколько еще дочерних коковарных цехов открыли бы предприимчивые дельцы, если б не вмешались органы внутренних дел. Обнаружилось, что в Белгородской и Донецкой областях исчезает со складов лимонная кислота в крупных размерах. Оказалось также, что пропавшая кислота в целости и сохранности поступает в соковарные цехи. Тут лимонная кислота смешивается с сахаром, заливается водой, а затем это варево выдается за натуральный яблочный сок. Что же касается заготовителей, то они главным образом заготавливали не столько яблоки, сколько липовые выплатные ведомости. А деньги присваивали в убывающих пропорциях: 80 процентов — Псурадзе, 20 — себе. Словом, пока суд да дело (суд приговорил К. Д. Псурадзе к 15 годам заключения, Л. Е. Габуния — к 12, остальных участников — в тех же убывающих пропорциях), оказалось, что благодаря своим безалкогольным увлечениям ловкие сокофальсификаторы положили в карман 165 211 рублей 16 копеек...

В этом фельетоне мы рассмотрели приварочный вопрос лишь в яблочном аспекте. Но ни для кого не секрет, что немало разных прочих «фруктов», пробравшись на должности, извлекают корысть не только из антоновки, мелбы или грушовки.

Обнаружить сотворителей приварка не так уж сложно. Достаточно заглянуть в служебное купе пассажирского вагона. зайти на минутку в буфет кинотеатра или отведать рюмку безалкогольного напитка, сваренного по алхимическим рецептам технолога Псурадзе. Но вот незадача: ответственные товарищи как-то не догадываются это сделать. Видимо, ждут, когда прямо перед ними упадет с ветки спасительное яблоко и их вдруг осенит идея навести порядок в своих ведомствах.

1980

ОТ ИГОЛКИ ДО АВТОМОБИЛЯ

— Покупайте только у Минашкина!

— На Большой Черемушкинской улице можно найти все — от иголки до автомобиля!

Услышав эту весть, техник Шагулямов из Ташкента помчался в район станции метро «Академическая», отыскал нужный дом и тут же стал владельцем двух прекрасных импортных галстуков. Его поблагодарили за покупку:

— Будете в столице, всегда милости просим!

Было бы просто невозможно упомнить всех клиентов Лазаря Ивановича Минашкина. В осенний сезон на Большую Черемушкинскую устремлялись представительницы прекрасного пола. Их ждал великолепный выбор сапожек — югославских, немецких, французских. Перед Новым годом сюда валил народ за красочными настенными календарями, за елочными сувенирами.

Так кто же такой Минашкин? Директор универмагов «Весна» или «Березка»? Ни коим образом. До последнего времени он был незаметным служащим в межобластной конторе с окладом жалованья в 170 рублей и с уймой свободного времени. Оклад жалованья Лазарь Иванович пускал на мелкие карманные расходы. Свободное же время употреблял на сотворение приварка: наш герой паразитировал на дефиците.

Как-то на заре своей уголовно-коммерческой деятельности Л. И. Минашкин обнаружил, что многие серьезные люди занимаются практически несерьезным делом: собирают спичечные этикетки и за хорошую картинку готовы заплатить сколько угодно.

Коллекционеры толпились у табачных киосков, терпеливо ожидая, когда в продаже появятся коробки с новыми рисунками, а Минашкин помчался к проходной спичечной фабрики, сунул сторожу пол-литра, и тот в знак благодарности перекинул через забор несколько рулонов этикеток. Результаты превзошли все ожидания. Трансзаборный бросок сторожа принес Лазарю Ивановичу чистую прибыль в шестьсот рублей...

Дело Минашкина обретало блистательную перспективу, становилось на прочный фундамент. Конечно, весь этот этикеточный бизнес сгорел бы с быстротой спичечной головки в тот самый миг, когда общество коллекционеров смогло бы обеспечить своих членов новыми этикетками с той же расторопностью, что и Минашкин. Но по государственным каналам снабжаться было очень сложно, почти невозможно. Тут потребовались бы многоступенчатые контакты между предприятиями и магазинами, согласования в главках, заключение договоров, принятие взаимных обяза-

тельств... А у Лазаря Ивановича все было просто: смотался на фабрику, пошептался со сторожем на проходной, сунул пятерку, и все дела...

В конце концов спекулянта изловили, и ему во всей своей неотвратимой реальности уже виделись распахнутые металлические ворота казенного обиталища. Но правосудие проявило гуманность. Как выяснилось впоследствии, излишнюю гуманность. Минашкин дал слово этикетками больше не торговать, и его отпустили с миром.

К этикеточному бизнесу Минашкин действительно не вернулся, поскольку решил заняться делами более весомыми и прибыльными. Как-то представитель облпотребсоюза из Узбекистана В. У. Уразходжаев, который покупал у нашего героя кое-что из ширпотреба, приехав в Москву, поделился с Лазарем Ивановичем своими заботами:

— Нужны мешки!

— Какие еще мешки?

— Самые обыкновенные. Но очень много.

Деятель кооперативной торговли мог бы идти по официальной линии: обратиться в Центросоюз, в министерства. Но этот путь показался Уразходжаеву долгим, хлопотным, не гарантирующим полный успех. Он верил, что дорогу к заветным мешкам лучше всего откроют деньги. А деньги у представителя Узбекистана водились в немалых количествах.

Мешков у Минашкина не было, а подзаработать хотелось.

— Мешки будут,— пообещал делец.

В тот же день он разыскал своего приятеля Л. А. Подхомовского. Приятель нигде не работал, а кормился тем, что, выдавая себя за директора подмосковного совхоза, выбивал в снабженческих и сельскохозяйственных органах различные материалы.

— Дело привычное,— выслушав Лазаря Ивановича, сказал Подхомовский.— Итак, начинаю действовать.

Обговорив условия с Минашкиным и получив от него на первые расходы пятьсот рублей (деньги Уразходжаева), он двинулся в Министерство сельского хозяйства. Тут он побродил по коридорам, познакомился с девушками из приемных и, собрав с них по шесть рублей, обещал к вечеру доставить парных цыплят.

— У меня в совхозе огромная птицеферма,— соврал Подхомовский.

Парных цыплят брать ему, понятно, было неоткуда. Но, войдя обманным путем в девичье доверие, он попросил секретаршу взять фирменный бланк и продиктовал от имени заместителя министра письмо в весьма солидный снабженческий орган. В письме содержалась нижайшая просьба отпустить подмосковному совхозу двести тысяч мешков.

— Вот спасибо! — воскликнул мнимый директор, беря отпечатанное письмо. — Сейчас пойду к вашему шефу и подпишу документ.

К шефу он не пошел, на бланке расписался сам и, не теряя времени, поспешил к снабженцам. Здесь ничего не заметили и дали указание базе в городе Иванове отпустить Минсельхозу (для подмосковного совхоза) сто пятьдесят тысяч мешков.

На первый случай нашлось только двадцать четыре тысячи. И эти двадцать четыре тысячи стоимостью в 39 025 рублей поехали не в Подмосковье, а в Узбекистан. В конечном счете Узбекистан оплатить груз отказался: вместо искомых льняных мешков прислали почему-то бязевые. Разразился скандал...

А Минашкина уже влекут новые дела. Когда-то в подъезде универмага он познакомился с молодым человеком Сергеем Добротиным. При себе молодой человек имел радиокомбайн «Грундик».

— Не интересуетесь?

— Интересуюсь! — оживился Лазарь Иванович.

— А три фотокамеры «Поляроид» не возьмете?

— С величайшим удовольствием!

Сергей Андреевич Добротин особенно не торговался, приносил товар оптом мешками и чемоданами. А Минашкин барышничал в розницу и заламывал со своих клиентов баснословные цены.

Увесистые тома уголовного дела, которым закончилась в конце концов вся история, испещрены, казалось, нескончаемым перечнем жульнических сделок. Откроем страницу наугад. Вот хотя бы здесь и прочитаем:

«Минашкин скупил у Добротина 28 часов с фигуркой рыцаря по цене 65 рублей за штуку. Продавал по 125 рублей...»

«Приобрел у Добротина 420 транзисторных приемников, выполненных в виде сувенирных автомобилей, карет по 60 рублей. Продавал в два раза дороже...»

«От перепродажи аксессуарных баров «Король Артур» имел наживу не менее 36 225 рублей...»

Откуда же являлись все эти дефицитные подприлавочные изделия? С. А. Добротин работал в крупном торговом объединении. И вместе со своими коллегами Е. Г. Сивуниным и Ю. В. Перепелковым занимался хищениями в особо крупных размерах. Увы, должного порядка в торговом объединении не было. В счетно-платежных требованиях, предъявляемых покупателям, нечестные товароведы проставляли общую сумму, подлежащую оплате, и количество единиц изделий в партии. Таким образом, можно было вытащить из контейнера радиокомбайн, положив туда для ровного счета склянку чернил, что, собственно, и делалось. Чернил было много, радиокомбайнов тоже. Добротин, Сивунин и Перепелков совершали много других махинаций. Ну, например, направляли ходовые товары в магазины-салоны художественных фондов по заниженным ценам, но с непременным условием, чтоб половина партии продавалась только им.

А дальше опять подключался все тот же Минашкин. Он без краски стыда уже не мог вспомнить то далекое время, когда перебивался спичечными этикетками. Мелочь! Теперь спекулянт жил богато, широко. Вслед за трехкомнатной кооперативной квартирой Лазарь Иванович обзавелся автомобилем «Волга».

Вполне возможно, что преуспевающий комбинатор отгрохал бы себе дачу в лесистом Подмосковье или на южном морском берегу, если б не вмешались работники органов внутренних дел. В качестве остатков еще не прожитой Минашкиным былой роскоши они обнаружили в доме дельца 30 тысяч рублей наличных денег, облигации трехпроцентного займа, сберкнижки с крупными вкладами на имя его родственников, 45 золотых колец, монеты царской чеканки, серьги, броши, а также нераспроданные приемники, магнитофоны, аксессуарные бары, электрические часы...

Вслед за органами следствия компанией жуликов и спекулянтов занялся суд. Преступники получили по заслугам...

Разумеется, такие махровые перекупщики, как Минашкин, всплывают не так уж часто. Чаще встречаются спекулянты пошибом помельче.

...Вот в соседнем учреждении работает тетя Клава, дородная, милая и симпатичная женщина, душа чаераспивочной компании, которая в обеденный перерыв собирается у нее в комнате. Побаловав всех чайком, тетя Клава отводит какую-нибудь сослуживицу в сторонку и, озираясь на дверь, извлекает из хозяйственной сумки кофту сорок второго размера. Как бы с огорчением говорит:

— Вот себе купила, да примерить в магазине поленилась, пришла домой, посмотрела: мала...

И хотя объем талии тети Клавы куда больше метра и ошибиться на десять размеров очень трудно, сослуживица, не дав себе труда подумать, выкладывает названную сумму. А назавтра спекулянтка опять угощает всех чайком и высматривает другую клиентку, которой можно предложить джинсы или юбку, также «не подошедшие по размеру».

Все молчат, делая вид, что верят «безразмерным» россказням тети Клавы. Хотя прекрасно понимают, что в магазины спекулянтка не ходит, а за ее спиной прячутся жулики и воры, как прятались за спиной Минашкина Добротин, Сивунин и Перепелков.

1979

ЖАДНОСТЬ

Еще не так давно скептики предрекали, что повышение тарифов на такси поубавит число приверженцев этого замечательного вида городского транспорта. А вот ничего подобного не случилось. И теперь в «Волгах» под шашечками занятые люди следуют на работу, командированные — в аэропорт, приезжие — на экскурсии, студенты — по своим надобностям...

Короче говоря, процент граждан, предпочитающих такси трамваю, по-прежнему высок. Приведем убедительные примеры. В. И. Мострюченко, с которым мы теперь познакомимся, за последний год истратил на такси девять тысяч рублей с какими-то копейками. Если пересчитать на километраж, то получится, что он уже объехал земной шар по экватору и пошел на второй виток. Другие подсч -

ты показывают, что он расходовал на разъезды семьсот пятьдесят рублей в месяц. Двадцать пять — в день!

Впрочем, это средние цифры. Иногда Виктор Иванович работал дома. По другим же дням колесил по городу с утра и до вечера. Постепенно у него завелись широкие знакомства в таксомоторных кругах. Он снимал телефонную трубку и говорил:

— Это Коля? Ты будешь на линии? Ах, у тебя выходной! Жаль. Тогда передай Толе, что я займу его на всю смену.

Ездить с Мострюченко любили и Коля и Толя. Пассажир был общителен и не скуп. Чтобы иметь всегда машину под рукой, он приглашал водителей с собою в ресторан. Им к обеду заказывал бутылку «боржоми» (служба есть служба!), себе — фужер французского коньяка «Наполеон».

Так кто же такой В. И. Мострюченко? Академик? Мореплаватель? Известный на весь город плотник? Нет, это совсем молодой парень, исключенный со второго курса авиационного института за подделку документа.

Да может ли быть такое: рестораны, фужер коньяка «Наполеон», на такси вокруг экватора, и вдруг — студент!

Вот и шоферу такси Володе показалось, что он ослышался, когда пассажир, занявший машину на весь день, назвался студентом. Через минуту водитель уже знал, что Виктор Мострюченко — человек состоятельный. На днях в Калуге умерла его бабушка Варвара, которая перед самой кончиной устроила ему приятный сюрприз: завещала 15 тысяч. Но из-за разных формальностей сберкасса выдаст наличные только к концу месяца. А тут, как назло, срочно понадобились деньги: подошла очередь на «Волгу» в экспортном исполнении, а папа — крупный загранработник — прилетит только через неделю. Оттуда, куда он командирован, так быстро не выберешься. Вот и приходится мотаться из конца в конец, искать деньги.

Вечером сын видного загранработника уплатил по счетчику семьдесят пять рублей да еще за хорошее обслуживание выдал Володе премию — два червонца. Расстались довольные друг другом с тем, чтобы через день встретиться вновь. Опять носились по всему городу. Заезжали за какими-то людьми, прямо в такси Мострюченко брал у них деньги, и если те просили, выдавал расписки. Между де-

лом Мострюченко занял 460 рублей и у Володи, с которым был уже на короткой ноге.

Денег все еще недоставало, и любезный водитель предложил заглянуть к его знакомой девушке Оле — дамскому мастеру из салона красоты. Молодые люди сразу же друг другу понравились, и Виктор взял у дамского мастера сто рублей. А когда рассказал о бабушкином наследстве, о загранпапе и о «Волге» в экспортном исполнении, которая вот-вот ускользнет из рук, Оля выложила на стол еще две тысячи.

— А нет ли у тебя знакомых, которые могли бы дать деньги на два-три дня?

— Как же, есть!

Теперь знакомые Оли передавали Мострюченко другим своим знакомым, как эстафету, и те с большой радостью оказывали ему кредит. Повар из ресторана «Славянский базар» Таня, дав взаймы деньги Мострюченко, представила его официанту Славе.

— Да, накопления имеются,— похвалился Слава.— Я с родителями собираю на машину. У нас уже шесть тысяч. А сколько надо?

— Все!

Родители в отличие от сына оказались людьми осторожными. Но желание удружить было у Славы так велико, что он сочинил трогательную историю, будто Виктор женится на Тане и для свадьбы нужны деньги.

— Он мой старинный товарищ,— соврал Слава.

Шоферы таксомоторного парка охотно оказали материальную помощь своему постоянному пассажиру. Как бы стараясь переплюнуть друг друга, Коля дал 1800, Толя — 2100, Боря — 2200. У Саши своих денег не оказалось, но он вспомнил, что у него есть денежный дед. Поехал к денежному деду. Сначала старик прикинулся несостоятельным, но, посовещавшись с внуком, извлек из сундука 800 рублей.

А на машину все равно не хватало. Благоприобретенные суммы сразу же начинали таять: поиски кредита требовали немалых средств на разъезды и представительство. Вот почему ни официант Слава, ни парикмахерша Оля, ни Сашин дед, равно как и все остальные кредиторы, денег назад не получили. Чтобы избежать нездоровых эксцессов, Мострюченко решил на время укрыться у своей ба-

бушки Варвары, которая, к счастью, оказалась живой и здоровой.

Он прикатил в Калугу, конечно же, на такси и был накормлен доброй старушкой оладушками с вареньем. А его не привыкшая к диете душа требовала севрюжинки с хреном и французского коньяка. По его просьбе троюродная сестра аппаратчица Галя отыскала массу кредитоспособных людей среди соседей и сослуживцев. Школьник Дима предложил 100 рублей, аккордеонист Гена — 1800, учительница музыки Люба — 2300.

Не изменяя своей привычке, Мострюченко и в Калуге пешком не ходил, постоянно разъезжал на такси с шофером Юрой, у которого перехватил 1020 рублей до получки. На этой же машине от бабушки Варвары он переехал к девушке Лене, с которой познакомился на улице и у которой имел не только кредит, но и успех. У Лены было немало знакомых, а у знакомых — свои знакомые...

Время шло, и постепенно кредиторов стало охватывать нетерпение. Тогда Мострюченко собрал наиболее скандальных клиентов в загородном ресторане «Лесная сказка» и дал в их честь торжественный обед. Пока гости бражничали и славили щедрость хозяина стола, тот вместе с девушкой Леной укатил в Мурманск. Потом посетил Тольятти, Рязань, снова объявился в Мурманске и на том сгинул. Но не навсегда.

Совсем недавно Мострюченко предстал перед своими кредиторами живым и невредимым. Это не для всех приятная встреча произошла в зале заседания народного суда. Оказалось, что подсудимый со всей скрупулезностью до последней копейки вел точный учет, кому и сколько задолжал, горит желанием расплатиться с долгами, но, понятно, лишь тогда, когда у него заведутся деньги. Сейчас же он гол как сокол и ничем, кроме своей оптимистической улыбки, порадовать окружающих не может. А тридцать девять объявившихся кредиторов, напирая дружно со всех сторон, жаждали немедленно, сию же минуту получить с Мострюченко свои 39 479 рублей.

Этим людям, именуемым на суде пострадавшими, можно было бы только посочувствовать, если б не одно обстоятельство.

Вот перед судейским столом стоит очередная свидетельница — официантка ресторана на вокзале Галя. Однажды к ней подошла другая официантка — ее подруга Вио-

летта — и сообщила, что ее постоянному гостю, очень богатому и щедрому человеку, позарез нужны деньги на два-три дня.

— И вы дали деньги? — спрашивает судья.

— Да.

Оказалось, что вместе с постоянным гостем обедает шофер такси. Между подачей первых и вторых блюд Галя успела съездить на машине домой и привезти деньги.

— Шестьсот двадцать пять рублей,— уточняет Галя.

Но откуда такая прыть! Как же можно ни с того ни с сего вдруг отдавать незнакомому человеку свою восьмимесячную зарплату?!

Свидетельница мнется. На помощь ей приходит подсудимый:

— Я взял у ней пятьсот рублей, а сто двадцать пять обещал отдать в качестве благодарности за услугу.

Известный нам официант Слава из «Славянского базара» дал взаймы шесть тысяч, а получил от Мострюченко расписку на семь двести. Заработать за три дня кучу денег—разве можно было упускать такой счастливый случай! И другим своим кредиторам Мострюченко обещал немалые проценты. А что, ему разве жалко? Все равно ни копейки он отдавать не собирался. Некоторые любители поживиться, к которым он обращался, не имели свободных денег. Но почуяв легкий заработок и рассчитывая оставить проценты себе, они бросались к своим родственникам, знакомым.

Жадность ослепляла людей, перед которыми мошенник швырял десятки в надежде получить сотни. Хоть бы кто-нибудь задумался, из каких средств бывший студент, а теперь нигде не работающий бездельник будет отдавать такие сумасшедшие проценты! На какие деньги разъезжает в такси, пьянствует в ресторанах? На отцовские? Но какой пусть даже высокооплачиваемый родитель может давать сыну такие карманные деньги!

Отец Виктора Мострюченко, Иван Семенович, был допрошен в судебном заседании. «Загранпапа» оказался устойчивым домоседом. За рубеж он не выезжал, тем не менее воспитанием сына не занимался.

— Я хоть и ушел из этой семьи,— сказал Иван Семенович,— но систематически посещал вместе с сыном различные мероприятия.

— Какие именно?

Мострюченко-старший задумался и сказал с гордостью:

— Мы ходили с ним на футбол. Был матч СССР — Бразилия. Играл знаменитый Пеле. Билеты было достать очень трудно. Но я достал...

Можно бросить упрек не только отцу Виктора, но и его матери — педагогу Оксане Кирилловне, которая, заметив, что у сына завелись деньги, не забила тревоги. И комсомольцам института, которые так и не поинтересовались, как складывается судьба их бывшего сокурсника. И жаждущим «пострадавшим», без которых не могло бы свершиться преступление. Но все это ни в коей мере не может умалить вины самого Виктора Мострюченко. Когда человеку уже двадцать четыре, он обязан сам отвечать за свои поступки.

И ответил. Народный суд приговорил его к девяти годам лишения свободы. Без конфискации имущества в связи с полным отсутствием такового.

1981

ТАЙНА ВСЕЛЕНИЯ

Хорошие работники нужны всюду, специалисты у нас нарасхват. Инженер В. Н. Ивашкин, житель Горячеводска, трудился на ниве обеспечения запчастями механизаторов окрестных хозяйств. Но вот он получил лестное предложение из Кабардино-Балкарии: в Прохладном освободилось место управляющего торгово-завозной базы.

Владимир Нилович взвесил все «за» и «против», перетянуло «за». Оставив семью в Горячеводске в трехкомнатной квартире, он отбыл к новому месту работы. Огляделся, принял базу, придумал название для своей будущей кандидатской диссертации: «Центрозавоз спецодежды колхозам, совхозам на базе Ставропольского края и вопросы механизации складского хозяйства». А вскорости получил и здесь, в Прохладном, двухкомнатную квартиру, оставив за собою и горячеводское жилье.

Казалось бы, Владимиру Ниловичу спокойно жить, трудиться, писать свой научный трактат, не ведая беспо-

койств и тревог. Но тут его стал смущать старый товарищ М. А. Никогосов, которого назначили руководителем вновь созданной в Кисловодске объединенной дирекции строящихся тепличных комбинатов «Цветы предгорий». И вот Минас Аршакович начал обхаживать Ивашкина:

— Переходи ко мне. Будешь инженером по комплектации оборудования.

— Но какой же мне смысл менять шило на мыло. Тут я управляющий, первое лицо на базе. А у тебя буду на рядовой инженерной должности.

— Ты и останешься управляющим на базе, — сказал Никогосов. — Речь идет о работе на полставки.

— Ну это другое дело, — обрадовался Ивашкин.

На следующий день Владимир Нилович представил в объединенную дирекцию документ, исполненный от руки: «Администрация не возражает о принятии на работу по совместительству тов. Ивашкина В. Н. Заместитель управляющего торгово-завозной базой Н. Гладков».

Будем справедливы к М. А. Никогосову: о том, что Ивашкин сам расписался в документе за Гладкова, он мог и не знать. Но то, что разрешение работнику на совместительство должен давать его руководитель, а не подчиненный, он знать был обязан. Кроме того, подобное разрешение должны подписывать еще председатель месткома и главный бухгалтер.

Но войдем в положение Владимира Ниловича. Не мог же он обращаться за разрешением к своему начальству! В. Н. Ивашкин внедрялся в объединенную дирекцию «Цветов предгорий» тайно, никто в Прохладном не должен был знать, что он будет работать еще и в Кисловодске, и наоборот. Таким образом, обойдя все препоны, управляющий базой приступил к отправлению своих дополнительных обязанностей инженера по комплектации.

Прямо скажем, приходилось ему тяжко. Как видно из «Табеля учета» Прохладненской базы, управляющий трудился здесь по восемь часов ежедневно. А «Табель учета» «Цветов предгорий» утверждал, что инженер по комплектации являлся в объединенную дирекцию в те же дни и отсиживал на своем рабочем месте еще по четыре часа.

Можно было бы еще понять, каким же образом В. Н. Ивашкин умудрялся бывать и там и тут, не разрываясь на части, если оба учреждения находились в квартале друг от

друга. Но ведь из географии известно, что Прохладный отстоит от Кисловодска более чем на сто километров. Стало быть, закончив работу на базе в семь вечера, он должен был тут же трястись на автобусе в Кисловодск, работать с девяти до часу ночи, в три возвращаться домой, с тем чтобы в девять утра снова появиться на базе. И так каждый день!

Да мыслимо ли такое? Нет, немыслимо. Впрочем, мотаться Владимиру Ниловичу туда и обратно не было никакой нужды. Сидя в своем служебном кресле, управляющий базой незаконно снабжал запчастями постороннюю организацию «Цветы предгорий» и за это и получал свои полставки.

Мы забыли упомянуть, что директор М. А. Никогосов обещал Ивашкину за его неправедные труды еще и квартиру в Кисловодске. Одновременно с заявлением о приеме на работу совместитель подал М. А. Никогосову и другой документ: «Прошу вас предоставить квартиру, так как я проживаю в стесненных условиях. Моя семья состоит из четырех человек. Собственного домовладения не имею».

Коротко, но ничего не ясно. На каких же основаниях проситель утверждал, что у него стесненные жилищные условия? Сколько у него квартир, сколько комнат? В каких городах он живет, по каким адресам прописан? Впрочем, и автору заявления и читателям уже понятно, что если бы Ивашкин написал об этом, то никакой квартиры в Кисловодске ему не видать.

Теперь в нашем повествовании появится еще одна организация, а именно хозрасчетное строительно-монтажное управление треста «Ремстрой». И вот как-то главный бухгалтер этого СМУ Л. Кошкина перевела строительно-монтажному управлению треста ресторанов и столовых 25 тысяч рублей за железобетонные изделия.

Обычные расчеты между организациями, не так ли? Нет, не так. Никаких железобетонных изделий в природе не существовало. Получив деньги, трест ресторанов и столовых выделил трехкомнатную квартиру СМУ «Ремстроя». А это СМУ подарило квартиру «Цветам предгорий», ничего не попросив взамен.

Тут нам придется приоткрыть завесу еще над одной тайной. Дело в том, что директор «Цветов предгорий» М. А. Никогосов по совместительству являлся также уп-

равляющим СМУ треста «Ремстрой» и по примеру В. Н. Ивашкина руководил ежедневно одной организацией восемь часов, а другой соответственно — четыре. А поскольку Л. Кошкина по совместительству была главбухом в обоих учреждениях, то передать квартиру с баланса на баланс было не так уж сложно.

Сложнее было с оформлением жилищных дел В. Н. Ивашкина. Для выделения квартиры требовалось решение месткома. Однако профсоюзной организации в «Цветах предгорий» еще не создали. Поэтому по предложению директора М. А. Никогосова временно был учрежден лжеместком. В его задачу входило оформить жилищные бумаги В. Н. Ивашкина и самораспуститься. И вот на свет родился «Протокол совместного заседания администрации и местного комитета № 1». За «председателя месткома» Минас Аршакович поручил расписаться своему заместителю Р. Шумейкину, в качестве членов фигурировали главбух Л. Кошкина и Г. Плотникова — технический секретарь. Те же Р. Шумейкин, Л. Кошкина и Г. Плотникова расписались в акте проверки жилищных условий липового очередника В. Ивашкина, хотя ни в Горячеводск, ни в Прохладный, где он имел по квартире, никто не выезжал.

Через несколько дней жилищные органы вынесли такое удивительное решение: «Утвердить списки на предоставление жилой площади семьям граждан, подлежащих переселению в связи с необходимостью освободить площадку под строительство дома ЖСК «Учитель». А в списке переселяемых граждан, кто бы мог поверить, красовалась фамилия В. Ивашкина.

Как же в зоне кисловодской стройплощадки вдруг оказались квартиры Ивашкина, одна из которых находится, как известно, в Прохладном, а другая в Горячеводске?

Услышав об этом, мы надумали, было, нанести визит В. Ивашкину, чтобы поглядеть, как обосновался счастливый новосел. Но тут узнали не очень огорчившую нас новость. Едва вселившись в новую, третью по счету квартиру, он еще раз сменил место своего жительства, правда, на этот раз не по своей охоте. И сейчас обрел пристанище в исправительно-трудовом учреждении.

Мы принялись наводить справки, и нам ответили, что Ивашкин осужден к шести годам лишения свободы одним из районных народных судов города Горького.

— Что, и на Волге у него оказались кое-какие жилизлишки?

Нет, дело в другом. Управляющий торгово-завозной базой в Прохладном, устроившись на полставки в цветочно-тепличную организацию, завел еще дружбу с жуликами из Горького. Те по фиктивным документам получали запчасти на различных заводах, грузили их в контейнеры и направляли их прямехонько В. Ивашкину. А он уже по спекулятивным ценам за наличный расчет сплавлял их другим жуликам. В связи с этими открывшимися обстоятельствами В. Ивашкина пригласили в Горький по месту хищения государственного имущества, где и отдали под суд вместе с другими участниками жульнической корпорации.

А вот история тайного вселения прохладненского управляющего в кисловодскую цветочно-тепличную организацию и в отдельную трехкомнатную квартиру не только не нашла своего уголовного отражения, но попросту никому не известна.

Чтобы разобраться в деле, нам думается, вовсе не нужно ждать, когда на кислых водах объявится ответственный квартиросъемщик. Да и не о нем сейчас речь. Гражданин Ивашкин сейчас находится в процессе трудового перевоспитания и, надо полагать, возвратится в общество совсем другим человеком. Ну, а кто займется перевоспитанием всех упомянутых в фельетоне должностных лиц, которые и на своей основной работе и на совместительской шли на прямой подлог, на преступление?

1976

ДВОЕ ВЫШЛИ ИЗ ЛЕСА

Даниил Константинович Крапченко написал триста шестьдесят одну жалобу, а проку не видно. Но он не падает духом, не отчаивается:

— Я своего добьюсь!

Чего же хочет Даниил Константинович, чего добивается? Хорошей работы? Или, быть может, он нуждается в жилье? Ничего подобного. Он работает старшим инже-

нером на одной из донецких шахт, живет удобно, в достатке.

У старшего инженера другие заботы. Он считает, что роль его личности в истории последней войны крайне преуменьшена и практически сведена на нет. Он больше не желает оставаться в тени. Ни в коем случае. Хватит!

О боевых делах Д. К. Крапченко теперь хорошо знают в Одессе, Киеве и Москве. Правда, лишь с его слов. Даниил Константинович часто посещает эти города, заходит в учреждения, охотно вспоминает эпизоды из своей партизанской жизни.

Удивительная история Д. К. Крапченко в своих общих чертах выглядит так. В самом начале войны ему, скромному работнику уездной организации из Молдавии, было дано важное поручение, в связи с которым он и не пошел в армию. Д. К. Крапченко при первых же выстрелах спешно бросил свою квартиру, срочно приехал в Донбасс, где и поселился в доме своей родной тещи.

— Вы выполняли ваше задание в доме у тещи?

Оказывается, 22 июня 1941 года Крапченко дал клятву ни слова о своем задании не говорить. Задание было настолько секретным, что даже сейчас, спустя много лет после окончания войны, никто не должен о нем знать.

— А потом по заданию райкома партии я создал партизанский отряд. Этот отряд влился в крупное соединение днепропетровских партизан и действовал в Знаменских и Черных лесах.

Сам же Крапченко в указанных лесах не появлялся, а получил новое сверхсекретное задание, в связи с чем от своей донецкой тещи он перебрался в Николаевскую область, к родной матушке.

В сорок четвертом году Крапченко объявился в Одессе и захотел, чтобы именно Одесский обком комсомола подтвердил его героические подвиги, совершенные в Донецке, Николаеве, Кировограде, Днепропетровске, Львове и во многих других местах Он принес в обком отчет о своей «подпольной деятельности». Судя по отчету, Даниил Константинович с горсткой верных людей обошел из конца в конец десять областей Украины, а также одно иностранное государство и всюду давал неприятелю крупные сражения.

Герой рапортовал обкому: «За весь период отрядом проделано следующее: 623 взрыва пути, 9 эшелонов пу-

стили под откос, вывели из строя до 400 железнодорожных вагонов, 123 автомашины, 64 цистерны, 7 паровозов, взорвали 4 моста, 3 склада с боеприпасами, уничтожено до 8 тысяч солдат и офицеров».

Между тем шла еще война. Сверстники Даниила Константиновича сражались с врагом, проливали кровь. А Даниил Константинович ходил по Одессе, требовал признать его героем и писал жалобы.

Жалобы проверялись самым тщательным образом. Но вот надо ж такому случиться: никто не слышал ни одного из 623 устроенных Даниилом Константиновичем взрывов, не видел опрокинутых им эшелонов и уничтоженных автомашин. Выяснилось также, что ни один из известных в республике райкомов в подполье Крапченко не отправлял. Что же касается вышестоящих партизанских командиров, которым якобы подчинялся Д. К. Крапченко, то оказалось, что одни из них являются лицами выдуманными, неконкретными, другие реально существовали, но ни о Крапченко, ни о его отряде никакого представления не имеют.

Без малого десять лет Даниил Константинович требовал вновь и вновь перетряхнуть донецкие, днепропетровские и кировоградские архивы, а на одиннадцатом вдруг вспомнил, что все было совсем не так. Оказывается, в Одессу он попал не в конце войны, а в самом начале, и с самого сорок первого года работал в оккупированном врагом городе, был резидентом, командиром боевых дружин и диверсионных групп.

В чем дело, как же объяснить сей парадокс? Оказывается, Крапченко от одного человека узнал кое-какие факты об одесском подполье. С той самой поры он решил врать по-новому, превратился из «донецко-днепропетровского партизана» в «одесского подпольщика» и требовал «установить и подтвердить эту истину».

А истина была давно установлена и подтверждена. Вскоре после того, как Крапченко подал свою победную реляцию в Одесский обком, он был опознан и предан суду. И поделом. Оставшись на оккупированной врагом территории, Крапченко сначала работал в типографии, а потом в Николаевской области стал бургомистром волостной управы. Собирал подати, заставлял крестьян гнуть спину на оккупантов, сгонял молодежь для отправки на фашистскую каторгу. Писал гнусные антисоветские измышления в фашистские газетенки. Одну из своих статеек он подал на ли-

тературный конкурс. Она называлась: «За что мы благодарны германской власти».

Военный трибунал приговорил фашистского пособника к смертной казни, но ему все-таки даровали жизнь. Потом была амнистия. Бывшие старосты, бургомистры, полицаи вышли на свободу. Теперь они сидят с нами за одним столом, пользуются всеми правами, при встрече им даже подают руку. Что ж, время идет, многое забывается... Но они сами не должны никогда забывать, кому служили и как великодушно отнеслись к ним те, кто сокрушил врага.

А бывшему бургомистру все неймется. Он требует, чтобы его признали героем, а ему всякий раз приходится напоминать, кем он был на самом деле. Но Крапченко не стыдится людей. Уж очень он хочет теперь, с опозданием на тридцать лет, записаться в подпольщики, в партизаны...

Когда я в архивах проверял лживые заявления Крапченко, то отыскал другие документы о других людях. Я прочитал о том, что в сорок четвертом году под Одессой была сброшена с советского самолета диверсионная группа. Парашютисты пустили под откос три вражеских эшелона, взорвали склады, навели наши бомбардировщики на важные цели.

Что это были за люди, никто не знал. И только одна крестьянка вспомнила, что после войны от командира группы пришло письмо.

Степана Демьяновича Автеньева искали по всей стране, а он, оказывается, живет здесь же, рядом, под самой Одессой...

Я заканчиваю нудную и утомительную беседу с лжепартизаном Крапченко и в тот же день еду в Ильичевский порт, чтобы повидаться со Степаном Демьяновичем. Я увидел старика с добрыми, живыми глазами, по-молодому подтянутого и собранного.

Перед войной у него была что ни на есть самая мирная работа: Автеньев заведовал пунктом «Заготзерно», да и лет ему было уже немало — за пятьдесят. На фронт Автеньев пошел добровольно и вызвался руководить диверсионной группой в тылу врага.

Первый раз его группу забросили в Днепропетровскую область, туда, где, по преданиям, не нашедшим подтверждения, победно воевал Д. К. Крапченко. А группе Автеньева пришлось нелегко. Предстоял трудный марш по тылам врага.

Степан Демьянович вспоминал, как шли, что ели, где останавливались на ночлег. Рассказывал он не торопясь, с мягким украинским юморком, будто все было так просто, легко и спокойно. Я ждал, когда бывший командир десантников расскажет о боевых делах. Но так и не дождался. А когда я напомнил о них, он ответил коротко:

— Было и это...

Об автеньевских десантах никто так и не написал. Мало ли было на Украине других славных дел! Но Степан Демьянович и его товарищи молчали. Солдату не к лицу хвалиться былыми заслугами. Настоящее мужество немногословно.

Мы говорили со Степаном Демьяновичем долго. И все же я многое бы не узнал о нем, если б в самый последний момент он не извлек откуда-то полинялую папку, перевязанную ветхой тесьмой. На голубом картоне осела легкая проседь пыли, чувствовалось, что папка раскрывается не часто. Старик в ней хранил реликвии — выцветшие бумажки. Не для людей. Для себя.

Вот документ о том, что в восемнадцатом году матрос с броненосца «Пантелеймон» Автеньев командовал в Николаеве летучим отрядом, устанавливал в городе Советскую власть. О дальнейшей судьбе матроса-большевика рассказывают другие документы. С приходом кайзеровских войск был схвачен и посажен в каторжную тюрьму. Потом освобождал Одессу от интервентов, работал в подполье, еще раз освобождал Одессу, на этот раз от белогвардейцев...

Беру в руки еще одну бумажку.

— Простите, это совсем не то,— спохватывается Степан Демьянович.— Моя старуха все тут напутала...

Я все-таки успел пробежать текст: «Сообщаем Вам, что в ближайшее время удовлетворить Вас жильем не сможем». Подпись должностного лица. Свежая дата.

Старику неловко.

— Это совсем не то,— повторяет он.

Всю жизнь ему приходилось ездить с места на место, подумать о себе было некогда. Сейчас живет в ветхом домишке в селе, а работает в семи километрах от дома — в Ильичевском порту. Разные ведомства, разные райисполкомы, чего-то они там не могут договориться между собой.

Я невольно вспоминаю Даниила Константиновича Крапченко, с которым разговаривал сегодняшним утром. Да, если бы тот по-настоящему трижды брал Одессу, да вдруг бы остался без благоустроенной квартиры, вот было бы шуму в государстве! А Степан Демьянович молчит. Он никогда не просил ничего: ни квартир, ни чинов, ни наград...

Автеньев взглянул на часы и заторопился на пост. Не на какой-нибудь важный боевой пост, как было когда-то. Но все-таки на пост: теперь он руководит охраной большого дока...

А в это время в двери высоких учреждений Одессы, Киева и Москвы ломится бывший бургомистр, ныне старший инженер Крапченко. Он по-прежнему хвалится своими несуществующими заслугами и требует, чтобы его немедленно записали в герои, выдали справку по полной форме.

Что ж, возможно, он отыщет легковерных работников и добудет такую справку. А тогда начнет домогаться наград, выходных пособий, персональных пенсий... Все может быть. Ведь у нас еще кое-где не перевелись люди, которые о заслугах человека судят не по тому, кто больше сделал, а по тому, кто громче всех стучит себя в грудь...

1972

МКД № 004468

Кандидат технических наук Вячеслав Яковлевич Некедов трудился в большом проектном институте. Он являлся в учреждение к началу работы, расписывался в табеле учета, проходил в кабинет и углублялся в свои дела. А дел у него, надо сказать, было много. Старший научный сотрудник Некедов вел какие-то важные исследования и за свой напряженный труд получал солидный оклад — двести пятьдесят рублей в месяц.

А в научно-исследовательской технохимической лаборатории в то же самое время работал еще один гражданин Некедов, тоже кандидат технических наук и тоже Вячеслав Яковлевич. Технохимический Некедов точно так же, как и Некедов проектный, аккуратно приходил на службу, отме-

чался в табельной книге и принимался за труды. Этот Некедов двигал вперед науку, находясь на посту руководителя сектора, и, как высококвалифицированный специалист с ученой степенью, имел зарплату двести восемьдесят рублей.

Долгое время считалось, что в разных учреждениях работают совершенно разные Некедовы. Мысли о том, что их сотрудник может в те же служебные часы работать еще в другом месте, никто в проектном институте не допускал. Тот огромный объем работы, который, по мнению дирекции, выполнял Некедов, не оставлял ему уже ни времени, ни сил для какой-либо иной научной деятельности. В свою очередь, руководство лаборатории было абсолютно убеждено, что Вячеслав Яковлевич отдает себя всего без остатка технохимическим проблемам.

И тем не менее Некедов работал один, без двойников. Как уж там ему удавалось ежедневно раздваиваться и присутствовать сразу в двух местах, остается до сих пор научно-техническим парадоксом. Но то, что он был един в двух лицах, ясно устанавливается из того, что, устраиваясь на работу, он и в институте и в лаборатории предъявил кандидатский диплом МКД № 004468.

Как же взяли на основную работу человека, который уже состоял на другой основной работе? Смотрели ли у него трудовую книжку? Смотрели. Но у Некедова были две трудовые книжки. Одна своя, законная, а другая поддельная, перелицованная из документа покойной матушки его дальнего родственника. Да может ли кандидат наук так унизиться и опуститься? Кандидат наук, конечно, не может. Здесь мы вынуждены еще раз огорчить научных руководителей и коллег Некедова по двум авторитетным учреждениям. Некедов никогда не был кандидатом наук, а диплом кандидата у него был тоже липовый. Тогда, должно быть, Некедов являл собою фигуру выдающегося инженера-практика, который, как оказалось, легко работал за двух кандидатов наук? Увы, инженером наш герой не был, и никаких институтов он не кончал. Вузовский диплом он приобрел жульническим путем, по поддельным справкам. Да что там вузовский диплом! Мы провели огромную исследовательскую работу, но так и не смогли найти той средней школы, какая выдала бы Некедову аттестат зрелости.

Все это обнаружилось недавно, а в ту пору, к какой относится начало нашего повествования, липовый канди-

дат без среднего образования успешно двигал науку на двух фронтах. Целый год В. Я. Некедов являлся одновременно в два учреждения и получал зарплату сразу в двух кассах. Затем он уволился, сначала из проектного института, а спустя месяц из лаборатории, и по тому же фальшивому кандидатскому диплому МКД № 004468 устроился еще в третье научное учреждение.

А в проектном институте, который только что оставил Некедов, разыгрались события странные и невероятные. Друг Некедова, начальник отдела Алексей Семенович Кобылянский, вдруг начал рассказывать, что он подготовил кандидатскую диссертацию. Сообщение это не прозвучало сенсационно: многие сотрудники пишут диссертации, кто кандидатские, а кто даже докторские. Но вот Кобылянский отбыл в командировку в Омск и вернулся сияющий, счастливый:

— Поздравьте, я уже кандидат. Защитил диссертацию.

Слухи о том, что Кобылянский стал кандидатом наук, быстро распространились по институту, дошли до руководства. Новоявленного кандидата приглашают в дирекцию. Тот мнется, юлит. Да, действительно диссертация защищена. Где? В Омске. А может быть, в Риге или даже в Хабаровске. Принципиального значения это не имеет, потому что он защищался в учреждении, закрытом на все сто процентов и не имеющем никакого обратного адреса.

Города, где защищал диссертацию А. С. Кобылянский, отыскать так и не удалось. Зато обнаружилось, что «засекреченный кандидат» подделал подпись в командировочных документах. Изовравшийся начальник отдела решил уходить по собственному желанию.

Казалось бы, положение Алексея Семеновича уже и не может быть хуже. Но вот одним прекрасным утром в институте животноводства раздается звонок. Приятный мужской голос интересуется, не нужен ли здесь кандидат наук, специалист в области математики. Оказывается, нужен: пустует должность руководителя сектора счетно-вычислительной лаборатории.

И вот в отдел кадров института животноводства приходит Алексей Семенович Кобылянский. Он оставляет свои документы, в том числе и кандидатский диплом МКД № 004468. Из диплома явствует, что кандидатская дис-

сертация защищалась не в Омске и не Хабаровске, а в одной из столичных академий.

На первый взгляд диплом выглядел как настоящий: форменный бланк, круглая печать, подпись председателя ученого совета. Но начальник отдела кадров взглянул на диплом и почуял что-то неладное. Во-первых, ему показалось, что в дипломе есть подчистки. Во-вторых, его смутили уж слишком замысловатые подписи. А главное, на месте начальника отдела кадров в этом институте сидел человек ответственный и зоркий. Начальник отдела кадров снял трубку и через пять минут уже знал, что среди кандидатов наук Алексей Семенович Кобылянский не значится.

Этим загадочным обстоятельством и объяснялось появление сотрудника института животноводства в канцелярии академии. Работники академии взглянули на диплом Кобылянского и тут же подтвердили, что гражданину с такой фамилией ученый совет никогда не присваивал кандидатской степени.

— В дипломе подделана подпись председателя совета и секретаря.

— А печать?

— Печать наша.

Но как печать академии могла появиться в поддельном дипломе постороннего лица? Появлялся ли этот Кобылянский в академии? Вахтеры подтвердили, что появлялся. Он наносил визиты начальнику отдела математического обеспечения кандидату технических наук Николаю Аристарховичу Гастрономову.

Кадровики академии открывают личное дело Гастрономова, чтобы поглядеть, не доводится ли этот Кобылянский ему родственником. И вдруг обнаруживают, что год назад, поступая в академию, Гастрономов предъявил диплом под тем же удивительным номером 004468 и с той же серией МКД.

А вскоре оказалось, что, помимо уже известных нам Некедова, Кобылянского, Гастрономова, с поддельным дипломом МКД № 004468 браконьерствует на научной ниве еще некий Болеслав Венедиктович Копылов-Бекетов. Выдавая себя за кандидатов наук, четверо дружков-собутыльников получали оклады ученых и жульнически извлекли из касс институтов многие тысячи рублей.

Теперь мнимые кандидаты наук стали весьма реальными кандидатами на скамью подсудимых. На этом, собст-

венно, можно было бы поставить и точку, если бы история с фальшивым кандидатским дипломом МКД № 004468 обнаружила только четырех проходимцев. Она обнаружила и немало ротозеев. Диву даешься, с какой легкостью проникали жулики в иные научные организации. Друг за друга ходатайствовали, друг друга рекомендовали и устраивали. Они были настолько уверены в полной безнаказанности, что во всех своих фальшивых дипломах проставили один и тот же номер. Пользуясь ротозейством работников канцелярий, жулики имели доступ и к гербовым печатям.

А ведь разоблачить проходимцев было совсем не трудно. Стоило лишь проявить элементарную бдительность, как это сделал начальник отдела кадров института животноводства. Но вот беда — в некоторых научных учреждениях при поступлении на работу у этих лиц не потребовали даже предъявить дипломы, удовлетворяясь копиями, снятыми самими поступающими. В других местах дипломы смотрели, но не обратили внимания на подчистки, на липовые штампы, на перепутанные названия институтов...

Впрочем, далеко не во всем нужно винить кадровиков. А что можно сказать о руководителях научных учреждений, где работали пройдохи? Какие требования предъявляют они к своим сотрудникам, как контролируют их труд, если на кандидатских должностях у них годами сидели неучи, не имеющие даже законченного среднего образования?

1972

ТРЕСТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ

Когда в закавказском городе Арзахе открылся учебно-производственный комбинат (УПК), никто представить себе не мог, что это событие знаменует начало новой трикотажной эры. Да можно ли было даже думать, что скромная продукция, изготовленная в двух неказистых цехах, вызовет на рынке настоящий бум и переполох! Ведь сенсации, казалось, и ждать было неоткуда. Создавая УПК, общество глухих ставило цель весьма скромную: обучить спе-

циальностям и обеспечить работой инвалидов с крайней степенью тугоухости. Но оказалось, что все места в УПК заняты лицами с отменным и тонким слухом. Жители соседних городов А. Зейналов, Г. Карапетян, Ф. Мамикошвили, Л. Семнов, Д. Вересов тоже не страдали глухотой, но примчались на комбинат, когда все вакансии были уже заняты.

— Ну, что же,—сказали они, погоревав для вида.— В таком случае нам только и остается работать бесплатно, за «спасибо».

И компания формально не состоящих на службе лиц образовала на комбинате нечто вроде совета на общественных началах. Никто членов совета не выбирал, не утверждал, но за работу они взялись рьяно: с утра до вечера ходили по цехам, следили за сохранностью станков, за чистотой и порядком, пересчитывали на складе готовую продукцию, сличали финансовые документы. Члены совета были непримиримы к лодырям и бракоделам. С лютой ненавистью набрасывались они на расхитителей общественной собственности. Попробуй только попадись на проходной с мотком пряжи или с катушкой ниток. Всю душу вытрясут и вышвырнут на все четыре стороны без выходного пособия:

— Сгинь с наших глаз, жалкий ворюга, пока прокурора не позвали!

В такой обстановке директор комбината О. Облаев, как говорится, царствовал, но не управлял. По торжественным датам он лишь красовался в президиумах собраний и с традиционным хлебосольством встречал заезжих ревизоров и инспекторов. Мало что значили на комбинате главный инженер, главбух, начальники цехов...

А всеми делами вершил общественный совет. Он обычно собирался в загородном саду кого-нибудь из членов. Хозяин жарил шашлыки из только что зарезанного барашка, выставлял на стол коллекционное вино. После пленарного обеда начинались прения. Не всегда они проходили плавно, без эксцессов. Горячая заинтересованность в делах комбината накаляла обстановку, взвинчивала нервы. Был случай, когда увлеченный спором член совета нанес соседу запрещенный удар вилкой ниже пояса.

Пострадавший, собственно, поплатился за то, что не мог уразуметь, отчего Ф. Мамикошвили, являвшийся чем-то вроде председателя самоутвердившегося совета,

призывал к выпуску новых видов изделий. А в этом был прямой смысл. Из одного и того же количества сырья выходит и жакет и кофточка. Но цена кофты 23 рубля, а жакета только десять. Или что за резон выпускать детские брюки, когда при меньшей затрате эластика получается мужской джемпер, который уже стоит в три раза дороже.

Все члены совета, кроме пронзенного вилкой консерватора, проголосовали «за», и план комбината был перекроен наново. Вот тут-то над городом Арзахом и стала заниматься золотая заря трикотажной эры. Джемперы, кофты, водолазки переполнили склады, захватили в плен не очень уж широкие залы городских магазинов...

Общественники опять собирались в загородных райских кущах. На этот раз фехтовать на вилках не пришлось, все были единодушны в оценке достигнутых результатов.

— Товару делаем много,—докладывал председатель.—Теперь нужно отлаживать сбыт. Наше будущее—торговля с колес. Приехал, продал и помчался дальше. Даешь автолавки!

Своих автолавок у комбината не было, поэтому решили подбирать подвижников-энтузиастов на стороне и внедрять их в действующие автоточки.

— Нужны люди, на которых можно положиться, как на самих себя,—поучал председатель общественного совета Ф. Мамикошвили.—А то попадется какой-нибудь пьяница или мошенник, завалит нам все дело.

Решение крайне важного кадрового вопроса тоже взял на себя общественный совет. Нигде доселе не работавшие дети, племянники и внуки возглавили десятки автолавок различных орсов. Свои люди развернули торговлю в Одессе и Костроме, Архангельске и Туле, Львове и Ворошиловграде, Мелитополе и Харцизске, Коломне и Орле. Штатных единиц в автолавках было не так уж густо, поэтому многие энтузиасты, взяв в пример членов общественного совета из Арзаха, согласились работать без зарплаты.

Бесперебойное снабжение торговых точек потребовало создания разветвленной транспортной службы. Специальные агенты, большей частью из тех же общественников, неусыпно сопровождали грузы в самолетах, в поездах, в автомашинах.

Как-то Ф. Мамикошвили показалось, что работой комбината заинтересовалась пресса. Перед ним возник шуст-

рый молодой человек, показал корочку удостоверения сатирического журнала, после чего пожелал познакомиться с производством. На складе он пощупал водолазку, усмехнулся, заглянул в бухгалтерские книги, опять усмехнулся, что-то записал на клочке бумаги, усмехнулся в третий раз и с обворожительной улыбкой исчез. Председателя совета охватила смутная тревога. Он кинулся догонять молодого человека и настиг его в номере гостиницы. Постоялец ел овечий сыр, запивая его «боржоми». Заметив вошедшего, молодой человек пригласил разделить с ним скромную трапезу:

— Не взыщите, поиздержался в дороге...

Председатель понимающе кивнул и выложил перед мнимым сатириком и вполне реальным проходимцем пять тысяч...

Читателей, наверное, интересует вопрос, на какие же средства кормились-поились лица, которые трудились в поте лица на учебно-производственном комбинате, а зарплаты не получали? В чем секрет этой фирмы? Секрета теперь уже никакого нет. Сотрудники следственного управления в ста восьмидесяти пяти томах уголовного дела самым тщательным образом описали весь процесс производства и сбыта готовой продукции. А если говорить коротко, то в течение пяти лет под видом «общественного совета» на комбинате маскировался жульнический трест, в который можно было войти, лишь уплатив солидный денежный куш. Участники банды так себя и называли: «пайщики», «компаньоны». Они содержали на «твердом» окладе официальных руководителей УПК. В зависимости от размеров похищенного директор получал ежемесячно от 1000 до 2500 рублей, главный бухгалтер—от 500 до 2000. Свою долю брали главный инженер, начальники цехов, кладовщики, счетовод-кассир. Они не только отдали комбинат на откуп преступному тресту, но и сами крали, что могли.

Все делалось очень хитро. Сначала в накладных значились те изделия, которые выпускались на самом деле. С этими документами контейнеры выходили из ворот комбината и поступали в автолавки, палатки и магазинчики. А когда товар был распродан, старые накладные уничтожались и под теми же номерами выписывались новые, фиктивные накладные. В них указывалось, что были проданы не дорогие водолазки, а дешевенькие носочки, не мужские джемперы, а детские брюки...

Много месяцев шел процесс над пятьюдесятью шестью жуликами, разворовавшими на комбинате свыше трех миллионов рублей. И наконец суд вынес приговор. Четверо преступников приговорены к высшей мере наказания, остальные — к длительным срокам лишения свободы.

Итак, закон сказал свое веское слово. Остается выяснить, почему же малограмотным, несведущим в технике и технологии дельцам на полукустарном предприятии удавалось выпускать продукцию, успешно конкурирующую с изделиями легкой промышленности?

Без ясных ответов на эти вопросы, а главное, без принятия конкретных и действенных мер нельзя дать твердых гарантий, что подобный трест жуликов и проходимцев не возродится где-нибудь в другом месте. Нельзя будет дать таких гарантий до тех самых пор, пока идея заменить неходовой товар ходовым, а вышедший из моды модным и извлечь из этого максимальную пользу будет приходить сначала в голову жуликам, а потом осенять умы наших честных, но, увы, безынициативных и неповоротливых работников.

1978

СУНДУК БАБУШКИ АГРАФЕНЫ

В наше время уже не осталось, кажется, ни одного любопытного отверстия в земной коре, пещеры или кургана, которые бы не обшарил пытливый взгляд археолога. Давным-давно ученые обнаружили стоянку первобытных охотников в гроте Тешик-Таш (отроги Гиссарского хребта), раскопали памятники древнейшей земледельческой культуры у села Триполье близ Киева. И тем не менее все новые экспедиции ученых отправляются на поиски еще не разведанных могильников, кладов и тайников.

— Кто ищет, тот всегда найдет!

Но случается, что находит и тот, кто вовсе ничего не ищет. То на садово-огородном участке вдруг выкопают горшок с монетами Древнего Рима времен империи, то на стройке экскаватор выбросит в отвал какие-то забавные

камешки, которые при ближайшем знакомстве окажутся орудиями труда людей из мезолита.

Совсем недавно в сундуке бабушки Аграфены тоже обнаружился клад. Какой-то проезжий молодец зашел к ней в дом напиться в тот самый момент, когда она извлекла из сундука утюг с раструбом, купленный по случаю еще ее дедом на Нижегородской ярмарке: внуку Николеньке поручили от школы собирать металлолом.

— Что просите за утюжок, бабуся? — оживился гость. — Десятки хватит?

— Он же угольный! — охнула Аграфена Васильевна. — Да неужто в вашей деревне еще нет электричества?

— Мы не деревенские, мы городские, — обиделся парень, но тут же набавил цену: — Хорошо, двадцатка вас устроит?

Слухи о том, что бабушка Аграфена сосредоточила в сундуке редкие памятники материальной культуры, распространились по окрестным городам, и к ней повалил народ.

Один выпросил прялку, другой деревянную ступу. А из-за иконы «Сошествие во ад», которая хранилась на самом дне, гости затеяли между собою потасовку.

Впрочем, и сундуки других бабушек подвергаются опустошительным набегам охотников за старинной утварью. Жители города Иванова инженер Белоглазов и электромонтер Грачиков не поленились, объехали на своих «Жигулях» добрый десяток деревень и, поделив между собою улицы, стучались в окна и двери.

— Зачем понадобились наши поделки? — удивлялись старухи. — Ступайте в сельмаг — все новое купите.

— Мы коллекционеры. Нам старина требуется. А иконка случаем у вас не завалялась?

Если хозяйки не хотели расставаться с привычными предметами, приходилось идти на хитрость. Из ознакомительной беседы с бабушкой Александрой Белоглазов узнал, что ее сын работает на здешнем деревообрабатывающем заводе, и тут же решил назваться начальником цеха:

— Вы уж отдайте вещицы, которые мне приглянулись. А я вашего сыночка буду воспитывать, продвигать.

А в соседнем доме Грачиков встретил угрюмую, глуховатую бабушку Авдотью. Пришлось поглядеть, куда некоммуникабельная старуха прячет ключи. Выждав момент,

«коллекционер» отпер двери и запустил обе руки в заветный сундук.

Используя явные и тайные методы, друзья повсюду имели успех и без добычи не возвращались. Дома Грачиков держал двести шестьдесят шесть икон да еще сотню хранил у родственников и знакомых. С ним успешно конкурировал Белоглазов. Правда, икон он имел меньше, зато в его собрании были две шпаги, разная утварь, старинные изделия из серебра и бронзы, финифть...

Теперь нам время перенестись в Каунас и обратиться к событиям, которые на первый взгляд не имеют отношения к сундукам бабушек Аграфены, Авдотьи и Александры, проживающих в Подмосковье, в пределах знаменитого Золотого кольца. Начать нам придется с того приятного момента, когда Антанас Вихрявичус, заместитель начальника цеха радиозавода, решил сочетаться браком с девушкой Эльвирой.

Чтобы не показаться в глазах невесты скрягой, жених прихватил четыре тысячи рублей и явился к своему руководству с просьбой:

— Выпишите командировку в Москву. Хочу посмотреть подарки: золотые кольца, женские сапожки, столовый сервиз для свадебного ужина. Управлюсь очень быстро...

И точно, через три дня после приезда в столицу, А. Вихрявичус с обратным билетом до Каунаса занял место в вагоне поезда и, с нетерпением поглядывая через окно на перрон, ожидал отправления. Не знаем, как уж там он собирался выходить из щепетильного положения, но ни сапожек, ни золотых колец, ни столового сервиза он не нашел. Не купил он невесте даже пустякового сувенирчика вроде шариковой ручки или брелока с изображением Останкинской телебашни.

Зато в его чемоданах лежали бережно упакованные антикварные серебряные изделия и сорок шесть икон: «Распятие с предстоящими», «Святой Митрофаний Воронежский», «Воскресение с праздниками»...

Этим необычным багажом и заинтересовались работники отдела милиции на станции Москва-Белорусская:

— Зачем, собственно, одному инженеру-безбожнику такое ужасающее количество икон?

— Как зачем? Молиться по разным поводам. Например, за благополучие молодой семьи, за здоровье жены и ее ближайших родственников...

Впрочем, руководствуясь принципом «На бога надейся, да сам не плошай», инженер Вихрявичус запихнул под лавку две корзины дефицитных лекарств от всех известных человечеству напастей. Их он скупил по спекулятивным ценам у разных лиц, водивших знакомство в фармацевтических кругах столицы.

Ну, а все-таки откуда иконы? Да все оттуда же. Из своей быстротечной московской командировки Вихрявичус сумел-таки выкроить денек, чтобы подскочить в Иваново, встретиться с Белоглазовым и махнуть чемодан на чемодан. В багаже, привезенном коллегой из Каунаса, обнаружился магнитофон, джинсы, импортные рубашки, грампластинки, жевательная резинка. А в чемоданах, захваченных Вихрявичусом, как мы уже знаем, лежали иконы, которые за время путешествия от сундука бабушки Аграфены до городской квартиры инженера Белоглазова подскочили в цене в пять, а то и в десять раз.

Тем не менее инженер Вихрявичус не оставался внакладе: святой товар за время транспортировки по маршруту Москва—Каунас тоже имел свойство расти в цене. И инженер Вихрявичус знай себе ездил в Москву, заглядывал в Иваново. А чего же не ездить, если получить командировку на заводе, судя по всему, проще пареной репы.

— Хочешь, поезжай!

Без всякого видимого дела заместитель начальника цеха за неполных три года был в командировках в Москве двадцать девять раз.

В служебные часы обделывали свои делишки и Белоглазов с Грачиковым: мотались по деревням, покупали, продавали. Может, на работе не знали, чем занимались эти лица? Нет, знали. Вот характеристика, выданная Белоглазову дирекцией его завода: «Работник средней квалификации. Высокомерен. Торговал мелкими вещами на рынке...»

Торговал мелкими вещами на рынке... И продолжал быть командиром производства!

Нужно сказать, что Вихрявичус был далеко не единственным контрагентом Белоглазова. Широкую клиентуру имел и Грачиков. К нему постоянно приезжали приглядеть, что продается из старинных изделий, некоторые «коллекционеры» из других городов...

Спекулянт—фигура у нас, увы, не такая уж новая. Но вот с перекупщиками старины встречаться приходилось

не так часто. Спрос, однако, рождает предложение. Все чаще сейчас появляется интерес к старинным вещам. Мы можем только гордиться золотыми руками дедов и прадедов наших, изделия которых, предназначенные для повседневного обихода, приравниваются ныне к произведениям искусства. Но вот беда: пока сотрудники антикварных и комиссионных магазинов еще думают, как подступиться к делу, возле бабушки Аграфены начинают крутиться типы вроде героев этого фельетона, спекулянты и прямые жулики. Тот же Белоглазов покупал серебряные солонки за 27 рублей и выцарапывал на них слова: «С Рождеством Христовым!» А простодушные люди, полагая, что видят старинную работу, теперь отваливали за них целую сотню.

В бабушкином сундуке может оказаться не только повидавшая виды солонка, но и шедевры древних мастеров, которым нет цены и которые через пятые руки могут уплыть в такие дали, откуда им уже не будет возврата.

Давайте же сами встретимся, поговорим с бабушкой Аграфеной. Не такая уж темная женщина Аграфена Васильевна, чтобы не понять, что вещи, пришедшие к ней по наследству от бабушек, и сейчас не потеряли своей привлекательности и прелести. Они могут еще долго служить людям, украшать их жизнь.

1981

ОБРАТНЫЙ РЕЙС

Маленького мальчика за обедом спросили:

— А знаешь, откуда берется черная икра?

Ответ был достаточно полным:

— Ее достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.

Если судить по данному примеру, взятому из семейного фольклора, то получится, что икорно-балычное производство—дело в общем-то простое, поскольку даже дети знают основные этапы рабочего цикла. (Достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.)

Таким, собственно, и представляется вопрос при первом знакомстве. Чего уж, кажется, проще? В путину рыболовецкие бригады вылавливают осетровых в водах Урала и сдают добычу на Гурьевский рыбоконсервный комбинат, в частности на плавучий пункт № 14. Здесь старший мастер-икрянщик Букенбай Нурмагалеев вместе со своим младшим братом мастером-икрянщиком Юлдузом извлекают из рыб икру, очищают от пленки. Тем временем к портовым причалам уже спешат суда из разных мест, чтобы взять готовую продукцию и полуфабрикаты.

В числе других собиралось в плавание и приемно-транспортное судно «ПТС-8» производственного объединения «Туркменрыбпром». Подготовка рейса в порту Красноводск шла полным ходом. Матрос Никита Ушатиков, к примеру, прихватил с собою шесть тысяч рублей, о чем и поставил в известность капитана Григория Скрипцова.

Капитан Скрипцов, сойдя на берег, поспешил к дежурному помощнику начальника городского отдела внутренних дел капитану милиции Альберту Пересыпкину. И проинформировал о странном поведении члена своего экипажа.

— Ушатиков—матрос бывалый,—заключил Пересыпкин после недолгого молчания.—Значит, ожидается дешевая икорка. Знаешь, захватите-ка и на мою долю.

Капитан милиции тут же отвалил капитану судна тысячу сто рублей:

— Купи побольше. Продукт все-таки ходовой. Намажешь один бутерброд, другой, в завтрак да в ужин, глядишь, и весь вышел...

Капитан Скрипцов заканчивал приготовления к плаванию уже в тесном контакте с бывалым матросом Ушатиковым. Темной ночью со склада «Туркменрыбпрома» они утащили двадцать шесть пустых бочек и два надувных спасательных плота общей стоимостью в тысячу двести двадцать пять рублей. Может, в море ожидался шторм невиданной силы и капитан Скрипцов готовился в случае бедствия эвакуировать судовое имущество на плотах, а членов экипажа отправить искать берегов в просмоленных бочках? К счастью, нет. Прогноз был на редкость спокойным, а похищенные плавсредства и тару замышлялось употребить для иных целей.

При легком попутном ветре «ПТС-8» отошел от причалов родного порта и без особых приключений прибыл

в Гурьев. Загрузив в трюмы свежемороженых осетров для Красноводского рыбокомбината, капитан Скрипцов послал матроса Ушатикова в морскую разведку сориентироваться насчет икры. Тот вернулся радостный, возбужденный и доложил капитану:

— Есть, нашел!

Вдвоем отправились на плавучий пункт № 14, постучались в каюту уже известного нам старшего мастера-икрянщика Букенбая Нурмагалеева. Познакомились, прониклись друг к другу взаимным уважением. На свет явилась бутылка водки, которая и скрепила двустороннее соглашение:

— Икру в бочки, а деньги на бочку!

Букенбай Нурмагалеев брался продать пятьсот килограммов икры, а капитан с матросом — уплатить за килограмм по пять рублей. Обе стороны имели на этом свою выгоду. Морские люди рассчитывали перепродать икру спекулянтам рублей по пятнадцать. Братьям же икрянщикам икра вообще ничего не стоила: речь шла о государственном добре.

Но где же мог старший мастер в один день раздобыть полтонны неучтенной икры? Ответ на этот вопрос дают документы комплексной ревизии, проведенной на Гурьевском комбинате. Проверяющие отметили, что «приемо-сдаточные акты в бухгалтерии не регистрируются, хранятся в бессистемном порядке, что не гарантирует полноту учета количества актов и приемо-сдаточной документации».

Просмотрев 282 приемо-сдаточных акта за два месяца путины, ревизоры отметили, что «при доставке рыб осетровых пород с приемных пунктов до причала комбината обнаружен излишек в 655,29 и недостача в 75, 73 центнера».

...Итак, ночью к плавучему пункту на моторной лодке подошли капитан Скрипцов со своим верным матросом, обменяли пустые бочки на полные и удалились в сторону моря.

Дальнейший путь приемно-транспортного судна лежал к брандвахте Гурьевской машинно-мелиоративной станции, известной среди всяких скупщиков-перекупщиков как черный рынок черной икры. Здесь коммерсанты купили у браконьеров еще 870 килограммов икры.

А в Красноводске ждал и не мог их дождаться капитан милиции Альберт Пересыпкин. Много раз он выходил на берег, прикладывал ладонь к бровям и подолгу вглядывался в мглистую даль. Наконец из диспетчерской он получил долгожданную весть: капитан Скрипцов подходит к порту. Но Пересыпкин прекрасно знал, что судно сразу в порт не пойдет, а сначала бросит якорь в обусловленном месте у пустынного берега близ поселка Аим.

Дальнейшие события развивались с быстротой детектива со спружиненным донельзя сюжетом. Альберт Пересыпкин на грузовой машине (кстати, нанятой частным путем в автобазе № 1) помчался к поселку Аим и, дождавшись ночи, подал сигнал фонарем: две короткие вспышки и три длинные. В море зажегся ответный свет:

— Принято, понято!

Скрипцов и Ушатиков привязали спасательные плоты к моторной лодке, уставили их бочками, прихватили еще пятнадцать свежемороженых осетров и поплыли к берегу навстречу настрадавшемуся в ожиданиях Пересыпкину.

— Икру вы скупили у жуликов, она за вами не числилась. Но вы обязаны были сдать на рыбокомбинат эти пятнадцать осетров. Как же намеревались выйти из положения, объяснить недостачу? — спросили потом у капитана.

Капитан Скрипцов ответил:

— Никакой недостачи не могло быть. Нам дается два процента естественной убыли. Я вполне укладывался в эту графу...

Вот вам опять всякие официальные допуски, завышенные нормы, дутые проценты допустимой убыли, которые оборачиваются немалой прибылью для всяких ловчил и спекулянтов...

Тем временем машина, в которую погрузили 15 осетров, 26 бочек и 45 банок икры, помчалась в Красноводск, а капитан Скрипцов повел свое судно в порт. Тиха была прикаспийская ночь. Вдруг на дороге появились люди, дали предупредительную ракету, предложили остановиться. Но грузовик, едва не смяв людей, прорвал заслон. Уйти, однако, не удалось.

Что говорить, операцию по задержанию перекупщиков работники Востоккаспрыбвода, инспекции Красноводского заповедника, линейного отдела милиции и городского отдела внутренних дел провели образцово. Если б не одно досадное обстоятельство...

Когда задержанных увезли в город, оставшиеся у машины члены оперативной группы стали составлять опись обнаруженного груза. И вот сотрудник охраны заповедника Д. Голобородько, старший моторист П. Арзуманян, инспектора Востоккаспрыбвода В. Журавников, Ю. Туманщиков, работник милиции Р. Хайдарнепесов не смогли удержаться от соблазна и вознамерились малость попользоваться захваченной икрой. Двадцать пять бочек указали в акте, а двадцать шестую откатили в сторонку и спрятали.

Ну а вся остальная икра была сдана в холодильник Красноводского рыбокомбината, где она хранилась... Здесь нам придется оборвать фразу. Рука по инерции сложившегося стандарта так и тянулась написать «хранилась в целости и сохранности». Увы, мы бы тогда покривили душой, потому что в холодильнике две банки икры сначала пропали, потом после долгих поисков нашлись с тем, чтобы исчезнуть уже окончательно и бесповоротно.

Тем временем прибывшие из Москвы научные сотрудники института эпидемиологии и микробиологии обнаружили в икре возбудитель ботулизма и почти полторы тонны черной икры, на радость обитателям окрестных птицеферм, пришлось перемолоть на кормовую муку. Да и как не быть в этой икре разным зловредным возбудителям, если она добывалась и перевозилась в антисанитарных условиях и представляла серьезную угрозу для здоровья людей! Пусть-ка над этим хорошенько поразмыслят любители поживиться «дешевой» браконьерской икоркой...

Когда в Главрыбводе прослышали о хищениях на Гурьевском рыбоконсервном комбинате, решено было послать на место заместителя начальника одного из отделов М. М. Толстикова и старшего инспектора С. Я. Насреддинова. Руководители Уралкаспрыбвода встретили посланцев главка хлебосольно и добросердечно. Было много ухи и всяких прочих удовольствий. Весьма импозантный вид имели М. М. Толстиков и С. Я. Насреддинов, появившись на перроне московского аэропорта «Домодедово» после инспекционной поездки по реке Урал. Из многочисленных сеток и сумок, которыми были увешаны вернувшиеся, во все стороны торчали рыбьи хвосты. Семнадцать килограммов одной только черной икры подарили благодарные ревизуемые не очень строгим столичным инспекторам.

Как видим, и в данном случае в роли лиц, покусившихся на общественное добро, выступали именно те, которые по долгу своей службы должны были его оберегать и охранять. Но вот беда, почуяв наживу, они прилипали к икре, как мухи к мухомору, и уже никакие силы не могли их заставить опомниться, отряхнуться от грязи.

Кстати, «грязью» на преступном жаргоне называется черная икра.

— Есть грязь? — шепотом спрашивал капитан Скрипцов у старшего мастера-икрянщика Нурмагалеева.

— Есть грязь! — подмигивал тот в ответ.

Грязь действительно есть. И все потому, что некоторым ответственным товарищам ведение нашего хозяйства представляется таким же простым и бесхитростным делом, как нашему маленькому мальчику:

— Икру достают из больших рыб, немного присаливают, потом дают людям на закуску.

И стараются не замечать, сколько к этому тонкому и дорогому продукту тянется грязных, загребущих рук.

1981

ОБИДА

Как только заведующему конетоварной фермой колхоза имени Куйбышева Дюшенакуну Султаналиеву стало известно, что два табунщика темной ночью похитили пять лошадей, он отправился в милицию. Вместе с сержантом Молдокматом Гафарабдыевым он отыскал дворы, где были спрятаны колхозные кони, и отвел животных назад на ферму.

Табунщики решили отомстить. И действительно, вскоре в райком партии поступило письмо, в котором говорилось, будто Султаналиев занимается хищениями. Письмо было передано районному прокурору А. Шиганову. Прокурору бы внимательно разобраться в деле, но, увы, он решил рубить сплеча.

Через несколько дней Дюшенакуну Султаналиеву предложили сдать ферму. Он передал семьсот семнадцать лошадей и сто два жеребенка. Жеребята на тот мо-

мент еще не были оприходованы, а потому и за Султаналиевым не числились. Если бы на месте Дюшенакуна оказался плутоватый комбинатор, он бы вполне мог распорядиться жеребятами в своих корыстных целях. Но Дюшенакун был человеком честным. Тем не менее прокурор объявил, что не хватает двадцати семи лошадей.

— Этого никак не может быть,—сказал заведующий фермой.—Лошади на месте. Куда же они могут деться?

Впрочем, установить истину было не так уж просто. В колхозе запущен учет. Кони находились в разных бригадах, на других фермах, числились за отдельными колхозниками. По мере поисков недостача уменьшилась с двадцати семи до девятнадцати, потом до шести.

Тем временем прокуратура закончила следствие. Дело пошло в народный суд.

Не успел Султаналиев как следует объясниться в партийных органах, в сельхозуправлении, как его вызвали повесткой в суд. И тут, к удивлению присутствующих, судьи, посовещавшись, приговорили заведующего конетоварной фермой к четырем годам лишения свободы. Прямо в зале судебного заседания Султаналиева взяли под стражу и отправили за решетку. Суд обязал его выплатить 1434 рубля за причиненный ущерб.

Даже если Султаналиев был действительно повинен в недостаче, суд обязан был досконально разобраться в ее причинах, в обстановке, сложившейся в хозяйстве. Суд был обязан также учесть личность осужденного. Дюшенакун — воспитанник детского дома, а затем национального кавалерийского полка. В сорок первом году в армии вступил в партию. Прошел фронт, брал Варшаву и Берлин, отмечен боевыми наградами, дважды ранен. Демобилизовался в чине капитана. Окончил двухгодичную партийную школу и педагогический институт. Долгие годы был на партийной работе. Затем по путевке райкома его направили на работу в сельское хозяйство.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство: у Султаналиева — четырнадцать детей. Кто же теперь будет кормить, обувать, воспитывать этих ребятишек?

Но суд не посчитался со всем этим.

К счастью, Султаналиеву не пришлось отбыть весь срок: он был освобожден по амнистии и вернулся в родное село Ак-Муз.

Пока Дюшенакун находился в заключении, все шесть лошадей благополучно нашлись. Однако никаких обвинений с него не сняли, в партии не восстановили. Пять месяцев отец четырнадцати детей ходил без работы, пока ему не предложили скромную должность пожарного с окладом в семьдесят пять рублей...

На этом Дюшенакун успокоиться, конечно, не мог. Вот уже сколько времени ветеран войны ходит по разным инстанциям, чтобы восстановить свое честное имя. По жалобам бывшего заведующего конетоварной фермой назначаются компетентные комиссии, проводятся глубокие ревизии.

Перед нами документ, составленный районным управлением сельского хозяйства: в нем подтверждается, что все якобы недостающие лошади имеются в наличии, и предлагается больше за Султаналиевым их не числить.

Вот другой документ. Начальник отдела по делам колхозов областного сельхозуправления удостоверяет следующее:

«Всего Султаналиев должен был сдать вновь назначенному заведующему конетоварной фермой 736 лошадей. Фактически сдано 717 голов. Кроме того, отнесено по документам разным подотчетным лицам 19 голов лошадей, или всего сдано 736.

Отнесение на тов. Султаналиева решением народного суда шести голов на сумму 1434 рубля документально не подтверждается».

Кроме того, существует решение райисполкома, подтвердившее правильность выводов сельскохозяйственных органов по «делу» Султаналиева.

И наконец, существует решение колхозного правления, постановившего за Султаналиевым впредь лошадей никаких не числить.

Казалось, все должно было давно встать на свои места. Но вот мы получаем письмо от Дюшенакуна Султаналиева:

«Помогите разорвать этот заколдованный круг. Восстановите справедливость».

И мы отправляемся в далекий путь — из Москвы в горный аил Ак-Муз.

— Да, мы вынесли решение о списании с Султаналиева всей суммы, — сообщил нам председатель колхоза Мо-

мун Байсенкулов. — Но суд не отозвал исполнительного листа, а районный прокурор даже признал наше решение незаконным.

Мы говорили с ответственными работниками райкома и обкома партии, облисполкома. Теперь все считают, что Султаналиев пострадал напрасно. Ну, а кто должен исправить ошибку, которая обернулась трагедией в жизни ветерана войны? Таких охотников мы что-то не отыскали. Выходит, обидеть человека можно очень просто, а вот признаться, что его обидели зря, не хватает мужества, принципиальности.

Высказывают мнение, что первое слово в зашиту Дюшенакуна Султаналиева должно принадлежать прокуратуре.

Что ж, против этого мы возражать не станем. В аил Ак-Муз должен приехать прокурор.

Только, конечно, не прокурор А. Шиганов.

1974

У НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

О Новом годе?! Не рано ли в ноябре?

Нет, не рано, дорогие товарищи. Передовые месткомы уже давным-давно обсудили вопрос о подготовке к текущей елочной кампании и приняли по этому поводу развернутые постановления. Уже написаны сценарии праздничных программ. Обговорены кандидатуры в деды-Морозы. Изготовлены хлопушки, серебристые звездочки и прочие елочные украшения.

Словом, работа проведена солидная, и все мы с большим нетерпением ждем Нового года. Хочется отметить, что среди всех ждущих самым ждущим, бесспорно, является гражданин Пиверский. Человек он достаточно взрослый, но в комплексе новогодних мероприятий его исключительно интересуют детские утренники с непременным участием щедрого деда-Мороза, прекрасных Снегурочек и сказочного сеньора Помидора. Вместе с двухлетним Сережей и пя-

тилетней Светланой он готов водить хороводы у новогодней елки, хлопать в ладошки и петь песенки, уместные в данной аудитории.

Но кто такой М. М. Пиверский: массовик-затейник? воспитатель детского сада? Ни то и ни другое. Он общественник и активист, на договорных началах распространяющий билеты на елочные представления. Создается даже впечатление, что этот энтузиаст работает ради голой новогодней идеи, движимый благородной целью поголовного елкоохвата всех уже упомянутых Сереж и Светлан.

М. М. Пиверский заблаговременно объезжает столичные дворцы культуры, спортивные залы и арендует помещения на весь период елочной кампании. Он всюду предлагает и ничего не берет. Потом в вестибюле какого-нибудь Дворца культуры или спортивного зала появляется маленький столик, и за него садится полная блондинка по имени Изабелла Григорьевна. Над ее головой висит большая афиша, отпечатанная типографским способом:

«Всероссийское гастрольно-концертное объединение. Гастрольный театр комедии.

Большой новогодний праздник. Факел золотого огня. Новогодняя феерия на воде, на льду и на суше. Поднять алые паруса. Нептун волнуется. Не шутите с огнем. Северное сияние. Ты слышишь нас, Ихтиандр?

У нас на борту капитан Григорьев, доктор Айболит и веселый Вася...»

Под этой интригующей рекламой Изабелла Григорьевна принимает заявки от организаций на детские елки и выдает билеты. Трудится она не бескорыстно. Чтобы материально заинтересовать Изабеллу Григорьевну, М. М. Пиверский посулил ей выплатить четыреста пятьдесят рублей за восемнадцать неполных дней вестибюльного сидения. А где же сам М. М. Пиверский, какова его роль и значение в текущей елочной кампании? Наш герой сидит дома у телефона, обзванивает учреждения и организации, грозит:

— Дети ваших сотрудников останутся вне елки. Торопитесь!

Организации торопятся. Их полномочные представители спешат к Изабелле Григорьевне, подают заявки и получают билеты.

Наконец все билеты распределены, и только тогда М. М. Пиверский вспоминает о том, что за свой скромный

труд надо кое-что получить, а заодно и рассчитаться с Изабеллой Григорьевной.

Перед посещением кассы М. М. Пиверский исполняет кое-какие мелкие формальности. Создается необходимость показать в документах, что распространением билетов занималось не два человека, а значительно больше. Изабелла Григорьевна кличет на помощь своих родственников: сына, дочь, сестру, маму и свекровь. Чужая родня, возглавляемая М. М. Пиверским, направляется в бухгалтерию. Для удобства транспортировки внуки и внучки сопровождают бабушек под руки до самой кассы.

Бабушки и внучата ставят подписи в соответствующих ведомостях и получают от М. М. Пиверского по двадцать пять целковых в виде премиальных.

Изабелла Григорьевна получает обещанные ей четыреста пятьдесят рублей.

На долю М. М. Пиверского приходится побольше. В позапрошлую елочную кампанию щедрый дед-Мороз отвалил ему 2500 рублей за услуги, оказанные им гастрольному театру комедии. Но выясняется, что наш герой одновременно реализует билеты от ряда других гастрольных коллективов. Не будем гадать, сколько зарабатывает наш общественник и энтузиаст. Свои трудовые накопления он держит на сберкнижках. А как известно, тайна вкладов гарантирована.

Впрочем, и без уточнения отдельных деталей становится ясно, что елочная кампания выливается в елочный бандитизм. Вот почему проблемами елкоохвата заинтересовались следственные органы. Представитель следственного отдела приехал к нам с огромным коричневым портфелем. Оттуда он извлек уникальнейшую коллекцию выплатных новогодних ведомостей, чеков, талонов и расписок. Затем на свет появились диаграммы, показывающие движение билетных масс от распространителей к потребителям. Другие диаграммы обнажали генеалогические связи бабушек, внучек, зятьев, деверей, золовок, шуринов, свекровей, снох и тещ, эпизодически привлекаемых к делу опустошения театральных касс.

Когда мы закончили обозрение этих елочных штучек, следователь сказал, что вся научно-исследовательская работа проделана им и его коллегами впустую, так как почему-то считается, что гражданин Пиверский заработал свои

деньги честно и получил их в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

Почему? На каком основании?

Существует, оказывается, положение, согласно которому распространитель получает восемь процентов от стоимости проданных в розницу билетов (а продает М. М. Пиверский билеты только оптом).

Это же положение определяет, что ежемесячный заработок распространителя не должен превышать 150 рублей (вот тут-то М. М. Пиверскому и нужны подставные лица). Словом, все финансовые мели М. М. Пиверский объезжает без труда, так как разные его новогодние фокусы рассматриваются как мелкие отклонения от инструкции.

Внештатный распространитель билетов Горюков получил заявку от одной организации сразу на двадцать тысяч елочных билетов. Он положил в папку билеты, спустился в метро на станции «Бауманская», проехал три остановки и отдал их соответствующим представителям. Совсем нетрудно решить простейшую задачку: сколько приходится денег на долю Горюкова, если учесть, что каждый билет стоит 80 копеек. Распространители супруги Пормачевы в течение трех лет работали от девятнадцати театров, получая в иные, наиболее счастливые месяцы до трех тысяч рублей. Проворные супруги водили за собою в качестве подставных лиц двадцать шесть родственников и знакомых.

Вот, собственно, почему граждане Пиверский, Горюков, Пормачевы так радуются приближению каждого Нового года. Вот почему им хочется до бесконечности водить веселые хороводы на детских утренниках. И вот почему они рассчитывают, что щедрость дедов-Морозов никогда не оскудеет...

Перед Новым годом люди по древним обычаям загадывают свои желания и надеются, что они в будущем обязательно осуществятся. Новогоднее желание автора фельетона, должно быть, уже всем понятно. Он хочет, чтобы вокруг новогодних елок, а равно вокруг других неновогодних предметов впредь никогда не резвились хапуги и дельцы. А ведь подобные кормушки обнаруживаются пока не только на елочном фронте. А, скажем, на сценарном, где, согласно договорам, студии выплачивают баснословные гонорары за различную макулатуру, отпечатанную на пишущей машинке через два интервала, на эстрадно-кон-

цертном, где чечеточникам-левакам оплачивается по четыре копейки за каждый удар по полу левой ногой...

В нашей стране люди получают по своему труду. Это незыблемый принцип социализма. Как же можно допускать, чтобы за телефонную болтовню и за беготню от елки к елке человеку отваливали столько денег, — столько, сколько получают четыре сталевара, три шахтера и два профессора, вместе взятые!

1968

ПЕСТРАЯ ЦЕПОЧКА

У бывшего вильнюсского юриста Екатерины Трубачевой яркое коммерческое дарование открылось в тот самый день, когда в автосалоне подошла ее очередь на «Жигули». Многолетняя мечта становилась наконец на реальную основу, обретала плоть и кровь, а точнее, колеса и двигатель. Новенькая машина, сияя своими эмалированными боками, ждала ее за стеклянной витриной. Достаточно сделать несколько шагов к кассе — и она твоя! Чего же еще желать?

Счастливая Екатерина Ионовна отсчитала последнюю сотню, и вдруг в ее душу ворвались тревожные сомнения: а нужен ли ей вообще автомобиль?

Наверное, такое же разочарование испытывает восходитель, который всю жизнь карабкался на самую высокую гору, а когда наконец достиг вершины, то не обнаружил там для себя ничего интересного. И вот он понуро спускается вниз, горюя о бездумно потраченных отпусках, о напрасно истоптанной обуви, о здоровье, подточенном пищевыми концентратами в тюбиках и брикетах.

— Во имя чего же я отказывала себе в радостях и удовольствиях? — не отходя от кассы думала бывший юрист Трубачева. — Пристало ли мне, степенной даме, носиться на третьей скорости по узким улочкам старого города? Кого теперь удивишь «Жигулями»? Не лучше ли употребить средства на украшения и наряды?

Екатерина Ионовна решила немедленно продать «Жигули». Тут же, в автосалоне. Истина требует сообщить, что

с покупателя, ходока из далекого города Дилижана, она получила две тысячи рублей лишку. Что поделаешь, надо понять женскую слабость: видно, соблазн накупить побольше украшений был уж очень велик.

Вскоре в укромных уголках ее квартиры в узелках и коробочках лежало сорок колец, четыре пары сережек, пять подвесок, три браслета, полдюжины наручных часов, три броши и даже семь мужских перстней — все изделия из золота.

Но не золотом единым красив человек. Золото при всем его великолепии и блеске еще полностью не решало сложной проблемы внешнего вида. Бывшая владелица «Жигулей» запаслась сорока женскими париками, коробками импортных духов, губной помады, прессованной пудры, теней для ресниц. Потом пришло время подумать и о гардеробе. Она накупила десятки пар туфель, джинсов, вельветовых костюмов, кофт, курток, меховых пальто, рулоны тканей «кремплен», «кристалон», «ворсалан».

Теперь взоры Екатерины Ионовны обратились уже к предметам второй, третьей и четвертой необходимости. В ее хозяйстве оказалось пятьсот целлофановых мешочков, десять фотоаппаратов, много зонтов, сумок, солнцезащитных очков, газовых женских косынок...

Е. И. Трубачева обладала редкой интуицией, основанной, судя по всему, на хорошо поставленной информации. Не обращаясь к световой рекламе и не выписывая никаких биржевых бюллетеней, она безошибочно узнавала, что, где, когда и за сколько будут продавать. Исходя из принципа «сегодня не купишь, завтра не найдешь», Екатерина Ионовна хватала в ужасающих размерах ондатровые шапки, мохеровую пряжу, ковры...

Простите, а на какие же средства делались покупки? Ведь если бы нигде не работавшая Трубачева продала не «Жигули», а «Чайку», то она давно бы должна была оказаться в долговой яме. И если этого не случилось, то лишь потому, что она не только покупала, но и продавала. Причем на перепродаже каждой дефицитной вещи она наживала где червонец, а где и всю сотню.

Бывшая служительница Фемиды старалась держаться подальше от магазинов. Она водила обширные знакомства среди туристов, которых всегда влекут прибалтийские курорты. Одни граждане, явно не рассчитав своих растущих

потребностей, хотели тем не менее достойно догулять отпуск и для этого готовы были освободиться от части своего курортного багажа. У других, не нашедших достойной компании, наоборот, оставались свободные средства. Почему бы не купить что-либо оригинальное для дома, для семьи?

Постепенно торговая фирма Трубачевой обрастала устойчивой клиентурой. Многие отдыхали в Прибалтике каждый год и, появляясь в Вильнюсе, спешили на улицу Жирмуну в гости к своей благодетельнице. Для постоянных потребителей Екатерина Ионовна организовала что-то вроде домашнего «Посылторга». С улицы Жирмуну в другие города шли промтоварные посылки. В обратном направлении — денежные переводы...

Теперь, пожалуй, самое время нам познакомиться с москвичкой Т. К. Бурчениной. Тамара Калистратовна вдвое моложе Екатерины Ионовны, других же преимуществ перед нею у нашей новой знакомой нет.

Пять лет назад Бурченина бросила работу, стала вести свободный образ жизни. Перед рождением ребенка потребовала отдельную жилплощадь. Однокомнатную квартиру получила, а девочку определила в детский дом, где Оля живет и по сей день. А молодая мамаша, избавившись от забот и хлопот, порхала, как мотылек. Особенно ее притягивали подъезды гостиниц, где останавливались заморские гости...

К нам все больше приезжает людей из-за рубежа: посмотреть, как мы живем, узнать для себя много нового, полезного. Но среди них нет-нет, да и попадаются такие господа, которые хотят поразвлечься на свой манер, а заодно что-то подешевле купить, подороже продать. Для таких путешественников Тамара Калистратовна сущий клад. Дама, полезная во всех отношениях, начиная от застолий накоротке и кончая... Четырнадцать раз Бурченину задерживали в гостиницах «Интуриста» с иностранной валютой в сумке. Она клятвенно обещала исправиться. Ей верили. Надеялись: должна же молодая женщина когда-нибудь одуматься, вспомнить о своем ребенке. Увы...

Затем в поле нашего зрения возникает еще одно активно действующее лицо: проводник поезда Вильнюс — Москва Василий Александрович Беленкин. Этот холостой

парень из Вильнюса давно мечтал о красивой жизни без труда, для которой, однако, нужны деньги и деньги...

И вот какой-то пассажир-москвич пригласил его заглянуть с ним в гости к его знакомой Тамаре. Заглянули. Попили чайку. Поговорили о том, о сем. Хозяйка спросила, не знает ли приезжий, кому в Вильнюсе может понадобиться иностранная валюта.

Конечно, знает! Проводник вспомнил, что его соседка по квартире, надомница Литовского учебно-производственного комбината Элеонора Витальевна Янаускас, как-то сказала ему:

— Что-то вы, Василий, зря курсируете туда и обратно: кофты там привозите, сорочки, всякую мелочь. Захватывали бы что-нибудь поинтереснее. Валюту, например...

Вернувшись домой, Беленкин шепнул соседке, что продавец валюты найден. Элеонора Витальевна полезла в свой сундук и вынула четыре тысячи рублей.

Теперь у всех была выгода. На каждом дензнаке Бурченина наживала целковый, Беленкин и Янаускас—по полтиннику. А у Элеоноры Витальевны была закадычная подруга Екатерина Ионовна. Та самая Трубачева, которую мы временно оставили в Вильнюсе наедине со своими заботами. К ней-то в конечном счете и попадала валюта, скупаемая Бурчениной в подъездах гостиниц «Интуриста».

Но вот однажды случилось непредвиденное. На вокзале Вильнюса Беленкина встретили совсем не те лица, и сверток с ценностями к Трубачевой уже не попал.

Народный суд прервал пеструю преступную цепочку, соединявшую тунеядку Бурченину с тунеядкой Трубачевой через Беленкина и Янаускас. А свяжет ли она когдалибо другие маршруты и других лиц, это уже зависит от нас с вами. Разумеется, поймать с поличным валютчиков мы не в состоянии. Это под силу лишь специалистам. Но ведь преступление свершилось не сразу. Многие знали, что и Трубачева и Бурченина нигде не работают, но живут явно не по своим возможностям. Знали, но махали рукой.

— Да что с них взять? Одно слово: тунеядки...

Вопреки утвердившемуся кое у кого мнению тунеядцы не только лежат день-деньской на печи по месту своей прописки и копают в носу. Сплошь и рядом они занимаются всякими темными делишками.

В том числе и такими, о которых мы здесь рассказали.

1979

ВОЗМЕЗДИЕ НЕ СВЕРШИЛОСЬ

О том, что в квартире побывали воры, Борис Георгиевич узнал не сразу. Как-то он невзначай полез в платяной шкаф и, к ужасу, обнаружил пустые вешалки.

Борис Георгиевич охнул и во всю прыть помчался в уголовный розыск.

— Караул, ограбили! — громко закричал пострадавший. — Похищено много предметов первой необходимости, которые я покупал в Москве и за границей.

Борис Георгиевич успел уже, оказывается, составить перечень пропавших вещей, и теперь дежурный офицер читал длинное заявление:

«У меня украдены:

Туфли дамские белые на высоком каблуке французской фирмы «Heyrand», размер 37 (ярлык фирмы прилагаю), стоимость 55 франков.

Дамский костюм серый с черным (образец ткани прилагаю)...

Туфли дамские черные на высоком каблуке, размер 36, стоимостью 35—40 рублей.

Дамская шерстяная кофта фабричной вязки красного цвета французского производства, стоимость 30—40 франков...»

Не надеясь на компенсацию франками, Борис Георгиевич жаждал покрыть убытки хотя бы в рублях.

Чтобы не томить читателя, сразу сообщим, что кражу в квартире Бориса Георгиевича совершили две особы — Вера и Марина, которые во всем признались и предстали перед судом. В зале судебного заседания с гневными речами выступал главный свидетель обвинения Борис Георгиевич. Он говорил о высоких требованиях морали, страстно обличал порок и, как сторона пострадавшая, требовал удовлетворения и возмездия.

Возмездие свершилось. Вера получила два года, а Марина — три. Стоя выслушав приговор, Борис Георгиевич одобрительно фыркнул и с сознанием исполненного гражданского долга вернулся к отправлению своих служебных обязанностей.

Казалось бы, все стало на свои места. Но, увы, истина восторжествовала не полностью, возмездие свершилось лишь частично, а мораль, наша светлая мораль, в защиту которой так деятельно вступался Борис Георгиевич, оказалась попранной и оскорбленной.

Вернемся к делу. На место совершения преступления служебную собаку приводить не пришлось, и никакие Шерлоки Холмсы не ломали свои светлые головы, разглядывая в лупу товарный чек французской фирмы «Heyrand» и образец ткани серой с черным, из которой был пошит похищенный дамский костюм.

Воровок безошибочно назвал сам потерпевший. Но каким же образом преступницы очутились в чужой квартире? Взломали дверные замки? Влезли через форточку? Или же вошли в дом под видом работников «Мосгаза»?

Борис Георгиевич нехотя сообщил, что неблагодарные Вера и Марина часто бывали у него в гостях вместе и порознь.

— Мы выпивали, закусывали, танцевали твист, дурачились,— уныло сказал потерпевший.— Но кто мог подумать, что они пойдут на воровство! Какое вероломство! Возможно, эти женщины делали свое черное дело, когда я бегал по их просьбе за водкой и папиросами. Или, быть может, даже ночью в то время, как я уже уснул.

Что ж, мы охотно допускаем, что Борис Георгиевич пал жертвой своей странной привычки засыпать в то время, когда гости еще никуда не уходят. Но в данном случае нас интересуют не столько обстоятельства кражи, сколько обстоятельства знакомства. Борис Георгиевич Притяков, как это ни парадоксально, деятель культуры. Он заведующий музыкальной частью столичного театра. Вера и Марина нигде постоянно не работают, перебиваются случайными заработками. Потерпевшему — пятьдесят девять лет. Вере с Мариной вместе что-то около сорока. Позвольте, как же это может так быть: «Выпивали, закусывали, танцевали твист, дурачились»?

— Видите ли, как бы лучше это объяснить,— лепечет зав. музыкальной частью.— Вам, надеюсь, уже понятно, что эти Вера с Мариной поведения ветреного, легковатого...

Ну, а сам-то служитель муз какого поведения? Легковатого или, быть может, уже самого легкого? Что же это такое получается: убеленный сединой и проживший жизнь человек встречает двух девчонок, каждая из которых годит-

ся ему не только в дочери, но и во внучки. И вот он видит, что эти внучки пьют водку, курят и вообще ведут себя предосудительно. Что же делает служитель муз? Бьет тревогу? Объясняет девицам, что они встали на плохой путь? Сигнализирует в комсомол, поднимает общественность, связывается с родителями?

Ничего подобного. Деятель культуры зазывает их к себе в дом, ставит водку на стол, вынимает сигареты:

— Пейте. Курите...

И девицы, побуждаемые Борисом Георгиевичем, пьют, курят и проваливаются в трясину все дальше, все глубже...

Мы иногда удивляемся, откуда у молодого человека вдруг берутся такие уродливые наклонности и пороки.

— Пережитки капитализма, — пытаются объяснить нам иные моралисты.

Теоретически это, конечно, верно. А вот если практически подойти к делу, то становится как-то непонятно, с кого же теперь должен быть спрос. Неужто за то, что две спившиеся девицы совершили кражу, должен нести ответственность его преподобие российский капитализм? Но он волею народа помре много лет тому назад, с него теперь взятки гладки, так как ни по каким векселям он нам уже никогда не заплатит. И не много ли мы разглагольствуем о пережитках, вместо того чтобы сосредоточить огонь на конкретных источниках зла?

Наша молодежь учится у старших. Учится хорошему и доброму. Перенимает убеждения, опыт, знания. Но вот попадаются и такие старшие, которые учат молодых совсем другому.

...Ребята пришли в бригаду из ремесленного и вот наконец дожили до первой получки. Большой, радостный день! Но прямо у кассы их поджидают бывалые члены бригады:

— Выкладывайте по трояку, надо поставить бригадиру.

— Как это поставить?

— Не как, а сколько. По пол-литра с носа. Кто вам работу дает? Он. Кто вам наряды закрывает? Он. Кто вас уму-разуму учить будет? Опять же он.

Ребята мнутся. Первая получка большой не бывает, а все деньги хочется принести домой маме. Да и потом как это в рабочее время бежать в гастроном, пить водку.

Но «бывалые» не отступают:

— Эх, салаги! Сплошная серость, зеленая муть. В рабочее время не пьет только телеграфный столб. И то потому, что у него чашечки вниз. Наливать неудобно.

И ребята бегут в гастроном. И приносят водку. И сами пьют под одобрительные возгласы «бывалых».

А потом «бывалые» ведут ребят халтурить налево, учат, как надо проносить через проходные готовые детали и инструмент, чтобы никто не заметил...

Вот ведь какие иной раз случается проходить нашим ребятам университеты после окончания хорошей советской школы, передового училища.

Мать семерых детей пишет нам из Азербайджана, что в их городе многие продавцы киосков и лавок приводят с собой подростков, даже детей. И те помогают им на общественных началах получать деньги, взвешивать фрукты, наливать пиво: дескать, приучайся торговать, малец!

И малец приучается. С молчаливого согласия продавца (а может быть, даже и не с молчаливого) он не дает сдачу, незаметно подкладывает на весы гнилые персики, а пива наливает только на две трети кружки.

«Что же будет с этими «приторговывающими» мальцами в дальнейшем?—заканчивает свое письмо многодетная мать.—И почему позволяют этим взрослым людям так открыто, у всех на виду готовить мошенников и спекулянтов?»

Два великовозрастных кретина накачали водкой совсем юного паренька Бориса И. Одурманенный алкоголем парень затеял на улице драку, а потом пытался сорвать часы у школьницы. Теперь парню придется отвечать по закону. И поделом. В семнадцать лет надо, конечно, уже самому понимать, что такое хорошо и что такое плохо, и самому надо давать ответ за свои поступки. Но можно сказать наверняка, что рядом с Борисом на скамье подсудимых те двое сидеть не будут. Для этого не хватает формальных признаков: сами в драке они не участвовали и на школьницу с целью грабежа не нападали.

А надо, чтобы в подобных случаях вполне хватало формальных признаков, так как преступление налицо. И надо строжайшим образом наказывать тех взрослых, которые пытаются растлить молодые души, отравить их ядом цинизма и тунеядства, расшатать веру в справедливость, в честность.

И уже никак нельзя допускать, чтобы растленные типы вроде Бориса Георгиевича Притякова выступали в роли защитников морали и обличителей порока. Их место вовсе не рядом с судьей, а напротив — на жесткой дубовой скамье.

1968

БРИЛЛИАНТОВАЯ НОГА

Не всегда принято ворошить старое, пережитое. Но слов, как говорится, из приговора не выкинешь. Житель города Сургаита А. В. Кудрявый по молодости лет выпивал, хулиганил, за что дважды был судим. Куда приятнее сообщить, что, повзрослев, Александр Владимирович решил поставить на прошлом крест. Определился сварщиком на суперфосфатный завод, стал жить, поживать да добра наживать.

И вскоре сварщик Кудрявый осуществил давнишнюю мечту: обзавелся мотоциклом без коляски. Жить стало интереснее, веселее. Теперь счастливый ездок за какие-нибудь минуты добирался до прохладных пляжей, до укромных бухт с рыбалкой и ухой.

Хорошо, однако, известно, что владельцев транспортных средств ждут не только удобства, но и дорожные происшествия. Вот и Кудрявого подстерегла беда. Десять лет назад, подъезжая к дому, он не заметил колдобины, резко затормозил и, ощутив на себе воздействие закона инерции, вылетел из седла.

Все обошлось, к счастью, благополучно. Изрядно струхнувший мотоциклист был цел и невредим, если не считать ссадины на пальце правой ноги. Той самой ноги, которую в заголовке фельетона мы назвали бриллиантовой. Забегая вперед, скажем, что ушибленный палец А. В. Кудрявого причинил ущерб обществу в 16 770 рублей 73 копейки, а лица, по долгу своей службы хлопотавшие возле пальца, схлопотали в общей сложности 55 лет тюремного заключения.

Но в ту далекую пору ни бриллиантами, ни тем более тюрьмой еще не пахло. Отряхнувшись от дорожной пыли, Александр Владимирович побежал по месту своего житель-

ства в Зургаитскую районную поликлинику. Как водится в таких случаях, ему сделали укол, смазали йодом ушибленное место и сказали, что все теперь в полном порядке.

Выходить на работу сварщик Кудрявый между тем не спешил. Мнительный больной направил стопы во ВТЭК:

— Дайте заключение: инвалид я или не инвалид!

Члены ВТЭК осмотрели спорный палец и, посовещавшись на месте, решили твердо и определенно: инвалид!

А. В. Кудрявый получил вторую группу со степенью утраты профессиональной трудоспособности на 80 процентов. Райсобес назначил ему пенсию размером в 60 рублей 25 копеек в месяц. Потрясая пенсионной книжкой, он зашел в завком суперфосфатного завода.

— Разве я смогу жить на такие деньги! Назначьте пособие, как пострадавшему на трудовом фронте! — воскликнул он с надрывом в голосе.

Кудрявый не имел никакого права на пособие, хотя бы потому, что падение с мотоцикла никоим образом не было связано с производственной деятельностью. Но на заводе не разобрались в сути и стали выплачивать ему ежемесячно 61 рубль 12 копеек.

Однако не пальцем единым жил и кормился инвалид Кудрявый. Безделье, праздность были чужды самому духу Александра Владимировича. Сидеть сиднем на шее общества позволить себе он не мог. После недолгого перерыва А. В. Кудрявый снова взял в руки сварочный аппарат. На трубопрокатном заводе никто и подумать не мог, что новичок — инвалид второй группы. Сварщик Кудрявый работал отменно. По труду и заработки: двести рублей в месяц.

Тем не менее в сентябре каждого года Кудрявый являлся во ВТЭК для освидетельствования.

— Как здоровье, самочувствие? — интересовались врачи.

— Ой, плохо, — горевал Кудрявый. — Ничуточки не лучше.

— Вот же какое несчастье, — сокрушались эксперты.

Инвалид тяжело вздыхал, получал на руки бумаги и откланивался до следующего сентября.

...Шел год, второй, третий. Наш Александр Владимирович жил в достатке, полнел, на судьбу не грешил...

Ну, что сталось с мотоциклом без коляски — источником радости и материального благосостояния инвалида

Кудрявого? Да ничего не сталось. Страсть к скоростям у Александра Владимировича с годами, оказывается, не прошла. Вздымая бензиновое облако, он мчался, как и встарь, по Зургаиту, катал знакомых, уезжал за покупками в Баку. И вот, когда казалось, что наш герой достиг высшей виртуозности в мотоциклетной езде, случилось еще одно происшествие. Кудрявый чуть было не наехал на трубу, брошенную посреди дороги, круто повернул руль и оказался на асфальте.

Судьба, однако, и на этот раз была милостива к сварщику. Он отделался легким испугом, если не считать, что поцарапал локоть левой руки о бесхозную трубу. Как, верно, уже догадывается читатель, эта царапина поможет А. В. Кудрявому получить новые виды льгот и денежных выплат. Так оно и вышло на самом деле. В сентябре он в очередной раз предстал перед ВТЭК.

В тот же день комиссия выдала ему две справки. В первой — для суперфосфатного завода — говорилось, что состояние пальца не оставляет надежд на восстановление здоровья в будущем. О царапине на локте в ней не упоминалось вовсе. А во второй справке, которую клиент понес на трубопрокатный завод, говорилось об увечье локтя, зато начисто замалчивался факт повреждения пальца.

В завкоме трубопрокатного завода сидели такие же ротозеи, как и их коллеги на суперфосфатном. Они почему-то решили, что за случай на дороге должен нести моральную и материальную ответственность завод. А. В. Кудрявому назначили пособие за трудовое увечье — 83 рубля 61 копейку.

Так А. В. Кудрявый стал дважды инвалидом второй группы и трижды пенсионером. Но неиспепеленная жажда трудовой деятельности привела его на стекольный завод. И работалось на новом месте и ездилось на мотоцикле ему совсем неплохо. Правда, иногда в голову приходила тревожная мысль: «Что если я опять навернусь с мотоцикла? Зургаит — город не очень велик. Пойдут всякие пересуды, то, дескать, да се».

В один прекрасный день А. В. Кудрявый распорядился переводить ему пособия и пенсии на сберкнижку, сам же махнул в город Горький, где устроился сварщиком в специализированное управление — «Монтажналадка», естественно, не распространяясь о своих инвалидностях.

Надо было ожидать, что и здесь он продолжит свои падения с мотоцикла и до конца дней своих будет получать пособия за увечья со все новых и новых организаций. Но неожиданно разверзлась катастрофа. И не на трудовом фронте, на семейном. Наш герой затеял разводиться с супругой, а та почему-то разозлилась и пошла, куда следует:

— Проверьте, почему мой муж загребает такие деньги, ведь он здоров, как бык!

Следующую врачебную комиссию А. В. Кудрявый проходил уже не по своей охоте. Как ни старались эксперты, они не нашли у Александра Владимировича ни процента потери трудоспособности. Зато прокуратура города Зургаита без особого труда обнаружила у него болезнь отнюдь не медицинского свойства — стопроцентное выпадение совести. А судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда республики постановила взыскать с мнимого инвалида в пользу Зургаитского райсобеса, суперфосфатного и трубопрокатного заводов уже известную нам сумму — 16 770 рублей 73 копейки, а самого преступника приговорила к 12 годам лишения свободы с конфискацией источника всех бед — мотоцикла без коляски.

Но, странное дело, почему же ВТЭК десять лет подряд упорно признавала инвалидом пышущего здоровьем молодца? Что скажет на это сам Александр Владимирович? Впрочем, ждать, пока наш герой вернется из мест не столь отдаленных и прольет свет на эти загадочные обстоятельства, было бы непростительно долго.

Чтобы установить истину, придется ввести в наше повествование новых действующих лиц, и именно членов ВТЭК. На первый взгляд они производят впечатление бессребреников и энтузиастов. Взять, например, врача-хирурга Б. Б. Махмудова. Кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИИ кардиологии и экспериментальной медицины. По совместительству работал в известной клинике.

И вот кандидат наук, не ставя в известность свое руководство, тайком оформляется еще на работу во ВТЭК. Что же привлекало здесь ученого? Богатство практики? Возможность научного эксперимента? Смешно! Высокие заработки? Вряд ли. Во ВТЭКе кандидат наук получал по сравнению с основными заработками сущие пустяки — 31 рубль 44 копейки в месяц. В чем же секрет?

А секрета нет никакого. Когда сварщик Кудрявый впервые сунулся во ВТЭК, то над его ушибленным пальцем только посмеялись. Но, потолкавшись в коридорах, он услышал, что если эскулапам позолотить ручку, то инвалидность будет обеспечена.

Теперь двери ВТЭК гостеприимно раскрылись перед симулянтом. Кудрявый вошел и увидел приятно улыбающиеся физиономии заведующего райсобесом Б. И. Ибрагимова, невропатолога И. Д. Джафарова, терапевта В. Г. Оганесяна, травматолога И. Г. Арифова, хирурга Б. Б. Махмудова. Приступили к делу. Махмудов увлек клиента за ширму, велел показать палец. Кудрявый полез в карман, показал 120 рублей. И тут же стал инвалидом второй группы.

И вот с того самого дня в течение десяти лет при каждом визите сварщик Кудрявый золотил ручку членам ВТЭК и в общей сложности передал им 5040 рублей.

В конечном счете эти деньги вернулись в казну. С оцарапанного пальца Александра Владимировича быстро сошел бриллиантовый лоск, а беззастенчивые эскулапы, как мы уже знаем, схлопотали золотой срок — 55 лет тюремного заключения на всех или по 11 лет на каждого, что в сущности одно и то же.

1977

С ЧУЖОГО ОГОРОДА

Начальник межрайонной конторы Р. Х. Назаров без презента в областном центре не появлялся. С доброй улыбкой провинциального дядюшки Руслан Христофорович обходил кабинеты управления и в каждом оставлял по корзинке фруктов.

— Кушайте на здоровье! — угощал он и, ободряя нерешительных, добавлял: — Ничего не платил: сам сеял, сам убирал. Свой огород!

— Ну, если уж свой, — улыбались сотрудники.

Огород начальника межрайонной конторы плодоносил в двух кварталах от областного управления на ближайшем колхозном рынке. Всякий раз по дороге с аэродрома при-

езжий останавливал такси у крытых торговых рядов и, не глядя на цены, покупал все самое лучшее: клубнику и молодой чеснок, ранние персики и скороспелый виноград.

Рядовые сотрудники радовались фруктово-овощным подаркам, а работников рангом повыше ждала еще масса других удовольствий и развлечений. В номере «люкс» новой многоэтажной гостиницы, где обычно останавливался Руслан Христофорович, давались домашние обеды и ужины опять же со «своего огорода»: грибной жульен, салат из крабов, осетрина на вертеле, водка «Пшеничная», коньяк «Ереван».

Наши читатели, наверное, уже подготовлены к следующему сообщению. Р. Х. Назаров неожиданно исчез вместе со своими фруктовыми наборами и домашними обедами. На состоявшемся через полгода процессе было документально установлено, что владелец мифического огорода ставил в своей конторе любопытный эксперимент: убытки относил на счет казны, а прибыль откладывал в сберкассе, где открыл четыре сберкнижки на предъявителя.

— Мы, конечно, догадывались подспудно, что на зарплату такой стол не накроешь,—сокрушались после суда ответственные едоки из областного управления.—Прошляпили мы Назарова. Излишне ему доверяли, зря на него надеялись. Иначе говоря, с подчиненным вели себя запанибрата. Но не более того. Назаров угощал нас из уважения. Взамен же ничего не просил, не требовал...

Не требовал, верно. Но взятки вручают не только за то, чтобы должностное лицо согласилось изъять компрометирующий материал, выделить квартиру вне очереди или устроить завзятого двоечника в институт. Взятки дают и впрок, на всякий случай, в расчете на то, что в нужный момент сильная рука поддержит, выручит, заслонит от угрозы. За взятки Назаров получал доброе расположение начальства, незаслуженные почести и привилегии. Когда управлению выделили единственный «рафик» для своих периферийных учреждений, то отдали его Назарову. И числили Назарова передовиком, платили премии, хотя каждый год план его конторе снижали «в порядке исключения». Ревизоры, посещавшие контору, кормились и поились все с того же «огорода», а для того чтобы заглянуть в бухгалтерские книги, времени уже не оставалось.

За что же Назарову делались всяческие поблажки: за красивые глаза, за милую улыбку или все-таки за дары «со своего огорода»?

Некто А. Е. Гавриков, домогающийся ученой степени, тоже попытался было разносить фруктово-овощные презенты. Только не со своего огорода, а с огорода весьма уважаемого ученого, назовем его здесь Максимом Борисовичем. Соискатель Гавриков определил список лиц, от которых, по его мнению, зависел успех научного предприятия, и приступил к делу.

Перво-наперво он явился к должностному лицу, близко стоящему к ученому совету, и еще с порога радостно крикнул:

— Вам привет от Максима Борисовича! Из уважения он прислал со мною бочонок домашнего вина.

Лицо, близко стоящее к ученому совету, затуманилось лишь на одно мгновение. Максима Борисовича данный работник знал понаслышке и никак не ожидал получить от него такой фамильярный подарок. Но хозяин кабинета был из тех расторопных людей, которые на вопрос: «А сколько вы можете выпить?» — отвечают: «А это смотря за чей счет». Он смерил взглядом посетителя и прочел на его губах лукавую улыбку. «Здорово придумал! Молодец! — отметило про себя лицо, близко стоящее к ученому совету. — Под таким соусом и дать красиво и взять благопристойно».

— Ну, ставьте бочонок вон туда, в уголок. Да заходите, не стесняйтесь, когда у вас случится ко мне дело.

Ловкий соискатель завалился уже на втором визите. Кандидат наук П. П. Туманов оказался настолько наивным человеком, что принял все за чистую монету. Винный дар Максима Борисовича он посчитал за признание своих творческих заслуг и взял бочонок с великой благодарностью и благоговением.

— Я буду пить это вино лишь по самым большим праздникам, — сказал кандидат и прослезился.

А был он человеком честнейшим. Вот почему, не желая оставаться в долгу, с первой же подвернувшейся оказией отправил маститому ученому две бутылки импортного вермута, купленного по случаю. А к свертку приколол записку:

«Дорогой Максим Борисович! Безмерно рад заочному знакомству. Ваше вино через аспиранта Гаврикова полу-

чил. Большое спасибо! Примите с благодарностью мой скромный ответ...»

— Какой ответ? Какое вино? Какой аспирант Гавриков? Какой кандидат Туманов? Как мне смеют подсылать этот дурацкий вермут? Да я отродясь не пил подобной дряни! Что означает вся эта чушь? — воскликнул Максим Борисович и помчался на телеграф отбивать депешу в министерство.

Защита диссертации аспиранта А. Е. Гаврикова не состоялась...

Мы не знаем, в каком саду-огороде выросли цветы, которые учащиеся сельскохозяйственного техникума вручили преподавательнице В. И. Безносовой после экзамена. Не имеет особого значения и то обстоятельство, что букет был преподнесен не в классе, а на трамвайной остановке при трогательном расставании.

Завязкой этого микросюжета нужно считать тот самый миг, когда В. И. Безносова, придя домой, решила поставить букет в вазу и обнаружила среди цветов беленький конвертик.

«Письмо или подарок?» — встрепенулась она.

Оказалось, что подарок. В конверте лежало двести сорок рублей — презент в виде десятки от каждого из двадцати четырех учеников, успешно сдавших экзамен.

Давайте поверим преподавательнице Безносовой, будто она не знала, что в букет подложены деньги. Но факт остается фактом: найдя в цветах вложение нерастительного происхождения, она не возмутилась, не отчитала учеников, а спокойно переложила деньги в сумочку. И все было бы шито-крыто, если б группа родителей не написала нам в редакцию:

«Вмешайтесь, пожалуйста! С каких это пор после каждого экзамена учащиеся должны собирать по десятке?»

Преподавательница Безносова, конечно, в техникуме больше не работает. Но еще сидят на должностных стульях отдельные любители получать дары с чужого огорода:

— Ты мне, я тебе!

— А что, разве на подарки теперь наложено табу? — спросят, может быть, некоторые.

Нет, почему же! Дарить — это в высшей степени благородно. «Дающий одаривает двоих», — говорили древние.

Отчего бы и нам не дарить подарки! Супруге — духи в день рождения. Теще — пуховый платок на именины. Сыну — книжку за хорошие отметки. Сослуживцу — торт в день юбилея. (За свой счет, естественно.) И бесспорно — букет цветов учителю после экзамена, но при том непреложном условии, что он не будет осквернен конвертом с купюрами.

1981

В КОНЬЯЧНОМ РЯДУ

Примерно в одно и то же время в городе Калининграде проходил конкурс парикмахеров, а в городе Вичуге (Ивановская область) состоялся выпуск местного профессионально-технического училища.

Каждое из этих событий никак не соприкасалось друг с другом и развивалось по своим программам. Калининградские парикмахеры показывали новые прически, завивали дам и стриглись сами, а вичугские ребята, выслушав напутственные слова директора, получали аттестаты зрелости. И мы бы никогда не поставили в один ряд конкурс парикмахеров и выпуск в училище, если б не одно обстоятельство. Оба мероприятия, начавшиеся так разно, пришли к совершенно одинаковому финалу. И там и тут вслед за официальной, рабочей частью последовало буфетно-банкетное продолжение.

Парикмахеры быстро спрятали в чехлы свои колющие и режущие инструменты, отправились в ресторан, где и вооружились столовыми ножами, вилками и рюмками. Пили за женскую прическу «я у мамы дурочка», за «польку», за «полубокс» и за успех парикмахерского дела в целом.

Напили на семьсот рублей.

Нечто схожее наблюдалось и в городе Вичуге. Завершив вручение аттестатов зрелости, преподавательский состав отправился в кафе, чтобы пропустить по стопке-другой за успешное окончание учебного года, за своих оперившихся питомцев. Вечер удался на славу, о чем красноречиво свидетельствует уплаченная за угощения сумма в пятьсот семьдесят два рубля...

У нас проходит немало конференций, симпозиумов, совещаний, коллоквиумов, слетов и встреч по профессиям и интересам. Но по мере того как обсуждаемые вопросы все более проясняются и дело идет к успешному завершению, участников начинает охватывать сложная гамма чувств и желаний, которую, однако, выразить словами можно довольно просто:

— Надо б выпить!

И вот с самого полудня на входных дверях ресторана появляется табличка: «Свободных мест нет». Ресторан и в самом деле набит битком. В коньячном ряду банкетного зала восседают главные устроители конференции и наиболее именитые гости. За столиком соседнего водочного ряда, постепенно переходящего в пивной, теснятся рядовые участники пленарных заседаний. Все веселы и активны. Тост следует за тостом. Закатываются такие яркие и цветистые речи, которые начисто выбивают из памяти постановочный доклад, прослушанный накануне.

К закрытию ресторана пирующие, сбившись в кучу, под музыкальное сопровождение оркестра поют проголосные степные песни.

Появление метрдотеля с двухметровым счетом не вносит смятения в ряды поющих. Все прекрасно понимают: платить будет дядя. Расплачиваться собственными деньгами за выпитые вина и съеденные закуски считается тут непростительной глупостью. Еще до начала конференции организаторы собирались отдельно и, подперев свои лбы могутными ладонями, мучительно думали над тем, из какой бюджетной статьи сподручнее выкроить банкетные деньги. В связи с тем, что статьи, озаглавленной «банкеты, ужины», в бюджете нет, приходится пускаться на всякие ухищрения. Упомянутые калининградские парикмахеры пропили премиальный фонд, а вичугские воспитатели сочли, что все банкетные расходы сподручнее всего провести по статье «культурно-массовая работа».

Инициатива в данных случаях бьет ключом. В столице одной южной республики состоялась конференция по врачебно-трудовой экспертизе при заболеваниях нервной системы, созванная Министерством социального обеспечения и республиканской ВТЭК. Сначала заслушивались основополагающие доклады, потом развернулись прения. Было высказано немало интересных суждений, касающихся ряда аспектов заболевания нервной системы.

Как водится, работу конференции венчал добрый банкет. Специалисты по нервным болезням собрались за праздничным столом, чтобы дать отдохнуть своим поистрепавшимся за время заседаний нервишкам. И за шутками, за анекдотами прокутили четыреста пятьдесят рублей.

— А кто будет платить?

Переложить банкетные издержки на плечи своих пациентов все-таки не решились:

— Узнает какой-нибудь нервный, прибежит, закатит скандал — хлопот не оберешься.

Из финансового тупика конференцию вывело Министерство социального обеспечения. Оно распорядилось, чтобы по ресторанным счетам заплатили два республиканских общества: общество слепых и общество глухих...

Конечно, факты, когда за банкеты врачей по нервным болезням расплачиваются глухие и слепые, еще не получили широкого распространения. Гораздо чаще участники совещаний ставятся на кормление по организациям, располагающим продуктовой базой и другими материальными ресурсами. Министерство мясной и молочной промышленности другой республики проводило совещание по обмену передовым опытом в живописном приморском городке. А все убытки покрыли два местных комбината: мясной и молочный. Убытки были немалые. Сто двадцать участников встречи отличались на редкость завидным аппетитом. За три дня напряженного обмена опытом они истребили 194 килограмма дорогостоящих окороков и колбас, 62 килограмма сыров, сливочного масла и сметаны, много кондитерских изделий и других вкусных вещей, выпили 400 литров пива, 615 литров кваса, лимонада и минеральной воды. Сохранившийся акт о списании тридцати одной разбитой водочной рюмки дает нам основание утверждать, что застолье участников совещания ничуть не напоминало унылой монастырской трапезы членов общества трезвости.

Ну, а если взять все остальные акты, то там фигурируют вовсе не окорока и не торты, а оконные рамы и дверные блоки, поскольку гастрономические увлечения мясо-молочных специалистов были оплачены по бюджетной статье «Расходы на жилищное строительство».

Иногда вместо банкета устраиваются экскурсии в колхоз. Известие об экскурсии обычно встречается участниками совещаний с нескрываемой радостью и энтузиазмом.

Химики и лесорубы, филателисты и спортивные работники дружно рассаживаются по автобусам и вырываются из душных объятий каменного города на лоно природы, в деревню. Сначала гости для приличия резвым галопом пробегают по близлежащим делянкам, интересуясь на ходу общим направлением хозяйства, и невпопад задают вопросы:

— А почему у вас кукуруза такая круглая?

— Потому что это у нас не кукуруза. Это подсолнечник.

— А это что у вас, оливковые пальмы?

— Нет, не пальмы. Это тутовые деревья.

— Ага, понятно. Но отчего на спине у этой странной коровы кочка?

— Да это вовсе не корова, а верблюд.

Восполнив таким путем некоторые пробелы в своих сельскохозяйственных знаниях, экскурсанты устремляются к накрытым в тени деревьев столам, откуда уже доносится запах молодого вина и жаренного на вертеле барашка.

Знакомство заезжих гостей с сельским хозяйством дорого обходится колхозам. Чтобы угостить участников совещаний, колхозы вынуждены даже покупать продукты на стороне. Только за один экскурсионный сезон колхоз имени Энгельса для банкетных целей закупил на рынке 225 килограммов мяса, 40 килограммов сала, пять мешков риса, по мешку фисташек и миндаля. А всего после посещения экскурсий в колхозной кассе недосчитались двенадцати тысяч рублей.

В последнее время накоплен также немалый опыт проведения гидросимпозиумов и акваколлоквиумов. Идея устройства совещаний на борту прогулочных теплоходов, имеющих в своих трюмах достаточные запасы провианта, а также вин, водок и коньяков, вербует все новых и новых сторонников. Они до хрипоты доказывали нам преимущества водяных симпозиумов перед сухопутными, приводили следующие доводы.

Во-первых, усвояемость преподносимого материала под всплеск волны куда лучше и эффективнее.

Во-вторых, обеспечивается высокая посещаемость мероприятий, так как участникам просто некуда убежать. Ведь не будут же они прятаться от секционных занятий в воде — за бортом!

О третьем доводе обычно не говорят. А он весьма и весьма существен. Дело в том, что по сложившемуся этикету организации, делегирующие на гидрофорум своих сотрудников, оплачивают расходы частично или сполна. А если учесть, что деловая часть занимает обычно полтора-два дня, а экскурсия по рекам и озерам полторы-две недели, то станет ясно, почему проводимые гидроконференции не страдают малолюдностью.

С недавних пор устроители мероприятий на воде стали осуществлять некоторые реформы, имеющие целью поднять морально-этическую сторону дела и ограничить число плывущих и веселящихся. В частности, официально объявлено, что в качестве сопровождающих участников симпозиума лиц в их научно-увеселительных путешествиях могут выступать только «юридически оформленные члены семьи».

Нам, однако, эти реформы кажутся явно недостаточными, и мы полагаем, что успокаиваться пока рановато. Потому что немало умных голов продолжают мучительно думать над тем, как бы провести новые прения за рюмкой и как бы опять собраться на встречу по интересам в коньячном ряду. А некоторым товарищам и впрямь кажется, что просто невозможно организовать нормальную работу учреждений и служб без запланированных банкетов и спорадических выпивок в служебной обстановке.

Не так давно научно-исследовательская лаборатория механизации и автоматизации инженерного и управленческого труда разработала «типовой проект организации рабочих мест руководящего состава заводов автомобильной промышленности».

Спешим оговориться, что этот труд представляется нам весьма полезным и актуальным. Потому что помещения, где работают директора заводов, главные инженеры, главные специалисты, — это те же рабочие площадки, и они должны быть оборудованы и оснащены на уровне самых последних технических достижений. Мы с интересом листали альбом, где были показаны станции административной связи и кабинетные диктофоны, чертежные станки и вычислительные малогабаритные машины.

И вдруг один агрегат из этой чудесной коллекции показался нам очень знакомым. Мы увидели привычные очертания бытового холодильника. Но этот холодильник был все-таки не простым, а с одним секретом. «В нише

холодильника, — с гордостью сообщали изобретатели, — за раздвижными стеклами есть полка и специальное место для хранения рюмок».

Какое удивительное неверие в наши руководящие автомобильные кадры! Неужто конструкторы полагают, что без их научных рекомендаций автомобилестроители сами не сообразят, куда спрятать рюмки и куда засунуть пол-литра?

Нет никакой нужды тратить время и деньги на конструирование скрытых рюмочных полок в служебных кабинетах. Лучше подумать о другом: как бы скорее истребить эту наиболее омерзительную и зловредную разновидность пьянства — пьянство за государственный счет.

1968

ДОРОГА В РАЙ И ОБРАТНО

Спешим довести до всеобщего сведения потрясающую новость: Владимир Константинович Градов объявился, он жив! Слухи о его безвременной кончине, как это иногда бывало в прошлом с отдельными лицами, оказались слишком преувеличенными.

Однако особенной радости от этого Владимир Константинович не испытывает: чтобы документально опровергнуть досужие вымыслы и утвердиться на этом свете в своих незаконно отобранных правах, потерпевшему потребовалось затратить уже четыре месяца, а конца не видать.

Он сидит у нас в редакции и вслух задает сам себе вопрос, имеющий для него первостепенное значение:

— Если меня уже нет, то как я смог сюда приехать, а если я жив, то что все это значит?

— Ну, какие могут быть у вас сомнения, — бормочет наш фельетонист, плохо понимая, чего от него добиваются. — Вы у нас в гостях. Вы рассуждаете. Вы мыслите, значит, существуете...

— Все так говорят, — вздыхает посетитель. А выдать мне справку, по полной форме. что я жив, никто не ре-

шается. Ведь и вы не подпишете такой документ? А я ведь не с улицы пришел, у меня есть подтверждения.

Для обозрения он протягивает свой паспорт.

Паспорт как паспорт. Установленного образца. Выправленный на имя Градова Владимира Константиновича в городе Орехово-Зуеве.

— Теперь посмотрите вот сюда, — с надрывом говорит Градов.

На обратной стороне обложки красуется отметка: «Умер 12 июля с. г.» Подпись должностного лица, печать загса Кировского района города Ярославля.

— Вам теперь понятно?

— Признаться, не совсем. При чем тут Ярославль?

— Так ведь считается, что я умер в Ярославле, — без тени иронии поясняет погребенный. — И могила у меня есть там на городском кладбище. Участок номер 150.

— Кто же вам дал паспорт с такой записью?

— Сначала у меня было свидетельство о смерти, выданное этим же загсом. А его кому ни покажешь, сплошной хохот. Чувствую себя, как в раю побывал. Один потехи ради даже перекрестился и завопил: «Сгинь с моих глаз, нечистая сила!» Поехал я в Ярославль, погоревал у своей могилки, а потом пошел к работникам милиции, которые имели отношение к моему захоронению. Те вошли в мое положение, взяли свидетельство и помогли выручить из архива загса мой паспорт с этой отметкой. Я прошу: «Дайте новый паспорт, чего мне срамиться перед людьми!» «Не имеем права, — говорят. — Поезжай домой, поменяешь по месту жительства». А по месту жительства не меняют. Предлагают представить справку, из которой было бы видно, как все получилось.

— Кстати, а как все получилось?

Выясняется, что посетитель работник вагона-ресторана в поезде Москва — Благовещенск. Ничего не подозревая, Владимир Константинович еще подъезжал к Байкалу, когда его домашние получили телеграмму с уведомлением. В ней управляющий конторой вагонов-ресторанов этого направления Н. И. Пестов с суровой прямотой сообщал: «Срочно явитесь контору Москва-Третья по поводу смерти Градова Владимира».

Совершенно не подготовленная к такому внезапному известию, жена Антонина Ивановна, дочь Елена с мужем, сын Олег, племянник Виктор и свояк со свояченицей

мчатся в контору. Начальник отдела кадров С. Г. Крайнов сочувственно отводит глаза:

— Вот видите, свершилось... Надо отдать Владимиру Константиновичу последний долг. Берите его одежду, паспорт, поезжайте в Ярославль. Он там...

Родственники занимают деньги и на машине, выделенной заводом, где работает Елена Владимировна, едут в Ярославль. Там посещают больницу имени Соловьева. Остаются в некотором смятении:

— Вроде не Владимир.

Обращаются в отдел милиции на станции Ярославль-Главный.

— Ваш, ваш, — успокаивают родню милицейские. — Откуда же взяться другому. Конечно же, его трудно узнать, ведь он попал под колеса. Так что не сомневайтесь, сдавайте паспорт.

Закончив печальные дела в Ярославле, родственники вернулись в Орехово-Зуево, собрали друзей, соседей... А еще через неделю рано поутру Владимир постучался в окна своего дома. Собственной персоной.

— Первым меня увидел сын Олег. Выскочил на улицу, шмыгнул мимо меня и наутек. Дочь Лена всплеснула руками, закричала. Вот с этой самой минуты и пришлось мне всем доказывать, что я это я. Кто верит, а кто и нет. Так вот и живу, — закончил свой печальный рассказ потерпевший.

— Ну, хорошо, а по приезде вы были в конторе, разбирались? — спросил фельетонист, возвращая собеседнику его удивительный паспорт.

— Нет, меня не приглашали. А родня ходила с претензиями. Как-никак на эти все хлопоты с моими поминками истрачено восемьсот с лишком рублей. В долги родные залезли. А кто их будет отдавать? Правда, контора оплатила расходы по квитанциям: за черный костюм, за белые тапочки, за аншлаг, учли там всякие транспортные расходы. А остальные убытки возместить отказались. «Вот вы пишете, что истратили на вино и водку 156 рублей 40 копеек, — говорят. — Откуда такая колоссальная цифра? С иным начальником главка прощаются, так меньше пьют. А ваш — простой кухонный работник. Не должностное даже пока лицо. Чего старались? Кто виноват?» «Вы и виноваты, — втолковывают им родственники. — Вы же

нас и надоумили. Присылали телеграмму.» А те уперлись и все...

Весьма сомневаясь, что такое может случиться в наше безбожное время, фельетонист, вооруженный однако фактами, отправляется в контору вагонов-ресторанов. Здесь он беседует с управляющим Н. И. Пестовым, начальником отдела кадров С. Г. Крайновым, просит показать папку входящих и исходящих бумаг. На свет является первичный документ: телеграмма из Ярославля, которую прислал директор совсем другого вагона-ресторана совсем другого поезда Москва—Чита. И речь в ней шла совсем о другом Градове—Геннадии Афанасьевиче, проживавшем в Балашихе.

— Когда поступило это сообщение, я попросил сотрудницу принести мне личное дело Градова. Она принесла, да не то. Я же, полагая, что у нас один Градов, не обратил внимания на имя и отчество, заготовил телеграмму и дал ее на подпись управляющему,—объясняет начальник отдела кадров.

— Контора возместила убытки семье Владимира Градова,—вступает в разговор управляющий конторой Н. И. Пестов.—Согласно предъявленным документам. Оплатить же выпитую неизвестно зачем водку, контора не может, нет документальных оснований.

Дело не в выпитой «неизвестно зачем» водке, дело в сонном чиновничьем равнодушии работников конторы к чужой беде. Что это за объяснения: заглянули не в то личное дело, отбили телеграмму не по тому адресу, подключили не ту родню?..

Кстати, а как с той родней? Сообщили семье попавшего под колеса Геннадия Афанасьевича о случившейся трагедии? Или, быть может, забыли?

Следующее интервью мы берем уже в Ярославле у начальника отделения милиции Р. Г. Сурокова и инспектора уголовного розыска Б. Б. Царицына.

— Помню такой случай,— говорит Роман Гаврилович.— Заходил к нам и сам потерпевший, были и его родственники.

— Поднапутали там кадровики в этой ресторанторской конторе,—добавляет Борис Борисович.—Дали нам непроверенные сведения...

Поднапутали действительно в конторе вагонов-ресторанов, оттуда все и пошло. Но работники милиции могли

бы без особого труда обнаружить ошибку. Мы листаем материалы дела, которое от начала до конца вел инспектор Царицын. В первом же своем сообщении Борис Борисович совершенно точно указывает, с кем случилось несчастье. В качестве свидетелей он опросил трех членов поездной бригады, и всюду в протоколах речь идет о Градове из Балашихи. Его удостоверение личности и медицинская карточка приобщались к делу. Каким же образом Геннадий Афанасьевич превратился во Владимира Константиновича?

— Определенную отрицательную роль сыграли тут родственники орехово-зуевского Градова, — предполагает Роман Гаврилович. — Правда, они тут высказывали сомнение. Но сам факт их появления говорил не в их пользу.

— Когда приезжали от Градова Владимира, — оправдывается Б. Б. Царицын, — меня не было на месте. Они обратились к начальнику угрозыска Т. Н. Мерданову, который дело знал плохо. Но он созванивался с конторой вагонов-ресторанов, уточнял...

Что же касается начальника отделения Р. Г. Сурокова, то он выдал В. К. Градову справку, которой он так долго домогался. В ней удостоверяется, что ее предъявитель жив и что свидетельство о его смерти отныне считается недействительным.

Вот почему, расставаясь с В. К. Градовым после повторной встречи, фельетонист выразил уверенность, что теперь для получения нового паспорта у него никаких препятствий не будет. Чтобы окончательно утешить собеседника, фельетонист сослался на древнее нематериалистическое поверье, будто человек, не к месту объявленный умершим, в дальнейшем живет очень долго и весьма успешно выявляет себя на избранном поприще.

А вот как долго в наших конторах махровый бюрократизм будет путать Орехово-Зуево с Балашихой, читинские поезда с благовещенскими, а божий дар с яичницей? На какую нематериалистическую примету тут лучше всего сослаться?

1981

УТРУСКА ПОД ПЛОМБОЙ

У некоторых мальчишек довольно рано пробуждается интерес к различным самодвижущимся транспортным средствам. Сначала под наблюдением бабушек катаются на осликах в зоопарке, а потом уже в самостоятельном порядке пересаживаются на трехколесные велосипеды и педальные автомобильчики...

Впрочем, иногда транспортные увлечения могут принимать дурные формы. Вот, например, подростки Коля Пуздов, Петя Исаев, Лазарь Квист, Иван Купланский, Олег Колесниченко, живущие близ окружной дороги, затеяли ездить на проходящих поездах. Туда и обратно. Так, ради забавы. На перегоне между станциями Угрешская и Люблино у Горбатого моста грузовые составы замедляют ход, и мальчишки, соревнуясь в ловкости, цеплялись за подножки, поднимались на тормозные площадки, перебегали из вагона в вагон...

Далеко ли тут до беды? Упреждая события, отметим, что никто из разболтанных подростков слава богу не пострадал. Пострадала Московская железная дорога. Однажды, путешествуя на открытой платформе, кто-то из озорников просунул руку в дверную щель плохо закрытого контейнера и вытащил горсть фломастеров. Тут же к дырявому контейнеру протянулось еще четыре руки. Никто не хотел отставать. Добыча оказалась немалой: 257 авторучек, 1700 фломастеров, 114 письменных приборов...

Теперь, отправляясь кататься на поездах, мальчишки на всякий случай захватывали с собою плоскогубцы, пилки, ломики, а также пустые портфельчики и ранцы. Они уже не затевали свои опасные игры, а шарили по вагонам и платформам: что тут плохо лежит?

Плохо лежало многое. Из контейнеров являлись на свет женские сапожки и мужские куртки, магнитофоны и коробки дорогих духов... Короче говоря, подростки совершили семьдесят краж и разворовали грузов на сорок тысяч рублей.

...Приблизительно в то же время, когда группа уже знакомых нам сорванцов совершала еще свою шестидесятую или шестьдесят первую кражу, на станцию Брест-Восточный прибыла рефрижераторная секция. Четыре вагона-рефрижератора загрузили картонными коробками с

потрошеными свежемороженными курами. Начальник секции С. Ковалев, механики В. Боровников и Д. Худошин приняли груз. Установив нужную температуру в холодильных камерах, они ушли в жилой вагон коротать время до пункта назначения станции Бойня, где находится хладокомбинат «Росмясомолторга».

Путешествие протекало без особых происшествий, если не считать следующего дорожного эпизода. На станции Уваровка под Можайском сопровождающие решили несколько перегруппировать груз. С этой целью весь обслуживающий персонал подошел к первому вагону. В. Боровников встал поодаль, чтобы наблюдать, не появятся ли случайные прохожие, которые всегда мешают работе своими неуместными советами и репликами. Начальник секции С. Ковалев ловко сбил пломбу, а Д. Худошин перепилил ножовкой металлическую закрутку на двери. Проникнув затем в вагон, они перенесли тридцать восемь коробок за щитки воздуховода. Вслед за этим была проделана обратная работа. Д. Худошин с помощью гаечного ключа навесил на дверь металлическую закрутку, а С. Ковалев искусно поставил пломбу на прежнее место.

— Пломба у нас совсем как новенькая. Комар носа не подточит, — отметил С. Ковалев.

— А коробок за воздуховодом совсем не видать, — обрадовался В. Боровников.

Д. Худошин заключил обмен мнениями:

— Если приемщики заметят эти коробки, подумают, что их туда по ошибке поставили грузчики в Бресте. И все дела. А вот если не заметят...

На станции Бойня ничего не заметили. Рефрижераторная секция, благополучно сдав коробки с курами, покатила себе на юг за новым грузом.

Спустя два дня на привокзальных улицах Жмеринки распространяется слух, что неподалеку продают потрошеную свежемороженую птицу.

— А где?

— Да прямо на путях.

Покупатели прибегают на станцию, подползают под двумя составами и убеждаются: точно, продают. Причем и цена нормальная, государственная: три рубля за тушку. Торговлю осуществляет сам начальник рефрижераторной секции С. Ковалев прямо из дверей жилого вагона, а ме-

ханики В. Боровиков и Д. Худошин подносят ему товар из грузовых отсеков.

Благоприятная коммерческая конъюнктура была потревожена появлением представителей местных властей, которые стали интересоваться, на каком основании здесь открылся птичий рынок. Но тут подцепился маневровый паровоз и потащил секцию на Казатинскую горку. Воспользовавшись спасительным случаем (оказавшимся, увы, мимолетным и призрачным), механики выбросили под откос тридцать оставшихся коробок с курами. А что им, разве жалко, ведь продукт не их, государственный. Уничтожив таким образом вещественные улики, жулики вздохнули. Но тут же маневровый паровоз дал обратный ход и доставил бригаду на прежнее место в объятия уже было заскучавших по ней блюстителей закона...

Страна наша огромная, и среди подавляющего большинства безукоризненно честного населения встречаются еще, к сожалению, моральные уроды. Писать о них в книге — это просто оказывать им великую честь. Приводить эту публику в нормальный вид куда сподручнее народному судье и народным заседателям, чем фельетонисту. Нам же хочется приковать внимание широкой общественности к такому первостепенному вопросу, как сбережение народного добра. И вот здесь-то возникает немало неясностей, ребусов и загадок.

Прежде всего непонятно, почему наши рефрижераторные вагоны имеют такие превосходные тайники-невидимки, куда можно свободно упрятать тридцать восемь коробок? Эта загадка порождает следующую: почему же в данном случае материально ответственные лица не обратили внимания на то, что недостает тридцати восьми мест, или полутонны куриного мяса? Ведь сначала вагоны осматривали эксперты и удостоверили, что все пломбы находятся в безукоризненном состоянии. Потом груз проверяли на весах приемосдатчик железной дороги и кладовщик хладокомбината. Впрочем, они обнаружили, что в одном вагоне мяса недостает, но вскоре успокоились, узнав, что в другом имеются определенные излишки. Ну, хорошо: недостача — это понятно. А вот природа излишков туманна и попахивает мистикой! Как же в пути могут образовываться излишки, неужто на остановках мороженые курочки выбегали клевать зернышки и прибавляли в весе? И не говорит ли все это о безобразно поставленном учете?

Любопытна позиция директора хладокомбината В. Немчининова. Он считает, что приемка партии кур была организована правильно и повода для тревоги нет и не могло быть. Директор даже произвел подсчеты: в одном вагоне не хватило 515 кг. В другом — обнаружились излишки в 153 кг. «Недостача 362 кг, — сообщает Немчининов, — не превышает нормы естественной убыли при перевозке».

Выходит, имей совесть, кради в рамках естественной убыли и не зарывайся!

А что можно сказать о состоянии нашего контейнерного хозяйства, если испорченные мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет без труда открывают любые замки и растаскивают товары на сотни и тысячи рублей!

Недавно работники милиции разоблачили банду потрошителей контейнеров на станции Кусково. Это были уже не мальчишки, а вполне сложившиеся мужчины, слесари, сцепщики вагонов, складские рабочие, шоферы. Л. Сумароков, Б. Андрющенко, В. Болгатенков, Е. Жасминкин, Д. Кадыров и другие три года потаскивали из вагонов ковры и женские платья, атласную ткань и электрофоны, похитили товаров больше чем на пятьдесят тысяч. В общем-то они не взрывали вагонные двери и не вспарывали стальные брюшины контейнеров невидимыми лучами лазера. Они тоже брали лишь то, что плохо лежало. На следствии воры охотно рассказали, откуда происходили изъятия.

Из вагонов, люки которых имели какие-либо технические дефекты.

Из контейнеров с неисправными запирающимися устройствами.

Из вагонов и контейнеров, распотрошенных на предыдущих станциях и прибывших уже с открытыми дверными люками, с проломами в стенках.

А вот где еще раньше успели сломать двери и пробить стенки, сказать уже никто не может. Достоверно лишь известно, что из пункта «А» контейнер вышел полным. В конечный же пункт «Б» пришел пустым. Кто тут должен отвечать за пропажу? Железная дорога. И отвечает.

Из вагона, следовавшего маршрутом Николаев — Ростов-Ярославский, украдено двадцать пять мешков черного кофе в зернах. Северная железная дорога уплатила объединению «Ростовкофецикорпродукт» 20 645 рублей.

По дороге между Тюменью и Нижневартовском лица, пожелавшие остаться неизвестными, украли восемнадцать телевизоров, тридцать четыре радиоприемника, меховые пальто, шапки. Свердловская дорога уплатила Нижневартовскому рыбкопу 22 081 рубль.

Дербугинский сахарный комбинат отправил в Ижевск емкости с лимонной кислотой. Кислота в пути «испарилась». Горьковская железная дорога заплатила 31 383 рубля.

Из Краснодара в Красноярск переезжал на платформе карусельный станок. В пути на него совершались дерзкие набеги. Злоумышленники самым варварским образом выломали и утащили многие узлы и детали. Теперь Красноярская железная дорога уплатит владельцам карусельного станка 43 750 рублей...

Из сотен складываются тысячи, из тысяч — миллионы. Они переходят из одного государственного кармана в другой, и ведь только создается одна видимость, что убытки восполняются.

— А что тут сделаешь? — пожимают плечами ответственные товарищи.

Сделать же на первый случай надо совсем немного. Просто заняться арифметикой, сопоставить цифры. И тогда получится, что усиление охраны грузов в пути потребует куда меньше тех денег, которые выплачивает железная дорога своим пострадавшим клиентам.

1981

ПЯТАЯ ИНИЦИАТИВА

Как иногда рождаются инициативы?

Мы, наверное, не ошибемся, если, отвечая на этот вопрос, начертим такую условную схему. В каком-то ведомстве ощущается застой. То есть что-то делается, что-то течет, но не слишком изменяется. Грозные приказы не помогают. Мучительные совещания не приносят должной отдачи. Скрупулезное изучение чужого опыта практически ничего не дает. Нужна крупномасштабная личность, кото-

рая оглянется окрест и, подобно вожаку плотогонов, обнаружит то застрявшее бревно, которое сдерживает на широкой реке движение лесного каравана.

Но где эта личность? Где свои Архимеды, Ньютоны и Кулибины? Сегодня их нет. И завтра нет тоже...

Вдруг кто-то неведомый без суеты и без потуг на гласность спокойно сталкивает это бревно с затонувшей коряги. Кто это сделал? Иванов? Или, быть может, Сидоров? Теперь не дознаешься. Да это и неважно. Важно, что огромный плот, освободившись из плена и вырвавшись на простор, плывет вперед, обретая силу движения...

Нечто подобное мы наблюдаем и в системе Энского облпотребсоюза. После некоторой неподвижности здесь возникло немало любопытных инициатив, часть которых уже изучена, другая находится в стадии обобщения. Ну, например:

«Трудимся круглый год! В отпуск не уходим!»

Назвать зачинателя этого движения, равно как и место, откуда оно пошло, затрудняемся. Тем не менее, возникнув, оно сразу же нашло понимание и поддержку материально ответственных лиц:

— В самом деле, как это можно разъезжать по курортам, греться на пляже, принимать душ Шарко, когда кругом столько дел в области торговли и общественного питания!

Есть еще веская причина, мешающая завмагам и кладовщикам принимать мацесту в Сочи или пить кислую воду в Трускавце:

— Как же оставить товарные ценности? На кого?

Правда, некоторые, уезжая отдыхать, вручают ключи от складов, лабазов и холодильников мужьям, женам, тетушкам, кумовьям, сватам, а то и просто дружкам и подружкам. По мере необходимости обласканные доверием родные и близкие открывают закрома и пользуются.

Но подобные факты носят совсем немассовый характер. В минувшем году не брали отпуска 18 работников Варского райпо, 22 — Кологодского, 17 — Новогорского. По всему же облпотребсоюзу безотпускников насчитывается 146 человек. А среди них есть и такие энтузиасты, которые неотлучно стоят за своими весами и прилавками по пять и более лет.

Впрочем, нам теперь стало казаться, что энтузиазм

тут ни при чем. При уходе в отпуск все товары и деньги требуется сдать по акту. Это дело опасное: чем черт не шутит! И надо сказать, инвентаризационный черт выкидывает свои дурацкие шутки довольно часто. Четыре года упорно отказывалась от отпуска заведующая распределительным складом Ганичева, а потом оказалось, что она похитила товара на 19 тысяч. Завмаг Крупникина не отдыхала шесть лет и соответственно успела больше — утащила 22 тысячи. А всего в облпотребсоюзе «трудягиэнтузиасты», уклонившись от отпуска, разокрали 230 тысяч...

Конечно, нам будут доказывать, что это не так страшно: недостача погашается. И не просто погашается, а с превышением. Потому что в системе родилась и набирает силу вторая инициатива, как бы подстраховывающая первую:

«Утащил сотню, возвращаю сто пятьдесят!»

И возвращают. Правда, до ста пятидесяти процентов дело пока не дошло, но превышение все же наметилось. Об этом говорят официальные сводки облпотребсоюза. В Варском и Кологодском районах за каждые сто украденных рублей совестливые расхитители внесли сто семнадцать, в Новогорском, Бытовском и Владковском похищенная сотня возвращается с пятнадцатипроцентным пени. И в целом по всему облпотребсоюзу сальдо в его пользу!

Да ведь от такого, с позволения сказать, воровства казне прибыток. Чем больше унесут, тем больше и принесут. Вот вам новая статья дохода, товарищи бухгалтеры и плановики! Да что там статья дохода! Берите выше: налицо финансовая революция, упраздняющая законы экономической науки. Так пусть же смелее взламываются складские двери и растаскиваются магазины!..

Впрочем, в незыблемости политэкономии нам усомниться в дальнейшем не придется. А вот в цифрах, выведенных облпотребсоюзом, наверняка. Используя явно ненаучный термин, скажем, что все это обман чистейшей воды. И если добавим, что из каждой похищенной сотни в кассы возвращаются лишь 15—20 рублей, то это будет куда ближе к истине.

...Оптимисты, пожалуй, возразят, что материальные издержки неизбежны, когда речь идет о сложных проблемах воспитания. Тем более что в руководящих кооператив-

ных сферах растет и ширится еще одна инициатива, которая может быть сформулирована примерно так:

«Всецело доверяй и не очень проверяй!»

— Ну, сколько же человек может вытаскивать? Должен же он угомониться,— рассуждают сердобольные дяди из облпотребсоюза.— Особенно если мы по-умному, по-хорошему найдем подход...

Заведующая магазином в Варском районе Андроникидзе работала так образцово, что допустила шесть недостач. Сначала ее объявили победителем соцсоревнования, а потом отметили денежной премией. И вскоре — почетной грамотой. Дескать, ты к нам так, а мы к тебе эдак! Подумай и оцени! Товароведа Михолнекину сразу же после десятитысячной недостачи назначили заместителем председателя Варского райпо.

Ждем возможных возражений по поводу того, что, выдвигая и поощряя людей, руководству нелегко разобраться, кто из них растратчик, а кто нет. И ревизоры тут не помогут, потому что, включившись в благородное движение, всем доверяют и мало кого проверяют. В одном магазине им вместо сахара показали мешки с солью. В другом — в штабели с водкой положили ящики с пустой посудой. В третьем — в инвентаризационный акт вписали давным-давно исчезнувшие товары аж на пятьдесят тысяч. И ничего, ревизоры все это проглотили. Возможно даже, перед этим выпили. А уезжая, пожелали счастливо оставаться и успешно работать.

Ну, а тот, кто не хочет счастливо оставаться, тот может не менее счастливо увольняться и уходить на все четыре стороны. За счастливо уволившимися из системы облпотребсоюза числится ни много ни мало двести тысяч рублей. Однако утверждать, что инициатива «Всецело доверяй и не очень проверяй!» себя изжила, мы не возьмемся. А вдруг разбежавшиеся неизвестно куда лица одумаются и принесут в туго перевязанных банковскими жгутами пачках ровно двести тысяч рублей, а то и еще больше! Вот тогда-то все критики этого приятного движения наверняка сядут в галошу!..

Следующая по счету инициатива, родившаяся опять же в среде руководящего состава, в дальнейшем получит, наверное, такой аншлаг:

«Развивай демократию по телефону,
командировочные средства экономь!»

Вот, что это значит на деле. Как-то облпотребсоюз решил заслушать на своем заседании председателя Кологодского райпо П. Мигунькова, который проявлял безразмерный либерализм к расхитителям и растратчикам. Позвонили товарищу Мигунькову, велели приезжать в область с отчетом. Тот отказался. Позвонили еще раз, все равно не приехал. Назначили крайний срок, и тот прошел. Спустя три месяца состоялся последний междугородный разговор:

— Ладно, не приезжай, раз не хочешь. Но мы тут тебе поставили на вид. Так что поимей это в виду, делай соответствующие выводы...

Ну чем не решение вопроса? И дешево и сердито...

Жесткие рамки фельетона не позволяют нам рассказать о других родившихся и прижившихся в Энском облпотребсоюзе инициативах.

А вот совсем нелегко сказать, когда же в этой кооперативной организации возникнет инициатива, которая в данном повествовании будет пятой по счету и которую следует назвать предельно просто:

«Работать, как надо. Работать честно!»

Конечно, этот призыв прозвучит не так заманчиво и эффектно, как, например: «Трудимся круглый год! В отпуск не уходим!» или «Утащил сотню, возвращаю сто пятьдесят!». Но зато данная инициатива будет весьма своевременной и полезной.

1983

Из дальних странствий

К ДАЯКАМ В ДЖУНГЛИ

Мы сидели в вестибюле многоэтажной гостиницы «Мерлин» и обсуждали, что делать дальше. На стене прямо против нас пятнадцать светящихся циферблатов показывали время в крупнейших городах мира. В Лондоне было два часа, в Париже — три, в Москве — пять, в Дели — половина восьмого, в Джакарте — девять, в Гонконге — десять, в Токио — одиннадцать, в Сан-Франциско — шесть в Нью-Йорке — девять часов...

Мы обалдели от этого обилия обрушившихся на нас часовых поясов, стали объяснять друг другу, где сейчас день, а где ночь, и окончательно запутались.

Приближались рождественские праздники. Украшенная разноцветными игрушками и осыпанная клочками ваты синтетическая елка у конторки портье уходила своей макушкой к переливающемуся огнями потолку. Под елкой улыбался рисованный дед-Мороз в ватной шубе, подпоясанной красным кушаком. Одной рукой он подправлял за спиной традиционный мешок с подарками, другою поддерживал прекрасную Снегурочку. У деда-Мороза и Снегурочки были широкие скулы и узкие, раскосые глаза.

По другую сторону стеклянных самораскрывающихся дверей термометр показывал тридцать градусов. Не холода — жары!

— Здешним модницам нет нужды выглядывать утром в окно, чтобы определить, как одеться по погоде. Тут всегда лето. И в июле и в январе солнце восходит в седьмом часу утра, а через двенадцать часов наступают сумерки. А вот с Новым годом у вас может случиться пу-

таница. Дело в том, что в этой многонациональной стране празднуется четыре Новых года — малайский, китайский, индусский и европейский, — объясняет нам Мохамед, мусульманин из Индии, проживающий в Сингапуре и сопровождающий путешествующих по Малайзии от туристской фирмы Нанда.

Еще в Москве, готовясь к поездке, мы проштудировали справочники, прочитали книги, разыскали в подшивках газет статьи о далекой Малайзии. Мы знали, что эта бывшая колония британской короны добилась немалых успехов на пути самостоятельного развития. Малайзия занимает теперь первое место в мире по производству каучука, пальмового масла, тропической древесины, по добыче олова. Однако империалисты не хотят отказываться от лакомого кусочка, от сказочных богатств этой земли. Японский, американский, английский, южнокорейский капитал имеет прочные позиции в экономике страны. Иностранные компании возводят небоскребы в Куала-Лумпуре, строят предприятия обрабатывающей промышленности, ищут нефть.

Мы прилетели в Куала-Лумпур накануне утром и вот уже два дня знакомились со столицей государства, утопающей в зелени тропических деревьев. Осмотрели центр города — китайский квартал, который с вечера и до поздней ночи превращается в шумный восточный базар. Отведали национальное кушанье — сатэ в знаменитых закусочных на улице Кэмпбел. Присутствовали на богослужении в Национальной мечети, вмещающей тысячи и тысячи молящихся. Побывали на фабрике бабочек, где хрупкие девочки ежегодно закладывают два миллиона мотыльков в различные прозрачные сувениры — порсигары, шкатулки, брелоки. По 272 ступенькам поднялись в священную пещеру Бату-Кейвс и перед самым вечером на окраине города у ворот дворца, заглядывая друг другу в блокноты и все время переспрашивая Мохамеда, записывали фамилию короля Малайзии, которого избирают девять султанов раз в пять лет. На ту пору королем был султан штата Паханг — Туанку Хаджи Ахмад Шах аль-Мустани Биллах ибни Аль-Махрум Султан Абу Бакар Риайятуддин Аль-

Муадзам Шах. Став Верховным правителем, султан прибавил к своему непростому имени еще и королевский титул: Дули Янг Маха Мулия Сери Падука Багинда Янг Ди-Пертуан Агонг.

Вплоть до самого ужина мы уточняли правописание имени Его Величества и вот, выйдя из ресторана в вестибюль, стали размышлять, как бы на следующий день поискать себе занятие полегче.

— Если вы хотите оказаться в тропическом раю,— говорил нам Мохамед,— то надо лететь на остров-курорт Пинанг, который лежит, в свою очередь, в окружении девяноста девяти маленьких коралловых островков. На Пинанге, заметьте, лучший в мире спектр закатов и храм змей, которых позволяют брать в руки. Впрочем, на Пинанге мы все равно будем. А я предлагаю начать знакомство со страной с самого начала: посмотреть, как люди жили тысячу лет назад, побывать в гостях у обитателей джунглей — даяков — древних охотников за человеческими головами.

Заметив легкую панику в наших рядах, он добавил:

— Не беспокойтесь, ваши головы останутся на месте. Теперь даяки нашли себе другие развлечения. Но чтобы увидеть даяков, надо лететь на остров Калимантан, или, как его называли европейцы, остров Борнео.

Лучший в мире спектр закатов вместе со змеями был отвергнут на корню. Все дружно проголосовали за джунгли, за даяков. А на следующее утро помчались в аэропорт.

Над Северным Калимантаном бесновалась гроза. Никак нельзя было поверить, что два часа назад в Куала-Лумпуре светило ослепительное экваториальное солнце и земля задыхалась от палящего зноя. Но вот муссон пригнал с океана свинцовые тучи и с грохотом разорвал их над побережьем. И тут же исчезли бухты с белыми кружевами океанского прибоя, рыбачьи суденышки у причалов, цепи прибрежных гор, окрашенные джунглями в изумрудные краски. Стало темно и жутко.

Летчики малайзийской авиакомпании с трудом притерли к земле пассажирский лайнер, и он, отфыркиваясь, как

мокрый кот, долго разбрызгивал фонтанчики брызг на бетонных дорожках, пока в мутных водяных разводах не возникли на башнях аэровокзала электрические буквы: «Кучинг». Прежде чем выпустить в город Кучинг — столицу островного штата Саравак, нас подвергли паспортному и таможенному контролю. Оказалось, что такая процедура полагается при переезде из штата в штат. Но вот все формальности были закончены. Мохамед раскрыл над нашими головами многоместный зонт-шатер, и мы, натыкаясь друг на друга, побежали за ним к автобусу, как цыплята за наседкой.

Вскоре оказываемся в густом лесу. Деревьям становится очень тесно. Между исполинских стволов пробивается древесный молодняк, ниже его колючий кустарник, еще ниже пышная трава. И все это смешалось, сплелось, встало непроходимым зеленым барьером по обеим сторонам шоссе.

Ливень внезапно кончился. Яркое солнце золотит верхушки умытых кокосовых пальм, и лишь грязевые потоки, бушующие между сваями лесных домиков, напоминают о недавнем визите муссона. В низинах над клочками рисовых полей работают люди и буйволы.

Шум океана, сопровождавший нас всю дорогу, постепенно стихает, шоссе сворачивает в глубь острова, к индонезийской границе, становится все уже и наконец обрывается на крутом берегу реки. Дальше на автомобиле не проедешь.

По скользким ступенькам спускаемся вниз к небольшому причалу (широкая доска, положенная на два коротких бревна), усаживаемся в длинной, узкой пироге образца тысячного года до нашей эры, модернизированной, однако, подвесным мотором с клеймом «Мейд ин джапан».

— Смотрите, первый абориген. — Мохамед показывает на парнишку-рулевого в набедренной повязке. Молодой даяк широко улыбается, обнажая ослепительно белые зубы.

И вот уже наш древний кораблик несется по бурной и стремительной Скранг-реке вверх к ее истокам. Исполинские деревья стоят по обоим берегам, их кроны сплелись в вышине, закрыв солнце. Летят навстречу вспененные хо-

лодные брызги. Пирога, управляемая умелой рукой, не сбавляя скорости, огибает отмели, ловко проскакивает между упавших со скал камней и затонувших бревен. Еще два часа пути, и мы карабкаемся на высокий берег, проходим через протоку по шаткому висячему мосту и вдалеке замечаем людей.

Мы на земле ибанов — одного из даякских племен, коренных жителей Калимантана.

Нас встречает старейшина деревни, или, как здесь говорят, хозяин дома господин Чаон, жилистый сухой старик. Его сопровождает весь управленческий аппарат — три молодых помощника в длинных белых рубашках без воротников. Сам же старейшина был оголен по пояс, очевидно, ему хотелось похвалиться своей разноцветной татуировкой. Татуировка и в самом деле была выше всяких похвал — подлинный шедевр декоративно-прикладного искусства. Образуя сплошной замысловатый орнамент, таящий в себе ритуальный смысл, она ниспадала с шеи на спину, покрывала плечи, руки и живот.

Господин Чаон снисходительно оглядел пришельцев и не без основания отметил про себя, что произвел эффект.

— Таких украшений достоин лишь тот из ибанов, кто победил своих злейших врагов и носит их высушенные головы у себя на поясе, — сказал хозяин дома, принимая боевую позу. Он пригнулся, спружинив ноги, как перед прыжком, приложил обе ладони к глазам, тревожно всматриваясь вдаль, будто вот-вот из-за деревьев выбежит неприятельский воин. Господин Чаон опять остался доволен нашей реакцией, легкая усмешка пробежала по его губам.

— Нет, нет, не пугайтесь, наш старейшина никого не убивал, — вступил в разговор старший помощник.

— Хотя в нашем доме на шестах вы можете увидеть высушенные давным-давно головы, — добавил второй помощник, — но это уже, так сказать, сувенир, деталь интерьера. Мы мирные люди.

— Да, это правда, — подтвердил господин Чаон, — превращаясь на наших глазах из грозного воина в добродушного домашнего дедушку. Мы выращиваем рис, уха-

живаем за каучуковыми деревьями, разводим животных, охотимся в джунглях на змей и обезьян, ловим рыбу.

Впрочем, даяки вновь взялись за свои ножи в годы второй мировой войны, когда Северный Калимантан оккупировали японцы. Чуть зазевался самурай, и его голова уже проветривается на шесте в огороде патриота. Даякских ножей японцы боялись куда больше американских эсминцев...

Старейшина приветливо улыбнулся и протянул ладонь. Мы обменялись крепкими рукопожатиями в знак взаимного уважения и дружбы.

— Ибаны всегда рады гостям, — сказал вождь, показывая рукой на свайное строение, почти скрытое в лесу. Между свай, не обращая внимания друг на друга, бродили собаки, куры, поросята. — Прошу заходить.

Зайти в этот дом было ох как не просто. Мы огляделись, да так и не увидели дверей. Но вот из темного проема, на который мы сначала не обратили внимания, по бревну с засечками ловко спустились двое парней. На плечах они несли шест с рыболовными снастями.

— Прошу к нам в дом, — повторил приглашение старейшина и быстро поднялся по бревну.

Мы хотели было последовать его примеру, у нас это не очень получалось. Господин Чаон был бос, а подошвы наших ботинок скользили по мокрому после дождя дереву. Пришлось разуваться и брать вторую попытку. Она увенчалась успехом. Балансируя на бревне и хватаясь за палки, создающие какое-то отдаленное подобие перил, ныряем в проем. А дом-то, оказывается, огромнейший. И немудрено: в нем живет вся деревня — 119 мужчин, женщин и детей, все они родственники.

С опаской ступаем на пол из связанных жердей и бамбука. Под нашими шагами пол прогибается, но легко выдерживает тяжесть, пружиня, как батут воздушного гимнаста. Стены сделаны из того же материала, окон нет, но сквозь щели в бамбуковых панелях легко проходят солнечные лучи.

Постепенно привыкаем к своей цирковой походке, оглядываемся по сторонам и с ужасом замечаем по углам

шесты, увенчанные высушенной кожей. Мы находимся в общественной части дома, протянувшейся во всю длину от стены до стены. Впрочем, у каждой семьи есть свой закуток, где она проводит ночь. А вся остальная жизнь проходит у всех на виду: вместе работают, вместе едят, вместе отдыхают и веселятся. В доме есть еще одна комната для гостей, своеобразный зал приемов — руай. Туда-то мы и держим путь.

Мы проходим мимо небольшого костра, разложенного на каменных плитах. Под потолком на перекинутых через брус веревках висят конусообразные керамические сосуды с пищей для духов. Как объяснил старший помощник вождя, духи бывают добрые и злые, и тем и другим нужно делать подношения. Ибаны поклоняются сверхъестественным лесным существам и верят в сны. Эта вера настолько крепка, что если накануне свадьбы жених или невеста увидят дурной сон, то свадьба расстраивается: зачем гневить духов, которые предсказывают, что счастливой жизни все равно не будет!

В комнате для гостей стол (вернее, пол, столов ибаны не знают) был накрыт. На тарелках, разложенных по циновкам, дымился рис, политый соусом с мелкими кусочками жареного мяса, на подносах — вяленая рыба, печеные яйца и фрукты.

— Все это очень вкусно. Только не спрашивайте, что это за мясо, испортите аппетит, — предупредил нас брезгливый Мохамед, нацеливаясь на всякий случай на миску с печеными яйцами.

Мы ждали, когда хозяин дома притронется к еде. Но он велел принести ему белого петуха, вырвал большое перо и ткнул им птице в горло. Показавшиеся капельки крови собрал в маленькую чашечку, положил в конусообразный сосуд по кусочку еды из каждой тарелки, после чего поднял на веревке этот сосуд к самому потолку.

— Пусть духи будут довольны угощением и не мешают нашей беседе во время ужина, — пояснил господин Чаон.

За трапезой, отвечая на наши вопросы, вождь рассказал о своих правах и обязанностях. Общих собраний ибаны не проводят, вся полномочная власть у него в руках.

Вождь назначает людей на работы, единолично распоряжается всеми деньгами деревни, после него старейшиной станет его старший сын. Но он не наследник, а, так сказать, первый кандидат. Он должен проявить себя с самой лучшей стороны, иначе верховная власть может быть отдана другому.

Когда, закончив ужин, мы вернулись в общественную часть дома, возле ритуального костра разгуливали трое мужчин в головных уборах из огромных перьев в шелковой перевязи через плечо и в набедренных повязках из козьей шкуры. В руках у них были мечи. Если б у одного из танцоров не сиял во рту золотой зуб, то можно было бы подумать, что эти смуглые воины шагнули в наш век прямо из повести о первобытных людях Ж. Рони Старшего «Борьба за огонь».

Едва мы расселись вдоль стен, как зазвучали гонги, ударили барабаны и воины стали исполнять танец праздника птицы-носорога — гавай кеньяланг. Когда-то после этого воинственного танца деды и прадеды этих юношей уходили в джунгли в поход на своих врагов из соседнего племени. Теперь же это был просто ритмичный, красивый танец, где люди в древних одеждах подражали движениям грозной птицы-носорога — покровительницы охотников за человеческими головами. И впрямь, танцоры птицами взмывали под потолок и, грозно крича, камнем падали на воображаемую добычу.

После этого впечатляющего танца господин Чаон дал нам из огромной бутыли отведать тапая — рисового самогона и, пожелав спокойной ночи, удалился вместе с танцорами и музыкантами. Члены племени, осмелев, окружили нас. В руках у них появились изделия из плетеной соломы. Цену они назначали весьма солидную — и в малайзийских ринггитах и в американских долларах она выглядела внушительной. Видимо, воспользовавшись отсутствием вождя, его подданные решили нарушить запрет и немного разжиться деньжонками. Процесс купли-продажи быстро завершился к взаимному удовольствию, и хозяева разошлись по своим бамбуковым клетушкам. А мы улеглись, не раздеваясь, на голых досках, тесно прижавшись

друг к другу, и под убаюкивающий шум Скранг-реки заснули мертвецким сном.

Утром нас разбудило многоголосое пение петухов, лай собак и хрюканье поросят, возившихся между сваями. До завтрака, который распорядился приготовить для нас заботливый вождь, было еще время, и мы отправились побродить по поселку. Вчерашнее ощущение, что мы очутились в семнадцатом или даже пятнадцатом веке, быстро проходило. Даяки давно уже встали и принялись за свои дела. Танцор с золотым зубом смыл с себя разноцветные полоски красок и теперь вместе с товарищами складывал в штабеля куски латекса — застывшего сока каучукового дерева, смешанного с водой и муравьиной кислотой. Женщины копошились вокруг высоких кустов белого перца, похожих своей сигарообразной формой на барабан берра, поставленный на попа. Теперь это были обычные крестьяне, добывающие нелегким трудом свой хлеб.

Мы заглянули в единственный магазин, где на полках рядом со старинными ножами и украшениями стояли японские транзисторы и коробки кока-колы. Бизнес был тем тараном, который давно уже взломал глухие стены общины ибанов...

За бизнесом следовала цивилизация. Магазин стоял на краю футбольного поля с воротами, тут же были разбиты площадки для волейбола и бадминтона.

Рядом была школа с интернатом, где жили ребята из соседних деревень. Нам объяснили, что образование для детей ибанов бесплатное, хотя и не обязательное. Занятия ведутся на родном и английском языке, но пишут дети только по-английски; своей письменности ибаны до сих пор не имеют. В углах классных комнат мы увидели все те же конусообразные керамические сосуды с пищей, которые оставляют родители, чтобы поощрять добрых духов и задобрить злых: пусть помогают детям овладевать науками! Впрочем, ребятишки учатся неплохо, если учесть, что они изъясняются на языке Шекспира и Байрона куда лучше, чем среднеарифметический турист из неанглоязычных стран...

Старейшина племени удостоил нас чести и вышел проводить вместе со своей свитой.

— Ибаны—мирные люди, хотят жить в мире со всеми людьми,—сказал господин Чаон.—Приезжайте к нам опять, мы всегда будем вам рады.

— Обязательно приедем,—ответил Мохамед.—Если не с этими русскими, то с другими. Теперь к нам приезжает много людей из России.

Мохамед был настроен философски. Когда на берегу ревущей реки мы снова усаживались в первобытную пирогу, он сказал:

— Завтра вечером мы будем уже на Пинанге и увидим лучший в мире спектр закатов... Мы остановимся в номерах первоклассного Палм бич-отеля с кондиционером, холодильниками, цветными телевизорами и мягкими постелями, укрытыми сетками от москитов. Но самым ярким вашим воспоминанием будут эти часы, когда вы ели, я теперь уже могу сказать, мясо обезьяны, смотрели танец птицы-носорога и спали на досках под лай собак. Ведь очень важно знать, как люди жили в далеком прошлом. Без этого нельзя ценить настоящее и смотреть в будущее с надеждой.

Когда наши пироги скрывались за изгибом реки, вождь племени ибанов все еще стоял на высоком берегу и приветливо махал вслед...

1982

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ МИСТЕР СМИТ

В город Лос-Анджелес мы с корреспондентом «Правды» в Соединенных Штатах Борисом Стрельниковым приехали поздно вечером, и нам ничего не оставалось, как расположиться в мотеле и на сон грядущий полистать наши записные книжки.

— В Лос-Анджелесе самые широкие, самые совершенные в мире автострады,—прочел вслух Борис.—

В Лос-Анджелесе все позволено, даже играть на сцене в чем мать родила.

— Нет, не все, — возразил я, заглядывая в старый справочник. — Городские правила, не отмененные до сих пор, запрещают солить огурцы в деловой части города, купать двух младенцев в одной ванне одновременно, продавать змей на улицах и стрелять зайцев из окон трамваев...

— С чего же начнем осмотр города? — спросил он.

— Давай спать, — предложил я. — Утро вечера мудренее.

Наутро судьбе было угодно свести нас с мистером Гербертом Смитом-младшим, оставившим у нас самые неизгладимые впечатления. Впрочем, этому знакомству мы обязаны, наверное, не судьбе, а владельцу мотеля, который дал знать мистеру Смиту-младшему, что у него остановились русские.

Итак, перед завтраком мы зашли в офис, чтобы оставить ключи от наших номеров, и увидели возле стойки молодого человека, лениво разглядывающего рекламные открытки.

— Доброе утро, господа, — приветствовал нас хозяин мотеля. — Как спали? Боюсь, что не очень здорово. Я полагаю, что калифорнийские ночи куда более знойные, чем ваши московские.

— Вы из Москвы? — воскликнул молодой человек, нетерпеливо вступая в разговор. — Из той самой, что в России? Вот это замечательно! Русских у нас здесь живет немало, но я впервые вижу советских из настоящей Москвы. И мама моя никогда их не видела. Я представляю, она узнает, что я говорил с русскими и не пригласил их к ней! О, мама будет ужасно огорчена и никогда не простит мне этого! Джентльмены, если вы окажете мне честь... будем знакомы: Герберт Смит-младший.

Молодому человеку было около тридцати. На нем небрежно висела белая вязаная кофта с коричневыми кляксами, заправленная в потертые кожаные брюки. Пук нечесаных овсяных волос спускался на плечи. Словом, наш новый знакомый имел вид закоренелого бездельника и бродяги.

— Мистер Смит из весьма достопорядочной семьи,— шепнул нам хозяин мотеля.—У его отца три дела, и каждое из них миллионное. Вы, кажется, журналисты? Так вот, у Смитов большие связи в городе, и Герберт вам может быть очень полезен.

— Вы, я вижу, отправляетесь на прогулку,—сказал молодой человек, тронув фотоаппарат на моей шее.— Я готов вам показать все, что есть самого интересного в нашем городе. У меня сегодня, к счастью, много свободного времени.

Сын миллионера уже крепко держал меня под локоть, подталкивая к выходу. Стрельникову ничего не оставалось делать, как последовать за нами.

— Ну, что же вы хотите в первую очередь посмотреть?—спросил мистер Смит-младший.

— Может быть, Голливуд?

— В Голливуде нам одним делать нечего,—заметил Герберт.—Друг моего отца написал четырнадцать книг о Голливуде. Вот он-то и поедет с вами на студии. Он знает там всех, от последней костюмерши до Элизабет Тейлор. Вы возьмете интервью, у кого только пожелаете. Что вас еще интересует?

Стрельников хотел было открыть рот, но Герберт сам же поспешил ответить на свой вопрос:

— Будем действовать по моей программе. Думаю, что вы останетесь довольны.

Наша машина свернула с широкой улицы в переулок, затем во второй, в третий и остановилась у приятного домика, стоящего в окружении кокосовых пальм.

— Выйдем на минутку, разомнем ноги,—предложил Герберт.

Он направился к крайнему окошку и легонько постучал по стеклу.

Занавеска вздрогнула, и на крыльце появилась молоденькая девушка в белом платьице и в домашнем переднике.

— Я же тебе сказала, чтобы ты не смел ко мне показываться, — грозно сказала девушка, топнув ножкой.

— Да, но речь шла обо мне, а я явился с джентльменами,—виновато сказал Герберт.

— Это не имеет значения. Какое мне дело до этих джентльменов?

Девушка повернулась и пошла в дом.

— Да, но эти джентльмены русские, они приехали из Москвы. Я думал, что тебе будет интересно...

— Из Москвы? — девушка остановилась. — Из самой-самой Москвы?

— Да из самой.

Девушка внимательно оглядела сначала Бориса, а потом и меня.

— Они очень похожи на наших мужчин, — заключила знакомая Герберта.

— Вы тоже похожи на москвичку. Просто не отличишь, — отметил Стрельников.

— Вот видишь, Герберт, как я права, они даже знают английский. И все-таки любопытно, где ты их нашел?

— О, это целая история! — воскликнул Герберт. — Если ты позволишь...

Молодой человек быстро вбежал на крыльцо и зашептал на ухо девушке.

— Отойдем подальше, — подтолкнул меня Борис. — Они говорят вовсе не о нас.

Когда мы обошли машину и встали с другой стороны, Герберт уже держал за руку девушку, оба громко смеялись.

— Ну, мне пора, — сказал наконец молодой человек. Он поцеловал свою знакомую в щеку и сбежал на дорожку. — Значит, завтра я приезжаю ровно в восемь! — крикнул он, садясь в машину.

— Я буду ждать, — ответила девушка и нежно махнула рукой.

Когда домик в пальмах скрылся за поворотом, Герберт погладил по плечу сидящего с ним рядом Стрельникова и воскликнул:

— Как мне благодарить вас, господа? Три дня назад я окончательно разругался с Кити. И вот благодаря вам мы снова вместе. Если бы я приехал один, разве бы она стала со мной говорить! Вы просто не знаете, какая она принципиальная. Я так вам обязан, джентльмены!

И в самом деле, настроение у нашего спутника заметно поднялось. Он тут же рассказал нам, что пока холост и живет с родителями. Недавно окончил колледж и получил очень выгодное место в коммерческом офисе.

— Вам, наверное, помог отец?—предположил Стрельников.

Мистер Смит-младший даже вздрогнул, уязвленный этими словами.

— Когда я вышел из колледжа, отец отсчитал мне триста долларов и сказал: «Герберт, вот тебе деньги на обзаведение и устройство. Ты их должен вернуть мне через десять месяцев».

— Вы вернули долг отцу?—спросил я, удивленный странными отношениями между отцом и сыном.

— Да, конечно. Я смог отдать триста долларов уже через семь месяцев,—с гордостью сообщил Герберт.—Теперь я равноправный член нашего семейства. Даю матери свою часть на домашнее хозяйство и на все остальные семейные расходы. И могу сообщить вам по секрету, что на моем счету денег гораздо больше, чем было у отца в мои годы.

Борис что-то хотел спросить у мистера Смита-младшего, но тот резко затормозил машину.

— Зайдем на минутку вот сюда.—Герберт показал на угловой дом.—Буквально на минутку. Следуйте за мною, джентльмены.

На звонок мистера Смита-младшего дверь открыла пышная блондинка лет тридцати трех.

— Ах, это ты, малыш!—Она игриво погрозила пальцем.—Я же запретила тебе появляться в доме, когда Чарли уезжает в Сан-Франциско.

— Так уж ты и запретила,—засмеялся незваный гость.—Зачем ты говоришь такие вещи при посторонних? Видишь, я не один. Мы проезжали мимо твоего дома, и я почему-то решил, что ты будешь рада познакомиться с русскими. Дело в том, что эти джентльмены русские.

— Наши русские?

— Нет, советские русские. Из-за наших не стоило бы городить огород.

— Так что же мы стоим в коридоре?—спохватилась хозяйка.—Проходите в комнаты.

Мы оказались в просторной гостиной.

— Так, значит, вы русские, из Москвы?—продолжала удивляться хозяйка.—А знаете, мой дед по материнской линии был из русской Польши. Он родился в Лодзи. Так что мы почти земляки. Ведь Лодзь совсем близко от русской границы.

— Спросн их еще о чем-ннбудь, н мы поедем. У джентльменов нет совсем времени. Да, ты хотела узнать адрес портнихн, которая шьет кузнне. Пойдем в кабннет твоего мужа. Я запишу адрес.

Мы остались одни.

— Не кажется ли тебе, что нам отводнтся вполне определенная роль при особе мистера Герберта: набнвать ему цену в глазах всех этнх прекрасных особ? — спросил я.

— Что-то вроде этого, — смеясь, согласнлся Стрельников. — Но что поделаешь, я готов страдать н дальше во нмя международной мужской солндарностн.

Страдання нашн продолжалнсь еще мннут пятнадцать. Наконец Герберту удалось записать адрес портннхн, и он появнлся в гостиной, ведя под руку хозяйку дома.

— Вы не соскучнлнсь без нас, джентльмены? — спросила блондннка. — А я даже не предложила вам выпнть. Водкн у меня нет, но есть отлнчное вискн. Что же ты стоишь, Герберт? Ты же знаешь, где у меня лед н стаканы. Загляни в бар.

— Не стоит беспокоиться, — остановнл ее Борнс. — С утра мы не употребляем спнртного. Пнть с утра вискн — весьма рнскованное занятне.

Следующую остановку мнстер Смнт-младший сделал у кафе с поэтнческнм названнем «Радость».

— Это очень кстатн, — заметнл я. — Уже одннадцать часов, а мы еще не завтракали.

В кафе было совсем пусто, еслн не счнтать тучного старого человека, который сндел у стойки, уткнувшнсь в пухлую газету.

— Вон хорошее местечко у окна, — показал Борнс. — С видом на океан. Присядем?

— Может быть, мы еще сюда вернемся, — процедил сквозь зубы мистер Смнт-младший, увлекая нас дальше.

Мы оказалнсь сначала в каком-то подсобном помещеннн, а потом на кухне. У плнты стояла полная молодая женщнна, которая обжарнвала мнннатюрные соснскн.

— Хэлло, детка! — прнветствовал ее Герберт. — А я здесь. Не ожидала?

Он ловко подхватнл двумя пальцами румяную соснску со сковородкн и отправнл ее в рот.

— А ты сегодня за поварнху, н очень недурно получается, — сказал он, прнчмокнвая.

— Что делать, Мэрн опять заболела, а мне одни

хлопоты. Так ты обещал свозить меня вечером в клуб. Что скажешь?

— Скажу, что сегодня занят, — замялся Герберт. — У меня гости.

— У тебя каждый день гости, — скривила губы толстушка.

— Эти гости особые. Познакомься, Диана. Они прибыли сюда прямехонько из России.

— Из России! — недоверчиво протянула Диана. — А не врешь?

— Мистер Смит говорит сущую правду, — вступился Стрельников. — Мы действительно советские журналисты.

— Тогда интересно будет с вами потолковать, — сказала Диана, снимая сковородку с огня. — Я только отнесу сосиски этому господину.

В отсутствие Дианы Герберт слазил в холодильник и вытащил оттуда банку кока-колы.

— Миссис Браун, владелица этого заведения, занимается политикой так же, как и ее покойный муж, — сказал Герберт, отхлебывая из банки. — Она активист какой-то партии, не то республиканской, не то прогрессивной, и особенно сильна в негритянском вопросе. Поговорите с ней на эту тему. Я уверен, узнаете много любопытного.

Миссис Браун снова появилась у плиты. По дороге она обдумала, видно, первый вопрос и спросила с места в карьер:

— Вы коммунисты?

— Да, коммунисты.

— А как вы относитесь к неграм?

— В каком смысле?

— Да в таком: считаете ли вы их за людей?

— Что за вопрос, конечно, считаем, — сказал Стрельников, стремясь поскорее закончить это интервью у плиты.

— Попробовали бы вы ответить иначе! — сказала Диана, хорохорясь. — Я бы с вами не стала церемониться.

Наша собеседница плеснула масло на сковородку и продолжала:

— Сейчас, господа, меня всерьез захватили проблемы панафриканизма, поскольку черных на земле больше, чем белых, то черная раса должна господствовать над белой...

— Людей с черной кожей на земном шаре все-таки меньше, — вставил я. — Если изволите...

— Не говорите всякий вздор, — оборвала меня миссис Браун. — Вы, наверное, ознакомились с последней статистикой ООН и всерьез поверили этим фальсификаторам...

— Диана ошибается, как всегда, но вы ей не противоречьте, — шепнул нам Герберт. — Сделайте вид, что вы с ней согласны, и больше мне от вас ничего не надо.

Своей репликой мистер Смит-младший опять обратил на себя внимание Дианы, и это отвлекло ее от разгоравшейся было дискуссии.

— Так ты сегодня не приглашаешь меня в клуб? — спросила она сурово.

— Зато мы проведем вместе все воскресенье, — пролепетал Герберт. — Я заеду за тобой с самого утра.

Хозяйка кафе взялась асбестовой рукавицей за край раскаленной сковородки, и мистер Смит-младший поспешно ретировался к выходу. Борис с тоской посмотрел на облюбованный им столик у окна.

— Может быть, мы все-таки присядем? — спросил он.

Мистер Смит-младший ответил ему уже за порогом.

— Вы убедились, что Диана очень хорошая женщина? Но лучше нам не задерживаться здесь. Она все-таки слишком категорична в своих суждениях. Что поделаешь, прав был мудрец: легче покорить восемь женщин, чем избавиться от одной.

— Кстати, о женщинах, — вступил в разговор Стрельников. — Мы нанесли визиты трем очаровательным леди, и я полагаю, что на сегодня нам этого вполне достаточно. К тому же пора возвращаться в мотель. Нам могут позвонить из Москвы...

— Я намеревался посетить еще два-три места, — разочарованно промолвил мистер Смит-младший. — Но раз у вас нет времени, задуманную программу придется сокращать. Сейчас мы заедем на полчасика ко мне, и вы свободны. Я уже звонил маме, она ждет.

Особняк миллионера Смита-старшего находился в Бэверли Хиллс, самом аристократическом районе Лос-Анджелеса.

— Один только участок под дом в этом месте стоит целое состояние, — не без гордости сообщил нам Герберт.

Особняк Смитов стоил, наверное, миллион, если не больше. Четырнадцать комнат на двух этажах, множество разных подсобных помещений самого разнообразного назначения, подземный гараж на шесть машин, крытый бассейн — все было сделано добротно, прочно и красиво.

Нас встретила миссис Смит, миниатюрная женщина с тонкой девичьей талией и упругой походкой. И только морщины на лице выдавали, что ей уже под пятьдесят.

— Какой сюрприз! — всплеснула руками миссис Смит. — Сын мне только что позвонил, но я не поверила своим ушам. В нашем доме бывали французы, итальянцы, австралийцы и даже китайцы. Но русские никогда не переступали этого порога. Жаль, что муж не может сейчас приехать, у него важное совещание. Прежде всего прошу в мой кабинет. Согласно нашим семейным традициям.

Мы поднялись на второй этаж.

Стены кабинета миссис Смит были испещрены подписями.

— Да, да, все знаменитые люди, которые бывают в нашем доме, расписываются на этих стенах, — объяснила миллионерша. — Здесь оставили автографы король в изгнании, четыре великих князя, шестнадцать министров, семь олимпийских чемпионов, весь Голливуд. Возьмите фломастеры, джентльмены, вы окажете честь этому очагу.

Миссис Смит тут же достала специальную книгу регистрации и занесла туда наши фамилии под номерами тысяча сто сорок два и тысяча сто сорок три.

Потом на открытой веранде миссис Смит угощала нас кофе и расхваливала свой дом.

— Ну, на жизнь вы, наверное, никогда не жалуетесь? — спросил Борис, проявлявший особый интерес к быту миллионеров.

Хозяйка особняка ответила, что жаловаться ей грех. Бизнес мужа преуспевает.

— Только вот Герберт нас огорчает, — вздохнула миссис Смит. — Двадцать семь лет парню, а он все не женат. Дикарь он какой-то, скромняга, пуще всего на свете боится женского общества.

— Ничего, подрастет — осмелеет, — сказал Стрельников, незаметно подталкивая меня коленом.

— А так хочется нянчить внуков, — сказала миллионерша, укоризненно глядя на сына. — Только когда это будет?

— Может статься, и очень скоро, — утешили ее мы. — Очевидно, у Герберта кто-нибудь есть уже на примете. Матери обычно узнают об этом последними.

— Мне что-то этот разговор не нравится, — запротестовал Герберт. — Мама, а что, если мне съездить выкупаться? Я, видимо, так и поступлю. Собери мне, пожалуйста, чемоданчик.

Когда миссис Смит вышла, Герберт спросил нас:

— А вы не составите мне компанию? У меня есть яхта. Я отплываю от берега миль на десять и там купаюсь. Это прекрасно! Ах, да, у вас же нет времени. Тогда я приглашу Диану. Ее надо немного ублажить, а то, вы видели, она смотрит на меня совсем дикой кошкой.

— Ну, почему же, — отметил я, — нам это не показалось. Миссис Браун так увлечена проблемами панафриканизма...

Я не закончил своей фразы, появилась миссис Смит с чемоданчиком для сына. Мы откланялись и заторопились к машине. Впрочем, миссис Смит тут же высунулась в окно и крикнула раздраженным тоном:

— Слушай, Герберт, ты стал совсем растяпой, в прошлый раз забыл где-то на своем купанье майку. На тебя не напасешься, одно разорение...

— Хорошо, мама, впредь я буду аккуратен, — ответил Герберт.

Мы расстались с мистером Смитом-младшим на нашей улице, не доезжая мотеля, и тут же забежали в первый попавшийся ресторанчик.

— Ну, как тебе понравилась семья калифорнийских миллионеров? — спросил у меня Стрельников, заказывая официанту по огромному стейку — отбивной из телятины.

— Финальная сцена с майкой просто потрясла, — ответил я. — Миллионное состояние — и вдруг этот нелепый разговор при посторонних о вещи, которая стоит копейки.

Я засмеялся.

— Ты чего? — осведомился Борис.

— А моя Зоя Степановна надавала мне в дорогу целую кучу маек и велела выбрасывать ношеную, как я

только приму ванну. «Незачем тебе таскаться с грязным бельем», — решила она. Я так и поступаю.

— Ну, ты вообще роскошествуешь, как мультимиллионер, — с улыбкой пожурил меня Стрельников. — Впрочем, и миллиардеры никогда бы не вели себя так расточительно и неблагоразумно. Экономия и бережливость у американских богачей поставлена на должную высоту. Этим они выгодно отличаются от таких, как ты, средних московских интеллигентов...

После обеда мы единодушно постановили: дальнейших контактов с мистером Смитом-младшим избегать.

1978

В МАДРИД НА КОРРИДУ

Когда-то властитель Наварры позвал в гости королей Франции и Арагона. В густом лесу государи отменно выпили и закусили. На том месте, где некогда стояли шатры пирующих монархов, теперь поднял свои этажи шикарный отель «Три короля».

В этом отеле живут туристы со всего света — англичане и мексиканцы, шведы и греки, итальянцы и западные немцы. А со вчерашнего дня тут поселились еще двенадцать журналистов из Москвы.

В Париже испанский консул долго решал, пускать или не пускать нас в Испанию. Мы дали заверения, что никакими тайнами мадридского двора интересоваться не будем. Отвечая на анкетные вопросы о цели нашей поездки, мы все писали односложно: туризм. Это полностью соответствовало истине. Мы хотели побывать во многих музеях, запечатлеть на фото- и кинопленках все увиденные достопримечательности и, конечно же, принять деятельное участие в корриде хотя бы в качестве зрителей.

В столицу Наварры Памплону мы приехали из Сан-Себастьяна, разместились в отеле «Три короля», и наш гид, представительный господин лет пятидесяти пяти по имени дон Луис Фернандо, дал нам свободное время от обеда до ужина.

Дон Луис Фернандо — представитель туристской фирмы «Вагон-Ли-Кук». Фирмы того самого Кука, о котором писал Маршак в своем «Мистере Твистере»:

Кук
Для вас
В одну минуту
На корабле
Приготовит каюту,
Или прикажет
Подать самолет,
Или верблюда
За вами пришлет...
Горы и недра,
Север и юг,
Пальмы и кедры
Покажет вам Кук.

Нужно сказать, что в Испании фирма обслуживала нас на высочайшем уровне, и мы готовы подтвердить, что мистер Кук вполне достоин той лестной оценки, которую дал ему товарищ Маршак.

Итак, дон Луис Фернандо расположился в баре пить пиво, а мы отправились бродить по городу. Широкая и нарядная Гран Виа в конце концов привела нас к арене боя быков. У главного входа мы увидели каменный бюст широкоплечего, бородатого человека. Черты его лица показались удивительно знакомыми. Ну, конечно же, это Хемингуэй, который жил в Памплоне и который рассказал о ней в своей всемирно известной «Фиесте». Памплона помнит Хемингуэя. Помнит и как писателя и как знатока боя быков. В дни корриды на шею каменного Хемингуэя повязывают красный платок. Нам говорили, что место писателя на трибуне до сих пор никто не занимает...

Узенькая улочка идет от арены к Кастильской площади, к кабачку «Солнце и быки». Здесь после корриды любил посидеть с друзьями за бутылкой доброго вина автор «Фиесты». А коррида в Памплоне необычная. В праздники святого Фермина быков выпускают на улицу, и каждый желающий может вообразить себя матадором. Животных гонят из корраля к цирку, а впереди них бегут любители острых ощущений. Бегут по доброй охоте, ради собственного удовольствия и спортивного интереса. Быков гоняют по улице всю неделю, и если кто не успел попасть на рога в понедельник, тот может отличиться во вторник или четверг.

— В этом году быки изрядно помяли человек десять, но насмерть забодали только одного, — сообщил нам дон Луис Фернандо. — Такие незначительные жертвы — какое счастье для города!..

Корриду и все остальное, что было связано с бодающимися быками, мы воспринимали чисто умозрительно. Мы видели арены в Сан-Себастьяне, в Бильбао, здесь, в Памплоне. Но пустые. Где-то на дороге мы заметили машину, перевозящую рогатое существо. При ближайшем рассмотрении существо оказалось обыкновенной коровой. В музее какого-то города нам показали чучела самых больших быков, убитых когда-либо на корриде. Но это были уже чучела...

— Мы обязательно будем на корриде, — все обещает нам дон Луис Фернандо. — Ведь без корриды вы не узнаете настоящей Испании. Фирма «Вагон-Ли-Кук» гарантирует вам корриду. Можете не сомневаться, господа!

...И опять на колеса нашего автобуса наматываются крутые горные дороги. Попадаются редкие селения. Крестьянские дома, сложенные из крупного камня, повернулись к улице своими спинами. Все их окна на мавританский манер глядят в маленькие закрытые дворики. Вокруг селений крестьянские делянки отбивают яростные атаки фанерных, матерчатых, деревянных, бетонных реклам. Рекламные щиты уже захватили господствующие высоты и придорожную полосу. Они ворвались на хлебные поля, в оливковые рощи, потеснили загоны, забрались на крыши домов.

Но вот деревни попадаются все гуще, дороги становятся все шире, а рекламы, сомкнув наступающие цепи, шагают колоннами. Показывается испанский городок, маленький, аккуратный, с просторным современным центром, с паутиной старинных улочек. Потом выясняется, что этот городок намного старше Парижа и Лондона, не говоря уже о Нью-Йорке или Буэнос-Айресе.

В городе Вальядолиде мы остановились напротив двухэтажного дома, привлеченные надписью на камне: «Кристобаль Колон». У дома, в открытом дворе, выходящем к улице, мы увидели на бетонном постаменте модель колумбовой каравеллы «Санта Мария».

— Кристобаль Колон, или, как у вас его называют, Христофор Колумб, построил этот дом и жил в нем после

первого плавания в Америку, — сказал дон Луис Фернандо.

Кабинет великого мореплавателя разрешается осматривать только из коридора. Но, узнав, что пришли русские, смотрители сняли оградительный канат:

— Просим в комнату. Вы у нас такие редкие гости.

На письменном столе кабинета лежали старинные навигационные приборы, книги, карты и стоял вполне современный оранжевый телефон.

— Колумб, конечно, не имел прямой телефонной связи со двором королевы Изабеллы Кастильской, — улыбнулся служитель. — Телефон установлен уже в этом веке для контактов с пожарной командой.

В соседних комнатах были развешаны географические карты, в том числе и карта, выпущенная за два года до плавания Колумба, на которой никакой Америки, понятно, нет и в помине.

— Знаете ли вы, что после смерти Колумб путешествовал не меньше, чем при жизни? — спросил нас дон Луис Фернандо. — Сначала прах его повезли в Америку, потом все-таки решили похоронить мореплавателя в стране, которой он служил.

В Толедо мы склонили головы перед памятью другого великого человека, который также, не будучи испанцем, прославил Испанию. Осмотрев древнюю крепость Алькасар, мы спустились узкими проходами к дому художника Доменико Теотокопули, известного миру под именем Эль Греко. Сейчас здесь разместилась небольшая картинная галерея. Потом мы пошли узенькими кривыми улочками к скромной церквушке Сан-Томе, где находится знаменитая картина Эль Греко «Погребение графа Оргаса».

В Витории нам показали постоялый двор пятнадцатого века. Тяжелые засовы, многопудовые ставни, дубовые столы, темные крутые лестницы, ведущие наверх в спальни. В винном погребе над огромными бочками можно прочесть множество мудрых латинских изречений, суть которых, однако, сводится к одной главной мысли: пей, да дело разумей! Рядом с постоялым двором музей рыцарей. На стенах — доспехи кастильских, наваррских, немецких, мавританских воинов, пушки, брошенные отступающими войсками Наполеона.

Город Авила запомнился нам по двум причинам. Во-первых, мы узнали, что Авила является самым высоко-

горным и (может быть, в силу этой своей близости к небесам) самым набожным городом страны. А во-вторых, в час нашего приезда самая аристократическая семья Авилы в знак протеста против появления русских выехала из города. Рассказывая об этом смешном эпизоде, официанты местного ресторана дружески пожимали нам руки и просили на память открытки с видами Москвы.

В древней столице старой Кастилии Бургосе мы посетили кафедральный собор, потом нанесли визиты в два действующих монастыря — мужской и женский. И вообще дон Луис Фернандо старался показать нам все старинные храмы, модернистские церкви, базилики, часовни, синагоги, молельные дома, которые только попадались нам на пути. После осмотра сто двадцать девятого религиозного учреждения мы стали впадать в ересь и кощунствовать, употребляя имя господа в нехорошем сочетании слов. Мы высказывали открытое недовольство богом и всем тем, что создано людьми в честь его.

— Ей-богу, больше невмоготу, — заявили мы дону Луису Фернандо. — Нельзя ли все-таки побывать на заводе, в школе, зайти просто в дом к испанцу или пригласить его в кабачок на бокал пива? Хочется поговорить с людьми, узнать, как они живут, что думают.

— Господа, вы же знаете, что это не предусмотрено программой. А потом, разве это вам интересно?

Дон Луис Фернандо по-настоящему удивился. Он работает с разными группами: французскими, английскими, бельгийскими. Тех туристов никогда не интересует, как живут испанцы. Другое дело цены на херес, на коньяк...

— Господа, не волнуйтесь! — восклицал дон Луис Фернандо, пытаясь успокоить еретиков. — На корриду мы все-таки попадем. Но завтра нам предстоит осмотреть кафедральный собор, одну кладбищенскую часовню и уникальнейшую синагогу...

И все-таки однажды нам удалось почти полвечера поговорить с испанцами. Когда мы были в Мадриде, нам передали приглашение журналистов крупнейшей газеты «Йа» посетить их редакцию. И вот в назначенный срок нас провели в кабинет редактора газеты дона Рафаэля Салазара, шестидесятилетнего человека с высохшим, болезненным лицом католического святого. Мы узнали, что «йа» — это в переводе на русский «уже». Когда газета

создавалась, то был объявлен конкурс на самое короткое название, и победителем вышел журналист, предложивший этот заголовок. Сейчас тираж газеты — что-то около ста пятидесяти тысяч. «Тираж непостоянен, как женщина»,— сострил по этому поводу дон Салазар.

Мы давно уже обратили внимание на бюст священнослужителя в рясе, который стоял сзади и правее редакторского кресла.

— Это кардинал Анхел Эррера Ория, который основал газету в тридцать пятом году. Газета наша католическая, но акции продаются не только католикам.

Потом редактор спросил, есть ли у нас вопросы. Вопросы были. Нас интересовало экономическое состояние страны, положение рабочих, крестьян, новинки литературы, музыки.

Дон Салазар встал и предложил нам осмотреть типографию. Типография была технически устаревшей, смотреть тут было нечего. Видимо, желая подчеркнуть свой демократизм, редактор повел нас в рабочую столовую. Оказалось, что он сам не очень твердо знал, где она находится. Мы попали не на тот этаж и только с помощью опроса любопытных, выглядывавших из разных комнат, наконец добрались туда, куда шли. Дон Салазар стал в очередь и купил нам каждому по выбору кофе или лимонад.

Затем мы возвратились в редакторский кабинет, и дон Салазар спросил нас опять, есть ли у нас вопросы. Мы напомнили, что нас интересовало. Редактор вышел и вскоре вернулся в сопровождении еще одного господина.

— Знакомьтесь, заведующий иностранным отделом дон Бартоломео Моштаса. Он к вашим услугам,— сказал редактор и удалился.

Мы повторили свои вопросы в третий раз.

— Что ж, я постараюсь ответить,— сказал заведующий иностранным отделом. Он сообщил, что промышленность Испании развивается неплохо. Иностранные банки охотно вкладывают капиталы. Значительную часть акций отечественной автомобильной промышленности приобрели итальянская фирма «Фиат», французская «Рено», американская «Крайслер». Много новых предприятий строится с привлечением западногерманского и швейцарского капитала. Испания имеет положительный торговый баланс, экспорт намного превышает импорт. Туризм дает стране

полтора миллиарда долларов в год. Кроме того, миллион испанцев работают за границей. Они переводят своим семьям деньги. Поступления валюты по этой статье тоже весьма значительны...

— А как живут рабочие, которые не уезжают из страны?

— Рабочий день длится у нас семь-восемь часов. Это официально. Но заработка не хватает, если даже в семье работают и женщины. Поэтому все стараются получить сверхурочную работу либо на том же предприятии, либо в другом месте. Таким образом, рабочий день удлиняется до тринадцати-четырнадцати часов.

Беседа наша только начиналась, но тут опять появился дон Салазар.

— Я весьма сожалею,— молвил редактор,— но время, отведенное для встречи, истекло.

Мы встали, вручили редактору сувениры. Редактор с интересом принял подарки, но проводить нас не пошел. Других сотрудников рядом не оказалось. Мы вышли на улицу одни. Шофер туристского автобуса давно уже возвратился в гараж. Как добраться до нашей гостиницы, мы не знали. Пришлось бегать по улице, искать такси. Дело осложнялось тем, что нам требовалось не менее трех таксомоторов...

Остаток дня мы посвятили знакомству с бытом королевствовавших особ. Дворец в Мадриде поражал своим безумным великолепием: роскошные залы, дорогие картины, тончайшие зеркала, старинные гобелены общей длиной в несколько километров, уникальнейшая коллекция часов, золото, серебро, хрусталь...

Подошел служитель и сделал замечание дону Луису Фернандо. Оказалось, что давать пояснения на испанском языке тут запрещено. Формально дворец могут осматривать только иностранцы. Подданные Испании не должны знать, как жили их монархи.

— Переходите на иностранные языки — на английский или французский,— предложил служитель.

— А на русский можно?

Служитель замялся. Указаний на этот счет сверху не поступало, и вообще вопрос о русском языке раньше не возникал.

— Говорить по-испански здесь нельзя! — уклончиво ответил он.

...Говорить по-испански можно в Эскориале. Этот загородный дворец давно превращен в музей. Мы осмотрели картинные галереи, дворцовую церковь, библиотеку. Потом спустились в подземелье — усыпальницу монархов. В другом подземном зале захоронены члены королевских семей. Отдельно стоят саркофаги инфантов, скончавшихся в детстве.

Мы поднялись в летние апартаменты королей. И вот здесь, среди бархата, венецианских зеркал и позолоченных ангелов, Дон Луис Фернандо, выбегавший куда-то позвонить по телефону, вернулся и сделал свое замечательное заявление.

— Господа! — произнес он торжественно. — Фирма «Вагон-Ли-Кук» приглашает вас завтра на корриду.

В летнем королевском дворце началось всеобщее ликование.

— Но должен предупредить, — добавил дон Луис Фернандо, — что нас может подвести погода. Существует правило: если за двадцать минут до начала корриды идет дождь, то бой быков отменяется и деньги, уплаченные за билет, пропадают.

— Как же так?

— Очень просто. Но не волнуйтесь, господа. Существует другое правило: если за двадцать минут до открытия корриды на трибунах окажется хоть один зритель, то представление все равно состоится, даже при дожде. Теперь вам понятно, что вы непременно увидите бой быков?

С утра небо над Мадридом затянули тучи, пошел дождь. Несмотря на разъяснения дона Луиса Фернандо, мы испытывали тревогу: а вдруг на корриде в контрольные сроки никто не появится и представление отменят? Волнения оказались напрасными. Мы пришли за час до начала, а вокруг уже бурлил людской водоворот, какой бывает в Лужниках, когда встречаются московский «Спартак» с киевским «Динамо».

Шустрые мальчишки шныряли в толпе, предлагая программы, маленькие фигурки быков, красочные портреты выдающихся матадоров. Из загонов, где находились быки, доносился деревенский запах хлева.

Сиденья трибун были сложены из бетонных плит, поэтому кто не хотел схватить насморк, радикулит или ангину, мог купить синтетическую подушку и сидеть на ней. Подушка находит и другое применение. Если зрите-

лем овладевает восторг или негодование, он выхватывает подушку из-под себя и швыряет на арену.

Несмотря на дождь, публика все прибывала. На трибунах появились люди в белых халатах. Они ходили между рядов и предлагали всем желающим пить коньяк из очень больших бутылок. Мы оглянулись вокруг, но нигде не обнаружили привычных объявлений о том, что приносить с собою и распивать спиртные напитки строго запрещается. А поэтому действия лиц, хлебавших коньяк прямо из горлышек, вполне соответствовали здешним правилам.

Раздались звуки оркестра, и на арену выехали два всадника в длинных черных плащах и широкополых шляпах. Они открывали парад участников корриды. Затем появились пикадоры на конях, тореро, бандерильеро, матадоры в шитых золотом камзолах. Шествие замыкали люди, которые вели в упряжках рабочих лошадей. Потом эти лошади увезут с арены убитых быков.

Процессия остановилась против ложи президента корриды, который вручил служителям ключи от загонов.

Арена опустела. Но вот на нее с бешеной скоростью выбежал бык. Ему уже успели там, в загоне, вонзить между лопатками стальной крюк, чтобы животное было злее. Быка встретил тысячеголосый рев толпы. От неожиданности бык присел на задние ноги. Появились три тореро. Они размахивали малиновыми платками, и бык принялся бегать по треугольнику: от одного тореро к другому и третьему. При приближении быка тореро скрывались за деревянные загородки, куда бык не мог просунуть голову.

Погоняв быка по арене, тореро перестали прятаться в укрытиях и, по-прежнему размахивая малиновыми платками, начали увертываться от рогов.

Прозвучала труба—и на арене появились два пикадора. Но бык и не думал набрасываться на всадников и на лошадей. Бык подошел к загородке, отделяющей арену от трибун, и жалобно замычал. Он был похож на обыкновенную корову. Ему не хотелось драться. Ему хотелось на лужок к своим телкам...

Но вся коррида держится на том непреложном законе, что можно вывести из терпения, разозлить до бешенства самое мирное существо. Опять вступили в игру тореро. Размахивая платками перед самой мордой быка, они подвели его к пикадору. Бык бросился на лошадь, и в это

время человек всадил пику между лопаток животного. Бык безуспешно пытался поднять лошадь на рога: ее бока были защищены от ударов толстым и широким стеганым матрацем. А в это время пикадор, навалившись всем своим весом на пику, загонял ее в тело животного все глубже и глубже.

После того, как ту же операцию проделал второй пикадор, за дело взялись три бандерильеро. Поочередно выманивая быка в центр арены, они в тот же раненый бычий загривок втыкали по две длинных стрелы, украшенных разноцветными лентами.

Признаться, от корриды мы ожидали другого. Мы рассчитывали увидеть честный бой. А тут быка со всех сторон кололи крючьями, стрелами, копьями, а он не мог дать сдачи. Впрочем, в один из моментов бык задел рогами тореро, и тот упал. Люди радостно закричали, затопали, повскакали с мест. Чувствовалось, что на трибунах многие так же, как и мы, «болели за быка».

Опрокинутый человек встал на ноги. Его камзол был разорван, виднелось голое тело, клочья рубахи окрасились кровью. Но человек храбрился.

Снова рев потряс трибуны — это на арену вышел матадор. Размахивая красной мулетой, он начал играть с быком. Бык нападал на матадора, но матадор ловко увертывался. Движения быка становились медленней, из рваных ран фонтаном била кровь.

Наступил заключительный этап боя. Президент корриды отдал приказ матадору заколоть быка. Матадору вручили шпагу. Матадор прицелился и нанес удар. И хотя шпага вошла в бычью шею по самый эфес, бык не был повержен. Матадору подали вторую шпагу. Бык уже не мог двигаться, он стоял, низко опустив рога. А матадор, рыча, как зверь, неистово колол его в шею, под лопатку...

Второй матадор в отличие от первого поначалу выглядел молодцом. Он забавлялся со своим быком, хватал за рога, тыкал ботинком в морду. Но убить быка он тоже не мог. Трибуны шумели, свистели, издевались.

Честь испанских матадоров спас в этот день дон Энго из Кордовы. Он уколол своего быка шпагой и, отвернувшись от него, стал кланяться публике. Раздались недоуменные голоса: в чем же дело, бык живой!

И в это время животное рухнуло на землю. Цирк взревел от восторга. Трибуны стали белыми от взмахов платков. На арену полетели бумажки.

— Это дамы назначают свидания своему кумиру, — пояснил дон Луис Фернандо.

По приказу президента корриды служители отсекли ухо убитого быка и вручили его матадору. Это считается высокой наградой. С окровавленным бычьем ухом дон Энго из Кордовы совершил круг почета, а потом бросил свою награду в проход. За ней кинулась целая стая любителей сувениров, точь-в-точь как кидаются у нас во Дворце спорта ловить шайбу, вылетевшую к зрителям от клюшки Вячеслава Старшинова или Анатолия Фирсова...

Дона Энго из Кордовы публика унесла на руках, а мы, следуя примеру соседей, забросили свои подушки на арену и направились к выходу.

— Ну, как вам коррида? — спросил дон Луис Фернандо.

— Надо было посмотреть, — ответили мы. — Потому что вы правильно говорили: без корриды нельзя понять Испании. Но больше на бой быков мы не пошли бы.

В тот же вечер мы прощались с Мадридом, пора было возвращаться домой. Дон Луис Фернандо пил русскую водку и был доволен. Мы пили испанское вино и тоже чувствовали себя неплохо.

1972

ЧТО ИЩЕТ ОН В КРАЮ ДАЛЕКОМ...

(ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО МОРЕПЛАВАНИЯ)

В наши дни Колумбов, открывающих новые материки и архипелаги, до обидного мало. За последнее время резко сократился поток командированных лиц, следующих из порта А в порт Б по сугубо служебным надобностям. Они предпочитают более современные средства передвижения: самолет, поезд, автомобиль. И тем не менее жизнь на мо-

рях не затухает. В проливах, бухтах, а также в открытом море слышатся веселые шутки, песни, смех.

Основную массу плывущих из варяг в греки (путешествие вокруг Европы от Риги до Одессы или наоборот) составляют теперь туристы, или, точнее, круисты, а уж если говорить совсем точно, круистки. Социологам придется еще немало поломать головы, чтобы найти ответ, почему в нынешних условиях женщин тянет путешествовать гораздо сильнее, чем мужчин. Вот, например, в нашей московской группе из сорока человек были тридцать две представительницы прекрасного пола. Не находя достаточного количества собеседников на пассажирских палубах, круистки дефилировали вокруг капитанского мостика, заглядывали в служебные помещения моряков, чем в значительной степени осложняли процесс судовождения.

Круистом может стать каждый, если ему посчастливится достать путевку. На это время требуется все-таки меньше, чем на подготовку китобойной флотилии «Юрий Долгорукий» к плаванию в Южные моря. Надо побывать в райкоме, горкоме, ЦК профсоюза, обегать врачей, профессоров, сделать прививки против оспы, скарлатины, коклюша, заполнить всякие анкеты на русском и иностранных языках, запастись справками на любой случай жизни. И если вы не утонете в море бумажном, то можете без страха и сомнения выплывать в Мировой океан, предварительно запасшись всеми вещами, необходимыми вам в дорогу.

Люди берут с собою самые разнообразные предметы. Один московский профессор прихватил фунт песку, опасаясь, как бы на теплоходе не возникли вдруг перебои с сахаром. Этот же профессор на берегу весьма удачно прикидывался глухонемым, поскольку не владел ни одним из многих языков, принятых к хождению в странах Средиземноморья.

Еще одна очень важная проблема, которую надо решить путешествующим, — это валютная. В Греции я поменял доллары на драхмы, в Ла-Валлете их весьма неохотно взяли за мальтийские фунты, фунты затем пришлось обращать в итальянские лиры. Словом, пока я добрался до Лазурного берега, у меня осталось десять франков, которые я благополучно проиграл в Монте-Карло. Меня несколько успокаивало то обстоятельство, что за тем же

столиком бывший египетский король Фарук когда-то проиграл несколько больше — 20 миллионов франков.

В общем, правильно говорят, что круисты едут за моря вовсе не для того, чтобы обмохериться (купить мохеру на барахолке в итальянском порту Чевитавеккия), а чтобы посмотреть разные диковины.

Первая же диковина встретилась нам уже в Одессе. На лестничной клетке гостиницы, в которой мы остановились, нам бросилось в глаза большое объявление: «Лифт вниз не поднимает».

Участники еще не начавшегося круиза немедленно срисовали удивительный текст в свои блокноты. И правильно сделали. Потому что путешественники должны вести дневники, куда нужно записывать все, что увидят, а главным образом то, что услышат от гидов. Осмысливать и обобщать познанное круистам некогда. Поэтому они записывают все подряд: название столиц и цены на арахис, последних представителей свергнутых императорских династий и анекдоты, рассказанные соседями по каюте. Добытую информацию круисты вовсе не собираются держать при себе, они спешат со всей щедростью поделиться с друзьями и родственниками, оставшимися дома.

Вот почему у окошка судового телеграфа всегда была очередь. И каждую минуту куча самых разношерстных сведений уходила с моря на материк:

«тумане скрылась милая одесса тчк бар квч пингвин квч открылся точно по расписанию одиннадцать ноль тире ноль тчк»

«море синее тире синее тчк суровый капитан ведет корабль строго по курсу тчк настоящее время рядом нами плывет акула тчк» *.

Истый путешественник не только ведет подробные записи, но и фотографирует все, что ухватит глаз. А глаз, надо сказать, ухватывает разное. И если круистка ставит правильную выдержку и диафрагму, она способна

* При подаче этой телеграммы возник следующий разговор:

Телеграфист. Я не правомочен осуществлять цензуру, но то, что вы называете акулой, на самом деле является дельфином.

Круистка. Странно. Палубный матрос сказал мне, что это акула.

Телеграфист. Матросы, они известные шутники, всегда норовят околпачить непонимающих. Но если вы настаиваете на данной редакции текста, я обязан его передать.

создавать подлинные шедевры. Между тем именно по линии выдержки и диафрагмы снимающая публика испытывает наибольшие трудности. В связи с этим очень многие нуждаются в постоянной консультации. Бытует мнение что наиболее опытным фотомастером является обладатель самого крупного собрания камер.

Вот, едва ступив на чужой берег, круистки устремляются за нашим профессором, на шее которого болтались четыре фото и два киноаппарата. Угнаться за маэстро совсем было нетрудно: он то и дело спотыкался о два огромных объектива, которые волочились по булыжной набережной. На вопросы, которые сыпались со всех сторон профессор отвечал односложно и маловразумительно. Всем казалось, что он просто не хочет утруждать себя повторением прописных истин. Но нет, профессор сам бы послушал советы знающего человека. Он клял тот час, когда поддавшись уговорам, согласился взять:

«Киев» у племянника,
«Зоркий» у шурина,
«Зенит» у зятя,
«Смену» у внука...

Вручая камеру, каждый из них давал подробные инструкции, и убывающему в круиз казалось, что никаких премудростей фотографии не существует. А вот теперь изо всех полученных наставлений профессор помнил лишь слова внука о том, что ни в коем случае нельзя аппаратом колоть грецкие орехи. Профессору было не до орехов Стоило ему на минутку расслабиться, как он тут же терял какой-нибудь аппарат. Исчезнувший предмет принимались искать всем обществом и находили довольно быстро. Профессор дважды пересчитывал свою фотографическую наличность, успокаивался и трогался в дальнейший путь. Можно только было позавидовать его выносливости: шутка ли, таскать на шее такую тяжесть с утра до вечера.

Прекрасная физическая подготовка отличала и других путешественников. А как же иначе! Круист должен быть легок на подъем, как птица, быстр, как гепард, и силен как носорог. Латинское изречение «Omnia mea mecum porto» (все свое ношу с собой) словно специально создано для круистов. Помимо съемочной аппаратуры, они таскают массу всяких вещей: бинокли для обозрения окрестностей, пачки сигарет для поощрения носильщиков и

швейцаров, сувениры, предназначенные гидам, шоферам, работникам туристских фирм: деревянные ложки, хохлому, самовары, художественное литье, армянскую чеканку, украинскую горилку, рижский бальзам.

Одной рукой круист раздает подарки, а другою принимает не столь уж обильные ответные дары гостеприимных хозяев. Если б у него была еще третья рука, то и она пришлась бы ему кстати. Обегая этажи огромных универмагов и ряды маленьких лавчонок, в ней бы он держал большой кусок бумаги, скатанный трубкой наподобие папируса. Тут поименовано сто сорок восемь предметов, которые во что бы то ни стало ему заказывали привести с собою.

Директор института Иванов просил купить мормышку, леску самого тонкого диаметра, рыболовецкие крючки.

Заместитель директора Петров — буро-малиновую краску для росписи наличников на даче.

Старший инженер Сидорова была бы счастлива получить синтетическую нитку для вязки шарфика ребенку.

Управляющий АХО Григорьев ждет какую-то батарейку.

Инженер Кузнецов — запонки.

Инженер Андреев хочет иметь в подарок станок для точки лезвий безопасных бритв.

Лаборант Владимиров коллекционирует марки.

Вахтерша Голубева — открытки с изображением морских зверей.

Курьерша Макарова — карандаши.

Машинистка Сергеева — брелоки...

В беготне за всяческими сувенирами для других и у самого круиста просыпается страсть к коллекционированию. Ведь достаточно заполучить два однородных предмета, как к ним захочется прибавить третий. На вкус и цвет товарищей нет. Одни начинают прихватывать с собою меню из ресторанов, другие мыльные конвертики из гостиничных номеров. Третьи копят трамвайно-троллейбусные билеты.

Но самое нелегкое хобби — это, бесспорно, каменное. Коллекционеры данного профиля шатаются под весом своих рюкзаков, как солдаты на конечном отрезке многодневного учебно-тренировочного перехода. Коллекционеры-каменщики отличаются целеустремленностью и ненасыт-

ностью. Как же можно съездить в Европу и не захватить на память булыжники с наиболее известных площадей, куски штукатурки с древних дохристианских строений, камешки с развалин Карфагена, Колизея, Форума, запекшуюся лаву Помпеи?!

Нужно ли говорить, что наш профессор был захвачен самым мужественным хобби — каменным? Трудно было понять, то ли он спотыкается о свои телеобъективы, то ли специально припадает к земле, чтобы подобрать очередной памятник исчезнувших цивилизаций.

— Ищите и обрящете! — повторял профессор.

У расколотых временем колонн Акрополя ему улыбнулось счастье. Он нашел морскую ракушку.

— Вот вам новейшее доказательство, что когда-то эта гора, возвышающаяся над современными Афинами, была дном океана! — воскликнул ученый.

— А почему с ракушки свисает совсем мокрая тина? — спросил сосед по каюте. — Создается даже впечатление, что ее только что вынули из воды.

Профессор задумался. Потом он кинулся к проходящему монаху, подпоясанному веревкой.

— Сын мой, твоя любознательность весьма похвальна, — ответил монах, выслушав профессора. — Я хочу избавить тебя от заблуждения. Эта ракушка приехала сюда сегодня утром вместе с камешками, собранными на берегу моря. Их привозят каждый день на двух грузовиках и разбрасывают вокруг, чтобы туристам было что уносить на память об Акрополе. Что поделаешь, приходится идти на хитрость, иначе от этих колонн давно ничего бы не осталось...

Как видим, излишнее любопытство, проявленное профессором, несколько поколебало его научный авторитет в глазах группы. Но возникают еще и такие вопросы, на которые круисту вообще никто не ответит. Ну, например, почему его будят в пять утра, а туристские автобусы подаются только в девять тридцать? Почему в Лондоне вместо Национальной галереи ему показывают музей мадам Тюссо? Что, собственно, ищет круист в краю далеком? Ради чего он оставляет свой дом, стоящий на твердом скальном грунте, и отправляется бороздить неспокойные моря, океаны и проливы?

Пока мы старались разгадать эти загадки, морской царь Нептун нам в наказание устроил в Бискайском зали-

ве шторм. Шторм был не очень большой — в 6—7 баллов, но и его оказалось достаточно, чтобы доселе отважные круистки уже не разгуливали близ капитанского мостика и служебных помещений моряков, а улеглись пластом по своим каютам. Их отпаивали крепким чаем и снадобьями, успокаивая тем, что организация шторма входит в стоимость туристской путевки.

Какой-то шутник прокрался в радиорубку и под аккомпанемент гитары запел:

Сквозь просторы штормовые
Мы идем едва живые.
И решаю я задачки,
Как спасти людей от качки...

Шторм преследовал нас до самой Риги. Здесь, едва ступив на берег, мы помчались на вокзал и сели в купейный вагон московского поезда.

...А все-таки хорошо, что у меня есть еще десять дней неиспользованного отпуска за прошлый год. Махнука я в подмосковный Звенигород! Поброжу по лесу, соберу грибов, порыбачу, отдохну, как следует.

Красота!..

1981

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

Мои учителя, мои товарищи

ДАВИД ЗАСЛАВСКИЙ

Это было давно и вместе с тем так недавно, события того дня до сих пор свежи в моей памяти...

Тридцать с лишним лет назад я, начинающий фельетонист «Комсомольской правды», был участником Всесоюзного семинара сатириков, проходившего в Москве в Доме журналиста. И вот в перерыве между занятиями в кулуарах пронеслась весть:

— Приехал Заславский! Сейчас он будет выступать!

Вместе со всеми я устремился в зал, торопясь занять местечко в первых рядах. Шутка ли, сейчас я увижу и услышу самого Заславского! В ту пору изо всех известнейших фельетонистов я знал лишь одного Семена Давыдовича Нариньяни. До его ухода в «Правду» я проработал с ним в «Комсомолке» несколько лет. Я восторгался его фельетонами, перечитывал их помногу раз; считал Семена Давыдовича лучшим журналистом нашей редакции. Но при всем при том Нариньяни был моим старшим товарищем, сослуживцем. К нему можно было безо всяких звонков зайти в кабинет, попросить прочитать статью в рукописи, запросто пошутить, потолковать о футболе, о боксе (он был страстным болельщиком и великолепным знатоком спорта), о прочих земных делах.

А Давид Иосифович Заславский казался мне гигантом, уходящим за облака, до которого мне так же далеко, как до недоступных простому смертному вершин Эвереста. Я не пропускал ни одной его работы, поражаясь огромной эрудиции, широте взглядов и глубине познаний Давида Иосифовича. Ведь если тематика фельетонов Семена Давыдовича ограничивалась в основном жгучими проблемами быта, то выступления Заславского охватывали просто необъятный круг вопросов: экономику, политику, философию, право, литературу, искусство, международную жизнь...

Короче говоря, нетрудно было понять охватившее меня волнение и нетерпение, с которым я ожидал выступление Заславского. Но надо же такому случиться, оглядываясь по сторонам, я так и пропустил момент, когда лектор вошел на трибуну. Мгновением позже я увидел пожилого человека (тогда Давиду Иосифовичу было уже за семьдесят), одетого в серую толстовку, подпоясанную такого же цвета матерчатым пояском. Обеими руками он погладил свою обширную лысину и, пряча добрую улыбку в тронутые серебристым инеем усы, оглядел притихший зал.

— Меня просят рассказать о работе над фельетоном,—произнес Заславский. — Начну с примера...

Для примера Давид Иосифович решил взять свой знаменитый фельетон «Соска в аспекте», напечатанный в «Правде» в военном сорок четвертом году. Я помню, этот фельетон мы читали тогда в землянке летного состава перед боевым вылетом.

— Замечательный фельетон,—сказал наш комэск, Герой Советского Союза. — Хорошо становится на душе от такого фельетона. Уж если Заславский пишет в «Правде» о сосках для младенцев, значит, дела наши идут совсем неплохо и скоро войне конец...

Так и остался этот фельетон в моей памяти предвозвестником близкой Победы. И вот теперь спустя столько лет мне предстояло услышать из уст самого автора, как создавался этот фельетон. Я весь обратился в слух.

— Мне было передано из отдела писем письмо о том, что нет в продаже сосок,—рассказывал между тем Давид Иосифович. — Оно меня заинтересовало, и я решил лично заняться расследованием. Я не знаю, сколько рождается младенцев, однако немало писем было получено о том, что сосок нет и матерям очень трудно.

Заславский отпил глоток чаю из стакана и продолжал:

— Я думал так: во время войны много резины нужно для автомобилей, для самолетов. И вдруг—соска для младенцев! В общем, никаких мыслей о фельетоне...

Какие-то смутные сомнения стали закрадываться мне в душу. Ведь и моя работа над будущим фельетоном чаще всего начиналась с читательского письма. И я тоже принимался мучительно соображать, как же подступиться к фельетону. А в голове была пустота... Но то я, а тут Заславский! Как же так: «В общем, никаких мыслей о фельетоне»!

Ну, наверное, дальше у Заславского все пойдет по-иному, решил я. Но нет. С читательским письмом Давид Иосифович направился в Наркомат резиновой промышленности. А там охрана, пропуска. Когда он обратился в окошечко, его спросили: «К кому идете?» Заславский не знал к кому и сказал: «В технический отдел». «Такого нет». Решил обратиться в справочное бюро. После долгих расспросов дали наконец телефон производственной части. Заславский позвонил. Снова его спросили, по какому он делу.

— В Наркомате резиновой промышленности,—продолжал свой рассказ Заславский,—по телефону не принимают заказа на пропуск, а надо ждать, пока придет письменное заявление. Но так как курьеры не хотят с каждым пропуском бегать в комендатуру, то люди сидят и ждут, пока сразу принесут пачку заявок. Меня предупреждает публика, что надо ждать не менее получаса. Сидел, ждал, звонил, поторапливал...

Я не верил своим ушам, я был поражен. Мне всегда казалось, что перед таким фельетонистом, как Заславский, моментально распахиваются любые двери, точно на скатерти-самобранке являются все необходимые документы, а герои фельетона стоят перед ним навытяжку, как солдаты перед старшиной роты на утренней поверке, и выкладывают все необходимые сведения, не юля и не таясь... А что же я слышу! Выдающегося мастера пера, точно практиканта из молодежной газеты, не пропускают в наркомат, заставляют ждать в приемных, посылают из кабинета в кабинет...

Стоит ли говорить, что с лекции я уходил явно раздосадованным, ошеломленным. До этого, раздумывая над тем, почему мои фельетоны получаются бледнее, невыразительнее, хуже, чем у других моих старших коллег, я приходил к выводу, что это только оттого, что я не знаю каких-то важных секретов ремесла: беру не те факты, не так веду расследование, не умею вызвать своих собеседников на откровенность, разговорить. Короче говоря, я чувствовал себя в положении молоденькой невестки, которой кажется, что достаточно однажды узнать у свекрови рецепт приготовления кремового пирожного—сколько класть на стакан муки яичных желтков, сахарного песку, сливочного масла,—и она тут же начнет выпекать лакомство на лучшем ресторанном уровне...

А тут что получается? В редакцию пришло обычное письмо. О чем? Смешно сказать: о соске. Стал бы я писать фельетон о таком пустяковом предмете? Не уверен. Но если бы стал, то, конечно, точно так же, как и Давид Иосифович, пошел разбираться в Наркомат резиновой промышленности. Возможно, даже скорее, чем он, преодолел частокол бюро пропусков и раньше, не задерживаясь в приемной, прорвался в руководящий кабинет. То есть я бы сделал все, как и Заславский, но смог ли я потом написать свою «Соску в аспекте»?

Нет, первая встреча с Заславским дала мне очень и очень много, иначе бы я не помнил о ней вот уже несколько десятилетий. На лекции Заславского я узнал многое, что уже знал, и это было для меня великой наукой. Я поверил в свои силы, обрел уверенность. Я понял, что если я даже когда-нибудь стану хорошим журналистом, то легкой жизни у меня никогда не будет. Так же, как и сейчас Заславский, я должен буду рыться в редакционной почте, ездить в утомительные командировки, добиваться приема у должностных лиц, встречаться со многими людьми, поднимать массу документов. До этой встречи с Заславским я наивно полагал, что все дело — собрать материал. Теперь же я убедился, что одни и те же факты разные журналисты могут видеть и преподносить по-разному. В своем фельетоне о соске я бы просто констатировал факт, что сосок в аптеках нет и это очень плохо. А Заславский за этим будничным случаем увидел большое явление. И вот это умение осмыслить факт, видеть дальше, больше и глубже факта и есть признак политической зрелости, журналистского мастерства.

Лет эдак через десять в беседе с Давидом Иосифовичем я сказал о том огромном, неизгладимом в памяти впечатлении, которое произвела на меня его лекция на Всесоюзном семинаре сатириков. В ту пору я только что сменил кресло ответственного секретаря «Комсомольской правды» на кресло редактора «Правды» по отделу фельетонов, а Давид Иосифович формально был моим подчиненным: он числился разъездным корреспондентом нашего отдела.

Давид Иосифович работал много, часто выступал в газете. 13 января 1965 года в статье, напечатанной в «Правде», я писал: «Не так давно в отделе фельетонов раздал-

ся предупредительный звонок междугородной телефонной станции, и чей-то далекий молодой голос прокричал в трубку: «Нам бы товарища Заславского. Пускай он приезжает в село Никольское, пропесочит бюрократов. Добраться просто: местным самолетом до райцентра, а здесь мы его встретим на машине, или можно даже пешочком пройтись по лесу, тут недалеко — километров восемь...»

Заславскому писали, звонили, к нему хотели попасть на прием. У многих до него были самые неотложные дела. Загипнотизированные обаянием его по-молодому динамичной, звонкой, мускулистой строки читатели представляли его задорным, оперативным молодым человеком, который всегда в пути, для которого ничего не стоит пролететь на самолете всю страну или, спрыгнув с поезда на маленьком полустанке, прошагать десять — пятнадцать километров...

А на самом деле в день, когда я написал о Давиде Иосифовиче в «Правде», ему исполнилось восемьдесят пять лет. Он уже ничего не видел, тяжелый недуг приковал его к постели, и, чтобы облегчить ему страдания, наш корреспондент в Соединенных Штатах Борис Стрельников по моей просьбе присылал новейшие лекарства и препараты. А Заславский упорно работал, являя пример трудолюбия всем правдистам.

С молодых лет Заславский большинство своих вещей не писал, а диктовал машинисткам.

— Беру потом отпечатанную страничку, читаю и ничего не могу поправить, — рассказывал нам как-то Давид Иосифович. — Мне кажется, что все слова стоят на своих местах и ни в каких перестановках не нуждаются.

Заславский обладал редким даром весь фельетон сначала написать в голове, а потом вылить его на бумагу в строго законченной форме. Вот это замечательное качество — писать сразу набело — и помогло Давиду Иосифовичу в последние годы жизни, когда он ослеп и должен был работать, не видя текста.

В тот самый вечер, когда я рассказал Заславскому, что слушал его выступление на Всесоюзном семинаре сатириков, он улыбнулся:

— Вы слишком много от меня ждали. Того, чего я не мог дать. Можно проштудировать «Самоучитель игры на балалайке» и уже через неделю-другую более или менее сносно исполнять «Светит месяц». Но ведь еще никто не

создал законченного руководства, как научиться писать фельетон. Да и создать его невозможно. Дело тут сугубо индивидуальное.

Он посмотрел на меня невидящими глазами и продолжал:

— Скажу о себе. Были ли вы когда-нибудь на телефонной станции в отделе реле? Отдел реле похож на улей, там много маленьких клеточек, много ячеек, целые ряды их, у каждого абонента своя клеточка. Вы набрали номер—выскочила ваша крышечка и крышечка у того, кого вы вызвали. Получился контакт, состоялся разговор. И вот мне кажется, когда я пишу, моментально в мозгу начинают открываться какие-то ячейки, которые, может быть, десять—двадцать лет до этого не открывались. Выскакивает то, что я прежде читал, наблюдал. Получается ассоциация. Если большой запас знаний, наблюдений, то писать легко, а если запас ограниченный, то сидишь и, фигурально выражаясь, грызешь ручку. Поэтому требование к фельетонисту, публицисту такое: больше начитанности. Если человек не обладает этим большим капиталом, у него мало что получится.

Я имел счастливую возможность не только беседовать с этим выдающимся журналистом, но и близко наблюдать, как он работает. Дело в том, что последние шестнадцать правдинских фельетонов Заславского были созданы на моих глазах и, смею сказать, при моем участии. Я приносил Давиду Иосифовичу наиболее интересные, на мой взгляд, письма, фактическую сторону которых уже проверил. Давид Иосифович внимательно слушал текст, полулежа в глубоком кресле и поглаживая довольного Антона—маленькую комнатную собачонку.

— Ну как, не заинтересует? — спрашивал я.

— Пустое дело, ничего здесь нет,—заключал Заславский.—Случайное нагромождение фактов, за которыми ничего не стоит. Недоразумение, которое можно уладить с помощью уличного комитета или домоуправа. Давайте пойдем дальше.

Дальше шло письмо с завода, выпускавшего агрегаты для очистки шкур. Группа сотрудников переслала нам пачку рекламаций, поступивших с различных кожевенных предприятий страны. Оказывается, агрегаты проходили контрольные испытания на холостом ходу и были приняты комиссией с оценкой «отлично». Но вот их развезли

по заводам, поставили под нагрузку, и они начали барахлить.

— Это забавно, — рассмеялся Давид Иосифович. — Когда агрегаты были холостяками, то выглядели отменными молодцами. А когда их оженили, то есть заставили работать, это привело к тяжелому браку. Тут есть над чем поразмыслить. А придет моя Юлия Васильевна с работы, я ей продиктую.

Наутро Заславский прислал нам фельетон. Он так и назывался: «От холостого хода к тяжелому браку».

Начиная работать в «Правде», я считался уже в какой-то степени сложившимся фельетонистом. И тем не менее школа, которую прошел, находясь рядом с Заславским, принесла мне неоценимую пользу. Как я уже говорил в этих записках, я давно знал и любил фельетоны Заславского. И меня, читателя, а тем более журналиста, всегда волновал вопрос, как же он все-таки создает фельетон, каким материалом располагает, какие факты берет в фельетон, а какие отсеивает, в какой степени фактическая сторона дела предопределяет его ход и сюжет. Теперь же, работая с Заславским, я знал абсолютно все, чем он располагает. Как бы проникал в творческую лабораторию старейшины нашего сатирического цеха, с нетерпением ожидая, когда появится готовый фельетон. Старался предугадать, какой же он получится. Если хотите, мысленно писал свой фельетон. Думал: а как бы поступил я, с чего бы начал, какой бы придумал заголовок. А потом, с восторгом прочитав Заславского, убеждался, что мой фельетон получился бы бледнее, приземленнее, в нем нельзя было бы найти той легкости, простора суждений, разящей, искрометной сатиры.

Разумеется, бросалось в глаза, что из семи выигрышных, на мой взгляд, фактов Заславский использовал три. А я бы пересказал все семь, нанизывая их один за одним, как шашлык на шампур, потому что боялся бы, что еще не убедил читателя. И в перегруженном фактическим материалом фельетоне уже не оставалось бы места для публицистических отступлений, выводов, литературных аналогий, которые с таким блеском удавались Заславскому.

Как-то я показал Давиду Иосифовичу письмо одного экономиста из Душанбе, который написал статью «Дорожное строительство Таджикистана» и послал в журнал «Ав-

томобильные дороги». А потом получил ответ, который и приложил к письму:

«Ваша статья «Дорожное строительство Таджикистана» не будет опубликована, так как на такие темы в журнале печатаются статьи только руководителей дорожных министерств, главков и т. д.

Зам. главного редактора —
(следовала подпись)»

— Что же вы думаете делать с этим письмом? — оживился Заславский.

— Подожду, пока подберутся другие бюрократические отписки. Ведь одного факта мало.

— Как это мало! — насупил брови Давид Иосифович. — Ведь этот ответ представляет собой редкий пример нарушения элементарных ленинских принципов советской печати. Все здесь выглядит шиворот-навыворот, все поставлено вверх ногами.

Речь Заславского, как всегда, была плавной, строго логичной, фразы четкие, отточенные. Будто он не говорил, а читал уже написанный текст. Хоть сейчас вызывай стенографистку и записывай!

— Ленинские принципы советской печати требуют самого широкого участия авторского актива в газете или журнале, — возбужденно говорил Давид Иосифович. — А заместитель редактора, видимо, думает другое: актив должен быть самый тесный и узкий. Собственно говоря, никакого актива и не должно быть. Редакцию журнала этот деятель представляет себе в виде некоторого литературного салона закрытого типа, где собираются и воркуют в безмятежном покое только высокоответственные работники. Двери редакции закрыты наглухо, и оставлен только узкий проход, застланный ковровой дорожкой для почетных гостей. Гости беседуют тихо и чинно, а между ними расхаживают редакторы и воскуривают фимиам из благоухающих кадильниц. Закончив составление очередного номера журнала, редакторы спрашивают своих знатных читателей с изысканной любезностью парикмахеров: «Вас не беспокоит, товарищ?» И если никто не обеспокоен, если никто не тревожится, то все обстоит в наилучшем порядке. Главное, покой и никакого повода для недовольства...

Давид Иосифович смолк, чтобы перевести дух.

— Мне кажется, что вы уже написали почти весь фельетон, — улыбнулся я, пораженный тем, что пятистрочный ответ из редакции журнала вызвал у Заславского такое обилие мыслей.

— Что вы, тут надо еще поработать. Но тема меня очень взволновала. Так вы оставите мне материал?

И он написал острый, злободневный, поучительный фельетон о принципах работы редакции с авторским активом, который назывался «Эх, дороги!»

Однажды я принес Давиду Иосифовичу материалы проверки работы некоторых областных и республиканских филармоний. Было вскрыто немало случаев, когда на эстраду проникали всякие недостойные лица, которые показывали номера, уместные разве что на подмостках стародавних ярмарочных балаганов. Давид Иосифович хорошо знал и любил эстрадное искусство, эти факты его сильно возмутили. Он написал фельетон «Халтурщики на подмостках», где раскритиковал нескольких эстрадных шарлатанов Об одном из них он, в частности, писал следующее:

«Прописанный в Москве и шатающийся по стране некто Терн... именуется лектором... Официальное его название «артист разговорного жанра». Но разговаривает он немного.

Терн «крутит» фильм Чарли Чаплина «Золотая лихорадка». Как стал он владельцем этого фильма, где раздобыл его, есть тайна, которую никто пока не удосужился раскрыть. Это тоже относится к чудесам черной и белой магии. Во всяком случае, Терн уже давно промышляет тем, что «крутит «свой» фильм. По сути он частник, и его предприятие — это «частная лавочка». Эта лавочка недурно устраивается на эстраде некоторых филармоний».

Фельетон об эстраде вызвал многочисленные отклики читателей, автор попал в точку. Но вот мне принесли конверт с иностранной маркой. В нем лежала фотокопия фельетона Давида Иосифовича, а на фирменном бланке отпечатан официальный текст на английском языке:

«Редактору «Правды»

Москва.

Сэр.

По просьбе мистера Чарльза Чаплина посылаю фотокопию статьи, опубликованной в вашей газете. Насколько я

понимаю, некий «шатающийся по стране» Тери показывает фильм мистера Чаплина «Золотая лихорадка», не имея на это права. По тону статьи можно заключить, что автор считает деятельность мистера Терна определенно подозрительной, и мне хотелось бы знать, сможет ли он помочь мне получить дополнительные сведения.

С совершенным почтением
Р. М. Форд, вице-президент «Рой экспорт компани истеблишмент».

Не зная, что делать с этим письмом, я помчался к Заславскому, прочел ему послание господина Форда. Давид Иосифович усмехнулся:

— Похоже, что мистер Чаплин хочет получить свой процент за демонстрацию «Золотой лихорадки»; насчет этого у него дело поставлено. Боюсь, однако, что даже всесильной фирме «Рой экспорт компани истеблишмент» с такого пройдохи, как этот Терн, не удастся сорвать и цента.

Так оно и вышло. Действуя по поручению Давида Заславского, я обменялся несколькими посланиями с Р. М. Фордом, действующим по поручению Чарльза Чаплина, затем наша бесплодная переписка зашла в тупик и прекратилась.

В феврале шестьдесят пятого года я приехал из Казахстана, где столкнулся с таким фактом. Об одном деятеле районного звена было написано шесть фельетонов в областных, республиканских и центральных газетах. Он изобличался как грубиян, бюрократ и чинуша. А с него, как с гуся вода, сидел на своем месте и не тужил; в облсовете у него работал родной дядя.

По этим материалам Давид Иосифович написал фельетон «Незримый хранитель». К рукописи, присланной им в отдел, была приколота записка: «Дорогие, дорогие мои друзья! Спасибо вам за внимание, за любовь. Это настоящее, чудесное лекарство, которое дает мне силу. Верю, что скоро и твердо стану на собственные ноги и прибегу в родную «Правду» с быстротой Куца, делая прыжки выше Брумеля. Желаю Вам крепкого здоровья. Передайте мой сердечный привет всем правдистам.

Искренне ваш Д. Заславский»

Увы, Давиду Иосифовичу уже не довелось встать на ноги. Фельетону «Незримый хранитель» суждено было оказаться последним произведением, вышедшим из-под пера выдающегося сатирика...

Я всегда буду жалеть о том, что мог бы чаще заходить к Давиду Иосифовичу, подольше сидеть у него дома. Но я очень боялся злоупотребить гостеприимством больного человека, утомить неинтересным для него разговором, быть в тягость. Юлия Васильевна потом мне говорила, что я ошибался. Давид Иосифович был рад каждой встрече, да боялся меня задерживать, зная по собственному опыту, как дорога журналисту каждая минута, как много дел в «Правде». Но что теперь поделаешь!

Каждый раз я уходил из дома Давида Иосифовича радостный, одухотворенный, полный впечатлениями, познавший то, чего до этого не знал. У него была великолепная библиотека с полками редких книг, старинных изданий. Давид Иосифович показывал мне пожелтевшие вырезки из петербургских и киевских газет с его отчетами о знаменитом процессе Бейлиса, папку со статьями о Гришке Распутине и с несколькими подлинными записками всесильного временщика: «Милай, сделай!»

Как-то я увидел в музее под стеклянной витриной долговое обязательство Пятого съезда партии и дословно переписал его в свой блокнот:

«Российская Социал-Демократическая Партия. Лондонский съезд. Май 1907 г. Церковь Братства, Саусгэт Роод, Лондон, 31 мая 1907 года.

Мы нижеподписавшиеся, делегаты съезда РСДРП, настоящим обещаем вернуть мистеру Иосифу Фелсу к первому января 1908 г. или раньше семнадцать сотен фунтов стерлингов — сумму займа, любезно предоставленного без процентов».

Я знал, что долговое обязательство написано рукой Заславского и однажды спросил его об этом.

— Да, я был делегатом этого съезда, — сказал Давид Иосифович. — Там я встретился с Лениным, к которому всегда относился с величайшим уважением, с Плехановым, с Горьким. Съезд затянулся, срочно потребовались средства, чтобы покрыть расходы. Английские друзья — вдова русского революционера Степняка-Кравчинского и другие порекомендовали обратиться к богатому мыловару Фелсу,

выходцу из Польши. Он согласился дать денег, но при непременном условии, чтобы под долговой распиской поставили подписи все без исключения делегаты съезда — триста с лишним человек. Не знаю почему, на мне остановили выбор, когда надо было чистенько и аккуратно вывести на бумаге текст обязательства. Это было признание моих каллиграфических достоинств. Я не знал тогда английского языка. В узком коридорчике за залом заседаний меня усадили за стол и дали английский текст. Я переписал его со всем усердием... Среди подписей под долговым обязательством есть и моя...

Это был, пожалуй, единственный случай, когда Заславский вспомнил при мне о годах своей далекой молодости, о событиях дореволюционных лет. На то были свои причины.

Однажды к нам пришло письмо из Киева, которое написал, судя по всему, ровесник Давида Иосифовича. «В «Правде» очень часто публикуются статьи Д. Заславского. Скажите, пожалуйста, это не тот ли Заславский, который при всех оккупациях Киева белыми армиями сотрудничал в «Киевской мысли», а еще раньше в Петрограде выступал против революции, против большевиков?»

Что мы могли ответить нашему автору из Киева? Да, это был тот самый Заславский...

В предисловии к посмертному однотомнику Давида Иосифовича, который я составил для издательства «Советский писатель», Юрий Жуков писал: «...Заславский считал самой страшной трагедией в своей жизни и о чем всегда говорил с волнением: сбитый с толку меньшевиками и бундовцами, он пошел за ними, против большевиков, против Ленина, хотя именно ленинские работы вовлекли его на путь революционной борьбы. Особенно остро этот конфликт сказался в 1917 году, когда Заславский, работая в Петрограде, занимал антибольшевистские позиции».

После победы Октябрьской революции Заславский, убедившись в своей неправоте, открыто и мужественно признал свои ошибки, осудил свою прошлую деятельность. Он был один из немногих дореволюционных журналистов первой величины, которые целиком и полностью отдали свое перо делу служения Советской власти. Он стал сотрудничать в журналах «Былое», «Красный архив», «Исторические записки», потом в «Ленинградской правде», в «Красной газете». С удостоверением корреспондента «Из-

вестий» поехал в Китай. Давид Иосифович оказался в Шанхае, когда белогвардейцы и белокитайцы предприняли вероломное нападение на советское представительство. Вместе с горсткой наших работников Заславский с оружием в руках занял круговую оборону...

В 1928 году бывшая в то время ответственным секретарем «Правды» Мария Ильинична Ульянова пригласила его работать в центральном органе нашей партии. В верхнем углу анкеты, поданной Заславским, Мария Ильинична написала: «Принять».

Тогда же, 28 марта 1928 года, Заславский написал заявление, которое до сих пор хранится в его личном деле:

«Согласно личным переговорам с тов. М. И. Ульяновой прошу установить следующие условия моей работы в «Правде»:

1. Я зачисляюсь постоянным сотрудником газеты на жалованье в размере 225 рублей.

2. Все статьи-фельетоны свыше нормы (три статьи) оплачиваются по 50 рублей независимо от размеров статьи и количества их.

3. Сверх указанной нормы я обязан писать не менее девяти фельетонов...»

Как видим, Заславский обязался писать не менее двенадцати фельетонов в месяц. Такое количество нам, современным фельетонистам, кажется фантастическим. На деле же продуктивность Заславского была много выше. Его перо — перо выдающегося публициста насмерть разило всех, кто мечтал задушить молодую Советскую республику. Мракобесы и реакционеры, враги мира и демократии, твердолобые английские тори, воинственные генералы победившей Антанты, апологеты и апостолы мрачного капиталистического мира — вот «герои» его острых разоблачительных фельетонов тех лет.

Заславский был одним из первых публицистов, которые разглядели, какую опасность представляют германские фашисты, только еще рвущиеся к власти. Свой фельетон «Новый поход Мальбрука», написанный в 1931 году, Заславский закончил следующими вещими словами:

«Мальбрук... был ужасно храбрый генерал, но в походе с ним случилось величайшее в мировой истории желудочное расстройство, от которого он геройски помер.

Примеряя перед зеркалом треуголку Наполеона, ру-

башку Муссолини и штаны генерала Галифе, пусть помнит Гитлер о судьбе своего знаменитого предшественника».

В своих работах Заславский не только ниспровергает наших злобных классовых врагов. Его радует все новое, передовое, что рождается в молодой советской жизни. Он много ездит по стране, бывает на строительных площадках гигантов первых пятилеток, вдохновенно рассказывает о героях труда, об успехах нашей промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Вдохновенно пишет он о нашей родной природе, о лесах и полях, о щедрости земли, о новых городах, о новых кварталах, поднявшихся на пустырях, о каналах, проложенных в жарких степях...

Когда началась Великая Отечественная война, Давиду Иосифовичу было уже за шестьдесят. Но он почувствовал себя мобилизованным в армию. Как солдат он стоял на своем боевом посту. Днем и ночью находился в редакции, диктовал передовые в номер, редактировал материалы фронтовых корреспондентов, разбирал солдатскую почту. Помимо «Правды», он постоянно печатался в «Красной звезде», во фронтовых армейских газетах. Вот что писал о нем в сорок четвертом году главный редактор «Правды» академик П. Н. Поспелов:

«В период обороны Москвы тов. Заславский выступал в «Правде» с рядом публицистических статей, фельетонов, передовых статей и очерков с московских предприятий, производивших вооружение и боеприпасы. Тов. Заславский находился в Москве, работал в составе немногочисленной группы работников редакции, которая в трудных условиях выполняла задания партии по выпуску «Правды».

За время войны Д. И. Заславский по заданию горкома и райкома партии неоднократно выступал с докладами в частях Красной Армии, на собраниях партийных активов и на рабочих собраниях столицы».

В мае 1944 года Д. И. Заславский за многолетнюю литературно-публицистическую деятельность был награжден орденом Ленина. Потом был удостоен ордена Отечественной войны I степени, второго ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени.

Отвечая на многочисленные поздравления, Заславский говорил:

— Я считаю себя коммунистом, членом партии, сыном великой советской земли, все мои думы с партией,

с «Правдой». Сознание единства с партией и всем народом дает мне силу...

Все поражало меня в Заславском, но прежде всего огромные масштабы, огромные измерения. Он проработал в газетах почти шестьдесят лет, из них без малого сорок отдал «Правде». Он является выдающимся представителем нашей профессии, и, если бы меня спросили, каким мне видится образец советского журналиста, я бы не раздумывая ответил:

«Таким, каким был Давид Иосифович Заславский».

Меня поражали его блестящая образованность, ясное логическое мышление, широта эрудиции, поистине энциклопедические знания, глубокое понимание вопросов политики, экономики, литературы, театра, телевидения, спорта...

Меня поражало мужество его духа. Я никогда не слышал от этого тогда уже смертельно больного человека жалоб, просьб, его могучий дух как бы существовал отдельно от немощного тела. Недаром журнал «Жизнь слепых» попросил меня написать статью о Заславском; на его примере журнал хотел показать людям, лишившимся зрения, как надо бороться с недугом. Я так и назвал эту статью «Мужество духа».

Как-то я рассказал Давиду Иосифовичу, что один из наших коллег, мнящий себя фельетонным метром, получил письмо о взяточничестве при приеме учащихся в студию одного известного столичного театра. Фельетонист позвонил директору театра, объяснил, в чем дело.

— Хорошо, приезжайте, разберемся, я вас жду.

— А как к вам ехать?—осведомился фельетонист.— Где вы находитесь?

— Вы москвич?—спросил директор.

— Да, конечно.

— И ни разу не бывали в нашем театре?

— Не бывал. А что тут такого?

— Доложите вашему редактору, что я вас не приму. Пусть он пришлет ко мне другого журналиста. А с вами я разговаривать не стану.

Фельетонист был рассержен до крайней степени:

— Хотят задушить критику, отмахнуться от острого сигнала. Предположим, я не знаю, где этот театр. Но зачем мне смотреть спектакли! Ведь я собираюсь писать не рецензию, а фельетон о взятках...

Выслушав эту историю, Давид Иосифович усмехнулся:

— Хороший урок преподал директор театра нашему брату-фельетонисту.

Кто, как не он, понимал, что невежество несовместимо со званием журналиста...

Трудно представить себе весь объем продукции, которая вышла из-под его пера. Очеркист Заславский восславил родную землю, ее людей. Историк Заславский написал исследование о гражданской войне в Соединенных Штатах Америки, биографические новеллы о Плеханове, Желябове, Лассале. Хорошо известны работы Заславского о Достоевском, Салтыкове-Щедрине, Чехове, Сервантесе, Свифте. Большими вступительными статьями критика Заславского открываются тома Михаила Кольцова, Ильфа и Петрова, Ярослава Гашека. Никто в нашей журналистике не писал с таким блеском о цирковом искусстве, как литературовед Заславский. Лекции профессора Заславского, прочитанные им в Высшей партийной школе, — подлинный учебник для молодых газетных кадров...

Друзья часто просили Давида Иосифовича всерьез взяться за книгу мемуаров. Он лукаво щурил глаза и говорил:

— Я и сам думаю, что до этого дойдет. Ждал, чтобы стукнуло шестьдесят лет, — возраст приличный для мемуариста. Стукнуло. Но не поднялась рука. Не почувствовал себя достаточно старым. Мне всегда писание воспоминаний представлялось чем-то вроде выхода в отставку и перехода на какую-то литературную пенсию.

На пенсию Давид Иосифович так и не вышел: до самого последнего дня он оставался на боевом посту — посту штатного работника «Правды». Однако по вечерам Заславский принялся диктовать Юлии Васильевне книгу о своих современниках.

— Для нашего брата-журналиста уйти в прошлое — значит сойти со своего места, на котором худо ли хорошо ведешь борьбу, — говаривал при этом Давид Иосифович. — Злободневность врывается в быт газетчика. Вытащенный из злободневности, он немножко разевает рот, как рыба на песке. Неудобно ему. Вот и мне сейчас неудобно. Чувствуется потребность в чем-то оправдаться. Да и в такое время занялся прогулкой в прошлое! Но ведь другого времени может не оказаться...

Другого времени у Давида Иосифовича уже не оказа-

лось, он не успел закончить свою последнюю книгу. Однако Заславский-мемуарист оставил нам прекрасные воспоминания о Максиме Горьком, Емельяне Ярославском, Демьяне Бедном, Владимире Маяковском, Ванде Василевской, Иване Рябове...

Но, конечно же, Заславский — это прежде всего сатирик, фельетонист. В предисловии к книжке «Ослы дедушки Валаама», которая, к сожалению, оказалась последней вышедшей при его жизни, автор с улыбкой писал:

«Молодой черногорец Н. С. Коджебаш в конце прошлого века приехал из своей горной страны в Россию, чтобы обучать детей русскому языку и литературе. В гимназической тетради Заславского Давида, ученика 4-го класса киевской второй гимназии, он вывел красивую круглую пятерку и написал красными чернилами: «Вам угрожает опасный путь фельетониста».

Это было первое благочестивое предостережение в моей жизни. Увы, оно не имело успеха. Мне было тогда 14 лет. Впоследствии я слышал много таких предостережений, имевших общий смысл: пора заняться и серьезным делом.

Я и сам говорил себе так. Меня привлекали всего более исторические исследования. Я написал ряд этюдов и монографий по вопросам истории и литературы. Вышли даже отдельным изданием мои книги. Но неизменно я соскальзывал на «опасный путь».

Мне нравилось писать фельетоны... Я никогда не изменял фельетону».

Один из зачинателей советского фельетона, он необычайно широко раздвинул границы самого сложного и трудного газетного жанра. Совсем не просто сказать, какие фельетоны ему удавались лучше — на внутренние или на международные темы. Он мог предложить веселую юмореску для «Крокодила», членом редколлегии которого состоял долгие годы, а назавтра выступить с фельетоном в таком серьезном издании, как журнал «Вопросы философии».

Давида Иосифовича Заславского можно с полным правом считать родоначальником так называемого маленького фельетона. Ему, как никому другому, удавалось на двух-трех страничках машинописного текста развернуть законченный литературный сюжет, создать произведение глубокого идейного звучания, надолго остающееся в памяти чи-

тателей. Такие фельетоны, как «Соска в аспекте», о котором я уже говорил, как «Филичевый дух», «Безголовье и поголовье», «Винтик с рассуждением», «Фашистский жених дурочки Эльзы», «Хэнсон Болдуин, адмирал чернильной лужи», «Маргарита с бомбой», вошли в золотой фонд советской сатиры.

Бережно храним мы в своем отдельческом архиве документы, связанные с работой Давида Иосифовича Заславского. Это письма, фотографии, записки, другие материалы, по которым он создавал свои фельетоны. К сожалению, рукописей Давида Иосифовича сохранилось не так уж много. В день выхода его фельетона к тогдашнему секретарю отдела Галине Гавриловне Бойченко обычно подходил Иван Афанасьевич Рябов:

— Отдайте мне, пожалуйста, оригинал. Вам он теперь не нужен, а я собираю.

Рябов считал Заславского своим учителем, любил его горячей сыновьей любовью. Он не раз говорил, что хочет писать книгу о Заславском. Судьбе, однако, было угодно распорядиться по-своему. Заславский пережил своего самого талантливого ученика...

Давид Иосифович был первым редактором отдела фельетонов «Правды», образованного решением редколлегии 12 апреля 1946 года. За восемь месяцев того года было опубликовано тридцать шесть фельетонов на внутренние и международные темы. Не нашли места на страницах газеты девятнадцать фельетонов, подготовленных отделом.

Все эти сведения мы черпаем также в архивах. Спустя год Д. И. Заславский сделал доклад на заседании редколлегии о работе нового отдела. Не без оснований считая, что фельетон служит действенным оружием критики и находит большой отклик у читателей, Заславский с тревогой отмечал:

— Есть основание говорить о судьбе этого жанра. Есть основание говорить о том, что на судьбе этого жанра отрицательно сказываются настроения и вкусы отдельных работников...

Хотелось бы, чтобы было сокращено количество «рецензентов» и «критиков» на пути гранки фельетона от руководителя отдела до ответственного секретаря и главного редактора... Надо в интересах газеты и ее читателя

умерить пыл всякого рода «болельщиков» и «доброволь-цев», кои, не написав в жизни ни одной фельетонной строчки, позволяют себе очень часто слишком вольное нигилистическое отношение к фельетону и вытравляют его из газеты.

Вспоминая эти слова Заславского, думаю о том, как же трудно молодым пробиться на страницы иных изданий, если даже фельетоны, подготовленные таким выдающимся мастером, встречались в штыки «болельщиками» и «добровольцами».

Впрочем, некоторым может показаться, что это предмет уже другого разговора, поскольку затрагиваются проблемы сегодняшнего дня. Ну, что тут скажешь? Заславский и сегодня продолжает жить с нами. В своих книгах, памфлетах, фельетонах, в своих лекциях, на которые так рвалась журналистская молодежь. Мы учимся у него мастерству. Учимся быть непримиримыми к бюрократизму, бестолковщине, бездушию, пошлости. Учимся бороться против перестраховщиков, которые, увидев еще не прочитанную рукопись фельетона, начинают метаться:

— А нужно ли это печатать? А не обидим ли мы Ивана Ивановича или Петра Петровича?

И наконец, мы учимся у Заславского доброте сердца. Нет, я не описался. Человек, чье перо разило наповал, в жизни был очень добрым. Только добрый человек может по-настоящему возмутиться несправедливостью, заступиться за обиженного ребенка, за честь женщины. Понятно, что эта доброта не имеет ничего общего со всепрощенчеством, с беззубостью, с мягкотелостью. Но в клокочущем гневом сердце фельетониста всегда желанно место для доброты. Он должен соизмерять силу своего сатирического удара с конечной целью, которую ставит.

Заславский умел даже на своего героя смотреть добрыми глазами. Ничего удивительного здесь нет. Он не пытался добить, морально уничтожить пусть даже очень плохого человека. Давиду Иосифовичу всегда было приятно услышать, что его герой исправился, одумался, очистился от скверны, вновь занял достойное место в ряду своих товарищей.

В этом глубокая гуманность профессии фельетониста, которой Давид Иосифович Заславский посвятил свою жизнь.

1983

НИКОЛАЙ ВОРОБЬЕВ

Заголовок книги, с которой я хочу начать свои заметки, не совсем обычен, он состоит из двух, казалось бы, взаимно исключающих друг друга слов. Но я уверен, что каждый, кто прочтет книгу, убедится, что ее название — «С любовью и гневом» — очень точно выражает авторские замыслы.

«...Накануне выпал снег.

Шел он весь день и всю ночь. Крупные пушистые хлопья густо устилали дороги, еще пышнее укутывали поля, живописно повисали на деревьях, придавая лесам сказочный, волшебный вид. А наутро, когда встало мартовское солнце, все вокруг заиграло, заискрилось алмазными переливами, — засверкало такой яркой белизной, от которой глазам делалось больно... Чем ярче пригревает весеннее солнце, тем больше суеты на селе. У каждого амбара грохочут сортировки, из кузниц доносится торопливый перезвон наковален...»

Это написано с любовью. С любовью к русской природе, к родной земле, на которой трудятся многие герои его книги.

«...Поганки растут на гнилых пнях. Чертополох приживается на мусорных свалках. Всяк по себе находит питательную среду.

У Евгения Шапунова такой средой была пивная. Она заменяла ему Дом культуры и библиотеку, театр и кино, была милее родного очага.

Поначалу Евгений осваивал ее в одиночку. Затем обрел закадычного приятеля Егора Лазарева. Между коллегами установилось разделение труда. Один выкрикивал:

— Два раза по сто пятьдесят!

Другой, словно попугай, хрипло добавлял:

— С прицепом!

После третьего «захода» кутилы начинали пробовать голоса От их рычащей «мелодии» не краснела только пивная бочка».

Это написано с гневом. С гневом, бичующим тех, кто губит себя и других, кто мешает нам жить, работать, отдыхать...

На первый взгляд может показаться, что книгу написали два человека. Один — улыбчивый, добрый, внима-

тельный, а другой — злой, неприветливый, грозно нацеливший на собеседника свое разящее перо.

А на самом деле написал все это один человек, единый в двух своих лицах. Это Николай Яковлевич Воробьев, который вот уже более сорока лет выступает в «Правде» со статьями, очерками, фельетонами.

Николай Воробьев родился на Орловщине в бедной крестьянской семье. После смерти отца совсем еще мальчишкой вынужден был пойти работать, начать свой нелегкий трудовой путь. Был сезонным рабочим, полеводом, принимал активное участие в коллективизации родной деревни. Первые свои заметки, как селькор, печатал в «Орловской правде» и «Крестьянской газете». Затем учился в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. По окончании Тимирязевки дипломированный агроном был направлен в редакцию газеты «Правда».

Деревенская тема была близка и понятна молодому журналисту. С удостоверением специального корреспондента сельхозотдела Николай Воробьев исколесил родную среднерусскую полосу, побывал на Украине, в Прибалтике, в Белоруссии, в Сибири, в Закавказье, в Средней Азии... По его очеркам и корреспонденциям месяц за месяцем и год за годом можно явственно проследить, как росло и крепло, набиралось животворных сил наше социалистическое сельское хозяйство. Но Николай Яковлевич никогда не был сторонним наблюдателем, простым фиксатором происходящих событий. Он непосредственный участник больших дел, он в первых рядах борцов за рекордные урожаи, за высокую продуктивность животноводства, за механизацию сельскохозяйственных процессов, он ярый пропагандист передового совхозно-колхозного опыта...

Это что касается первой части заголовка книги: «С любовью...» А теперь скажу о второй — «и гневом».

Николай Яковлевич Воробьев был четвертым редактором отдела фельетонов «Правды», имея своими предшественниками таких широко известных сатириков, как Давид Иосифович Заславский, Иван Афанасьевич Рябов, Семен Давыдович Нариньяни. Он возглавил наш огненный сатирический цех, проработав без малого двадцать пять лет в сельскохозяйственном отделе «Правды». Что за метаморфоза произошла с этим маститым журналистом-правдистом, закоренелым, до мозга костей «аграрником-деревенщиком»? Я думал об этом, когда работал вместе

с Николаем Яковлевичем в отделе фельетонов и когда принял от него дела, после того, как он снова вернулся в сельхозотдел, на этот раз в должности члена редакционной коллегии «Правды».

Мне кажется, что к жанру фельетона его привела сама логика журналистского труда. Постоянно бывая в колхозах и совхозах, беседуя с комбайнерами и доярками, разбираясь в критических сигналах трактористов и птичниц, встречаясь с мелиораторами и сельскими строителями, учителями, агрономами, Николай Воробьев видел, что не всегда можно выразить свои чувства в спокойном и размеренном очерковом ключе, в рассудительной корреспонденции, в оперативном репортаже, в постановочной передовой статье. Иногда для пользы дела он понимал: нужен фельетонный взрыв. Так родился его замечательный фельетон «Лутоня на вышке» (написанный в соавторстве с Василием Журавским), так появилась целая серия его нашумевших фельетонов, бичующих пустоцветов в сельскохозяйственной науке,— «Верхом на рогозе», «Как стричь Асмодея», «Пой, головастик, пой!», «Мосякин лепит кувшин», «Нужен ли барану хвост?»...

В этом повороте творческой биографии Николая Яковлевича Воробьева нет, пожалуй, ничего удивительного. Фельетон — наиболее сложный газетный жанр, требующий особого мастерства от журналиста и являющийся, по существу, неотъемлемой частью художественной литературы. И я не знаю сколько-нибудь приличного сатирика, который, едва придя в газету, сразу же начал писать фельетоны.

Став фельетонистом, Николай Воробьев остался таким же кропотливым тружеником, таким же неустанным подвижником, каким был раньше. Читатели давно обратили внимание, что Николай Воробьев не ищет легких, как говорят фельетонисты, «выигрышных тем», сногсшибательных сюжетов. Его фельетоны отличаются глубоким знанием жизни, и так же, как и его старшим товарищам, известным публицистам-правдистам Алексею Колосову и Ивану Рябову, ему присущ простой, доходчивый, народный язык, чуждый словесных побрякушек и дешевых показных эффектов.

Мне остается добавить, что книга «С любовью и гневом», о которой я говорил вначале, далеко не первое крупное литературное произведение Николая Яковлевича

Воробьева. В разное время были выпущены несколько сборников его фельетонов, очерков и рассказов «Рогоза в сметане», «Курам на смех», «Уральский самородок». И все они с большим интересом были приняты нашими читателями.

1976

БОРИС СТРЕЛЬНИКОВ

Кто бы мог думать, что наша встреча в завьюженном феврале восьмидесятого года будет последней! Пожалуй самая короткая изо всех наших встреч. Если бы знать! Разве бы я отпустил его так скоро?

Борис заглянул в редакцию под вечер. За окнами вспыхивали уличные фонари. Их матовые блики с трудом пробивались сквозь густую пелену мечущихся на ветру густых липких снежинок. На Борисе было пальто, в руках меховая шапка. Он торопился домой, поэтому раздеваться не стал. Был необычно бледен, взгляд казался остановившимся, усталым.

— Боюсь, что нам не придется посидеть на дорожку, — с грустью сказал Борис.

Не было еще случая, чтобы друзья не проводили Бориса в дальний путь.

— Что-то неважно себя чувствую, — словно бы оправдываясь, сказал Борис. — Плохо спал эту ночь. Наверняка поднялось давление.

— Ты бы забежал в поликлинику.

Знать бы, так надо было силком свести его в вестибюль, усадить в машину да так и не отпускать до самого кабинета терапевта. Если бы знать...

— Нет, нет. — Борис испуганно замахал шапкой. — Мне разрешили приехать лишь на две недели. Ты же понимаешь.

Я это понимал.

В Лондоне, где Борис недавно стал работать и где уже успел утвердить себя такими превосходными очерка-

ми, как «Вид с моста», «Путешествие в Корби», «Заложники Пентагона», «Костры в ночи», он большею частью жил один. Дети закончили школу, стали взрослыми. И вдруг Борис как-то особенно остро ощутил одиночество. Защемило сердце: «Как там мои?» Безумно захотелось увидеть ребят, обнять. Быть может, это было предчувствие. Материалистически несостоятельное, наукой отвергаемое предчувствие. Борис договорился с редакцией, что приедет в Москву ненадолго. Тут бы нашлись у него дела: надо было поработать над циклом очерков, написанных вчерне.

— Нет, не могу идти к врачу, — твердо сказал Борис, отогнав от себя минутные сомнения. — А если мне дадут бюллетень? Тогда еще скажут: придуривается, хочет подольше побыть в семье.

Скромность — вот что отличало Бориса. Гипертрофированное чувство скромности. Смертельная боязнь лишний раз напомнить о себе. Показаться кому-то в тягость. Это всегда мешало ему жить спокойно и в конце концов сыграло такую роковую роль...

— Я все-таки провожу тебя на поезд, Боря.

— Не стоит. Мне же до Белорусского два шага. — Он жил на улице Горького рядом с вокзалом. — Я лучше прилягу на пару часов дома. И в дороге отосплюсь. Спальный вагон прямого сообщения «Москва — Лондон». Комфорт! Ничего, обойдется. Все будет хорошо. Скоро в отпуск приеду, тогда и посидим, как следует...

Вот и весь разговор. Всего пять минут. Даже не обнялись, просто пожали друг другу руки. И все...

На следующий день сообщили из Орши: «Стрельникова сняли с поезда и положили в больницу».

Я часто звонил в Оршу, говорил с врачами, с журналистами из городской газеты. Дела у Бориса определенно шли на поправку. И вдруг...

У меня с Борисом было очень много общего, похожая жизнь, похожая судьба. Оба родились в двадцать третьем году, наши отцы были солдатами первой мировой войны и революции, а матери — учительницами. Мы ушли в армию в сорок первом, он был башенным стрелком на «тридцатьчетверке», я воздушным стрелком на Ил-2, вернулись домой, подумывали о литературной работе. Борис опреде-

лился младшим редактором в издательстве, я сотрудником молодежной газеты.

Когда-то в детстве вслед за «Тремя мушкетерами» я прочитал «Двадцать лет спустя» и ужаснулся. Повзрослевший на двадцать лет д'Артаньян выглядел глубоким стариком. Когда тебе всего девять, двадцать лет кажутся целой вечностью: это сколько же надо прожить! Мы дружили с Борисом тридцать пять лет, и они промелькнули, как один насыщенный до предела событиями звонкий весенний день...

Я только что вспомнил нашу последнюю встречу, тревожную и печальную, теперь расскажу о самой первой, радостной и светлой. Это было давно, всего через год после войны. Мы приехали поступать в Центральную комсомольскую школу, я из Ашхабада, он из Пятигорска. У столика читального зала, где выдавали учебники, я оказался за кудрявым пареньком в спортивной куртке голубого цвета. На мне были голубые брюки военного образца, которые я раздобыл на трофейном складе в Вене.

— У нас на двоих вышел бы неплохой костюм,— засмеялся владелец спортивной куртки, весело разглядывая мой странный наряд.

Мы стали заниматься с Борисом в одной учебной группе отделения комсомольской печати, поселились в одной комнате студенческого общежития, наши койки стояли рядом.

После Центральной комсомольской школы нас оставили работать в Москве, двоих изо всей группы. Меня пригласили в «Комсомольскую правду», Бориса — в пресс-бюро Антифашистского комитета советской молодежи. Нас поселили в маленькой комнатушке того же общежития безо всяких надежд на получение собственного жилья. Виделись мы теперь урывками: «Комсомольская правда» работала с 2 дня до 11 вечера. Антифашистский комитет ближе к нормальному графику — с 11 утра до 8 вечера. Когда Борис уезжал на работу, я спал, когда я за полночь добирался до нашего загородного общежития, он видел четвертые сны.

Затем наши пути сошлись снова, через год Борис пришел в «Комсомолку», в иностранный отдел. Нам стало веселее, мы вместе ездили на работу, вместе возвращались назад.

Борис быстро вошел в славный коллектив «Комсомол-

ки», заставил говорить о себе наших «стариков». Писал острые международные заметки, поехал в составе комсомольской делегации в Париж, интересно освещал Всемирные фестивали молодежи и студентов в Берлине и Бухаресте. Потом с группой советских журналистов посетил Вьетнам. Это были дни, когда в Индокитае только что закончилась первая освободительная война, длившаяся восемь лет. Еще отдельные отряды оккупантов, засевшие в укрепленных гарнизонах, оказывали отчаянное сопротивление, а народ уже взялся за созидательный труд. Молодой журналист из комсомольской газеты присутствовал на сходках бедняков, деливших помещичью землю, при закладке фундаментов новых заводов, школ, больниц, жилых домов, встречался с героями отшумевших сражений, с рабочими, крестьянами, студентами, партийными работниками, был принят товарищем Хо Ши Мином.

Но недолго над Вьетнамом голубело мирное небо. На землю, расположенную за тысячи и тысячи километров от Нью-Йорка и Вашингтона, вторглись полчища заокеанских интервентов. И Вьетнам был вынужден снова надеть военную гимнастерку. Свободолюбивый народ небольшой страны и вооруженная до зубов армия крупнейшего капиталистического государства. Я думаю, что когда Борис, будучи уже корреспондентом «Правды» в Америке, писал свои гневные статьи, обличающие грабительские цели военно-промышленного комплекса, перед его глазами стояли горящие деревни, где он бывал, цветущие поля, залитые напалмом, разрушенные школы, где еще недавно звенели веселые детские голоса...

Вьетнамские друзья высоко оценили работу Бориса. Они прислали ему в Вашингтон перстень, на котором стоял номер 2700. Он был отлит из металла 2700-го американского стервятника, сбитого над Вьетнамом. Борис очень дорожил этим подарком.

Да, в «Правде» талант Бориса развернулся с новой силой. На ее страницах Борис напечатал большинство своих замечательных произведений. В «Комсомолке» он проработал семь лет, в «Правде» — двадцать четыре.

...Хорошо помню тот августовский день пятьдесят шестого года, когда я встретил Бориса в редакционном коридоре «Комсомолки», растерянного, ошарашенного.

— Вот иду из «Правды», — сообщил он мне под большим секретом. — Был у заместителя главного редактора

Юрия Александровича Жукова. Предлагают ехать на постоянную работу в Нью-Йорк.

— И ты, конечно, согласился?

— Пока окончательного ответа не дал. Надо хорошенько подумать.

Подумать было над чем и Борису Стрельникову и редакционной коллегии «Правды». Достаточно ли опыта у молодого журналиста для начала самостоятельной работы в качестве полномочного представителя главной газеты нашей страны? Конечно, было немалым риском доверять Борису один из самых ответственных форпостов за границей — нью-йоркский корпункт. Но Юрий Жуков и тогдашние руководители американского отдела редакции Даниил Краминов и Евгений Литошко своим журналистским чутьем угадали, что из Стрельникова должен получиться большой международник. Но, конечно, не сразу.

— Многого пока с тебя спрашивать не будем, — сказали ему в «Правде», — учи язык, читай книги, журналы, записывай, наблюдай.

Сначала, надо сказать, у Бориса получалось не очень. Было бы, наоборот, странно, если б он присылал в редакцию статью за статьей. В газете появлялись лишь событийные заметки да отчеты о работе ООН.

— Я тогда еще не был силен в английском языке, — объяснял нам потом Стрельников. — А в ООН было проще: речи дипломатов переводились на русский. К тому же приходилось много учиться. Учиться у Жукова, у Краминова, у Литошко. Учиться заочно, через океан...

И только на втором или на третьем году его корреспондентской работы мы увидели в «Правде» очерки Бориса Стрельникова: «Ищите меня в Миссисипи», «Карандашный набросок Нью-Йорка», «Бродвейские вечера». Они сразу же привлекли к себе внимание читателей живостью изложения, тонкими наблюдениями, суровой правдой жизни.

Конечно, можно было бы, как это делали его предшественники, посылать в Москву солидные корреспонденции, густо пересыпанные фактами и цифрами, взятыми из официальных отчетов, из вынужденных признаний буржуазных газет; цифры убеждают и впечатляют. Но ведь о том же бедственном положении негров можно рассказать и по-другому. Наверное, даже лучше пойти не в библиотеку советского представительства, а сесть в вагон подземки

и поехать в Гарлем на 125-ю улицу. А потом рассказать о том, что увидел собственными глазами:

«Прямо на тротуаре прислоненные к стене четыре больших детских портрета в траурных рамках. Это девочки, убитые в Бирменгеме. Слепой негр в выцветшей форме американского солдата играет на скрипке что-то печальное. На груди слепого два ряда орденских планок. Старая негритянка, закрыв лицо руками, стоит на коленях перед портретами. Она раскачивается из стороны в сторону, и ее плечи содрогаются от рыданий.

Я сворачиваю в боковую улицу. Тяжелый запах ударяет в нос. Это запах гниющих отбросов, человеческого пота и дешевого виски. Это запах нищеты. Сперва мне кажется, что улица пустынна, но через минуту я замечаю, что на ступеньках, на подоконниках, в дверях стоят и сидят негры. Они молча смотрят: что привело сюда белого человека?

Кто-то трогает меня за плечо. Обернувшись, я вижу трех белых полицейских.

— Что-нибудь потерял здесь, приятель? — насмешливо спрашивает один из них. — Ах, просто гуляешь? Ничего себе, выбрал место для прогулки! Когда стемнеет, я не дам ломаного цента за твою жизнь...»

Адреса очерков показывали, что новый корреспондент «Правды» в Соединенных Штатах много ездит: Техас и Северная Дакота, Аляска и Новый Орлеан, Голливуд и Сиэтл, Детройт и Сан-Франциско, Скалистые горы и знакомые еще по школьным учебникам Великие американские озера. В его очерках слышался скрежет зуборезных станков на прокопченных заводах Чикаго и тоскливые песни негров-издольщиков Юга, свист ковбойского лассо и протяжные гудки пароходов, плывущих по Миссисипи. И с каждым днем ему все больше открывалась Америка, великая страна, где совсем рядом соседствуют труд и капитал, богатство и нищета, величие и позор.

Нет, Стрельников не смеялся, не иронизировал над неизлечимыми социальными язвами американского общества. Ведь бедствия и несчастья, которые они порождают, обходят владельцев банков, особняков и яхт, они стучатся в жилища бедняков. Советский корреспондент глубоко сочувствует безысходному горю старого шахтера, с которым свел его случай в вагоне ночного рабочего поезда. Он понимает, хотя и не оправдывает «сумасшедшего бомбиста»,

большого, растоптанного жизнью старика, объявившего войну всему многомиллионному городу...

Ясно, что корреспондент «Правды», коммунист, не мог быть просто сторонним наблюдателем, холодным хроникером, бесстрастным фиксатором событий. Стрельников и не думал скрывать своих симпатий. Он на стороне тех, кто борется за человеческие права, кто требует вернуть американских солдат, топчущих земли чужих стран, домой, кто не хочет смириться с тем, чтобы родина Авраама Линкольна выступала в позорной роли мирового жандарма.

Материалы «Правды» гневно обличали тех, кто противостоял этим честным, мужественным людям. Ее корреспондент пробирался в самое логово бёрчистов, на сборище ку-клукс-клана, когда на холме горел костер и зловещие фигуры в белых балахонах с прорезями для глаз вопили проклятья коммунистам, неграм, евреям. Это было опасно. Уж если мракобесы стреляют в своих президентов, то что им стоит ухлопать иностранного корреспондента, да к тому же еще и коммуниста!

Но дело есть дело, долг есть долг. В четырех с половиной милях от центра Вашингтона, от здания министерства юстиции, Стрельников обнаружил логово выходцев с того света — штаб-квартиру «всемирного объединения национал-социалистов». О таком не слыхивали даже вездесущие американские репортеры. На свой страх и риск Борис подошел к дому № 2507 на улице Норд Франклин Роад и постучал в дверь.

«На пороге вырастает нацист. На рукаве — свастика. На ремне — пистолет. Значок со свастикой еще над нагрудным карманом. Высокий. Голубоглазый. Белокурый...

Он нерешительно пропускает меня в комнату. На стене огромный портрет Гитлера. На другой стене — юбилейный отрывной календарь с портретом Гитлера. Под портретом подпись: «80-летие фюрера. 50-летие нашего движения. 10-летие национал-социалистской белой армии США».

На диване корчится какой-то парень в разорванной рубашке с пятнами крови. На лбу кровавая рана. Глаз заплыл, нос распух. Двое эсэсовцев прикладывают к ране салфетки и кубики льда...»

Борис Стрельников перед лицом заклятых врагов. Но он, старый солдат, чувствует свою силу, свое превосходство...

Советский человек за границей... В крупнейшей стране капиталистического Запада, цитадели империализма. Вот такие встречи с остервенелыми фашистами. Примелькавшиеся типы, прыгающие следом в автобус, сидящие за соседним столиком в ресторане, лежащие рядом на пляже в летний день... Враждебные взгляды на улице. Провокационные звонки по телефону. А надо жить, работать, передавать ежедневно материалы в Москву с другого конца Земли...

— Ну, как вы там, в Америке? — каждый раз спрашивали друзья Борнса, когда он приезжал домой в отпуск. Он даже написал книгу, пытаясь ответить на этот вопрос, и так ее и назвал: «Как вы там, в Америке?» Но вопросы не прекратились.

И я тоже спрашивал, хотя читал все его газетные публикации и книжки. Пока не побывал в Америке и не увидел все своими глазами.

Дело в том, что я давно предлагал Борису проехать по Соединенным Штатам тем же маршрутом, которым проехали в тридцатых годах наши старшие коллеги-правдисты, замечательные советские писатели Илья Ильф и Евгений Петров. Мне казалось, что такая поездка даст редкую возможность наиболее полно увидеть изменения, которые произошли в крупнейшей капиталистической стране мира за это время.

Борис эту идею принял не сразу.

— Боюсь оказаться в смешной роли эпигона... Лучше ведь «Одноэтажной Америки» книги не напишешь, — сомневался Борис.

Наконец мы условились, что ни в коем случае не станем строить из себя Ильфа и Петрова, не будем подделываться под их стиль, что наша главная цель — повторить не книгу, а маршрут, побывать в тех же местах, которые они посетили, отыскать следы их героев и, пользуясь «Одноэтажной Америкой» как ориентиром, как средством увязки недавнего прошлого Соединенных Штатов с их сегодняшним днем, сопоставить факты, события, явления.

И хотя задачи планируемого путешествия стали нам обоим ясны, мы предвидели немалые трудности. Неясно нам было самое основное: как мы будем писать? Несмотря на нашу многолетнюю дружбу, нам ни разу не доводилось писать вместе. Мы ведь работали совсем в разных жанрах: он — очеркист-международник, я — фельетонист. Получит-

ся ли прок от такого творческого союза? Как будет выглядеть наша объединенная строка? К тому же за отведенные нам полтора месяца мы должны были не только проехать Америку от восточного побережья до западного и обратно, но и успеть написать и передать в редакцию свои путевые очерки. Ведь сверх этого времени мы уже не могли собраться вместе, мне надо было возвращаться в Москву, а Бориса неотложные дела звали в Вашингтон.

Перед нами вставала еще одна немалая сложность. Обычно, когда люди пишут вместе, они и выступают, как одно лицо: вместе радуются, удивляются, негодуют. Мы же представляли, что единого восприятия увиденного у нас не будет. Такая простенькая фраза, как например, «Задрав головы, мы с любопытством оглядывали небоскреб, уходящий своими восемьюдесятью этажами в голубое небо»,— соответствовала бы истине лишь наполовину. Ведь на этот дом будет глядеть с любопытством тот соавтор, который прилетит из Москвы. А тот, который провел в Америке долгие годы, поглядит на это здание по-другому, он уже его сто раз видел, привык. Что же делать? Как писать: «мы» или «я и он»?

В конце концов было решено писать о вещах так, как они могли представляться каждому из нас. Вот почему в очерках, которые мы передавали в «Правду» прямо из мотелей, растянувшихся вдоль нескончаемых автомобильных дорог, и в книге «Америка — справа и слева», которую мы потом написали и которая выдержала в нашей стране семь изданий, и была переведена на иностранные языки, фигурируют два действующих лица — Вашингтонец и Москвич. Их точки зрения не всегда совпадают. Опытный Вашингтонец во время поездки рассказывает Москвичу много поучительного и интересного. Он часто обращается к своему обширному досье, которое ведет долгие годы. В нем хранятся вырезки американской прессы, цифры, факты, записи бесед, экономические выкладки, цитаты из выступлений государственных деятелей США. Москвичу же, только что прибывшему с Родины, легче сравнивать, в чем мы превзошли Америку, а в чем пока отстаем, у него больше впечатлений от встречи с чужим, неведомым миром, ему острее бросаются в глаза уродливые парадоксы американской действительности...

Борис встречал меня иа вашингтонском аэродроме, я издалека увидел его стройную фигуру в толпе. Он был по-

прежнему красив, элегантен, только за те несколько лет, что мы не встречались, в его густых, вьющихся волосах прибавилось серебряных нитей. Пока я, дожидаясь своего багажа, рассказывал Борису последние редакционные новости, наступил вечер. Мы долго ехали по широким центральным улицам столицы, залитым морем электрических огней. За длинным тоннелем, нырнувшим под калейдоскопическим переплетением автомобильных дорог, пошли пригороды. Огней стало меньше, зелени больше.

— Мы уже в штате Мэриленд,— сказал Борис, останавливаясь у многоэтажного дома.— На крыше у нас площадка для детских игр, теннисный корт, два плавательных бассейна. Под всем зданием гараж. Его металлические ворода открываются радиосигналом, который подается из подъезжающих машин. А без машины здесь жить нельзя. Никакой общественный транспорт отсюда не идет, хотя до центра города не так уж далеко. Каждое утро приходится возить детей в нашу посольскую школу, а потом забирать их назад.

Прямо из гаража, где мы оставили машину, лифт поднял нас на нужный этаж. Стрельниковы занимали трехкомнатную квартиру. Первая комната, как это принято в Америке, самая просторная, служила одновременно прихожей, гостиной, столовой, а иногда и спальней для гостей. Вторая — детская, третья — рабочий кабинет.

В кабинете над письменным столом я заметил плакатик, приколотый булавкой к стене: «Джентльмены! Убедительно прошу вас не копаться в ящике с детским бельем и не бросать окурков на пол. Если это будет продолжаться, я буду вынужден пожаловаться в Федеральное бюро расследований. Лучшего качества виски всегда к вашим услугам в холодильнике».

— Странно, однако, встречаешь гостей,— сконфузился я.— Почему ты решил, что я стану копаться в ящике с детским бельем?

Стрельников звонко рассмеялся:

— К тебе это не относится. Тут в наше отсутствие заглядывают ребята из ФБР. Вот я и написал им, чтобы не очень безобразничали в квартире.

Тем временем я с интересом разглядывал кабинет корреспондента «Правды». Два книжных шкафа, заполненных в основном справочной литературой на русском и английском языках. Вдоль стены на стеллажах — проиу-

мероваииые папки досье. На рабочем столе вполголоса верещал портативный телевизор.

— Ои у меия всегда включен, — поясиил Борис. — Важные иовости могут быть передаиы в любое время суток.

Под столом я увидел пишущую машинку, которой, как я потом убедился, Стрельииков пользовался крайие редко: за годы походной корреспоидеитской жизии привык писать от руки, а перепечатывать потом материал ие хватало времени, так и приходилось передавать редакциоииым стеиографисткам с листа, иа ходу поправляя текст.

Я знаю, читателям иитересно, как пишет журиалист. Можио, коиечио, рассказать, как ои собирает материал, как ведет записи, в какой маиере беседует со своим будущим героем. А вот уж самый процесс творчества трудио осмыслить, разложить по полочкам.

Конечио, секретов шариковой ручки как таковой у Бориса Стрельиикова ие существовало. Его журналистская лаборатория — это вовсе ие письмеиный стол и ие кабииет. Оиа ие имеет ограиичеиий ии во времени, ии в пространстве. Журиалистская лаборатория Стрельиикова — это вся его жизнь, вся его работа от начала до коица, его удивительиое трудолюбие, его искрящийся талаит, зиаиия, иеустаииые поиски, самоотвержеииость, глубокая партийиость убеждеиий, зрелость и опыт...

А иа следующее утро шестого октября 1969 года мы троиулись в путь. Началось иаше путешествие от Белого дома. Не потому, что мы искали в этом какой-то символ, а просто потому, что баик, где мы получали переведенные иам из Москвы деньги иа дорогу, расположен иаискосок от резидеиции президеита Соедииеииых Штатов Америки. Ветхий старик с плакатом «Верните наших сыиовей из Вьетиама!» иа груди стоял у чугуиной решетки и смотрел на зелеиую лужайку, иа фоитан, на белые колонны Белого дома. Негры-уборщики сгребали шуршащие листья к подиожиям памятииков полководцам. В еще ие опавшей листве скверов разноголосо посвистывали птички.

Борис быстро завершил все взаимоотиошеиия с баиком, и вскоре автомобиль выиес нас из камеиных лабиринтов американской столицы на зелеиые просторы штата Пеисильвания. Стояла изумительиая пора «иидейского лета» — пора, которую мы в России иазываем «бабьим летом». В такие дии загородиая Америка полиа плеиитель-

ного очарования. Разноцветным осенним пламенем полыхают окрестные леса. Если съехать с шоссе на проселочную дорогу и заглушить мотор, почудится, будто слышишь поднебесный крик журавлей.

Но слушать журавлей у нас просто не было времени. В первый день мы добрались до города Северный Джексон штат Огайо, покрыв расстояние в 464 мили. И каждый последующий день накручивал на спидометр нашей машины 250—300—400 миль. А на отрезке нашего маршрута от города Сан-Антонио до Батон Ружа мы даже проехали 546 миль, установив наш личный рекорд дневного пробега.

Нет нужды подробно рассказывать здесь о нашем путешествии, мы описали его в четырнадцати очерках, опубликованных в «Правде» и в нашей книжке, которую расширяли от издания к изданию. Здесь я остановлюсь лишь на нескольких штрихах, характеризующих работу журналиста Стрельникова. В поездке Борис никогда не расставался с портативным магнитофоном: записывал собеседников, считал очень важным наговорить на сон грядущий впечатления прожитого дня. На шее у него постоянно болтался фотоаппарат. Нет, лавры наших фотомастеров Александра Пахомова или Василия Пескова его не прельщали. Камера была для него дополнением к записной книжке, своеобразным запоминающим устройством. При дальнейшей работе над очерком снимки помогали Борису точнее описать пейзаж, вид городской улицы, одежду и лица своих героев.

Борис был отличным собеседником, он мог увлечь. Я заметил, что с ним одинаково интересно было разговаривать и миллионеру и безработному. Борис был необычайно остроумен, его суждения—оригинальны, а вопросы, которые он задавал,—неожиданны, вызывали на откровенность. Борис был очень тактичен, старался понять собеседника, проникнуть в сущность его взглядов, вел разговор ровно, собранно, никогда не переходил на высокие ноты, хотя далеко не с каждым был согласен и не с каждым ему доставляло удовольствие знакомиться и говорить. Но что поделаешь, такова наша корреспондентская доля...

И лишь однажды Борис взорвался, не смог себя сдержать. Это было в городе Атланте, когда под вечер к нам в мотель заявился бывший военнослужащий, перебежавший после войны в зону американской оккупации Германии

(фамилию его мерзко называть) и пробавлявшийся потом грязными антисоветскими писаниями в желтой прессе.

— Господа, — произнес он шелудивым голоском, — я ваш коллега, журналист, и приглашаю вас домой на чашечку кофе. Я хотел бы, чтоб меня когда-нибудь выслушали мои соотечественники, после чего они, возможно, не станут особенно осуждать меня за мой выбор...

— Да как вы смеете к нам подходить! — закричал Борис тоном, за которым неотвратимо следует звонкая пощечина. — Мы, бывшие военнослужащие, фронтовики, давали присягу. С изменником нам не о чем говорить. Убирайтесь немедленно!

Дважды повторять не пришлось. Подонок стремглав выкатился из номера мотеля...

За время нашей поездки я еще больше узнал и полюбил Бориса, мы никогда с ним не были столько вместе, как в эти дни, даже тогда, когда учились в Центральной комсомольской школе или работали в «Комсомолке». Мы наговорились с ним, кажется, на целый век, вспоминали прошлое, войну, друзей, сравнивали и сопоставляли: «у нас», «у них». Там, за океаном, Борис был для меня старшим, умудренным товарищем, во многом я познавал Америку через него.

Борис отличался завидной работоспособностью. Весь день просидеть за рулем, затем наскоро перекусив, с ходу садиться писать очередной путевой очерк и тут же охрипшим от усталости голосом, пугающим соседей по мотелю, передавать его в Москву, — это ведь не каждый сможет! Впрочем, мне показалось, что в поездке Стрельников даже отдыхал, в Вашингтоне ему приходилось труднее: нужно прочесть ворох газет, принять людей, ответить на письма, посетить минимум две пресс-конференции, выполнить всякие срочные редакционные поручения. И так каждый день.

Но и ночью не бывало покоя. Когда Стрельников работал, Москва спала. А когда Стрельников ложился спать, Москва начинала свой трудовой день. Звонили из учреждений и издательств, из редакций журналов и газет. Просили написать очерк, проконсультировать рукопись, разыскать какую-то книгу, уточнить спорный факт, достать лекарство для больного друга, с кем-то встретиться, кого-то встретить, заказать гостиницу, обратный билет...

А услышав сонный голос Бориса, поспешно извинялись:

— Вы уж не сердитесь за этот звонок. Мы как-то не сообразили, что в Вашингтоне ночь. У нас ведь самый разгар работы...

Где-то в Техасе, листая утром местную газету, я набрел на заголовок, который насторожил и испугал. Крупными буквами в центре второй полосы было напечатано: «К мэру Москвы без пол-литра не попадешь».

Борис взял из моих рук газету, быстро пробежал текст и раскатисто рассмеялся. Это был вполне добросовестный пересказ нашего очерка «В самом центре Соединенных Штатов», опубликованного в «Правде» и переданного из Москвы корреспондентом американского телеграфного агентства. В нем мы рассказывали в шутливой форме, как добивались приема у мэра городка Москва в штате Канзас мистера Гескла и, потеряв всякие шансы на успех, использовали в качестве приманки бутылку водки, которую я привез из нашей Москвы. К очерку была подверстана маленькая заметочка из Канзаса, в которой говорилось:

«Мистер Гескл, мэр миниатюрной Москвы, затерявшейся в прериях Среднего Запада, не скрывает своей гордости той рекламой, которую неожиданно создали канзасским москвичам двое путешествующих русских журналистов. Мэр торжественно заявил нашему корреспонденту, что он надеется когда-нибудь посетить советскую Москву, которая, по нашим подсчетам, примерно в двадцать тысяч раз больше американской и старше ее приблизительно на семьсот с лишним лет».

По ходу нашей поездки американская пресса перепечатывала и другие наши очерки из «Правды», поэтому в корреспондентском пункте нашей газеты в Вашингтоне Бориса ожидал целый пакет писем-откликов от американцев, с которыми мы встречались и о которых писали.

Герой нашего очерка «Восьмая бочка» миллионер из Оклахомы Б. Дж. Эдди, о котором мы рассказали, как о хищнике и кровососе, почему-то был польщен нашим вниманием и прислал такое письмо: «Мне бы очень хотелось получить тот экземпляр «Правды», где был опубликован репортаж из Оклахомы. Это было бы достойным украшением моего альбома с газетными вырезками, где рассказывается обо мне и моем бизнесе».

Свое почти двухмесячное путешествие по Америке в

автомобиле мы заканчивали в Нью-Йорке. Позади остались пляжи Лос-Анджелеса, белые набережные Сан-Франциско, знойные пустыни Аризоны, кукурузные поля Среднего Запада, нефтяные вышки Оклахомы и Техаса. Позади остались сотни и сотни встреч с самыми разными людьми. А здесь, в Нью-Йорке, делать было уже нечего. Тут наши дороги расходились: Борис возвращался в Вашингтон, я должен был улетать в Москву. Ему оставалось написать письма друзьям, мне — купить сувениры и упаковать дорожный чемодан.

На это ушло не так уж много времени. После ужина в немецком ресторанчике, где подают пиво, сваренное в Мюнхене, и очень вкусные свиные ножки с капустой, Борис предложил поехать на Западную сторону.

— Хочется посмотреть знакомые места. Ты же знаешь, что до Вашингтона я работал в Нью-Йорке. Давай поедем хоть ненадолго.

На семьдесят девятой улице Борис остановил машину.

— Вот в этом старом двенадцатиэтажном доме мы и жили, — показал он. — Сейчас определим нашу машину в парк, а сами немного погуляем.

У автомобиля возник служитель-негр, открыл дверцу и вдруг, узнав, принялся дружески хлопать Стрельникова по спине:

— О, Бóрис, — сделал ударение на первом слоге, — где же ты пропадал? Мы тут, признаться, думали, что тебя упрятали в каталажку, ведь ты же из красных. Не так ли?

— Нет, дружище, Джордж, со мной ничего не случилось. Просто я теперь работаю в Вашингтоне. Ну, а как поживают жильцы нашего дома? — спросил Борис.

— Все на месте. И парикмахер Майкл, что вас брил, и механик Пэт, что чинит холодильники. Живут, стареют. У каждого свои дела. А вон еще один ваш знакомый. — Джордж показал на перекресток, куда выкатывал свою тележку уличный продавец сладостей.

— Добрый вечер, мистер Калитовский, — приветствовал продавца Стрельников, подходя к тележке.

Торговец прищурил свои подслеповатые глаза:

— А, мистер...

— Стрельников, — подсказал Борис.

— Да, да, мистер Стрельников! — обрадовался прода-

вец. — Но знаете, так вас и забыть можно. Ваши детки что-то давно не прибегают ко мне за шоколадом.

— Мы живем теперь в Вашингтоне. Да и потом дети выросли...

— Жаль, что дети растут, — не то в шутку, не то всерьез сказал Калитовский. — Я с них имел хороший доход.

— Ну, угостите нас своими конфетками, — сказал Борис, протягивая ему мелочь.

Я стоял рядом с Борисом и думал о том, что этот Средний Манхэттен, для меня кусок чужого и незнакомого города, стал для него чем-то своим, привычным и посвоему близким. Что и грустные старички на скамейках, и тихие старушки, прогуливающие на коротких поводках причесанных собачонок, и толстый негр-полицейский, разгоняющий на перекрестке неповоротливое автомобильное стадо, и служитель гаража Джордж, и продавец сладостей со славянской фамилией Калитовский — это живые люди, среди которых он жил и с которыми по-человечески подружился, а не просто герои его очерков. И еще я думал о том, что Стрельников так хорошо умеет писать о них, потому что он сам жил их тревогами и заботами. Ведь если под окнами старого серого дома в Нью-Йорке стреляют гангстеры, если молоко в «супермаркете» сегодня уже стоит дороже, чем вчера, если в Сентрал-парке подростки, одурманенные марихуаной, задушили школьницу, шедшую с уроков, то это тревожит не только механика Пэта, парикмахера Майкла и продавца сладостей Калитовского. Это самым прямым образом касается и семьи советского гражданина Стрельникова.

Нет, эта страна, где Борис прожил столько лет, не была для него просто очередным местом прохождения газетной службы. Он приехал сюда молодым, начинающим журналистом, а здесь, в Америке, стал одним из самых крупных журналистов-международников. Здесь, в Америке, он познакомился со своей будущей женой, Юлией Валентиновной, а в паспортах их дочери и сына в графе «место рождения» указано «Нью-Йорк»...

Главный итог работы Стрельникова в Соединенных Штатах заключался в том, что его перо партийного публициста было целиком и полностью отдано делу Коммунистической партии, последовательно и неуклонно претворяю-

щей в жизнь нашу миролюбивую ленинскую внешнюю политику. Борис ясно понимал свою высокую задачу: он пишет в «Правду», а «Правда», как центральный орган КПСС, оказывает огромное влияние на формирование мирового общественного мнения. «Правду» читают на всех континентах, ей верят, к ее голосу прислушиваются, ее ненавидят враги и любят друзья.

Конечно, кому, как не Стрельникову, было знать, что в Америке полным-полно господ, которые бредят атомными, водородными, нейтронными бомбами, крылатыми ракетами, стремятся развязать новую мировую войну, превратить города и страны в безжизненную пустыню, убить миллионы людей. И эти господа вовсе не запрятаны в психиатрические больницы. Они занимают видное положение в Белом доме, в Государственном департаменте, в Капитолии, в Пентагоне. Но Стрельников был твердо уверен, что планам мракобесов и человеконенавистников никогда не сбыться, будущее принадлежит не им.

Возьмите любой материал американского корреспондента «Правды». Он проникнут глубокими симпатиями и уважением к американскому народу, к его истории, культуре, традициям, к его трудовому гению, взметнувшему ввысь небоскребы, создавшему могучую индустрию, давшему миру выдающихся инженеров, ученых, поэтов. Это чувствовали советские люди, это видели сами американцы. Борис Стрельников постоянно искал и находил материалы, факты, документы прошлого и настоящего, которые сближали наши народы, подчеркивали общность интересов и стремлений, прокладывали пути к взаимопониманию и сотрудничеству.

Он был первым советским корреспондентом, рассказавшим о подвиге четырех советских солдат — Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Ивана Федотова и Анатолия Крючковского, которые в течение сорока девяти дней боролись со штормовым океаном и победили. Их мужеством, их верной солдатской дружбой восторгалась Америка.

Через несколько дней после того, как Борис Стрельников с невероятным трудом связался из Вашингтона через 12-ю военно-морскую базу в Окленде с радистом американского авианосца «Кирсардж», подобравшего в океане четырех наших солдат, он полетел в Сан-Франциско встречать советских героев. На берег их доставил военный вер-

толет, и Борнс увндел уставших, похудевших совсем молоденьких ребят, которые тем не менее держалнсь так. будто продолжалн быть в строю прн исполненнн своего воннского долга.

Борнс подружнлся с отважнымн ребятамн, жнл с ними вместе в маленьком отеле «Караван-Лодж». И все это время он выполнял роль пресс-центра прн отважной четверке. Он отвечал на беспрерывные звонки из редакций журналов н газет, разных городов Советского Союза н соцналнстнческнх стран, подробно рассказывал, как чувствуют себя ребята, по нх просьбе брал у Асхата Знганшнна и его товарищей нитервью, высылал фотографин. И в этом проявнлась еще одна достойная черта Борнса Стрельнникова. Он охотно делился со свонмн коллегамн-журналнстамн матерналамн, которымн располагал, всегда готов был помочь нм советом, опытом, знаниями.

В марте семьдесят четвертого года Стрельников полетел в Лос-Анджелес спецнально для того, чтобы увидеться с известным нейрохнрургом Уильямом Робертсоном. Вндный врач принял советского журналнста дома. Он полагал, что корреспондент заинтересовался его научной работой, темн сложнымн операцнями, которые он проводнл в клннике. Но Стрельнников сказал нейрохнрургу:

— Я хочу рассказать в «Правде» об офнцере разведки нз 1-го батальона 273-го полка 69-й пехотной дивизии 1-й амернканской армии.

— Как вы меня нашлн?—нзумился Робертсон.—Кто вам обо мне рассказал? Неужели лейтенант Сильвашко? Он жнв? Вы виделн его? Или майор Ларнонов? Капнтан Петров? Сержант Андреев?

Хозяин повел гостя в свой кабннет, снял со стены рамку. Под стеклом удостоверение: «Младшнй лейтенант Унльям Д. Робертсон прнказом по войскам 1-го Украннского фронта № 060 от 13 мая 1945 года награждается орденом Александра Невского. Орден № 27 357. Командующнй войсками 1-го Украннского фронта Маршал Советского Союза И. Конев».

А за что амернканский офнцер получил советскнй орден, Борис уже знал. Группа разведчнков младшего лейтенанта Робертсона 25 апреля сорок пятого года на Эльбе первой вышла к расположению наших войск. Это был исторнческнй момент, венчавшнй долгую, самую страшную в нсторнн человечества войну: союзннки соеднннлись!

Вечер был отдан воспоминаниям. Робертсон рассказывал, как он пошел в разведку, как встретил бегущих эсэсовцев, спасавшихся от русских, и как он, поднявшись на башню городского замка, стал размахивать самодельным американским флагом.

Свой очерк «На мосту через Эльбу» Стрельников закончил словами Уильяма Робертсона:

— Спроси меня сейчас всевышний: «Уильям, какой день из своей жизни ты хотел бы пережить снова?» — я бы ответил: «Тот, когда я обнял русского солдата на мосту через Эльбу».

Очерк был напечатан, но это было началом, а не концом большой работы. Целый год продолжался нелегкий журналистский поиск. Борис разыскивал адреса, делал запросы в официальные учреждения, обращался к частным лицам. К тридцатилетию Победы «Правда» поместила еще один очерк Стрельникова, «У них советские ордена». В нем рассказывалось о других участниках встречи на Эльбе, которых Борис нашел и с которыми увиделся. О командире отряда Альберте Коцебу, который в тот же памятный день 25 апреля встретился с воинами другой наступающей советской части, о бывших солдатах 1-й американской армии Фрэнке Хаффе, Поле Staубе, Эдварде Раффе...

В городе Ванкувере Стрельников побывал на аэродроме, на который много лет назад Валерий Чкалов посадил свою краснозвездную машину «АНТ-25», триумфально завершив вместе со своими товарищами Байдуковым и Беляковым беспримерный в истории авиации перелет через Северный полюс. В Ванкувере и Портлэнде отыскались десятки людей, которые видели, как садилась советская стальная птица, встречали русских летчиков и до сих пор хранят подаренные ими сувениры. Об этих встречах рассказала «Правда». Она привела слова юриста Роберта Нила, мальчишкой увидевшего героев-летчиков:

— Мы были бы счастливы, если бы сюда, к реке Колумбия, из Москвы (если бы через полюс!) прилетел большой самолет и в нем желанные гости: участники легендарного перелета.

И этот перелет, как знают наши читатели, состоялся...

За свою газетную работу корреспонеднт «Правды» Борис Стрельников удостоен высшего советского ордена —

ордена Ленина. Он лауреат премии имени В. В. Воровского, которую учредил Союз журналистов СССР за лучшие работы в области международной публицистики. И была у Бориса еще одна награда — это уважение и признательность читателей, которые в пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годах постоянно искали его американские очерки и репортажи. Борис глубоко и всеобъемлюще знал страну, в которой работал, и мог рассказать о ней увлекательно, правдиво, образно. Для многих людей он был самым авторитетным и любимым журналистом, хотя рядом с ним работали такие блестящие газетчики, как Генрих Боровик, Станислав Кондрашов, Мэлор Стуруа. И совсем не случайно, что американская тема занимает главное и основное место в его литературном наследии.

Борис Стрельников написал много книг, и все они, кроме самой первой, вьетнамской, были посвящены Америке и американцам: «Как вы там, в Америке?», «Нью-йоркские вечера», «Вдали от небоскребов», «Путешествие будет опасным», «Кто стрелял в шерифа?», «Юля, Вася и президент», «Тысяча миль в поисках души», «Всем сердцем верю...», написанная в соавторстве с В. Песковым «Земля за океаном», а также «Америка — справа и слева», о которой я уже говорил.

А ведь Борис, начиная свой путь на международной стезе, не имел специального образования, ни Института международных отношений, ни Высшей дипломатической школы он не кончал, да и языка до поездки в США не знал. Как бы сложилась его журналистская судьба, если бы в государственную комиссию, распределявшую выпускников газетного отделения Центральной комсомольской школы, не пришла бы заявка из пресс-бюро Антифашистского комитета советской молодежи, о существовании которого Борис, по-моему, даже не подозревал?

Не сомневаюсь, что в любой другой литературной редакции талант Бориса проявился бы с тем же блеском. Он обладал аналитическим мышлением экономического обозревателя, художественным видением очеркиста, оперативностью репортера, взыскательным вкусом литературного критика, тонким природным юмором и острым взглядом фельетониста. Вот почему у Бориса был целый ряд преимуществ перед другими товарищами, работающими в горячем международном цехе. Не секрет, что у нас есть и такие международники, которые годами пишут о даль-

них странах и континентах, но так и не написали ни слова на внутренние темы. Все это никоим образом не может быть отнесено к Борису Стрельникову. Каждый раз, появляясь в Москве, он использовал любую возможность, чтобы поездить по нашей стране. Вот адреса его творческих маршрутов: подмосковные Дубна и Обнинск, Саяно-Шушенская ГЭС, Армения, Украина, Беловежская Пуща, Грузия, Азербайджан, полуостров Таймыр, узбекские города Навои, Бухара, Самарканд, Ташкент...

Из каждой такой поездки Борис приезжал радостный, одухотворенный, познавший то, чего не знал раньше, увидевший то, чего еще не видел. Он привозил великолепные очерки о людях, преобразующих советскую землю. У нашего товарища было неоспоримое преимущество перед нами, журналистами из внутренних отделов «Правды», которое придавало его материалам масштабность, значительность и наглядность. Хорошо зная пресловутый западный образ жизни, Борис мог сравнивать и сопоставлять. Советскую школу и американскую, жизнь донецких шахтеров и жизнь горняков Аппалачей, Советский Север и американскую Аляску. И очерки Бориса Стрельникова показывали на убедительных фактах и примерах: у нас лучше, чем у них, правдивее, честнее, справедливее... И быть может, больше всех радовался этому сам Борис, коммунист, гражданин, воин...

Я помню, что еще в Центральную комсомольскую школу Борис приехал с рукописями своих военных рассказов. Он читал их в нашем литературном объединении. Особенно впечатлил рассказ о раненом танкисте, которого пехотинцы вытаскивали из горящей машины. Я понял, что Борис писал о своих товарищах, когда спустя несколько дней увидел у него фотографию мальчишки в танковом шлемофоне с усталым, исхудавшим лицом и насмешливым взглядом...

Ни одного из своих ранних рассказов Борис так и не напечатал, возможно, считал, что они не дотягивали до принятых в журналах кондиций.

С годами его мысли все чаще обращались к дням войны.

Осенью 1978 года Борис несколько раз ездил в Подольск, собирал материалы о 516-м Отдельном огнеметном танковом батальоне, в котором он служил башенным

стрелком танка. А потом побывал на тихом берегу реки Миус, где некогда проходила линия легендарного «Миусфронта» и шли жестокие бои. Борис вспоминал, что был в штабном автобусе, когда офицер связи привез приказ о начале наступления. «С предвидением встречного боя»,—говорилось в приказе.

Свой очерк Борис так и озаглавил: «С предвидением встречного боя». Он заканчивался такими волнующими словами: «...Весело-Вознесенку—красивое, хлебосольное, героическое село, которое после войны снилось мне так же часто, как и тот подмосковный лес, где формировался наш батальон, я узнал и не узнал. Но дрогнуло и гулко застучало сердце, когда до слуха донеслось воркование горлицы... И странный вихрь чувств обрушился на меня, подхватил и понес в прошлое, чтобы снова изведал я боль утрат, горькую печаль и пронзительную радость тех далеких дней».

Это был последний очерк, который напечатал Борис Стрельников перед своим отъездом в Англию...

Хотел ли того Борис или нет, но этими строгими словами заголовка, взятого из фронтового приказа, он очень точно определил свою твердую жизненную позицию, свое высокое гражданское назначение. И в восемнадцать, когда глядел в прицел танкового пулемета, и в пятьдесят семь, когда сжимал в руках перо пламенного партийного журналиста. Борис всегда был на переднем крае, готовый к встречному бою...

Солдат войны, Борис Стрельников, получивший высшую награду Родины—орден Ленина—за мирный труд.

1983

СТЕПАН ОЛЕЙНИК

Мое знакомство со Степаном Ивановичем Олейником началось давно, но первые десять лет было заочным. Началось это знакомство, как и у очень многих, с газетной страницы. Когда-то давным-давно я взял в руки све-

жий номер «Правды» и увидел стихотворный фельетон «Незаменимый Мацепура», подписанный его именем:

Один сердобольный предрайисполкома
По случаю нам неизвестно какому
Зачислил когда-то Грицка Мацепуру
В так называемую «номенклатуру».

В районе товарищ номенклатурный
Возглавил сперва комитет физкультурный...

Этот Мацепура очень скоро развалил работу, но, поскольку уже попал в номенклатурный ряд, его так просто снять не решились, а послали возглавлять инкубатор. Тут повторилась та же история. И хотя Мацепура был уличен не только в бездеятельности, но и в растрате, его, как номенклатурного работника, назначили директором промкомбината...

Концовка фельетона запомнилась мне наизусть:

А завтра опять по широкой равнине
Везет Мацепуру в районной машине
Доверчивый сват, проявляя заботу,
Сосватать Грицка на другую работу.

Друзья! Возникает тревожный вопрос:
Не к вам ли тот сват Мацепуру повез?

Вечером я еще раз сел перечитывать фельетон. Мне хотелось понять, как это удалось поэту в считанных строчках создать вполне законченное, остающееся надолго в памяти литературное произведение? А главное, как сумел автор разглядеть возникающее в жизни уродливое явление и написать о том, о чем еще не писали не только в стихах, но даже в деловой газетной корреспонденции?

Эти же вопросы пришли мне снова на ум, когда много лет спустя, приехав в Киев, я оказался гостем Степана Ивановича. Через отдел фельетонов «Правды», в котором я уже работал, прошел не один десяток фельетонов Олейника, и все они поражали меня новизной темы, глубокими наблюдениями, тонким пониманием психологии каждого из героев.

Мы сидели за столом, который гостеприимная хозяйка Клавдия Ивановна украсила разноцветьем украинских блюд, и вели неторопливую беседу. Напротив окон квартиры Олейников угадывались контуры трибун крупнейшего

на Украине республиканского стадиона, рядом — буквально в двух шагах от подъезда — красовались громады Крещатика, на улице бурлил людской водоворот, на крышах домов в вечереющем небе начиналась пляска электрических реклам. И я думал о том, как же удается этому немолодому уже поэту, живущему в самом центре Киева, поднимать в своих произведениях глубинные пласты народной жизни, знать со всей полнотою о том, что происходит сейчас на далекой колхозной ферме, на стройке оросительного канала, на делянках закарпатских лесорубов, в шахтах Донбасса, в садах под Мелитополем...

Я спросил об этом своего собеседника, Степан Иванович сказал что-то такое неопределенное, отшутился...

Ответ на свой вопрос я отыскал потом в суровом и честном стихотворении Олейника, в котором он выразил свои взгляды на поэтическое творчество, на гражданское назначение поэта:

Когда ты видел лишь на блюде
Колхозный хлеб и виноград,
Когда ты ходишь «в жизнь» и «в люди» —
В пять-шесть редакций и назад,
Когда ты ищешь в кабинете
Успехов творческих «секрет» —
Нигде и никому на свете
Не говори, что ты поэт...

А вот Степан Иванович имел полное моральное право сказать, что он поэт. Олейник родился в крестьянской семье в селе Пасиселы Балтского района Одесской области в 1908 году. Ходил в сельскую школу, которая тогда называлась «Земское народное училище». Уже после революции он поступил в кооперативный техникум. Но ни кооператора, ни финансиста из Олейника не получилось: у юноши рано проснулось призвание к литературному творчеству. Он окончил Одесский педагогический институт, где получил специальность преподавателя русского и украинского языков и литературы.

Еще до окончания вуза Степан Иванович начал печатать стихи, очерки, фельетоны, рассказы в областной газете «Черноморская коммуна», в других газетах и журналах.

Но недолго тогда оставалось еще быть мирным дням. Началась война. Длинные военные дороги привели укра-

инского поэта в осажденный Сталинград. Он пишет стихи, очерки, зарисовки с поля боя, публикует их в «Сталинградской правде». Как корреспондент этой газеты бывает в стрелковых окопах, в полуразрушенных домах, превращенных в долговременные узлы сопротивления, на укрытых в земле артиллерийских батареях—и рядом со своими земляками видит ребят из Москвы и Свердловска, Иркутска и Воронежа, Ташкента и Алма-Аты, Гомеля и Тбилиси. Он пишет о бойцах и для бойцов на русском языке, воспевает в своих стихах великую всепобеждающую дружбу советских народов. И сейчас, спустя много лет после войны, невозможно без душевного волнения читать стихи Степана Ивановича Олейника из Сталинградского цикла. Они наполнены пафосом героической борьбы, в них созданы незабываемые образы беззаветных защитников волжской твердыни, в них—непобедимый, набирающий новые силы город-герой.

Израненный в битве кровавой,
Встаешь ты над пеплом руин,
Овеян солдатскою славой,
Как витязь народных былин.

Измучен, изрыт блиндажами,
Но трижды любим и такой —
Ты будешь расти этажами
Над русской привольной рекой.

Где ныне воронки и камень,
Воздвигнем заводы опять,
Ты будешь, как прежде, гудками
Рассветы над Волгой встречать.

После окончания войны Степана Ивановича приглашают на работу в газету «Колхозник Украины», он переезжает в Киев. Вскоре становится членом редколлегии украинского сатирического журнала «Перец». К поэту приходит широкая известность. Теперь его знают не только украинские читатели. Его стихи, поэмы, фельетоны переводят на русский язык, на языки других народов нашей страны. За книгу стихов «Наши знакомые» поэт был удостоен Государственной премии. В 1958 году, в день своего пятидесятилетия, С. И. Олейник получил высшую награду Родины—орден Ленина.

Конечно, широкий читатель знает Степана Ивановича прежде всего как автора острых стихотворных фельетонов.

Но сатира — только одна сторона многогранного творчества замечательного советского поэта. Обратимся к его стихам «Здоровеньки булы!», «Шахтерская звездочка», «Рассказ звеньевой», «На слете», «Хорошо на высоте!». С каким пафосом, с какой теплотой он пишет о работе шахтеров, строителей, колхозных механизаторов; о тех, кто строит электростанции, возводит заводы и города, украшает родную землю садами!

Многообразно и объемно литературное хозяйство Степана Ивановича. Давид Иосифович Заславский, например, считал Олейника выдающимся лирическим поэтом. «Олейник влюблен в красоту своей страны, своего народа, — отмечал Заславский. — Его глаза светятся теплой улыбкой, когда он пишет о родине. Его лирическая взволнованность передается читателю сквозь ткань перевода. Стихи его музыкальны, как песни... Особенности песенного слова Олейника в его простоте, в народности. Эта простота связана с лучшими традициями украинской классической поэзии, с традициями украинской лирики...»

Таким же лиричным предстает Степан Иванович Олейник со страниц прозаического произведения «Из книги жизни». Тихо, неторопливо, как бы находясь наедине с другом, ведет писатель задушевную беседу. Далекие годы детства, юность, пленительная красота родной украинской природы, воспоминания о людях, которые оставили добрый след в памяти поэта...

Много разных, не похожих друг на друга книг написал Степан Иванович Олейник, и все они полюбились читателям. Но самой последней прижизненной книгой Олейника, вышедшей в Москве, стал сборник «Такие, стало быть, дела!», в котором собраны произведения, в разные годы опубликованные в «Правде». Давнишняя дружба связывала большого украинского писателя с крупнейшей газетой нашей страны. Десятки и сотни писем приходили из разных городов и сел в «Правду» на имя Олейника: читатели считали его специальным корреспондентом нашей газеты. Да и мы, правдисты, считали Степана Ивановича членом нашего редакционного коллектива, хотя формально в штате редакции он не работал ни одного дня. Олейник всегда был в пути: поэт-журналист, поэт-воин, он в любой день готов был выехать в срочную командировку, прямо в номер передать публицистические стихи, памфлет, фельетон. Именно на страницах «Правды» раскрылся светлый

поэтический талант Степана Олейника. Написанные специально для «Правды», многие произведения поэта шагнули затем с газетных страниц в книги, на эстраду, в кино, начав свою новую и долгую жизнь в литературе и искусстве. Особенно большой успех выпал на долю экранизированного режиссером Л. Гайдаем правдинского фельетона «Пес Барбос и необычный кросс». В этой ленте впервые дебютировало ставшее затем знаменитым комическое трио — артисты Г. Вицин, Ю. Никулин, Б. Моргунов.

Степан Иванович любил «Правду», он посвятил ей прекрасные стихи:

Газеты... Немало их в мире!
Но «Правда» на свете — одна.
С полос ее веет все шире
Двадцатого века весна.

Под силу ей светлое слово
Без устали людям нести —
У «Правды» ведь нет выходного,
Она ежечасно в пути!

Не так давно в нашем сатирическом кругу отмечалась знаменательная для нас дата: «Правда» напечатала сотый фельетон Степана Ивановича. Горячо поздравляя замечательного поэта, мы верили, что наш специальный поэтический корреспондент еще порадует читателей и своим стопятидесятым и двухсотым фельетоном... Увы, время остановило этот недосчитанный счет...

1983

АЛЕКСАНДР СУКОНЦЕВ

Лет двадцать пять назад в двухкомплектном отделе фельетонов «Комсомольской правды» работало три фельетониста: Суконцев, Шатуновский и Суконцев-Шатуновский. Этот третий фельетонист напечатал без малого пятьдесят фельетонов, в том числе и такие, которые потом вошли во многие сатирические сборники и отдельные

кннгн: «Чародей без паспорта», «Тревога на мнноносце», «Венец страдальца», «Хрнстос в командировке», «Станнслав на шее», «Фрзнк Солдаткнн—местный чужеземец», «Любовь и шесть носовых платков».

Параллельно с третьим фельетоннстом актнвно печатались н первый и второй: мы с Александром ннкогда не обобществлялн полностью своего лнтературного хозяйства, как зто сделалн, напрнмер, в других газетах нашн старшне товарнщи С. н Е. Шатровы нлн братья Тур.

У нас потом часто спрашнвалн:

— Чем объяснить, что в одннх случаях вы пншете вместе, а в других порознь?

Ответнть н просто н сложно. Почему порознь? Да потому, что у каждого нз нас былн свои лнчные планы, задумки, наблюдення, вынашнваемые годами темы. Почему вместе? Ну, а что же тут уднвнтельного? Соавторство в журналистнке—вещь не такая уж редкая, тем более что под сатирнческнмн произведениямн две подписн увндншь чаще, чем под всемн другимн. Возможно, зто объясняется тем, что фельетон—особый жанр, наиболее сложный н трудоемкий.

Дело в том, что для создания газетного фельетона объемом в пять-шесть страннчек на машннке требуется довольно много всякого стронтельного матернала н подсобных средств: арматуры логнческнх рассуждений, взрывчаткн острот, жемчужных бусннок афорнзмов, железобетонных плнт для утверждения авторской познцнн, а также определенное колнчество прочно сплетенных звеньев страховочной акробатической сетки. Нетрудно подсчитать, что всего этого в одной голове умещается примерно в два раза меньше, чем в двух.

Я не открою новой нстнны, еслн добавлю, что вдвоем работается всегда веселее, кроете ли вы крышу шнфером, пнлите лн дрова нлн копаете огород. То же самое и писать фельетон. Прн работе над фельетоном к тому же пронсходит постоянная корректировка, взанмный контроль: один прндумывает начало, другой сразу же его бракует, предлагает свой варнант, и он тут же попадает под крнтнческнй огонь соавтора. Фельетоннст-одниочка может увлечься звонкой фразой, отклонnться от основной сюжетной лннии, пустнться в ненужные рассуждення. Соавторам может тоже изменнть вкус, но зто случнтся в два ра-

за реже, чем с каждым из отдельно взятых фельетонистов...

В те давние времена отдел фельетонов «Комсомолки» размещался в маленькой комнатке, наши столы упирались крышками друг в друга, а сбоку на тумбочке стоял один телефон на двоих, и когда раздавался звонок, то мы оба тянулись к трубке.

Звонков было много, а посетителей еще больше. Тогда еще в редакциях не существовало пропускной системы, любой мог прийти прямо с улицы без предварительной договоренности и предупреждений. Просто человек просовывал голову в комнату и спрашивал:

— К вам можно?

А то и не спрашивая вовсе, открывал дверь и входил.

Посетители шли к нам с утра и до вечера, как в дежурный пункт неотложной помощи. Отец, не знающий, как направить на путь истинный бездельника-сына. Невеста, покинутая своим возлюбленным за день до объявленной свадьбы. Женщина, воспитавшая без мужа трех детей, которые вместо благодарности отсудили у нее на старости лет полдома. Обращались за помощью молодые изобретатели, поэты, учителя, комсомольские работники, спортсмены. Являлись пострадавшие от администраторов-самодуров, приходили разоблачители взяточников, самоснабженцев, рутинеров, бюрократов, зажимщиков критики...

За нашими плечами еще не было тысячи напечатанных фельетонов, когда по многим проблемам уже высказано все, что думалось, что годами наболело, накипело на сердце, согласитесь, что десятый фельетон о том же бюрократе написать в десять раз труднее, чем первый. Тогда мы только начинали свою газетную жизнь и чувствовали себя чуть ли не первооткрывателями. Каждая тема была для нас внове, глубоко захватывала, казалась необычайно важной, не терпящей отлагательства.

— Как можно прощать жестокосердие, алчность! — возмущался один из нас после визита очередного посетителя.

— Никак нельзя, — соглашался другой, и мы принимались за дело: созванивались с организациями, ездили в комсомольские комитеты, и, собрав материал, тут же садились за письменный стол. Обговаривали сюжетную нить, придумывали заголовок, а потом кто-то из нас про-

износил первую фразу. Другой чаще всего ее отвергал. Так, обсуждая каждое слово и каждую строчку, писали весь фельетон. Лишь буквально в нескольких случаях, когда у нас в руках был горящий материал и ощущался крайний дефицит времени, мы делились, один делал начало, другой конец. Закончив писать, стыковывали куски, и всякий раз получалось в общем-то гладко: долгое творческое содружество вырабатывало единый стиль.

Постепенно читатели заметили наши совместные материалы и стали присылать письма, адресованные нам обоим. Да и ответственный секретарь редакции Григорий Максимович Ошеверов иной раз приглашал нас вместе и говорил:

— Вот, друзья, появилась такая тема. В Москву приезжают тысячи толкачей, выбивают наряды на экскаваторы и станки, на шурупы и гвозди. Расходуются огромные деньги, время, люди подолгу отвлекаются от своих дел. Разберитесь, в чем причина такого явления, докопайтесь до сути. Походите по приемным, по отделам сбыта предприятий, по снабженческим базам, поговорите с толкачами.

С утра распределив объекты, мы отправлялись по министерствам, заглядывали в гостиницы, на телеграф, разыскивая толкачей. Потом прибегали в редакцию и до позднего вечера писали. А назавтра к нам стучался очередной посетитель.

— Вот приехал издалека. Мне нужна помощь. Уволили ни за что с работы. Четвертый месяц ищу правды. На вас вся надежда. К кому тут можно обратиться?

— Садитесь, рассказывайте. Мы оба слушаем вас...

Конечно, было бы неправильно искать истоки нашего соавторства в совместном пользовании одним телефоном, в соседстве рабочих столов, в общности кабинетной площади. Иные просидят в одном редакционном кабинете десятки лет, да так и не напишут вместе ни единой строки. Ну, а если говорить о нашей общности, то надо прежде всего иметь в виду общность наших убеждений, общность комсомольской юности, общность людей, которые в восемнадцать лет надели армейские шинели.

Работая вместе, мы часто, быть может, чаще, чем того хотелось, спорили. Одному заголовок казался выразительным, емким, другому—вялым, не отражающим сути. Один считал, что последний абзац растянут, другой был убежден, что мы заканчиваем фельетон скороговоркой. Что

было, то было. Но мы никогда не расходились в оценке явлений, поступков людей. Человек, обижающий слабых, нам обоим казался мерзавцем, тунеядец — врагом общества, а руководящий бюрократ — носителем социального зла высшей вредности. Мы были единомышленниками, когда писали и первый и пятидесятый фельетон. К слову говоря, свой первый и, пожалуй, самый лучший фельетон мы написали, когда я работал в центральном аппарате редакции, а Александр жил в Саратове.

К тому времени мы уже были знакомы года три, хотя, конечно, не помышляли, что наши творческие пути когда-нибудь сойдутся. А познакомились мы так. В один прекрасный день я услышал, что в отделе сельской молодежи появился новичок. Молодежи тогда в редакции было не очень много. Несколько выпускников Центральной комсомольской школы — я, Борис Стрельников, Анатолий Марьясов, Юлий Фалатов да демобилизованный из военноморского флота Владимир Чачин — вот и все.

Заглянув в отдел сельской молодежи, мы увидели невысокого плотного паренька с большими улыбчатыми глазами и высоким лбом. Это и был Александр Суконцев. Разговорились. Оказалось, что он пока еще не новичок, а, так сказать, кандидат в новички. Кто-то из руководителей «Комсомолки» заприметил интересные выступления по вопросам комсомольской жизни в саратовской областной молодежной газете и решил пригласить автора для знакомства. Теперь редколлегия хочет послать в командировку, посмотреть, на что он способен.

Вечером в клубе «Правды» показывали американскую картину «Сестра его дворецкого» со знаменитой Диной Дурбин в главной роли. Пошли все вместе в кино, вернулись после сеанса доделывать дела в редакцию (тогда газета работала с двух часов дня до одиннадцати вечера).

— А у меня был тоже свой дворецкий, — сообщил по дороге Александр.

— Ты графского сословия? — шутливо спросил Юлий Фалатов.

— Нет, почему же, — улыбнулся Суконцев. — Сословия я самого распространенного, крестьянского. Просто у меня во взводе служил сержант Иван Дворецкий. Был он уже в годах, лет сорока пяти, по-отечески заботился обо мне, мальчишке. Как-то мы с ним вели линию к новому НП комдива. В сосновом бору наткнулись на домик лес-

ника. Решили зайти погреться. Открыли двери, а там за столом немцы сидят, водку хлещут. Даже часового не выставили, думали, никого вокруг нет. Уставились на нас, глазам своим не верят. Я тоже от неожиданности растерялся, а Дворецкий как чесанет из автомата...

— Значит, фронтовичок? — спросил уважительно Володя Чачин.

— Выходит, что так, — опять улыбнулся Александр.

В армию ушел со школьной парты. Окончил Ульяновское училище связи. Начал воевать в сорок третьем в Смоленской области. Вместе с сержантом Дворецким и солдатами-связистами дотянул кабель аж до самого Кенигсберга. Участвовал в штурме этой фашистской цитадели, подорвался на мине, отмечен боевыми наградами. Служил до сорок седьмого года. Демобилизовавшись, поступил на филфак Саратовского государственного университета имени Чернышевского. Но вскоре по материальным обстоятельствам с очного отделения пришлось уйти. Время то было трудное, послевоенное. Отец, Алексей Григорьевич, солдат первой мировой войны, раненный и отравленный газами, плохо себя чувствовал, работать мог вполсилы, мать, Анна Семеновна, часто хворала, младшая сестренка Маня заканчивала педучилище, кто-то же должен был в семье работать. Александр перевелся в заочники и поступил в молодежную газету...

— Вопросов больше не имеем, — сказал Чачин. — Понятно, что ты, Сашка, наш человек. Конечно, справишься с заданием и будешь у нас работать. Смешно, чтоб, имея за плечами такую превосходную биографию, не справился...

Александр поехал в командировку, подготовил авторскую статью, написал хороший очерк, и вопрос о его работе был решен ЦК ВЛКСМ утвердил его собственным корреспондентом «Комсомольской правды» по Молдавской ССР. Обещали, что, как только освободится пункт в Саратове, его переведут туда.

На новом месте Александр начал неплохо. Передавал много материала, бурно печатался, на летучках его хвалили. Однажды на последней странице газеты я увидел фельетон, который назывался «Клетчатый пингвин». В нем говорилось о тренере, который порхал из общества в общество, пьянствовал, дурно влиял на юных спортсменов.

Под фельетоном стояла подпись: «А. Суконцев». «Неужели наш Сашка написал фельетон?» — искренне изумился я.

В ту пору фельетонов я не писал, считал (и дальнейшее показало мне, что я не ошибался), что фельетон сделать куда труднее, чем корреспонденцию, передовую, пропагандистскую статью, которыми тогда занимался. Наш единственный редакционный фельетонист Семен Давыдович Нариньяни казался мне звездой самой первой величины. И не только мне. В конце сороковых — начале пятидесятых годов Нариньяни пользовался огромной популярностью у читателей «Комсомолки». Выход каждого из его фельетонов был событием. Их обсуждали на комсомольских собраниях, по фельетонам проводились дискуссии в клубах, устраивались читательские конференции. Я сам тогда еще не вышел из комсомольского возраста, и фельетоны Нариньяни, написанные на жгучую молодежную проблематику о любви и подлости, о верности и коварстве, о долге и бесчестье, волновали меня так же искренне и глубоко, как и других моих сверстников.

Иногда секретарша Нариньяни Надюша обегала комнаты и кабинеты:

— Семен Давыдович сейчас будет читать свой новый фельетон. Просил зайти, кто свободен.

Стоит ли говорить, что на тот случай все мы оказывались свободными. Вместе с другими новобранцами «Комсомолки» Чачиным, Стрельниковым, Фалатовым, Марьясовым я был первослушателем «Растиньяка из Таганрога», «Диамары» и других фельетонов Нариньяни, сразу же становившихся хрестоматийными. Что говорить, для нас Семен Давыдович был журналист-легенда. Мы знали, что он выпускал самый первый номер «Комсомолки» в мае двадцать пятого года, был ее корреспондентом на строительстве Сталинградского тракторного, на Магнитке, прошел долгий путь от начинающего бегунка-репортера до известнейшего фельетониста, достиг самой вершины мастерства.

А тут наш товарищ Сашка Суконцев, меньше нас работавший в газете, отважился написать фельетон, сделал первый шаг, приближаясь к самому Нариньяни!

За первым шагом последовали и другие. Тут же появились фельетоны нашего молдавского корреспондента: «Талисман Тиссы» — о ленивой студентке и белоручке, «Своевольник» — о руководящем хозяйственнике, попи-

рающем трудовые права молодежи, «Радетель» — о директоре детского дома, человеке необычайно черством и грубом...

Тем временем ЦК ВЛКСМ утвердил новые штаты «Комсомолки», предусмотрев в них отдел фельетонов. Заведующим вновь созданного отдела, естественно, стал Семен Давыдович (раньше он числился фельетонистом при секретариате). Ну, а кого он возьмет литсотрудником? Выбор Нариньяни остановился на Суконцеве. Редколлегия не возражала: в ту пору Александр по праву уже считался вторым фельетонистом «Комсомолки».

Можно было теперь только позавидовать Суконцеву: работает рядом с самим Нариньяни, принимает вместе с ним посетителей, по рукописям Александра проходится пером мастера наш выдающийся журналист! Но и Семен Давыдович не ошибся в своем выборе. Александр оказался способным учеником, быстро осваивающим сложные премудрости жанра, ищущим, острым, инициативным работником. От фельетона к фельетону крепла его рука, углублялась тематика, частности уступали место явлению, образы сатирических героев выписывались выпуклее, отчетливее, палитра красок становилась разнообразнее, шире. Такие фельетоны, как «Любовь с условием», «Фарфоровый орел», «Дремлющее око», «Тетя Даша», «Ревность плюс вермут», «Кулик на болоте», «Философ в секрете», вызывали потоки читательских писем.

Особенно здорово был написан фельетон «Чадо и домочадцы», который Александр привез из командировки в Гурьев. Великовозрастный балбес женился на скромной, хорошей девушке. Молодая родителям балбеса не понравилась: из бедной семьи, никакого приданого. Стали подбивать сына на скандалы, на драки. Месяцы, проведенные в доме свекра, были для молодой женщины адом. А когда она готовилась стать матерью, в родильный дом не проводили, из родильного дома не встретили. Невестка с ребенком на попутной машине добирается до дому, а свекор со свекровью ее не пускают на порог. За те дни, пока она пробыла в больнице, родители балбеса подобрали ему новую партию...

Фельетон был написан живо, остро, эмоционально, и если под ним не стояла другая подпись, можно было бы подумать, что его написал сам Нариньяни.

Прочитав материал, я поспешил в отдел фельетонов, чтобы поздравить автора, но, переступив порог, увидел, что на Александре лица нет.

— Ты что, заболел? — испугался я.

— Да нет, хуже,— он протянул мне телеграмму, она пришла из Гурьева. Я пробежал текст: «Мы, честные советские труженики, оклеветанные неким фельетонистом Суконцевым...» Телеграмма была послана в два адреса: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Копия: ЦК ВЛКСМ.»

Статьи, которые я писал, опровергать никто не собирался, с жалобами, направленными к тому же в столь высокие инстанции, сталкиваться мне не приходилось, поэтому спросил:

— Что же теперь будет?

— Не знаю. Сегодня вылетает в Гурьев член редколлегии Любовь Михайловна Иванова. По результатам ее проверки главный редактор будет докладывать в ЦК.

— А как относится ко всему этому Семен Давыдович?

— Волнуется. Все-таки он отвечает за отдел. Но мне верит. Я прав. Все, что написано, правда. Но сам понимаешь...

Можно было понять состояние нашего товарища, пока в далеком Гурьеве Любовь Михайловна разбиралась в этой истории. Но все закончилось справедливо. Проверка, проведенная на месте обкомом комсомола и представителем редакции, подтвердила правоту позиции фельетониста. Отца балбеса, директора одного из гурьевских предприятий, горком КП Казахстана исключил из партии. Молодой матери выделили комнату. А телеграмма с пугающим адресом: «Москва, Кремль, товарищу Сталину» до сих пор хранится в личном архиве фельетониста.

Вскоре после этого случая Александр остался в отделе один. Семена Давыдовича Нариньяни пригласили в «Правду», где он возглавил отдел фельетонов, сменив Ивана Афанасьевича Рябова. А через полгода дальнейшая судьба фельетона в «Комсомолке» вообще стала проблематичной: Александр тоже уходил из отдела. Надо сказать, что все это время Саша жил в загородном общежитии Центральной комсомольской школы. Ему обещали при первой возможности дать комнату (о квартире по тогдашним условиям нельзя было и мечтать). А такой возможности все не появлялось. Вдруг Саша узнал, что саратовского кор-

респондента Веру Савельеву переводят в Ленинград, место освобождается.

— Ходил к главному редактору,—рассказал мне Александр.—Объяснил свое положение. На две семьи жить просто невозможно: я здесь в общежитии, Нина и Димка—у стариков в Саратове. Поеду домой, займу квартиру Савельевой, наконец хоть обрету свою жилплощадь. Дмитрий Петрович сожалеет, но чем он может сейчас помочь? Сказал, что как только у редакции что-нибудь появится, меня вернут в отдел.

Сукондева утвердили корреспондентом «Комсомолки» по Саратовской, Тамбовской и существовавшей тогда Балашовской областям. Мы провожали его на вокзал. Проводы были не очень веселыми...

Я уже говорил, что наш первый совместный фельетон был написан, когда мы жили в разных городах. Незадолго до того я стал заведующим отделом фельетонов, целиком доверившись уверенности Дмитрия Петровича Горюнова, что из меня получится фельетонист.

Как-то Семен Давыдович Нариньяни, раздосадованный тем, что у него в «Правде» из полосы сняли фельетон, в сердцах бросил в разговоре:

— Когда газете фельетоны не очень требуются, на страницы даже самому Давиду Иосифовичу Заславскому не пробиться. Ну, а если редактор любит этот жанр, то за перо берутся даже курьеры. Святое место на полосе долго пустовать не будет...

«Комсомолка» нуждалась в фельетонах, читатель к ним давно привык, а фельетонистов не осталось. Правда, писать фельетоны начали не курьеры, а репортеры. Тогда я заведовал отделом информации, мы делали воскресные полосы новостей, неотъемлемой частью которых были заметки «Из зала суда». Собирая материал для этих заметок, я и наш репортер Борис Протопопов частенько ходили в Мосгорсуд и однажды столкнулись с необычным для нас делом.

Судили скромного счетовода из захудалой конторы типа «Пух-перо». А на черном рынке скромняга-счетовод был известен под кличкой «Сенька-Нос» и ворочал миллионами. «Сенька-Нос» был первым подпольным миллионером, которого мы видели, что называется, «живьем». История с миллионами, запаянными в молочные фляги, настолько

нас впечатлила, что вместо заметки «Из зала суда» мы написали фельетон, который назвали «Процесс о трех миллионах». Он наделал много шума, вызвал отклики.

Потом мы подготовили еще один фельетон, другой, третий, и все же предложение Дмитрия Петровича возглавить новый отдел застало меня врасплох. Все-таки мои фельетоны были написаны между основным делом, они мне, признаться, не очень нравились и никаким фельетонистом себя я не мнил. Мне казалось, что я нашел себя в очерке, в репортаже, бóльшую часть времени пропадал на крупнейших стройках послевоенных пятилеток: в котлованах Сталинградской и Цимлянской ГЭС, на трассе Волго-Донского судоходного канала. Но я слишком уважал Дмитрия Петровича, чтоб отказаться от его совета:

— Переходи в этот отдел, ты будешь неплохим фельетонистом, поверь мне.

Моя дальнейшая газетная судьба была решена, и как теперь уже видно, окончательно...

На первых порах Дмитрий Петрович уделял много внимания вновь воссозданному отделу, подсказывал темы, а самое главное, защищал фельетоны от наскоков опровергателей, перестраховщиков и ханжей.

Однажды главный редактор вызвал меня в свой кабинет и сказал:

— Вот Суконцев прислал мне письмо...

В письме шла речь об известном писателе, переселившемся несколько лет назад из Москвы в родные места на Тамбовщину. Писатель был именитый: четырежды лауреат Государственной премии, автор многих книг, пьес, киносценариев, статей, очерков, обозрений. Свой переезд в тамбовское село он объяснил тем, что хочет быть поближе к героям своих будущих книг, жить их думами и заботами. Но странное дело, вскоре герои не написанных пока книг стали жаловаться на невесть откуда свалившегося на их головы земляка, обвиняя его в чванливости, высокомерии, зазнайстве. Суконцев выезжал на Тамбовщину, кое с кем поговорил, узнал, что писатель успел перессориться с руководителями колхоза, с сельсоветом, конфликтует с комсомольцами...

— Словом, в этом деле надо еще как следует разобраться, — сказал мне Горюнов, передавая письмо. — Правда, сам Суконцев просит прислать на подмогу видного литератора. Но вряд ли кто-либо из членов Союза писателей

согласится вступить в открытый конфликт с одним из руководителей правления. А вам терять нечего,— добавил он, улыбаясь.— Романов вы пока не издаете, пьес не ставите. К тому же вопрос тут отнюдь не сугубо литературный, не искусствоведческий. Так что позвони Александру и поезжай...

Саша приехал из Саратова в Тамбов на несколько часов раньше, успел заказать места в гостинице «Цна» и встретил меня на вокзале. Время шло уже к вечеру, забросив мой портфель в номер, мы погуляли по запушенным снегом улицам, поужинали и, обговорив план действий, легли спать.

А с утра взялись за дело. Прежде чем ехать в село и встречаться с писателем, мы обошли многие городские организации, поговорили с людьми.

Директор кинотеатра «Пионер» вспомнила такой случай. В дни школьных каникул писателя попросили встретиться с юными кинозрителями. Тот потребовал заплатить ему триста рублей. Таких денег у детского кинотеатра не оказалось, вывешенные афиши пришлось срочно снимать...

— Да, такое за ним водится,— подтвердил секретарь горкома ВЛКСМ.— Как-то мы хотели, чтоб он выступил перед комсомольским активом, рассказал о своих творческих планах. Писатель поставил условие: «Пришлите за мной автомобиль». Но ведь в горкоме машины нет, а у него две собственных — легковая и газик-вездеход.

— Почему же я должен тратить свой бензин?— возмутился писатель.— Кому нужно мое выступление: мне или вам!

— Однажды он забыл у меня в кабинете наполовину выкуренную пачку сигарет «Прима»,— рассказал редактор областной комсомольской газеты.— Так трижды звонил мне из разных мест, беспокоился. Но будем считать это мелочью, писательской причудой. Есть факты и посущественней. Несколько раз просили его написать для нас статью, предлагали темы. И всякий раз он перво-наперво ставил вопрос ребром: «Сколько заплатите?» А гонорары у нас в молодежной газете, сами знаете, не ахти какие. Так и не смогли сойтись в цене...

В областном управлении сельского хозяйства мы узнали, что одно время писатель настойчиво требовал, чтобы в районе построили вторую электростанцию, собирал подписи колхозников, обещал воздействовать через пе-

чать. Оказалось, что писатель пекся о самом себе, свет, горевший в комнатах его особняка, был не очень ярким. Но вот он завел собственный движок — и проблемы сельской электрификации начисто перестали его волновать.

Весьма полезной была беседа в сельском райкоме комсомола. Райкомовцы рассказали, что в период строительства писательского особняка комсомольцы провели несколько коммунистических субботников: расчищали участок, носили бревна, разгружали кирпичи...

— Но разве при индивидуальном строительстве проводят коммунистические субботники? Ведь это опошление высокой благородной идеи.

— Вы правы, — согласился секретарь райкома. — Но нам позарез надо было отремонтировать молодежный клуб, а писатель обещал заплатить хорошие деньги.

— Ну и сколько он вам заплатил?

— Да нисколько, ребята, оказалось, работали зря. Сначала он говорил, что рассчитается с нами сразу же, как выйдет первая часть его романа. Но вышла первая часть, вторая, третья, четвертая, а обещание писателя так и осталось пустым звоном...

Наши блокноты полнились все новыми и новыми записями, и наконец наступило время объясниться с самим писателем. Поехали в село. Чтобы узнать, где он живет, не надо было опрашивать прохожих. Двухэтажный красивый особняк, обнесенный высоким голубым забором, резко выделялся среди приземистых крестьянских хат. Миновали резные ворота с голубым фонарем, попали на обширный двор. В конюшне конюх скреб жеребца, в курятнике кудахтали куры. Нам открыла двери хозяйка особняка, холеная, модная, молодящаяся особа. Рассказывали, что она по утрам совершает моцион на резвом скакуне, обдавая брызгами грязи молчаливых колхозниц, идущих по сельской улице на работу в поле.

— Вас уже ждут, — игриво сказала она. — Проходите в кабинет.

Писатель был в курсе всей нашей работы. Кто-то за нами пристально следил и докладывал ему, где мы были, с кем встречались. Поэтому, хорошо зная, чем мы интересуемся, он предпринял превентивные шаги. Упреждая наши вопросы, он выпалил:

— Наслышан, что вас настраивали против меня везде и всюду. Дескать, не нахожу контактов с местным населе-

нием, жаден, скуповат. А я, к примеру, сегодня подарил свой вездеход местной больнице...

— А почему только сегодня, а не три года назад, когда ваша машина была в хорошем состоянии? Сейчас же на ней больных возить опасно: станет посреди поля, хоть на буксире тащи...

Писатель осекся. Он стал что-то лепетать насчет того, что имел полное право построить здесь особняк со всеми дворовыми постройками.

— Есть разрешение. — Он таинственно показал пальцем наверх...

Дмитрий Петрович Горюнов в нашем присутствии прочитал фельетон, подумал, постучал карандашом по столу, посмотрел на нас и спросил:

— Все проверили? Во всем убедились? Вы представляете, что будет, если фельетон не подтвердится?

Мы представляли. И не раз взвешивали все «за» и «против», пока с фельетоном ехали в Москву. Бывают случаи, когда в назидание всем остальным журналист пишет по апробированным фактам, по материалам закончившегося разбирательства, подкрепившись мнением высоких организаций. В данном же случае герой нашего будущего фельетона был вне всяких подозрений. Более того, его авторитет был достаточно высок, пьесы и романы возносили до небес, он получал премии, награды, избирался в президиумы конференций, собраний и заседаний.

— Все у нас проверено и все правильно, — заверили мы редактора, хотя понимали, что у писателя наверняка найдутся покровители и заступники, которые попытаются опровергнуть факты, бросить на авторов фельетона тень. Да и кто мы в конце концов такие против маститого писателя: начинающие журналисты молодежной газеты...

Но залп, раздавшийся со страниц «Комсомолки», был слишком громким и прицельным. Фельетон вызвал немалый общественный резонанс. «Литературная газета» поддержала наше выступление, продолжила на своих страницах разговор о моральном облике советского писателя. Выезжавшая на место комиссия Союза подтвердила правильность фельетона. Вскоре «Комсомолка» сообщила, что герой фельетона исключен из членов ССП. Вместе с ним были исключены и несколько других писателей, опозоривших своим поведением это высокое звание...

Через несколько лет в другом фельетоне мы вернулись к этой же теме — о высокой ответственности перед народом деятеля советской культуры. Началось с того, что к нам на прием пришел молодой офицер-орудовец с забинтованной рукой.

— Что с вами?

— Вот выписался из больницы, — сказал офицер.

Он нес вахту на Трубной площади, когда «Волга» грубо нарушила правила движения. Офицер подбежал к машине, спросил у водителя документы. Вместо ответа водитель двинул машину прямо на него, опрокинул на капот и, протащив таким образом несколько десятков метров, сбросил на мостовую. Сам же спокойно поехал дальше, даже не поинтересовавшись, что сталось с человеком.

Удалось установить, что за рулем сидел известный киноактер. Объясняясь по этому поводу, автохулиган вел себя грубо и заносчиво:

— А что, этот милиционер не видел, кто сидит в машине? Какое нахальство, хотел отобрать права! Скажите, он что, не понимает, кто есть кто?

Не понимала как раз распоясавшаяся кинозвезда, возомнившая, что ей все позволено. К тому же мы узнали, что герой уличного происшествия еще и махровый спекулянт. Пользуясь своей известностью, покупает вне всякой очереди легковые автомобили по государственным ценам и тут же перепродает их жителям Закавказья.

— А что вы ко мне привязались! — огрызнулась «звезда». — Мне не нравился цвет.

— У всех десяти «Волг», которые вы продали?

— Да, у всех десяти.

Пока готовился фельетон, к нам приходили разные ходатаи:

— Неужели вы будете писать? Ведь он такой хороший артист. И голос у него душевный, и репертуар превосходный. У него заслуги...

Да, заслуги у него были. Но мы считали, что с человека, вознесенного народом к вершине славы, и спрос должен быть особый. Конечно, авторитет наживается десятки лет, а потерять его можно быстро. И мы бы никогда не взялись за перо, если бы увидели, что человек совершил один необдуманный шаг, оступился, где-то свалял дурака. С кем не бывает! Но факты, с которыми мы столкнулись, показывали, что имеем дело с опасным явлением перерож-

дения и надо немедленно на его пути, неотвратно ведущем вниз, зажигать «стоп-сигнал».

Дальнейшее показало, что газета поступила правильно. Наш герой нашел в себе силы публично признать свои ошибки, исправиться. И слово свое сдержал. Он снялся во многих фильмах, спел немало хороших песен, вернул себе любовь и признательность зрителей...

Этот фельетон мы написали, когда Суконцев уже вновь работал в отделе фельетонов. Дмитрий Петрович Горюнов сдержал свое слово, и как только редакция получила жилплощадь, Александра вызвали в центральный аппарат. Правда, жилье было не в Москве, а в пригороде,— две небольших комнатки в общей квартире, но по тем временам это было здорово.

Так с пятьдесят шестого года мы с Александром стали работать вместе. В первое время мне немало помогало наше содружество. В фельетоне я шел самоучкой, Александр же видел, как работал Нариньяни. Получив жалобу на молодого тунеядца, я собирался поехать к нему домой, чтобы встретиться и поговорить.

— Семен Давыдович по квартирам не особенно ездил,—останавливал меня Суконцев.—В своем доме этот тип хозяин. Может не предложить сесть. А то и вовсе не принять. Прекратить разговор, когда ему заблагорассудится. Выкинуть какой-нибудь фортель. Обвинить тебя в том, что ты к нему в квартиру ломишься.

— Как же быть?

— Семен Давыдович таким писал письма, приглашал в редакцию. Тут деловая служебная обстановка. Совсем другой поворот...

Перед приходом посетителя Александр напоминал:

— Надо не забыть потом взять у него письменное объяснение. Нариньяни всегда так делал. Это чтобы потом никто не мог отказаться от своих слов...

Впрочем, далеко не во всех случаях жизни мог помочь чужой опыт, даже опыт такого большого журналиста, как Нариньяни.

Однажды мы написали о молодом бездельнике весьма редкой формации. Некий Крепышкин сначала учился на филфаке пединститута, а потом нашел себе более выгодное занятие: стал собирать марки, монеты, конвертики от бритвенных лезвий, отчаянно спекулировал всем этим.

В довершение всего открыл пансионат для собак, владельцы которых уезжали в командировки или в отпуск.

В день выхода фельетона дверь нашего отдела отворилась и в образовавшуюся щель просунулось дуло двустволки.

— Говорите, кого стрелять первым! — услышали мы грозный голос опровергателя. — В ружье два патрона.

За дверью раздались какие-то вздохи, отражающие, очевидно, душевное смятение визитера. Этого оказалось достаточным, чтобы я изловчился и, дернув за дуло ружья, повалил владельца собачьего пансионата на пол. Суконцев схватил террориста за уши. Через мгновение сотрудники других отделов с удивлением наблюдали, как из нашей комнаты выкатился клубок извивающихся тел. Борьба, как в таких случаях говорится, продолжалась в партере. И тут я еще раз осознал великую силу соавторства. Нас было двое, а он один. Мы быстро скрутили ему руки и отвели в ближайшее, пятнадцатое отделение милиции. Там Крепышкин попросил у нас прощения. Он сказал, что если мы поможем ему найти хорошую работу, то он перестанет спекулировать конвертиками от бритв и распустит весь свой собачий пансионат. Устроили его в детскую библиотеку, где он, по нашим сведениям, трудится до сих пор.

Может быть, кому-то этот случай покажется из ряда вон выходящим. Конечно, застрелить из двустволки нас пытались не каждый день. Но в общем-то такие ответные действия нашей фельетонной клиентуры, которая, как известно, к лучшей части человечества не относится, наверное, надо рассматривать, как текущие рабочие будни фельетониста.

Но куда больше, чем дикие печенежские набеги на отдел, чем подметные анонимные записки, в которых нас грозили облить в подъезде кислотой, если мы не прекратим разбираться в делах райторга, нам досаждала изнуряющая борьба с опровергателями, тянувшаяся по иным фельетонам не один год. Недаром сатирики грустно шутят, что работа над фельетоном состоит из трех последовательных этапов: сбор материала, непосредственное написание фельетона и борьба с опровергателями. Причем на этом третьем и самом трудном этапе автор фельетона и его «герой» как бы обмениваются местами: второй нападает и обличает, а первый защищается, доказывая, что он ни в чем не виноват.

На нас с Александром жаловались и в ЦК, и в прокуратуру, и в целый ряд других организаций вплоть до ООН. И по каждой жалобе (исключая, пожалуй, направленных в ООН) приходилось писать докладные, ходить по вызовам, давать объяснения и т. д. Одна инстанция убеждается, что авторы против истины ничуть не погрешили, но опровергатель тут же бежит в другую — и все повторяется сначала...

Однажды Александр ездил в Ростов-на-Дону и написал фельетон «У злой Натальи...» Некто Червяков конфликтовал с десятком организаций и частных лиц, писал сотни грязных клеветнических писем. Фальшивы были не только жалобы Червякова, фальшивой была вся его жизнь. Он утверждал, что кончил два вуза, а на самом деле был выгнан из шестого класса школы, выдавал себя за фронтовика, хотя на фронте ни дня не был, требовал, чтоб его считали героем девятой пятилетки, хотя провел те годы в местах не столь отдаленных.

Через несколько дней после этой публикации мне позвонили из одной высокой организации и сообщили не очень приятную новость.

— Червяков все опровергает. Он считает, что его соседи дали за фельетон Суконцеву взятку в пять тысяч рублей.

— Пять тысяч! Да разве такие тарифы существуют в нашем отделе! — попробовал отшутиться я.

Но казалось, что шуточками тут не очень-то отделаешься. Жалоба Червякова состояла из восьмидесяти шести страниц, к ней было приложено 54 документа. Подлинных было среди них мало, все больше наличествовали, как он сам выражался, «перекопии с рукописных копий». Я взял одну из них. «Перекопия с копии» утверждала, что Червяков А. Г. «был ранен в Сталинграде в декабре 1941 года и потом шесть месяцев находился на излечении в госпиталях г.г. Львова и Житомира». Нетрудно было вспомнить, что в декабре сорок первого никаких сражений в Сталинграде еще не было, а в советских госпиталях Львова и Житомира он лечиться не мог, поскольку эти города были оккупированы фашистами. Но ведь документов было пятьдесят четыре и не все они при первом рассмотрении выглядели вздорными фальшивками, нужно было посылать запросы, звонить на места.

И тем не менее организации, куда обращался Червяков, одна за другой убеждались, что его жалобы вздорны. Несколько раз мне самому приходилось встречаться с Червяковым и доказывать в многочасовых беседах, что претензий к Суконцеву редакция принять не может. В конце концов он обозлился на меня хуже некуда, и все последующие кляузы писал уже на нас двоих. Одну из таких жалоб рассмотрел народный суд Свердловского района и в иске отказал. Он обжаловал решение в Мосгорсуде. Теперь он проживал в Москве месяц за месяцем и времени зря не терял. Он изучил подшивку газеты за текущий год и написал письма всем героям наших фельетонов. Тексты этих писем приводились в дальнейшем во время судебных заседаний и были идентичными. Червяков сообщал, что затеял судебную тяжку с газетой и убеждал их включиться в «священный поход» против Суконцева и Шатуновского. «Я берусь с ними судиться сам, — писал Червяков, — и по своему и по вашим фельетонам. Вы же пришлите мне доверенность, что поручаете вести Ваше дело, и денег на всякие расходы». Не довольствуясь письмами, Червяков ездил к своим «коллегам» и от трех из них: от бывшего учителя из Ульяновска, работника цирка из Пензы и кладовщика из Воронежской области получил искомые доверенности.

Это был единственный в юридической и журналистской практике случай, когда сутяга, сплотив вокруг себя трех других сутяг, затеял четыре судебных дела. Теперь мы ходили в суд иной раз трижды на неделе. А Червяков, понимая, что в конечном счете у него ничего не выйдет, всячески тянул время. То прикидывался больным, то просил отложить разбирательство до получения каких-то дополнительных материалов, то выражал недоверие составу суда, требуя передать дело в другой район.

Неизвестно, сколько бы он еще вытянул из нас нервов, если бы в голову не пришла спасительная мысль:

— А почему мы сами ходим по судам? Не лучше прибегнуть к услугам адвоката?

Теперь подлая игра потеряла для Червякова всякую прелесть. Раньше он имел полную возможность выкрикнуть в наш адрес оскорбление, задать провокационный вопрос или заставить по нескольку часов в душном коридоре ждать его появления. Сейчас же перед ним был бесстраст-

ный адвокат, который спокойно делал свое профессиональное дело...

В итоге по всем четырем искам клеветнику было отказано, но сколько на все это мы затратили полновесных рабочих человеко-дней?

Впрочем, тяжбы с Червяковым имели для нас и определенную пользу. После их благополучного завершения мы дали себе слово: о кляузниках больше фельетонов не писать, пользы от этого мало. Если раньше кляузник конфликтовал с тридцатью учреждениями, то после фельетона, начисто позабыв о них, он обрушивается на тридцать первую — на газету. Словом, фельетонист подобен матадору: размахивая фельетоном, как красной мулетой, он уводит разъяренного быка от бандерильеро, от пикадоров, от всей прочей цирковой прислуги, и вопрос теперь упрощается до предела: кто кого? Увернется ли матадор или бык поднимет его на рога?

Конечно, лестно выступать в роли матадора. Однако в отличие от подлинного героя корриды фельетонист не срывает бурных аплодисментов, не восходит к вершинам шумной славы и не ловит на лету улыбок очаровательных сеньорин...

Я так подробно рассказываю о наших общих фельетонных радостях и печалях, о наших трудах и заботах, потому что в совместной работе лучше всего узнаешь товарища, а наше содружество с Александром Суконцевым продолжается вот уже тридцать лет. Конечно же, большинство своих фельетонов, очерков, рассказов Суконцев написал один, а не в соавторстве. Он выпустил книги: «Бес в ребро», «Странный какой-то», «Как сейчас помню», «Чем жив дармоед», «Часы без стрелок»... Написал острую сатирическую повесть «Два окна на Арбат». За работу в жанре фельетона он удостоен звания лауреата премии Союза журналистов СССР и премии имени Ильфа и Петрова, учрежденной журналистской организацией Москвы.

Успех сатиры Александра Суконцева в ее наступательной боевитости, в четкой очерченности образов, в легкости изложения. Но я бы не объяснил всех причин этого успеха, если бы не сказал еще, что Суконцев обладает очень важным для сатирика качеством — чувством темы. Ведь самый хлесткий фельетон, густо пересыпанный остротами и каламбурами, окажется всего-навсего звонкой однодневкой,

если он написан по пустяковому поводу, лишенному большого общественного звучания. А вот фельетоны Суконцева всегда актуальны, несут в себе большой заряд, ставят серьезный вопрос. Достаточно вспомнить его фельетон «Огурец в полистироле», где он критиковал увлечения отдельных колхозных руководителей так называемыми побочными промыслами в ущерб основному сельскохозяйственному производству. А ведь многие газетчики умилялись: «Как хорошо, колхоз стал получать прибыль после того, как наладил выпуск канцелярских скрепок или хозяйственных сумок!» Что ж, сумки хозяйкам пригодятся. Но кто же как не колхоз должен производить то, за чем хозяйки, собственно, и ходят с этими сумками в продовольственный магазин, на рынок?

Читатели наверняка помнят до сих пор многие другие фельетоны, написанные Суконцевым, — «Кит под снегом», где автор с гневом обрушился на горе-хозяйственников, которые губят ценное импортное оборудование, «Акация за решеткой», где он тонко высмеял непонятное желание некоторых горсоветов оградить чугунными непроходимыми заборами любую аллею, любое деревцо...

У Александра Суконцева свой почерк, свой стиль. Его работы узнаешь, не взглянув на подпись. Но это вовсе не означает, что все его фельетоны сделаны в одной манере, в одном ключе. Из-под его пера выходят и фельетоны-очерки, и фельетоны-новеллы, фельетоны сатирические, публицистические, юмористические...

После прочтения фельетонов Суконцева не остается горького чувства безысходности, растерянности. Наоборот, они вселяют в нас оптимизм, уверенность, что порок обязательно будет наказан, изжит, выброшен из нашей действительности.

1983

ВЛАДИМИР ЧАЧИН

Не скрою, я очень трудно писал этот очерк. Пожалуй, никогда прежде мне не приходилось так мучительно искать нужные слова, отбирать штрихи и детали из бесчисленного множества сроднивших нас событий, встреч, задушевных разговоров, которые все время всплывали в памяти. Наверное, было тяжело оттого, что слишком знал и любил Владимира Чачина. А еще и оттого, что его уже нет среди нас. Минуло более четырех лет, как в дверях моего кабинета, освещенного тусклым осенним солнцем, в последний раз возникла его курчавая голова и раздался веселый, озорной голос:

— Разрешите доложить! Гвардии Чачин ровно в десять ноль-ноль на вахту явился!

В шутку он всегда называл себя: «гвардии Чачин»...

С Владимиром меня связывала большая, добрая дружба. Мы проработали с ним бок о бок многие годы в «Комсомольской правде», а потом и в «Правде». До нашей встречи на шестом этаже дома 24 по улице «Правды», где помещается «Комсомолка», у каждого из нас было детство, школа, война и всего двадцать четыре года прожитой жизни. А потом уже все было вместе: один письменный стол на двоих в комнате разъездных корреспондентов, жаркие споры на летучках, в которых мы всегда выступали единым фронтом, на секретариатском «часе интересного письма», негласное соревнование, кто предложит лучший аншлаг для новогоднего разворота, ночные бдения в качестве читчиков — «свежих голов» (тогда газеты подписывались под утро) и, наконец, праздник рождения первого очерка, фельетона, первых тоненьких книжек с нашими (нашими!) фамилиями на обложках.

Я пришел в «Комсомолку» на пять месяцев раньше Чачина. Только недавно отшумела война, и газету делал талантливый, задорный коллектив, сложившийся и сцементированный дружбой в огненные фронтовые годы. К новичкам ветераны, как нам казалось, относились настороженно. Их брали мало и неохотно. Меня определили в отдел пропаганды и науки, и я, как и другой литсотрудник отдела, Лев Филатов, ставший ныне известным спортивным журналистом — редактором еженедельника «Футбол — Хоккей», сверял цитаты в пропагандистских статьях, писал за-

метки о лекторах и агитаторах, вел «календарь знаменательных научных дат», отвечал на заковыристые вопросы читателей, задавшихся почему-то целью узнать именно у меня, сколько волос на теле самой волосатой обезьяны, а также когда, где и в каком месте ожидается падение очередного метеорита.

Однажды, сдав в набор совместную передовую о задачах комсомольского политпросвещения, мы с Филатовым отправились в столовую.

— А у нас появился новенький,— сообщил мне по дороге Лева.— Давай позовем его обедать.

В военно-физкультурном отделе за маленьким столом сидел смуглый парнишка с кудрявыми, цвета вороньего крыла волосами, с большими красивыми глазами и с тонкими, почти девичьими чертами лица. На нем был морской китель. Левое плечо было заметно выше правого. Потом я узнал, что это результат тяжелого осколочного ранения в грудь. Морячок сосредоточенно трудился. Вокруг лежали странички, исписанные крупным наклонным почерком. За те три минуты, что мы стояли, приглядываясь к нему, он выдал еще страничку. Потом, заметив нас, поднялся, подошел морской развалочкой, приветливо улыбнулся, протянул руку и представился:

— Гвардии Чачин!

Чачин? Чачин! Я вспомнил, что месяца три назад был опубликован очерк, подписанный гвардии старшиной В. Чачиным. И хотя очерк назывался «Приготовительный класс», чувствовалось, что он написан далеко не приготовишкой. Речь в нем шла о том, что выпускника авиатехнического училища механика Курочкина и летчика-торпедоносца Жукова судьба свела на маленьком учебном самолете ПО-2. Совсем не о такой машине мечтали бравые авиаторы. Но постепенно они втянулись в работу, увлеклись, добились больших успехов и вернулись на грозные боевые машины. Очерк на летучке хвалили. И действительно, он был сделан остросюжетно, события, овеянные романтикой неба, развертывались с захватывающим интересом. В нем ясно проглядывала мысль, которая потом пройдет через все творчество журналиста: неинтересной работы нет, есть лишь неинтересные, скучные люди, которые способны засушить любую работу. А настоящие ребята в каждом деле видят большую цель, ощущают радость созидания, достигают небывалых высот.

Кто-то спросил: «Что представляет собою В. Чачин? Откуда взялся этот гвардии старшина?»

Заведующий военно-физкультурным отделом Всеволод Иорданский объяснил, что очерк пришел самотеком, прямо в рукописи его прочитал главный редактор «Комсомолки» Анатолий Яковлевич Блатин, велел напечатать без сокращений и просил командование Черноморским флотом уволить гвардии старшину в запас, направив в распоряжение нашей газеты.

— Так вот вы какой, Чачин! — обрадовался я. — Значит, теперь на гражданке. А с жильем как думаете устраиваться?

— Я же москвич, — улыбнулся морячок. — У меня своя хата. Улицу Арбат слышали? Там я и живу.

Вместе с Володей мы стали теперь ходить обедать. А в первый же гонорарный день он позвал меня в гости. Мы доехали до яркого и шумного Арбата, перешли Смоленскую площадь, оказались на Плющихе, свернули в темный переулок, потом, огибая, лужи, в каком-то дворе спустились по щербатым ступенькам в подвал. В этом подвале Володя родился, вырос, отсюда ушел на войну и вернулся сюда с фронта. Я впервые был в доме москвича, и мне, снимавшему койку в пятиместной комнате загородного общежития, жилище Чачина показалось чуть ли не хоромами. «Надо же, — восторгался я тогда, — у человека есть своя жилплощадь!»

А на самом деле Чачины жили плохо. В подвальной комнате с двумя маленькими окнами проживали Володина мама Прасковья Григорьевна, прачка с вечно красными, опухшими ладонями, старшая сестра с мужем, Володя с женой Раей и маленьким Юркой.

Тут Володя жил еще долго. Уже переезжали в новые квартиры менее нуждающиеся и более молодые сотрудники, а Володя после работы все спускался по стершимся ступеням в подвал с двумя маленькими окнами.

— Почему же ты не хлопочешь о комнате? — спрашивали его друзья. Отдельная квартира тогда, понятно, никому не снилась.

Просить Володя не умел. Никогда и ничего. Вести разговор о себе было для него хуже смерти. Поэтому он отшучивался:

— Зачем мне просить? Не имеет никакого смысла. Все и так образуется. Обнаружили, что в нашем подвале

сорок лет до переселения в Останкинский дворец проживал один из графов Шереметьевых. Со дня на день жду, что наш двор объявят заповедником. Вот тогда-то нас и переселят в высотное здание, которое строится на площади Восстания.

Сколько бы еще Володя жил в «заповедном» подвале, неизвестно, если б не вмешался Александр Суконцев, который к этому времени был приглашен в «Комсомолку» из саратовской молодежной газеты и так же, как и я, квартировал в загородном общежитии. На профсоюзном собрании он задал вопрос председателю месткома Виктору Ивановичу Хлебникову:

— Когда же до Чачина дойдет очередь на жилье?

Виктор Иванович порылся в своих записях, потом авторитетно заявил:

— В жилищной комиссии сорок восемь заявлений. А Чачин заявления пока не подавал.

— Но Володя подавал другое заявление, — сказал Суконцев, беря слово.

Неделю назад мы с Александром ходили в музей Николая Островского и, осматривая экспонаты, на одном из стендов под стеклом вдруг увидели листок серой бумаги, исписанный знакомым почерком.

— Смотри, заявление Чачина, — подтолкнул меня Суконцев. — Он вынул блокнот и переписал текст.

«Народному комиссару обороны СССР
товарищу Сталину.

Товарищ народный комиссар!

Учитывая серьезную обстановку на фронтах нашей Родины, когда страна собрала все силы для решающего удара по фашистским захватчикам, считаю преступлением для себя находиться в тылу и желаю вновь быть в действующей армии, чтобы хоть чем-нибудь помочь моей Красной Армии в боях против германского фашизма.

После тяжелого ранения, полученного в боях за г. Ельню, я стал нестроевиком. Пусть я не могу служить в пехоте, пусть я не могу служить в частях, служба в которых связана с тяжелой физической работой, а разве не было в годы гражданской войны в частях Первой Конной Армии безногих пулеметчиков на тачанках, о которых вспоминает наш комсомольский писатель Николай Островский, что «это были страшные для врага люди, пулеметы их несли

смерть и уничтожение. За железную выдержку и меткий глаз были они гордостью полков».

Товарищ народный комиссар, я не один, нас тысячи поврежденных в боях, но не сломленных духом, и я уверен, что каждый, в ком бьется комсомольское сердце, кто не даром носит билет дважды орденоносного Ленинского комсомола, вступит в комсомольские роты, роты жестоких мстителей за Родину, за народ...»

На фронт Володя, увы, больше не попал. Его послали в Пермь в военно-морское авиационно-техническое училище, а после окончания — на Черноморский флот механиком авиаэскадрильи гвардейской минометно-торпедной дивизии...

— Я думаю, — закончив чтение, сказал Суконцев, — что этот документ, написанный летом сорок второго года, в дни, когда началось немецкое наступление на Сталинград, не утратило своей силы до настоящего времени и его в известной степени можно приравнять к заявлению, дающему право на улучшение жилплощади...

Заявление, зачитанное Александром, произвело большое впечатление, раньше о нем никто не слышал: по своей скромности Чачин никогда не рассказывал о письме Верховному Главнокомандующему. Володя получил комнату в большой перенаселенной квартире в районе Таганки на Марксистской улице.

Но это случилось на пятом или шестом году его работы в «Комсомолке». Вернемся же к первым дням. Вскоре после того, как мы с Левой Филатовым показали Чачину дорогу в редакционную столовую, собралось совещание собкоров. Приехали журналисты, которых до того я знал лишь по подписям в газете. Вопреки моим ожиданиям люди эти оказались весьма солидными, в большинстве давно уже вышедшими из комсомольского возраста. Они важно заходили в отделы и, сухо поздоровавшись с молодыми литсотрудниками, открывали двери заведующих и редакторов.

И вот на одном из заседаний выступил Чачин. Как ему удалось получить слово, сказать трудно, обычно перед собкорами держали речь ответственные работники редакции и ЦК комсомола. А тут никому не известный новичок вышел к председательскому месту нашего Голубого конференц-зала и стал излагать свои взгляды на газету. Он сообщил, что «Комсомолка» стала слишком взрослой, не

советуется с читателем, а его поучает, многие материалы сухи, не доходят до сердца, а потому и напоминают выстрелы холостыми патронами.

Некоторые собкоры восприняли выступление Володи как прямое оскорбление, как выпад лично против них.

— Нет, посмотрите, он взялся учить нас! — Интересно узнать, а сам-то он писать умеет?

А Володя тем временем собирался в свою первую командировку. Готовился он долго и серьезно: искал тему, выбирал маршрут. Наконец он забежал ко мне, возбужденный, восторженный. Глаза его горели.

— Ты знаешь, безвылазно сидел два дня в отделе писем, перелопатил всю редакционную почту и не зря. Смотри, какое интересное письмо выискал!

Он показал мне конверт со штемпелем города Кирова, вынул из него сложенный вчетверо тетрадный лист, стал читать вслух:

«Дорогая редакция! Чуть ли не всю ночь мы спорили с ребятами о мечте. Один из нас говорил, что главное в жизни человека — это стремление к удобствам в жизни. Его мечта — иметь свою машину, хорошо зарабатывать, ездить на курорты, жениться на актрисе. Это, конечно, все неплохо. Я актрису в счет не беру. Но мне кажется, что главная мечта у человека — это что-нибудь изобретать, полезное для всех людей. Знаете, вот так изобретать, что бы там не мешало. Чем труднее, тем даже интереснее. А потом все-таки изобрести. Вот будет здорово. А как вы думаете, дорогая редакция?»

— Ну, что ты скажешь? — спросил Володя. — Ведь интересно?

— Очень интересно, — ответил я, хотя, признаться, ничего выдающегося в письме не обнаружил. Но уже знал: если Володька что-то нашел, чем-то увлекся, загорелся, возражать ему бесполезно. Да и зачем возражать, раз он видит тему?

— Когда же ты едешь?

— Денька через три. Завод, где работают эти ребятишки, выпускает дисковые бороны, другую сельскохозяйственную технику. Надо же почитать об этих боронах, чтоб не попасть впросак, я ведь горожанин. Да и в Кирове я никогда не был, не грех полистать какие-нибудь брошюрки.

Володя попросил командировку на месяц. Наш ответственный секретарь Александр Львович Плющ аж икнул от удивления:

— Целый месяц! Где же виданы такие сроки! Да ты в своем ли уме, братец?

Володя ответил, что в уме. Просто он хочет как следует познакомиться с ребятами, походить, как говорится, в их шкуре.

— Я уже звонил на завод в отдел кадров. Договорился, что меня возьмут в эту бригаду слесарем. Буду работать на общих правах, постараюсь выполнять норму.

— А сумеешь? — насторожился Александр Львович, проникаясь уважением к этому настойчивому парню.

— Конечно, сумею, — уверенно ответил Володя. — Ведь я же авиационный механик. Тиски, зубило, напильник, бородок — вещи для меня привычные.

Скрепя сердце Плющ подписал командировку на двадцать дней.

И вот Володя в Кирове, определился в бригаду слесарей, поставил койку в комнате общежития. Каждый день ходит со своими будущими героями в цех, работает полную смену, возвращается в общежитие, ужинает, затем с ребятами идет в кино, на танцы. Но перед сном, присев в каморке коменданта общежития и перевоплотившись на полчаса из слесаря опять в журналиста, исписывает в своем блокноте страницу за страницей. Впечатлений много. Производственные будни, задушевные беседы в часы досуга, споры, сомнения, письма из дома, просмотренные кинофильмы, прочитанные книги. День за днем приглядывался Володя к своим новым товарищам по бригаде.

Как-то комендант привел в комнату молоденького паренька.

— Прошу любить и жаловать вашего нового товарища, — представил парня комендант. — Приехал из деревни, сегодня оформлен учеником слесаря. Думаю, что вы быстро поможете ему овладеть профессией.

Парень был весь в снегу. Он аккуратно постучал веником по валенкам, разделся, хозяйственно осмотрел койку, тумбочку, присел, вытер мокрое лицо рукавом, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ну, здрасте!

Потом занялся тумбочкой, забивая ее содержимым большого деревенского чемодана. По сверткам угадыва-

лись харчи. Новичок старательно прикрыл дверцу тумбочки, но она вновь отворилась. Он снова ее тщательно прикрыл, но она опять распахнулась с невозмутимым скрипом. Парень оглянулся, обратился к соседям:

— Я замок привез, а петлей нет. Порядочки тоже...

На другой день он приделал к тумбочке проволочные петли и закрыл на амбарный замок свое добро:

— Теперь уж никто не доберется до моих продуктов!

«Возможность лично наблюдать становление нового человека, замечать, как меняется его психология, растет сознание, — что может быть интереснее для журналиста?» — писал позже Чачин, делясь своим опытом с молодыми работниками печати.

Володя исподволь поглядывал за своим новым соседом, с радостью отмечая, как ломаются под воздействием дружного рабочего коллектива его привычки, интересы, взгляды на жизнь. И, наконец, увидел (это было для него праздником), что паренек снял замок со своей тумбочки, выдернул с корнем петли, и потом его амбарным замком все общежитие забивало гвозди и кололо орехи...

Следом за очерками из Кирова «Комсомолка» напечатала письма Чачина с Коломенского паровозостроительного завода, с трассы строительства Волго-Донского судоходного канала, с донецкой шахты «Ветка-8». Володя полетел в Иркутск и Братск, побывал в Клайпеде, в Тбилиси, на Сахалине, во Владивостоке, в Одессе. Его дорожный чемодан с приставной ручкой стал легендарным.

— Сяду в поезд, ручку отцеплю — и в карман, — полушутя рассказывал нам Володя. — И сплю себе спокойно до самого утра. Никакой вор не позарится на мое имущество. Не станет же он бежать по проходу с моим чемоданом в обнимку. А ведь иначе его не понесешь.

Чачин по-прежнему пропадал в командировках. Все чаще на страницах газеты мелькала его фамилия, все больше писем получал Володя со всех концов страны...

Я не знаю другого такого журналиста, который бы за какой-нибудь год-полтора из «зеленого» новичка превратился в зрелого мастера, стал одним из самых популярных читаемых авторов «Комсомолки». Материалов Чачина ждали, чтение газеты начиналось с его очерка, в командировках ко мне подходили незнакомые люди, спрашивали: «Как выглядит Чачин, сколько ему лет? Вот бы к нам приехал, написал!»

А ведь «Комсомолка» никогда не была бедна талантами. Вспомним, тогда в газете работали известные, не похожие друг на друга журналисты: Александр Андреев, Илья Котенко, Владимир Дудинцев, Юрий Филонович, Константин Зародов, Семен Нариньяни, Лев Филатов, Григорий Ошеверов, Юрий Добряков, Соломон Гарбузов, Андрей Прокофьев, Михаил Меньшиков, Валерий Шумов, Алексей Кожин, Вера Бендерова, Карл Непомнящий, Нина Александрова... И все-таки Чачин, не повторив никого, нашел свое место в шеренге комсомольских журналистов.

Чачина заметили не только читатели, его признали, что еще труднее, журналисты, а наш газетный цех не менее ревнив, чем любой иной. Во многих молодежных газетах появились журналисты, пишущие «под Чачина». Знатоки утверждали, что возникла новая разновидность очерка — «чачинский очерк».

Прочтешь очерк Владимира Чачина и невольно воскликнешь: «Интересно, здорово!» А потом задашь себе вопрос: «Почему здорово, отчего интересно?» Я уверен, что успех Чачина надо искать не только в сочности его языка, увлекательности повествования, нестандартности ситуаций, жизненности конфликта. Успех Владимира, на мой взгляд, объяснялся прежде всего тем, что он привел с собою в «Комсомолку» и утвердил на ее страницах нового, своего, открытого им героя. Вспомним, в годы войны героями очерков был знаменитый летчик, сбивший десятки фашистских стервятников, бронебойщик, уничтоживший в одном бою пять «тигров», отважный разведчик, выведший партизанский отряд из мертвого кольца карателей. В ту пору, когда появился в редакции Чачин, на страницах газеты заняли свое достойное место герои послевоенной пятилетки, молодые новаторы, лауреаты Государственных премий. Это были проходчики шахт, установившие мировые рекорды проходки, токари-скоростники, обгоняющие время, сталевары, дающие металл только отличного качества, ткачихи, выполняющие за год пять годовых норм, — люди выдающиеся, исключительные, необычайно талантливые, одаренные.

А герои Чачина были обычные рабочие ребятишки, ученики ремесленных училищ, только-только начинавшие делать первые шаги в своей самостоятельной трудовой жизни. У них было трудное, голодное военное детство. У многих отцов убили под Москвой, в Сталинграде, на Кур-

ской дуге, на подступах к Будапешту. Они рано повзрослели, оставшись в сущности еще подростками. В шестнадцать-семнадцать лет им доверили станки, башенные краны, штурвалы комбайнов. Им надо помочь стать хорошими мастерами, вдохнуть веру в собственные силы. Некоторые из них немного разболтаны, грубоваты, им сложно привыкать к производственной дисциплине, к строгому и четкому ритму рабочего дня, но они тянутся к хорошему, их сердца открыты дружбе, любви, у них есть мечта большая, красивая...

Нет, далеко не все из этих мальчишек и девчонок станут Генрихами Борткевичами, Николаями Чикиревыми, Лидиями Корабельниковыми. Но их миллионы и миллионы. От их труда зависят судьбы послевоенных пятилеток, им суждено будет восстановить Сталинград и Воронеж, поднять из руин шахты Донбасса, построить Волго-Дон, возвести плотину Куйбышевской ГЭС. И Володя Чачин стал их верным другом, он помогал им познать самих себя, открывал перед ними широкие горизонты, показывал, как величествен и благороден их труд, как гордится ими Родина...

Вот что рассказывал сам Чачин о своем герое: «Напишите очерк об интересных советских людях! — такое задание я получал не раз на протяжении многих лет работы в редакции газеты «Комсомольская правда»...

И я ездил, летал, плавал, — искал необычных людей, о которых, кстати, уже кто-то когда-то писал. Но потом в моем блокноте стали появляться записи о заводах, поселках, городах самых обычных, ничем не прославленных. Люди, с которыми я встречался, были тоже обычными. На первый взгляд дела и судьбы их ничем не примечательны. Они сами удивляются, чем заслужили, чтобы о них рассказывала печать.

Что же в них особенного?

Но особенное есть. Все герои моих очерков — это люди, воспитанные Октябрем, люди с красивым, богатым содержанием. У них есть великая вера и цель жизни — построить новое, прекрасное будущее...

Простой монтажник или шахтер, моряк или машинист не всегда, а вернее очень редко замечает, какой волшебной красотой одухотворен его повседневный, будничный труд. Вот и хочется показать этих людей им самим, хочет-

ся сказать им от души: «Смотрите, какие вы романтики, какие вы замечательные, душевные люди!»

Показать этих людей им самим, возвысить их в собственных глазах, объяснить им, что они и есть настоящие герои нашей социалистической эпохи — вот, собственно, чему посвятил все свое творчество Владимир Чачин. Какая высокая, благородная цель стояла перед Володей! И он достиг ее!

Одна из самых моих любимых Володиных работ — это очерк «Подвиг». Подвиг, самый настоящий подвиг совершил шахтер Юрий Писарев. Нет, он не покорял полюсов, не создавал космические корабли и не спускался, рискуя жизнью, в раскаленную плавильную печь, чтобы устранить неисправность. Просто пошел шахтер учиться в вечернюю школу. Постоял в дверях, помялся, сел за низкую парту. Хотел спрятать ноги — не лезут: коленки поднимают крышку. Оглянулся — девчонки перешептываются, пересмеиваются. Посмотрел — у каждой аккуратный пухлый портфель. Попробовал сесть поудобнее — чернила с парты сваливаются. Покраснел шахтер: неловко.

Трудно, ох, как трудно было учиться Юре Писареву. Все учебники у него с черными страницами: брал с собой в шахту, занимался под землей, в столовой, даже на стадионе. С огромной душевной теплотой, с глубоким проникновением в образ, с подлинно писательской достоверностью рассказывает Чачин о подвиге шахтера Писарева. Поздно вечером после занятий возвращается Юрий домой. Но спать еще не время, надо приготовить уроки на завтра. Не дождавшись Юрия, мать прикорнула у печки. На столе хлеб, молоко. Тихонько поужинал шахтер, смахнул с клеенки крошки, раскрыл задачник.

«Пошли навстречу друг другу два туриста из пунктов «А» и «В», — пишет Чачин. — Представилось Юрию, как резво, с песнями идут эти туристы. Потом движения их стали почему-то расплывчатыми, вялыми. Вместо рюкзаков у них в руках подушки, одеяла. В глаза Юрия словно кто песку насыпал — режет. Еще немного — и пропали два туриста. Может, спать улеглись. Осталась одна дорога, от пункта «А» до «В». Да и дорога вдруг стала волнистой, мягкой, как пушистый ковер. Хорошо бы к ней щекой прижаться.

Очнулся Юрий. Мать стоит рядом, качает головой:

— Сынок, может, зря ты себя так изводишь?»

Но не бросил Юрий занятий, окончил вечернюю школу, стал студентом Всесоюзного заочного политехнического института.

Скольким же рабочим парням помог очерк Чачина найти в себе силу превозмочь себя — получить образование, пойти учиться дальше!

А Володю влекут новые дела, захватывают новые планы, он ищет и находит новые темы... Скажите, кому из журналистов приходила в голову мысль написать очерк о рабочей курилке? А Володе пришла. И вот очеркист зачастил на московский завод «Калибр». А в обеденный перерыв спешит в курилку, вынимает пачку «Беломора», прислушивается, о чем говорят люди. А разговоры преинтереснейшие! Чего только не слышат в минуты отдыха стены этой неказистой комнатушки! Здесь еще летом точно определяют чемпиона страны по хоккею, а зимой — победителя в футбольном первенстве. Правдивее и откровеннее любого кинокритика оценивают новые ленты...

В углу возникает деловой разговор:

— Ты под каким углом резец поставил? Ну, вот то-то. Докурим — подойдем к станку, посмотрим.

В уважительном кружке молодежи кузнец Сергей Васильевич Ромашкин. Тридцать лет жизни отдал он заводу Бригадир. Фронтовик. Коммунист. По одним движениям его бровей понимают ребята, что у них в разговоре дельное, а где просто озорство.

Вот он над чем-то смеялся со всеми вместе и вдруг насупился:

— Сашко, прочитал книги?

Сашко — парень из слесарного цеха. Сейчас стоит к Ромашкину вполоборота. Старательно изучает огонек папироски, раздумывает.

— Ну, чего же ты? Давай уж при всех, Сашко.

— Не прочитал пока, Сергей Васильевич...

Курилка любопытствует:

— Что за книги?

Ухмыльнулся старый кузнец:

— Пусть сам расскажет...

Еще читатели обсуждают очерк о рабочей курилке, пишут автору письма, а Володя на другом заводе появляется в отделе кадров. Старый кадровик, уступая свое место журналисту на два дня, объясняет ему правила приема. Первое — трудовая книжка. Второе — выдать разовый про-

пуск в цех для знакомства с условиями работы. Третье — отметка в этом пропуске начальника цеха, где значится, что он «не возражает». Четвертое — направление к врачу. И, наконец, пятое — познакомить новичка с отделом техники безопасности.

Вот и все. Человек считается принятым на работу. Все как-то получается поспешно, сухо, чересчур официально. А ведь отдел кадров — не просто комната, где оформляют документы. Здесь происходит посвящение молодого человека в рабочее звание, состоится первое знакомство с заводом, создается настроение на долгие годы.

Бывалые люди удивляются: отчего на этом заводе начальник отдела кадров такой словоохотливый? Да, Чачина волнуют десятки вопросов: почему парень выбрал именно этот завод, нравится ли будущая специальность, кто его родители, думает ли учиться в вузе, чем увлекается в свободное время, какие читает книги.

Десятки будущих рабочих уже прошли перед Володей, исписано несколько блокнотов, но он не торопится садиться за очерк. Рано! Нужно повидаться с начальниками цехов и смен, с мастерами, узнать, как приживаются новички, еще раз поговорить с ребятами, довольны ли они, как их встретили, не разочаровались ли в своем выборе? Потом проверить, как работают заводской клуб, библиотека, спортивные секции, загородная лыжная база, профилакторий, как кормят в столовой, как организуют досуг и быт молодежи...

Впереди еще долгий, тяжелый труд...

Впрочем, некоторым казалось, что Чачину работалось легко и просто. За изящной легкостью чачинской строки не все могли разглядеть бессонные ночи, проведенные за пишущей машинкой выходные и праздники, переписанные и переделанные по многу раз страницы.

Подвергался сомнению и творческий метод Чачина. Дескать, уезжая в командировку, Чачин захватывает своего героя еще из Москвы, на месте же находит реально существующего человека, знакомится с ним, тут же вместо него подставляет привезенного с собой героя и пишет с него портрет.

Да, Чачин возил с собою героя. Но этим героем был он сам. Володя очень походил на героев своих очерков или, что равнозначно, герои его очерков были очень похожи на него самого. Владимир прекрасно знал души этих

ребят и, рассказывая о них в газете, вкладывал в каждого из них частицу самого себя. Так же, как Валерий Артюх, который строил домну, как Мишка, который рассказывал на ночь придуманные им сказки, как Семен Огарков, слесарь с мало кому известной станции Лянгасово, который никогда не бывал в Ленинграде, но бредил Выборгской стороной, Владимир Чачин был удивительным романтиком. И жила у него мечта. Я думаю, она заключалась в том, чтобы объехать все города и села, поговорить с каждым человеком и у каждого найти что-нибудь хорошее, доброе, полезное другим и рассказать им об этом.

Будучи сам человеком честным, бескорыстным, добрым, он как-то не представлял себе, что кто-то может сподличать, предать близкого, оскорбить старшего, ударить ребенка. Наверное, поэтому критические материалы у него получались несколько наивными, розоватыми. В умышленно содеянном зле он пытался увидеть случайность, недоразумение. Он как бы говорил участникам конфликта: ну, чего же вы так? Подайте друг другу руки, помиритесь, больше никогда не ссорьтесь, не таите зла!

Говорят, у хороших людей не может не быть врагов. Володя был славным человеком, а врагов у него не было, это я знаю совершенно точно. Владимир весь искрился приветливостью, сердечностью, внутренней красотой. Было у него какое-то обаяние, которое сразу же притягивало, располагало к нему людей. Друзья у него были всюду. В его доме останавливались герои очерков, проезжавшие через Москву. Ему писали письма люди, с которыми он встречался лишь однажды, просили совета, делились радостями и печалями.

Чачин был умным, веселым собеседником, душой и заводилой любой компании. Он умел без конца «травить» морские байки, сочинял на ходу такие умопомрачительные истории, что все хватались за бока. У Володи была прекрасная память. Многие вещи своих любимых писателей — Чехова, Лескова, Твена, Гайдара, Грина, Бабеля — он знал наизусть. Я слышал раз тридцать, как он пересказывал «Чапаева». Бывает, человек однажды повторится — и с ним становится скучно. А Чачина я всякий раз слушал с удовольствием, он мог увлечь. Володя был превосходным оратором: с первых же слов заставлял аудиторию волноваться, задумываться, негодовать, смеяться над тем, что он хотел подвергнуть осмеянию.

Владимир прекрасно рисовал, при ином стечении обстоятельств стал бы незаурядным художником Был точен и аккуратен в работе, всегда собран и целеустремлен. Приучил себя писать каждый день: писал в поездах, возвращаясь из командировок, в больнице, куда попал после того, как бандиты, напав на него, чуть не лишили его жизни, на отдыхе в санатории...

Была у Чачина неуемная, неистощимая, бьющая через край фантазия. Это дало некоторым его друзьям повод говорить, что Володя многое домысливает в очерках. Но простите, разве домысел — это плохо? И какой очеркист обходится без домысла? Ведь очеркисту нужно привести в своем материале разговор, которого он не слышал, нарисовать с чужих слов пейзаж, воспроизвести обстановку собрания, показать, как выглядел вокзал или аэродром, как вели себя трибуны на кубковом матче, где он не был, что творилось на футбольном поле, когда был забит решающий гол. Но домысел тем и отличается от вымысла, что уходит своими корнями к реальным фактам, воссоздает лишь то, что могло случиться на самом деле, вытекает из логики положений, из человеческих характеров.

Вполне допускаю, что герою очерка «Подвиг» шахтеру Юрию Писареву клевавшему носом над раскрытым задачником, вовсе не мерещились туристы, идущие из пункта «А» в пункт «В» с подушками и одеялами в руках. Очевидно, Юрий в беседе с корреспондентом обмолвился, что бывало, глядел в учебники, а ему виделось черт знает что. Но как рассказать о состоянии парня, у которого от усталости слипались глаза? Скорее всего, этих туристов из задачника домыслил сам Чачин. Однако эта деталь подкупает жизненной достоверностью, воспринимается, как правда, а потому и обретает законное право на жизнь.

Хочу опровергнуть еще одну легенду, сложенную о Чачине. Впрочем, ее легко опроверг сам Чачин. Легенда такова: Чачин со своими восторженными, упрямыми мальчишками смотрится лишь в «Комсомолке», а в другой газете он наверняка испишется, потеряется, будет неизбежно повторяться. После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС Володя вернулся в «Комсомолку», еще работал пять лет, потом его пригласили в журнал «Молодой коммунист», оттуда — в «Агитатор». Он пришел в центральный орган партии «Правду» зрелым, умудренным

жизнью, возмужавшим журналистом, а вместе с ним возмужали, повзрослели и его герои. Берусь утверждать, что работа в «Правде» была вершиной творчества Владимира Чачина. Нет особой нужды подробно разбирать здесь правдинские очерки Чачина, они так еще живы в нашей памяти. Сошлюсь лишь на последний год его работы — на семьдесят седьмой, когда он в числе лучших из лучших вошел в Октябрьскую межотдельческую группу.

Группа готовила целевые номера, развороты, тематические полосы, передовые статьи, очерки, зарисовки, показывающие славный путь, пройденный страной за шестьдесят лет Советской власти. Чачин вел рубрики: «От первых Ленинских декретов», «Взгляд сквозь годы», «Путь, равный столетиям». И сам писал очерки: «Эшелоны из Москвы», «Как хлеб насущный», «Огни Красной Пресни», «Звездочка»... В них Володя выступал как пламенный партийный публицист с широким кругозором, глубоко знающий Ленина, свободно владеющий богатым историческим материалом. Он рассказывал об эпохальных завоеваниях Октября, о дружбе советских народов, о международном значении наших побед.

Работая на главных ударных рубежах «Правды», Чачин рос как публицист, как мыслитель. Росло и его журналистское мастерство.

Вот начало его очерка «Звездочка»:

«Мудрая природа собрала воедино белозубые улыбки, сердечное гостеприимство с обязательным чаем и запахи свежих дынь даже в январе. Это место люди назвали мягким ласковым словом — Ташкент».

Сколько писателей, поэтов воспевали этот чудесный город! Кажется, что еще можно сказать о нем? А Володя нашел свой необычайно лиричный, точный, поистине писательский образ. Да, в «Правде» палитра художественных средств Чачина становилась богаче, разнообразнее, он все глубже проникал своим пытливым искательским глазом в суть явлений. И вместе с тем его очерк по-прежнему оставался «чачинским»: живым, динамичным, увлекательным, населенным славными, хорошими людьми — друзьями Володи.

Сейчас, пожалуй, время сказать в этих записках несколько слов уже не о Чачине-журналисте, а о Чачине-писателе.

Член Союза советских писателей Владимир Чачин создал немало очерковых и публицистических книг. Они выходили в разных издательствах: «Навстречу солнцу», «О друзьях-товарищах», «Это вам, романтики», «Улыбка Ильича», «Та заводская проходная...», «Если сердце открыто людям», «О красоте душевной», «Хорошие люди рядом с тобой»...

Но лучшее произведение Владимира Чачина — это, бесспорно, трилогия «Король» с Арбата».

О чем эта книга?

Если коротко — о мальчишках с того самого арбатского двора, откуда щербатые ступеньки вели в душный подвал с двумя небольшими окнами. О том, как эти мальчишки учились в школе, дружили, иногда дрались, вступались за слабых, читали Гайдара, по десять раз бегали смотреть «Чапаева» и сами создали свой кинематограф «Плющихфильм». А когда началась война, эти мальчишки ушли воевать.

Далеко не всякий писатель способен написать книгу о своем детстве, о своей юности. Это вовсе не будет означать, что он плохой писатель, сухой, неулыбчивый человек. Напротив, возможно, он талантлив, одарен, увлекательный рассказчик, жизнелюб. Но чтобы писать о мальчишках, как это умел Чачин, надо на всю жизнь самому чуточку остаться мальчишкой. Трилогия «Король» с Арбата» написана спустя много лет после того, как политрук Григорий Иванович Бритиков, в мирные дни директор Московской киностудии имени Горького, вынес на руках с поля боя бойца комсомольского добровольческого батальона Владимира Чачина. Но когда я читал «Короля», то не мог избавиться от впечатления, что эту книжку написал мальчишка шестнадцати-семнадцати лет. С каждой страницы на меня глядели ясные, широко открытые в мир глаза паренька, только что ушедшего из детства, не утратившего первозданную свежесть чувств, новизны ощущений, веры в добро, в искренность дружбы, первой любви...

Я думаю, в этой книжке неистребимый романтик Володя вместе со своими героями — Женькой Кораблевым, Лариской, Нонкой, Левой Гоцем, Мишкой, Бахилей — заново переживал свою юность, зачеркнутую войной. Юность, в которой он не знал ни танцевальных веранд, ни молодежных кафе, ни загородных прогулок с рюкза-

ком и гитарой, ни робких поцелуев у девичьей калитки. Так же как и его сверстникам — ребятам с двадцать третьего года, выпала ему на долю другая юность, о которой он писал в своем «Короле»:

«Дана команда копать окопы в полный рост.

Белоруссию мы уже вскопали. Теперь копаем смоленскую землю.

Женька часто откладывает лопату, прищуривается и говорит, что болотистую почву трудно передать кистью на полотне: нет ярких красок. Одно уныние. Тоска...

Сейчас около нас суетятся в зеленых фуражках растерянные, виноватые и донельзя оборванные пограничники. Сперва попросят табачку, а потом помогают копать. У них в разговоре часто слышится одно слово — «застава».

Немцы выбили нас из маленькой деревушки и почему-то дальше не пошли. Мы взялись за лопаты. Окапываемся.

Сейчас немцы молчат. Нам тревожно...»

Рядом с Чачиным-журналистом и Чачиным-писателем существовал еще один Чачин — Чачин-сценарист. Давным-давно, еще в «Комсомолке», он увлекся документальным кино. Ему очень хотелось вывести на экран своих любимых героев, показать их крупным планом. Володя тщательно собирал материал, писал и переделывал сценарии, спорил на художественных советах, пропадал на съемках. Но уже документальное кино обгонял его могучий соперник — сторукое, стоголосое и всевидящее телевидение с его программой «Время», «Клубом кинопутешествий», «Международной панорамой».

Боюсь, что увлечение Чачина документальным кино стоило ему и нам по крайней мере еще одной такой прекрасной книжки, как «Король» с Арбата». Впрочем, это мое суждение сугубо субъективно, как субъективны все эти заметки...

«Гвардии Чачин» — так в шутку представлялся Володя.

А для нас он был и остается гвардии рядовым первой гвардейской дивизии, гвардии старшиной Черноморского флота, гвардии правофланговым нашей партийной публицистики.

1981

ВАЛЕНТИН ПРОХОРОВ

Чтобы стать писателем, гласят хрестоматийные истины, надо пройти хорошую жизненную школу. Писатель — это понятно. А что такое жизненная школа, где ее проходить?

Ссылаются на опыт маститых. Один из них в молодые годы увлекался классической борьбой, выходил победителем в состязаниях по русским шашкам, самостоятельно выучил международный язык эсперанто, плавал шкипером на самоходной барже, заведовал учебно-опытным хозяйством совхоза, был экскурсоводом на выставке санитарного плаката и так далее. Другой — прежде чем взяться за перо, работал почтальоном, библиотекарем, мастером взрывных работ, воспитателем детского сада, клубным киномехаником, добытчиком таежного зверя, начальником метеостанции. И все это, как справедливо отмечает критика, помогло и тому и другому окунуться в самую гущу народной жизни, накопить бесценный жизненный материал для своих будущих статей, рассказов, очерков, книг.

Ну, а если жить в одном городе и работать на одном заводе, не объезжая дальние и ближние края и не менять десяток профессий, то лучше это или хуже с точки зрения накопления все того же жизненного материала? Иными словами, что делать, когда муза дальних странствий и тяга к перемене мест обходят тебя стороной? Дерзать? Писать?

Писать, оказывается, можно. Один молодой человек никогда не работал железнодорожным сторожем, судебным следователем, рыбаком. А вот, едва закончив медицинский факультет, напечатал в «Петербургской газете» рассказ «Злоумышленник», которым уже целое столетие восхищаются благодарные читатели. Дело, выходит, не столько в обстоятельствах, которые окружают человека, сколько в самом человеке.

Меня могут спросить: к чему я, собственно, клоню? Отвечу. Я постарался начать издалека, чтобы в дальнейшем было удобнее подступиться к выполнению поставленной передо мною задачи: рассказать о Валентине Федоровиче Прохорове и его творчестве.

Валентин Федорович в журналистике человек не новый и в литературе далеко не новичок. Его фельетоны и юмористические рассказы давно заметили и полюбили читатели «Правды», «Крокодила», «Литгазеты», других изданий. Он лауреат премии Союза журналистов СССР. В трудах и фельетонных заботах Валентин Прохоров недавно отметил свое пятидесятилетие. И надо сказать, что первые полвека его жизни (вспомните, пожалуйста, начало моего очерка.— **И. Ш.**) в общем-то протекали в спокойном и размеренном русле. В боевых операциях Валентин Прохоров не участвовал и за станком эвакуированного в тайгу оборонного завода не стоял: в годы войны был учеником младших классов. И после войны ничего особенного с ним не происходило. На Чукотку промышлять котика он не ходил и по морям-океанам не плавал. До поры до времени он и по суше-то передвигался лишь на короткие расстояния.

Здесь уместно будет напомнить, что Валентин Прохоров родился в 1931 году в Пермской области, откуда до Свердловска было рукой подать. Чем, собственно, он и воспользовался, спустя восемнадцать лет. Переходя с курса на курс, студент Уральского университета Прохоров упорно готовился к своей первой в жизни и, теперь уже смело можно сказать, единственной профессии—профессии журналиста.

Его нынешним коллегам по сатирическому цеху в студенческие годы посчастливилось слушать лекции Давида Иосифовича Заславского, проходить практику у Ивана Афанасьевича Рябова, заниматься в учебном семинаре Семена Давыдовича Нариньяни и в своих первых стажерских командировках баловаться чайком, заваренным самим Алексеем Ивановичем Колосовым в его всесоюзно знаменитом чайнике. А Валентину Прохорову так и не довелось даже познакомиться с этими корифеями журналистики, о чем он всегда жалел. Потому что сатиру, юмор любил. Еще со школьной скамьи восхищался Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Михаилом Кольцовым, зачитывался романами Ильфа и Петрова. Но, даже твердо решив стать работником печати, и в мыслях не мог представить, что будет фельетонистом. Ему казалось, что фельетонные горшки обжигают полубоги, восседающие если не на самой вершине газетного Олимпа, то в непосредственной близости от нее.

Иные однокашники Валентина Прохорова стремились попасть в центральные издания или на худой конец закрепиться в областных редакциях. Вот почему они с улыбкой недоумения и сочувствия встретили весть о том, что на государственной комиссии по распределению он согласился пойти работать в заводскую многотиражку «За тяжелое машиностроение».

— Вот ведь не повезло человеку!

А Валентину между тем здорово повезло, он поступил верно; большая пресса — малоподходящее место для овладения азами самостоятельной газетной работы. Вспомним, что ни один генерал не приходил сразу на генеральскую должность. И наши генералы от журналистики: Борис Полевой, Юрий Жуков, Леонид Кудреватых, Борис Стрельников, Владимир Чачин начинали свою газетную жизнь вдалеке от редакционного подъезда «Правды».

Итак, Валентин Прохоров стал работать на заводе. И не на обычном заводе. Дело в том, что многотиражка «За тяжелое машиностроение» выходила на Уралмаше. И вот здесь, в коллективе прославленных на всю страну машиностроителей, молодой журналист делал свои первые шаги, набирался опыта, знаний. Да, это была настоящая школа жизни. Встречи с рабочими, мастерами, инженерами, производственные планерки, летучие собрания. Темы рождались прямо в заводских цехах, у станка, в бригадах, в ночных сменах. В небольшой многотиражке нельзя было ни минуты сидеть сложа руки, надеясь, что необходимую работу сделает кто-нибудь другой. Газета требовала пищи каждый день. И каждый день надо было обрабатывать заметки рабочих корреспондентов, писать репортажи, статьи, корреспонденции, давать подписи под фотографиями передовиков. Писать надо было быстро, в номер. Коротко, точно и правдиво. Ведь между журналистом и читателем не было той дистанции, которая существует в областных, центральных газетах. Тут даже не захочешь, а встретишься с героем своих произведений трижды на день: в проходной, у станка, в столовой. И если что написано не так, ведь он молчать не будет.

А писать приходилось не только о хорошем, но и о плохом: об отстающих бригадах, о несработанности служб, о сбившихся с ритма участках. К тому же и в здоровом коллективе встречались люди недостойные: лодыри, прогульщики, пьяницы.

Фельетон — это, пожалуй, самый трудный, самый ответственный жанр, требующий от журналиста высшего мастерства. Мне кажется, что к фельетону журналисты приходят разным путем. Одни, одаренные от природы юмором, весельем, умением развлечь окружающих, убеждаются, что негативные факты представляют наилучшую возможность блеснуть своим остроумием, эрудицией, поиграть словечком, посмешить, потешить публику. Фельетоны у них порою получаются яркими, звонкими, но, увы, всегда легковесными, поверхностными. У других журналистов исходной точкой будущего фельетона является тревожный факт, с которым они столкнулись: пустозвонство должностного лица, за которым не видно дела, халатное отношение к своим обязанностям, обман государства, очковтирательство, приписки, дурные поступки людей в семье, в товарищеском кругу. Эти журналисты обращаются к сатире как к наиболее действенному оружию, с помощью которого можно победить порок. У этих товарищей фельетоны — плод долгих раздумий, наблюдений, кропотливого, аналитического изучения материала. В них — государственная постановка вопроса, глубокая заинтересованность в действенности выступления.

Я думаю, что Валентин Прохоров шел к своему фельетону именно таким путем. Конечно, в заводской многотиражке никак нельзя заниматься только фельетонами. Их приходилось писать урывками, в свободный час. Уже первый фельетон В. Прохорова «Родная кровинка» — об одном зазнавшемся инженере — обратил на себя внимание читателей. За ним появился второй фельетон, третий...

Нужно ли говорить, что начинающему фельетонисту как воздух нужны помощь, поддержка, совет старшего товарища. К счастью, в редакции многотиражки в те годы работал опытный журналист Валентин Адский, писавший когда-то под знаменитым на заводе псевдонимом «Максим Зубастый». Он благосклонно поддержал первые шаги Прохорова на фельетонной стезе. Учил, подсказывал, разбирал. Стоит сказать, что Адского-Зубастого хорошо знали Борис Полевой, Иван Рябов.

За первыми фельетонными успехами у Валентина Прохорова начались первые фельетонные осложнения. «Герои» одной публикации пожаловались на автора в обком.

— Уж если твои опровергатели обратились в столь высокий орган,— улыбнулся Валентин Адский, ободряя своего молодого тезку,— значит, ты точно попал в цель и становишься настоящим фельетонистом.

Но до «настоящего» было еще далеко. Лишь через три года Валентина Прохорова заметили в областной газете и пригласили туда работать. Но не фельетонистом, а в отдел промышленности. Здесь ему поручили заниматься машиностроением, металлургией. Он ездил в командировки, бывал на заводах Нижнего Тагила, Североуральска, Краснотурьинска, Алапаевска, Свердловска, с особой радостью переступал порог родного «Уралмаша», много писал. Но лучше всего у Валентина получались по-прежнему фельетоны. Это видели товарищи, видел редактор «Уральского рабочего» И. С. Гагарин. Он по-отечески отнесся к молодому сотруднику, предлагал темы, читал рукописи еще до набора, часто удары опровергателей брал на себя. Однако прошло еще четыре года, прежде чем редакция изыскала ставку и позволила себе роскошь завести свободного ото всех других забот фельетониста.

Забот между тем у Валентина Федоровича прибавилось. Одно дело — писать фельетоны, которых никто не мог требовать, в порядке «хобби», по настроению, по мере накопления материала. И совсем другое — постоянно и планомерно питать газету сатирическими вещами. Во вторник, будь любезен, дай на вторую полосу острую заметку на злобу дня, в четверг — зашли в набор традиционную подборку «И в шутку, и всерьез...», в воскресенье — вынь да положь фельетон на морально-этическую тему...

А ведь фельетон не сразу идет в руки, он требует тщательной проверки, поиска нужных документов, консультаций со знающими людьми, долгих и малоприятных разговоров с будущими «героями». Бывает, что уже весь материал собран, остается сесть за письменный стол, взять ручку и вдруг захлопываешь рабочую папку: в последний момент приходишь к выводу, что фельетона нет, писать и печатать его не нужно. И все начинается сначала: поиск темы, командировка, разбор фактов, событий. Ничего не поделаешь, раз уж взялся за гуж, назвался фельетонистом...

Мне остается рассказать о следующем этапе в жизни и творчестве Валентина Прохорова, который начался семнадцать лет назад с момента приглашения его в «Правду». Переход талантливого журналиста областной газеты в центральный орган вполне закономерен, но эта закономерность согласно нашим материалистическим философским воззрениям проявилась через случайность. Отыскать Валентина Федоровича среди других фельетонистов периферийной прессы нам помогла «Мосгорсправка». Наш отдел вот уже долгие годы находится в договорных отношениях с отделом газетных вырезок «Мосгорсправки». Нам присылают вырезки всех фельетонов, которые публикуются в городских, областных, краевых, республиканских и центральных газетах, а мы оплачиваем эти услуги. Как-то ныне покойный заместитель редактора «Правды» по отделу фельетонов Александр Николаевич Ремезов пришел ко мне и разложил на столе вырезки нескольких фельетонов из «Уральского рабочего», подписанные: «В. Прохоров».

— Прочитайте,— сказал Ремезов,— и вы убедитесь, что это именно тот фельетонист, которого мы ищем.

Валентина Федоровича попросили написать фельетон специально для «Правды». Затем еще другой, третий. И судьба Прохорова была решена. Правда, нам чуть было не испортил всю песню редактор «Уральского рабочего» И. С. Гагарин:

— Ни за что не отпущу Валентина... Лучший журналист... Кто же будет у нас писать фельетоны?

Но тут мы неожиданно обрели союзников в лице некоторых областных работников. Им вовсе было не резон держать под боком фельетониста, который то и дело критикует их в «Правде». И Валентин Федорович вместе с чадами и домочадцами перебрался в Москву...

Мне здесь не придется особенно подробно разбирать фельетоны В. Прохорова, напечатанные в «Правде», они издаются и переиздаются в его книгах. Ограничусь несколькими, на мой взгляд, существенными замечаниями.

Одно время в поэзии бытовало мнение, что лишь тот является настоящим поэтом, кто работает «под Маяковского»: пишет «лесенкой» — каждое слово с новой строки. Настоящих поэтов из этих подражателей получилось не так уж много. Зато появилось, как того страстно же-

лал сам Маяковский, много поэтов хороших и разных. И они-то, достойные ученики Маяковского, и составляют гордость нашей поэзии.

Многие современные фельетонисты тоже переболели болезнью подражательства. Уж очень им хотелось писать короткой строкой Власа Дорошевича, искрометной, по-южному экспансивной и темпераментной фразой Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Что ж, то были большие мастера, у которых многому можно поучиться и которых нужно хорошо знать. Но ведь копия всегда хуже оригинала. А когда она лучше, то перестает быть копией, превращаясь в оригинал.

К счастью, сейчас модно писать своим почерком, своей фразой. И Валентин Прохоров следует этой хорошей моде. Он не пользуется захватанными чужими руками словами, поэтому каждая его фраза свежа, оригинальна Начало его фельетонов неожиданно, концовка непредугадаема, мораль ненавязчива, но весома. Добавим, что любая тема, будь то охрана наших богатств или приписки к отчетам, решается автором глубоко, комплексно, масштабно, и мы получим хорошо знакомый нам фельетон Валентина Прохорова.

Остается сказать, что, придя в «Правду», он вовсе не остался домоседом. Валентин Федорович с лихвой наверстал упущенное, побывал на Курилах и Камчатке, в Молдавии и Казахстане, в Латвии и Армении, в уссурийской тайге и на Амуре. Он плавал на рыболовных сейнерах и на пограничных катерах, участвовал в охоте на таежного зверя и в состязаниях оленьих упряжек на Таймыре, ловил браконьеров в Кавказском заповеднике и на берегах Волги. И написал много острых фельетонов в защиту родной природы.

Правда, язык эсперанто он так и не выучил...

1982

АГАБАБА РЗАЕВ

Обстоятельства сложились так, что, прежде чем подписаться под первой газетной заметкой, Агабаба Рзаев оставил свою подпись на стенах поверженного рейхстага.

Эту подпись я увидел спустя много лет в Центральном музее Вооруженных Сил СССР на старой военной фотографии: «Я из Баку. А. Рзаев».

Рядом расписались другие солдаты-победители, пришедшие в Берлин из Москвы и Киева, Иркутска и Одессы, Воронежа и Сталинграда. Собственно, подпись Рзаева ничем не выделялась среди остальных, и фамилия бакинца наверняка стерлась бы из моей памяти, если б около меня не остановилось двое мужчин.

— Смотри, а ведь этот Рзаев был у нас командиром отделения, — сказал один другому, показывая на подпись. — А до войны он работал в газете.

На редакционных вечерах, посвященных Победе, по достоинству чествуют бывших армейских газетчиков, военных корреспондентов. Но в наших сегодняшних редакциях работают не только бывшие фронтовые журналисты. Вместе с ними трудятся бывшие пехотинцы, летчики, артиллеристы. О них вспоминают меньше, хотя, наверное, подбить вражеский танк было ничуть не проще, чем написать хороший репортаж об отличившемся гранатометчике.

Вот почему, когда я услышал, что работник газеты на войне командовал отделением, дошел до Берлина и расписался на стенах рейхстага, я обратился к этим двум посетителям и спросил:

— А что сталось с вашим знакомым?

— Он вернулся в Баку и снова стал работать в газете подчитчиком. Но потом связь оборвалась. Звали его Агабаба...

Другими сведениями о Рзаеве мои собеседники не располагали. Я сделал пометку в блокноте, решив при случае обязательно поинтересоваться судьбой сержанта-подчитчика.

Случай представился не сразу. Лишь через несколько лет я приехал в Азербайджан по своим редакционным делам. и, когда уже собирался домой, отыскал запись в своем старом блокноте.

Вопреки ожиданиям поиски героя войны заняли у меня совсем немного времени. Я позвонил одному своему старому товарищу-писателю и узнал, что в Баку уже давно нет подчитчика Агабабы Рзаева, а есть редактор Агабаба Самедович Рзаев, возглавляющий республиканскую партийную газету «Коммунист».

В тот же день я постучался в кабинет редактора. Навстречу мне поднялся плотный человек с побелевшими висками, по-военному подтянутый, с острым внимательным взглядом и открытым лицом, располагающим к дружбе.

Конечно, он рад и знакомству и гостю. Совсем было бы неплохо посидеть под чинарой с пиалой чая, вспомнить старое, пережитое. Так ведь вот, дела. Из номера пришлось снять передовую. Новую сел писать научный обозреватель, с минуты на минуту принесет. АзТАГ предупредил, что будет передан официальный материал. Да и потом все это как-то странно, необычно. Тридцать с лишним лет писал и печатал про других. И вдруг теперь самому давать интервью...

— У меня к вам всего три вопроса,—попытался я успокоить Агабабу Самедовича.—Всего три. Как вы стали подчитчиком? Как вы стали сержантом? Как вы стали редактором? Вот, собственно, и все.

— Ничего себе три вопроса,—улыбнулся Рзаев.—В них вся жизнь...

До войны Агабаба Рзаев, сын рабочего-нефтяника, учился на химическом факультете университета. Учиться было непросто: семья большая, а средств не очень-то много. Кто-то посоветовал Агабабе устроиться подчитчиком.

— Парень ты грамотный, а в редакциях нужны люди. К тому же работа вечерняя, учебе не помешает.

Думал ли тогда юноша, что не химические соединения, а вот эти пахнущие краской липкие гранки станут спутником всей его жизни? Конечно, нет. Работу в корректорской он рассматривал как средство заработать на хлеб.

Между тем хлеб доставался тяжело. Газета выходила поздно, под самое утро, и Агабаба, невыспавшийся, разбитый, с воспаленными глазами, приходил в аудиторию. Однажды с ним случился грех. Он задремал на лекции. Профессор, видный ученый, имевший массу трудов и заслуг, был весьма обескуражен, что у него на лекции спит студент.

— Когда я учился за границей,—сказал профессор,—то в таких пикантных ситуациях мы начинали шаркать ногами до тех самых пор, пока наш товарищ не проснется.

Студенты поняли намек лектора и дружно зашумели. Агабаба проснулся.

После лекции он разыскал профессора.

— Я должен извиниться,—начал было Агабаба.

— Нет, это я должен извиниться перед вами,—перебил его профессор.—Только что приходили ваши товарищи и сказали, что вы работаете по ночам. Учиться и одновременно работать—это заслуживает высшего уважения. Я думаю, что с таким упорством вы станете большим ученым.

Но ученым он не стал. Помешала война. С третьего курса университета комсомолец Рзаев ушел добровольцем в армию. Он стал минером.

Люди этой профессии осторожно шагают по обочинам фронтовых дорог со щупами и миноискателями, первыми заходят в только что покинутые врагом деревни, осматривают дома, колодцы, огороды. А потом на стенах зданий и на перекрестках улиц появляются крупные надписи: «Проверено. Мин нет». И тогда на перепаханные снарядами поля и в разбитые кварталы возвращается жизнь.

«Минер ошибается только один раз»—гласит старая военная мудрость. Справедливость этих слов знал каждый на войне, в том числе сами минеры. Четыре года сержант Рзаев вел заочное состязание с гитлеровцами не на жизнь, а на смерть. Они прятали мины, а Агабаба их находил.

На Висле отделение Рзаева получило приказ подготовить во вражеских минных полях проходы для наших танков. За образцовое выполнение этого задания сержант получил свой первый боевой орден. Навсегда запомнил Агабаба солнечную полянку уже на том, правом берегу и короткое собрание коммунистов роты, которое приняло его в партию.

...Войну Агабаба закончил в Берлине. Он подвел свой боевой итог, расписавшись на рейхстаге. Восемь тысяч мин прошли через руки сержанта Рзаева, последние из них уже здесь, в Берлине. И на последних щитах были сделаны надписи не только на русском языке, но и на немецком. Сержант сообщал измученным войной берлинцам, что они могут спокойно возвращаться к своим жилищам.

Пора было возвращаться домой и минеру Рзаеву. В конце сорок пятого приехал он в Баку и в солдатской

шинели со споротыми погонами появился в редакции «Коммуниста».

Но Агабабу не взяли на прежнее место подчитчиком.

— В вашей армейской характеристике сказано, что вы редактировали ротный «Боевой листок» и он был признан лучшим во всей бригаде. Это верно? — спросил его ответственный секретарь.

— Да, верно, — ответил Агабаба. — Но там писали совсем не так, как в больших газетах, — коротко и просто. В последнем моем «Боевом листке» было всего два слова: «Даешь Берлин!»

— Ничего, ничего вы человек бывалый, — сказал ответственный секретарь. — Много повидали, вам есть о чем рассказать людям. Берите-ка в руки карандаш...

Агабабу зачислили литсотрудником. Он не возражал, хотя становиться журналистом еще не собирался. «Учебный год все равно уже начался, поработаю до осени, а там пойду в университет», — решил сержант запаса.

Но газетная работа захватила всего без остатка с самого первого дня, с самой первой заметки. Страна возвращалась к мирной жизни. На стройки, промыслы, поля приходили люди в солдатских шинелях. Их мысли и чувства были понятны Рзаеву, поэтому его статьи и зарисовки о бывших фронтовиках получались особенно впечатляющими.

Молодой журналист неделями пропадал на промыслах. Потомственный нефтяник, он хорошо знал этот труд. Как-то ночью Агабаба вместе с товарищами в кабинете ведущего номер придумывал ударный аншлаг для первой полосы. «Баку шагает в море!» — таков был итог ночных исканий. Это был исторический номер, он рассказывал о начале морской добычи нефти.

Но новости в газету приходили не только с моря. В Азербайджане создавались новые отрасли индустрии, разворачивалось строительство Мингечаурской ГЭС, десятков крупных промышленных предприятий. На полях республики, колыхаясь на ветру своими белыми коробочками, росла новая культура — хлопок.

В славных делах мужали люди. И вместе с ними на строительных площадках, в цехах, на колхозных делянках проходили настоящую школу жизни молодые азербайджанские журналисты, сверстники и товарищи Агабабы Рзаева...

В кабинет редактора вбежал молодой человек с рукописью в руках.

— Передовая готова, Агабаба Самедович,—радостно сообщил он.

Появление автора передовой вернуло нас из мира далеких воспоминаний в сегодняшний день. Редактор склонился над рукописью. Его карандаш заскользил по тексту.

— Вот на этого ученого,—Рзаев прочел вслух фамилию,—вы напустились зря. Жизнь показывает правоту его суждений. А если бы мы его обругали, да еще в передовой, был бы скандал.

Я вспомнил наши военные разговоры и спросил:

— Наверное, редактор так же, как и минер, ошибается только один раз?

Агабаба Самедович рассмеялся.

— Нет, прямой аналогии тут не проведешь. Мы имеем дело все-таки не с взрывчаткой и не с железом. Но наше газетное ремесло требует большей внимательности, чуткости, доброжелательности. Ведь мы пишем о человеке, о его работе, радостях, печалях, обо всем, что его волнует, чем он живет...

У Агабабы Самедовича Рзаева есть бесспорные преимущества перед многими другими редакторами. Во-первых, он возглавляет газету, в которую когда-то пришел на самую маленькую и скромную должность. Подчитчик—литсотрудник — спецкор — выпускающий — заместитель ответственного секретаря — ответственный секретарь—заместитель редактора—редактор—таков путь журналиста Рзаева. Конечно, будущему редактору вовсе не обязательно начинать свою журналистскую деятельность с корректорской или с курьерской. Но не подлежит сомнению и то, что редактору, прошедшему все ступеньки трудной газетной лестницы, работается проще, лучше, увереннее. Рзаев хорошо знает, что такое вычитка оригинала, ему знакомы муки поиска нужного слова, которые испытывает очеркист, он прекрасно ориентируется в газетных шрифтах, колонках, заголовочных кеглях, и, чтобы ночью переверстать полосу, ему вовсе не требуется вызывать в типографию дежурного по секретариату.

И во-вторых, став редактором, Агабаба Рзаев остался пишущим человеком.

Впрочем, некоторые считают, что редактору лучше не

писать. Один из приверженцев этой точки зрения для убедительности сослался на футбол.

— Самые главные люди на поле,— доказывал он,— это, конечно, футбольные судьи. В прошлом они, как правило, сами были нападающими, защитниками или вратарями. Но как только им доверили свисток, сами уже не играют. Ибо, играя, они будут совершать те же проступки, за которые должны наказывать других. Чтобы быть объективным, надо быть нейтральным. Редактор — это тот же судья. Ему надо критиковать автора передовой за скудность мысли, а его собственная передовая была ничуть не лучше. Очерк спецкора откровенно слаб, но редактор не может его снять с полосы, потому что его собственный очерк, который он напечатал вчера, был еще слабее. Видите, в каком положении рискует оказаться редактор, когда он берется за перо.

Мне думается, что здесь нет предмета для серьезного спора. В щекотливом положении оказывается лишь тот редактор, который пишет плохо. Ему действительно не стоит писать. А если редактор пишет хорошо, то ни в какое ложное положение он не попадет. Агабаба Рзаев — прекрасный публицист. На его работах, которые отличает широта взгляда, ясность изложения, глубина мысли, учатся молодые журналисты.

Публицистический очерк А. Рзаева «Свет» был удостоен высшей журналистской награды в республике — премии «Золотое перо».

Другой его очерк — «Листки в старом блокноте» — о поездке в ГДР. Нет, это не беглые путевые заметки, чем грешат многие публикации журналистов, проехавших туристами по разным странам. Здесь чувства и мысли старого солдата, спустя треть века побывавшего в тех местах, где ему довелось воевать, и теперь увидевшего обновленную, счастливую, свободную землю.

Агабаба Рзаев свободно пишет и на азербайджанском и на русском языках. Он желанный автор на страницах центральной печати. Очерк «Из глубины сердца» был напечатан в «Правде». В нем говорится о любви азербайджанского народа к Ленину.

«Свадьба без невесты» — так назывался очерк, опубликованный в «Комсомольской правде» и вызвавший широкий читательский резонанс. Автор писал о новой, радостной судьбе девушки-азербайджанки и о том гнилом,

заплесневелом, старом, что порой еще омрачает ее жизнь.

«Отжившие традиции, — пишет Рзаев, — чем-то напоминают мне серые, приземистые и безнадежно дряхлые пристройки рядом с дворцом, где все — гармония и совершенство... Критически относиться к обычаям — это добрая традиция народа, подкрепленная авторитетом его лучших сынов... И надо откровенно признаться, нынешним нашим пропагандистам, ученым, публицистам зачастую не хватает страстности, открытого вызова злу, умения найти слова, убеждающие в тысячу раз сильнее, чем верные, но бесстрастные, взятые напрокат расхожие истины».

Страстность, горячая защита нового, открытый вызов злу отличают журналистские работы Агабабы Рзаева.

Я сижу на летучке, на планерках, знакомлюсь с работой отделов и исподволь интересуюсь, какого мнения люди о своем редакторе.

«Он глубоко партийный человек, к тому же до самозабвения влюблен в газету» — записал я слова одного товарища.

Другой мне сказал:

«Он никогда не важничает, не подчеркивает своего служебного положения. В этом и нет нужды. Редактор — самый опытный журналист в коллективе. Его суждения всегда точны, аргументированны, справедливы».

Еще высказывания сотрудников:

«Главным достоинством нашего редактора является бережное отношение к материалу, тонкая, умелая правка, уважение к пишущему человеку».

«Он прекрасно знает любой винтик сложного редакционного механизма».

«Двери редакторского кабинета всегда открыты. Не каждый, конечно, может быть уверен, что его предложение будет принято. Но каждый знает, что его выслушают самым внимательным образом».

Я читаю эти записи, берусь за перо и снова перечитываю их. Трудно все-таки писать о руководителе большой республиканской газеты. Что выделить в его деятельности: опыт проведения больших газетных кампаний, связи с авторским активом, умение сосредоточить силы коллектива на ведущих направлениях, работу с молодыми? И есть ли главный критерий, с помощью которого можно

определить степень редакторской зрелости и мудрости? Такой критерий, разумеется, есть. Это газетный лист. Он, и только он дает самую полную и самую точную характеристику своему редактору.

Газета азербайджанских коммунистов идет в гору, она нравится читателям. Ее тираж все время увеличивается.

Газета награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Неоднократно «Правда» отмечала удачные выступления «Коммуниста».

Это прежде всего юбилейный номер, посвященный добровольному вхождению Азербайджана в состав России. С умной журналистской выдумкой, изобретательностью и мастерством был исполнен другой целевой номер — «На сороковой параллели». Газета рассказала о счастливой жизни бакинцев и о печальной участи трудящихся капиталистических городов, расположенных на одной параллели со столицей Азербайджана. В своих обзорах «Правда» поддержала поход за культуру села, начатый на страницах «Коммуниста», газетную рубрику «Традиции и обычаи», дискуссию о деловых и моральных качествах руководителя коллектива.

Без писем читателей нет газеты. Рабочий день редактора Рзаева начинается с чтения писем. Как-то в папке свежей почты Агабаба Самедович нашел письмо инструктора Нахичеванского райкома партии. Молодой партийный работник делился своими заботами и тревогами, он искал ответа, как организовать свой труд, уплотнить время.

— Надо напечатать это письмо, — решил редактор. — Попробуем ответить ему коллективно.

Один за другим пошли отклики от сельских коммунистов, секретарей партийных организаций колхозов и совхозов, работников райкомов. Так возникла в газете постоянная рубрика «Инструктор и первичная партийная организация».

Другая популярная рубрика, «За круглым столом», также была подсказана почтой. Как-то на «часе интересного письма» (общередакционное совещание, где обсуждаются самые значительные письма) Агабаба Самедович предложил взять все критические письма из одного района, выехать на место, разобраться, а потом собрать за одним столом их авторов и руководителей учреждений, вызвавших нарекания трудящихся. Такие встречи

уже состоялись в Сумгаите, в Мамаллинском и Лерикском районах. Газета поместила подробные отчеты об этих встречах за «круглым столом».

По характеру газетных страниц можно, пожалуй, без особого труда определить и характер редактора. Подшивка «Коммуниста» наглядно убеждает, что у его редактора острый взгляд и по-хорошему беспокойный характер. Агабабу Самедовича волнуют недостатки в капитальном строительстве и низкое качество выпечки хлеба в некоторых городских пекарнях, семейственность в научно-исследовательском институте и сокращение каштановых плантаций (а какой же это азербайджанский плов без каштана?)... Вот почему острые критические выступления газеты находят большой отклик и поддержку.

У Агабабы Рзаева много хороших помощников. Большинство в коллективе молодежь, начавшая работу уже при нынешнем редакторе. Есть прекрасные очеркисты, фельетонисты, публицисты, театральные рецензенты, кинокритики, спортивные репортеры...

Ну, а кто же сидит на том самом месте подчитчика, которое много лет назад, еще до войны, занимал Агабаба Рзаев? Ведь без подчитчика так же, как и без редактора, газета выходить не может. Сейчас на этом посту трудится молодой человек Гейбулла Гусейнов. Так же, как и некогда Агабаба Рзаев, он вечерами вычитывает корректуру, а по утрам учится. Гейбулла — студент третьего курса педагогического института имени Ахундова. Конечно, сейчас никто не может предсказать, станет ли он редактором. Но то, что он будет настоящим человеком, сказать можно наверняка. Ведь у него перед глазами достойный пример — пример коммуниста Рзаева — солдата и журналиста.

1971

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКУНДЫ ДЛИННЕЕ ГОДОВ

ЧУТКОСТЬ ПО АЛФАВИТУ

КОНЦЕРТ БЕЗ ФОРТЕПЬЯНО

ДОРОГА В РАЙ И ОБРАТНО

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

МОИ УЧИТЕЛЯ, МОИ ТОВАРИЩИ

Илья Миронович Шатуновский

НАРЦИСС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Редактор
Л. М. Кроткова

Оформление художников
В. А Плотнова
А. М. Яснинского

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
Л. С. Алексеева

Сдано в набор 20.01.83. Подписано к печати 05.05.83.
Б 00039. Формат 84X108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Новогазетная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 26,84.
Тираж 100 000 (40 001—100 000) экз.
Цена 1 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865. ГСП Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Курская правда»,
г. Курск, ул. Энгельса, 109.
Заказ № 3736.

